

МИР
ЛИТЕРАТУРНЫХ
ГЕРОЕВ

Коллекция
«Фантастика»

Об авторе

Автор множества философско-сатирических рассказов и нескольких романов, Роберт Шекли (1928—2005) с детства зачитывался рассказами Брэдли и Каттнера. Испытав тяготы армейской службы в Корее и закончив университет, Шекли устроился на металлургический завод, но мечтал о литературном творчестве. Он даже прослушал курс у самого Ирвина Шоу. Первые же опыты Шекли были благожелательно встречены издателями НФ-журналов, и он с радостью бросил работу на заводе.

Разносторонность Шекли поражала. В начале писательской карьеры он выпустил за несколько лет сотни произведений, писал эпизоды для телесериала, новеллы для радио, фантастические детективы. А будучи уже в преклонном возрасте, работал над сценарием компьютерной игры...

Среди многочисленных авторских сборников рассказов Шекли выделяются «Не тронута рукой человека» (забавно, но в СССР этот сборник почему-то назывался «Где не ступала нога человека»), «Гражданин в космосе», «Паломничество на Землю», «Идеи не ограничены», «Аовушка для людей». Киношники с удовольствием экранизировали его рассказы («Побег с Адского острова», «Цена риска» и другие). Самая известная из экранизаций — это фильм «Десятая

жертва» (*La Decima Vittima*), снятый в 1965 году по отличному рассказу «Седьмая жертва» с Марчелло Мастоияни в главной роли.

Сюжетная изобретательность, юмор, точность социальных характеристик Шекли напоминают творческую манеру О'Генри. Его стихия — безжалостное высмеивание стереотипов. Его приемы — сатира, парадоксы, метафоры. Его конек — неожиданные, абсурдные концовки и самоирония.

В СССР Шекли всегда был гораздо более любим и читаем, чем у себя на родине. Весной 2005 года 77-летний мастер отправился на фан-конвент «Портал», проходивший на Украине, и попал в больницу с инсультом. Он не имел медицинской страховки, и лечение оплатили поклонники его творчества. Роберт Шекли скончался 9 декабря того же года в США.

Паломничество на Землю

Элфред Саймон родился на Казанге IV — небольшой земледельческой плапетке неподалеку от Арктура; там он водил комбайн по пшеничным полям, а долгими тихими вечерами слушал записи любовных песен Земли.

Жилось на Казанге, пожалуй, неилохо, девушки там были милovidные, резвые, искренние и покладистые — хорошие спутницы для прогулки по холмам или купания в ручье, верные подруги жизни. Однако романтики в них не было! Очень приятны веселые, безыскусные развлечения на Казанге. Но только приятны — не более.

Саймон чувствовал, что в его размеренном существовании чего-то недостает. Однажды он понял, чего же именно.

Потрепанный космический корабль, груженный книгами, занес на Казангу странствующего торговца. Это был изможденный, седой, слегка помешанный человек. В его честь устроили торжество — ведь за пределами солнечной системы горячо радовались всякому новому знакомству.

Торговец выложил все свежие сплетни: и о войне цен между Детройтом II и Детройтом III, и во что обходится рыбалка на Алане, и как одета жена президента Морации, и до чего чудной говор на Доране V. И наконец кто-то попросил:

— Расскажи нам о Земле.

— Ага, — сказал торговец, подняв брови. — Хотите послушать о иланете-праматери? Так вот, друзья, нет другой такой иланеты, как старушка Земля, и ничто с ней не сравнится. На Земле, друзья, все возможно, там исполняются все желания...

— У каждого? — спросил Саймон.

— У них там есть закон против отказов, — с усмешкой разъяснил торговец. — Пока еще никто его не нарушал. На Земле все иначе, друзья. Вы, ребята, специализируетесь по сельскому хозяйству? Ну вот, а Земля специализируется по всяким излишествам — таким, как безумие, красота, война, опьянение, непорочность, ужасы и прочее. Ауди преодолевают световые годы, чтобы изведать эти блага.

— А любовь? — спросила какая-то женщина.

— Девушка, — мягко сказал торговец, — Земля — это единственное место во всей Галактике, где еще сохранилась любовь! На Детройтах II и III ее попробовали, но оказалось, что она непомерно дорога, а на Алане сочли, что она слишком выбивает из колеи, а импортировать ее на Морацию или Доран V еще не успели. Но, как я сказал, Земля специализировалась по излишествам, и они окупаются сторицей.

— Сторицей? — переспросил дородный фермер.

— Конечно! Земля уже стара, ее недра исчерпаны, а почва бесплодна. Колонии ее стали независимыми и заселены людьми с трезвой головой — вроде вас. Такие люди хотят получить полную цену за свой товар. На чем же еще может заработать Земля, как не на пустяках, благодаря которым жизнь обретает смысл?

— А ты-то был влюблен на Земле? — спросил Саймон.

— Уж чего-чего, — угрюмо ответил торговец. — Был когда-то влюблен, а теперь вот странствую. Друзья, эти книги...

За баснословные деньги Саймон купил древний сборник стихов и, читая, грезил о страсти под безумной лупой, о бледных лучах рассвета, ласкающих иссушенные губы любовников, о сумеречном берегу моря, где сплетенные тела упоены любовью и оглушены рокотом прибоя.

И это было возможно лишь на Земле. Ибо, как рассказывал торговец, разбросанные по Вселенной дети Земли слишком уж тяжело трудились, отвоевывая пропитание у враждебных миров. На Казанге росла пшеница и кукуруза, на Детройтах II и III множилось фабрики и заводы. О рыбных угодьях Аланы ходили легенды по всему Южному звездному поясу. На Морации водились опасные хищники, а на Доране V предстояло распахать целину. Это было прекрасно, как и должно быть.

Но все же новые миры оказались слишком суровыми и стерильными в своем совершенстве — слишком уж точно была там силанирована жизнь. Что-то было утрачено в мертвых просторах космического пространства. Только на Земле сохранилась любовь.

Поэтому Саймон работал, копил деньги и мечтал. На двадцать девятом году жизни он продал ферму, уложил чистые рубашки в прочный баул, надел свой лучший костюм, крепкие дорожные ботинки и подпоясав на борт ракеты «Казанга—Метрополня».

И наконец он прибыл на Землю, где мечты непременно сбываются, так как попытки воспрепятствовать этому караются законом.

Саймон быстро прошел таможенный досмотр в аэропорте Нью-Йорка, и подземка мигом доставила его на Таймс-сквер. Там он вышел на дневной свет и стоял ослепленный, крепко прижимая к себе баул, так как его уже страшили карманниками и прочими хищниками большого города.

Он огляделся по сторонам, и у него дух захватило от изумления.

Первое, что поразило его, была бесконечная вереница кинотеатров, где фильмы демонстрировались в двух, трех и четырех измерениях, по выбору зрителя. И какие фильмы!

Справа от него шатром навис рекламный щит:

«ПОХОТЬ НА ВЕНЕРЕ!

Документальный отчет
о сексуальной жизни обитателей зеленого ада!
Шокирует! Разоблачает!»

Он хотел войти, но на другой стороне улицы шел военный фильм. Афиша зазывала:

«УКРОТИТЕЛИ СОЛНЦ!

Посвящается сорвиголовам военно-космического флота!»

А рядом шла картина:

«ТАРЗАН
ПОБЕЖДАЕТ ВАМПИРОВ САТУРНА!»

«Тарзан, — смутно припомнил он читанное в книгах, — это герой древних народных сказаний Земли».

Все это было удивительно. А то ли еще ждало его впереди! Он видел лавчонки, где можно было полакомиться кушаньями всех миров, особенно национальными земными блюдами — пиццей, расстегаями, спагетти и кышами. Были магазины, где шла распродажа уцененной одежды с космических кораблей, и лавки, торгующие только напитками.

Саймон не знал, с чего начать. Внезапно он услышал отрывистую дробь пулеметной очереди и круто обернулся.

GRAND LUNCHEONETTE

FRANKFURTERS

HAMBURGERS

Coca-Cola

SANDWICHES
MADE TO ORDER

ALL BEEF
FRANKFURTER
ON ROLL
SAUERKRAUT OR RELISH
15¢

HAMBURGERS
ON SOFT
BUN WITH ONIONS

То был всего лишь тир — длинная, узкая, ярко расписанная галерея с барьером по пояс. На высоком табурете сидел хозяин — смуглый толстяк с бородавкой на щеке. Он улыбнулся Саймону:

— Хочешь попытаться счастья?

Саймон вошел внутрь и увидел, что вместо обычных мишеней в конце галереи, на изрешеченных пулями стульях, сидят четыре едва одетые женщины. На лбу и над каждой грудью у них были нарисованы крохотные «яблочки».

— А у вас стреляют настоящими пулями? — спросил Саймон.

— Разумеется! — ответил хозяин. — На Земле есть закон, воспрещающий лживую рекламу. И пули настоящие, и девки настоящие. Заходи и сшибай любую!

Одна из женщин подзадорила его:

— Давай, давай, красавчик! Бьюсь об заклад, что промажешь!

Другая вскричала:

— Да он и по космическому кораблю промахнется!

— Ну что ты, он малый не промах! — подхватила третья. — Давай же, красавчик!

Саймон потер лоб, стараясь не выказать удивления. В конце концов, ведь это Земля, где разрешается все, что приносит прибыль.

Он спросил:

— А есть тир, где стреляют в мужчин?

— Конечно, — ответил хозяин. — Но ты ведь не страдаешь извращениями, правда?

— Безусловно, нет!

— Ты из другой системы?

— Да. А как ты узнал?

— По костюму. Всегда можно отличить по костюму. — Толстяк закрыл глаза и затянул нараспев: — Подходи!

Подходи! Убивай женщин! Избавляйся от гнета подавленных желаний! Нажми курок — дай выход застарелой ярости! Это лучше, чем мордобой! Аучше, чем пьянка! Подходи! Подходи! Убивай!

Саймон спросил у одной из женщин:

— А когда вас убивают, вы так и остаетесь мертвыми?

— Не задавай дурацких вопросов, — ответила девушка.

— Но ведь шок...

Она пожала плечами.

— Бывает работа и похуже.

Саймон хотел было спросить, что может быть хуже, но в эту минуту хозяин, перегнувшись через барьер, доверительно сказал:

— Послушай-ка, приятель. Погляди, что у меня есть.

Саймон заглянул за барьер и увидел миниатюрный пулемет.

— За смехотворно низкую плату, — сказал хозяин, — я дам тебе пострелять из томми. Можешь исполосовать весь тир, сбить всю арматуру, продырявить стены. Здесь пульки сорок пятого калибра, приятель, а уж отдача у него — точно оседляется. Кто стреляет из томми, тот действительно стреляет.

— Не интересуюсь, — непреклонно ответил Саймон.

— У меня найдется граната-другая, — сказал хозяин. — Осколочное действие. Ты мог бы...

— Нет!

— Если заплатишь как следует, — сказал хозяин, — можешь уложить и меня, раз уж у тебя такой вкус, хотя я никогда бы этого не подумал. Ну как?

— Нет! Никогда! Это отвратительно!

Хозяин посмотрел на него отсутствующим взглядом.

— Не в настроении? О'кей. У меня открыто круглые сутки. Заходи в другой раз, красавчик.

— Никогда! — ответил Саймон, уходя прочь.

HAMBURGERS
FRANKFURTERS

OLD

M

— Ждем тебя, милый! — крикнула ему вслед одна из женщин.

Подойдя к киоску, Саймон заказал стаканчик кока-колы.

Он заметил, что руки его трясутся. Усилием воли он подавил эту дрожь и маленькими глотками стал прихлебывать освежающую жидкость. Он напомнил себе, что нельзя подходить к Земле со своей меркой. Если на Земле одним людям нравится убивать других, а жертвы ничего не имеют против, почему кто-то должен возражать?

А может, все-таки должен?

Из раздумий его вывел голос, раздавшийся у самого уха:

— Эй, малый!

Обернувшись, Саймон увидел перед собой сморщенного человечка с бегающими глазками, в большом не по росту илаще.

— Не здешний? — спросил человечек.

— Да, — ответил Саймон. — А как ты узнал?

— По ботинкам. Я всегда смотрю на ботинки. Как тебе нравится наша планета?

— Она какая-то... беспорядочная, — осторожно ответил Саймон. — Я хочу сказать, что не ожидал... ну как его...

— Конечно, — сказал человечек. — Ты идеалист. Это видно с первого взгляда. Стоит только посмотреть на твое честное лицо, друг. Ты прилетел на Землю с определенной целью. Так или не так?

Саймон кивнул. Человечек продолжал:

— Я знаю, друг, какая у тебя цель. Ты ищешь войны, которая сделала бы мир лучше, и ты попал куда следует. У нас всегда идет шесть крупных войн, и ни на одной не приходится долго ждать генеральского чина.

— К сожалению, я...

— В настоящий момент, — внушительно продолжал человечек, — угнетенные рабочие Перу ведут отчаянную борьбу против загнивающей и продажной монархии. Один лишний

человек может решить исход борьбы! И ты, мой друг, можешь стать этим человеком! Ты принесешь победу социалистам!

Подметив выражение лица Саймона, человечек поспешно добавил:

— Но многое можно сказать и в пользу просвещенной аристократии. Старый и мудрый король Перу (король-философ в глубочайшем, платоновском смысле слова) крайне нуждается в твоей помощи. Его крошечное войско, состоящее из ученых, идеалистов, швейцарской гвардии рыцарей короны и королевских крестьян, с трудом противостоит натиску заговорщиков-социалистов, подстрекаемых иностранными державами. И вот один-единственный человек...

— Не интересуюсь, — сказал Саймон.

— В Китае анархисты...

— Нет!

— Может, ты предпочитаешь присоединиться к коммунистам в Уэльсе? Или к японским капиталистам? Или хочешь примкнуть к какой-нибудь из мелких группировок — к феминисткам, к сторонникам сухого закона или к партии звонкой монеты? Это можно устроить.

— Война мне ни к чему, — ответил Саймон.

— Никто тебя за это не осудит, — быстро-быстро закивал человечек. — Война — это ад. В таком случае ты прибыл на Землю ради любви.

— Откуда ты знаешь? — удивился Саймон.

Человечек скромно улыбнулся.

— Война и любовь, — сказал он. — На Земле это два основных предмета торговли. С незапамятных времен мы отпускаем их огромными партиями.

— А очень трудно найти любовь? — спросил Саймон.

— Пройди два квартала к центру, — деловито ответил человечек. — Найдешь не глядя. Скажешь, что тебя прислал Джо.

— Но так ведь не бывает! Нельзя же просто войти и ...
— Что ты знаешь о любви? — осведомился Джо.
— Ничего.
— Ну а мы на ней собаку съели.
— Я знаю то, что сказано в книгах, — возразил Саймон. —
Страсть под безумной луной ...
— Ну конечно, и тела на сумеречном берегу моря, упоен-
ные любовью и оглушенные рокотом прибоя.
— Ты тоже читал эту книгу?
— Какую еще книгу? Это стандартная рекламная брошю-
ра. Ну, мне пора. Два квартала к центру. Найдешь не глядя.
И, дружелюбно кивнув, Джо нырнул в толпу.
Саймон допил кока-колу и медленно двинулся по Бродвею.
От тяжелого раздумья на лбу у него вздулись вены, однако он
решил не делать поспешных выводов.
Дойдя до Сорок четвертой стрит, он увидел огромные, яр-
ко светящиеся неоновые буквы:

«АЮБОВЬ ИНКОРПОРЕЙТЕД».

Неоновые буквы поменьше гласили: «Открыто круглосу-
точно!»

И под ними: «Подняться на второй этаж».

Саймон нахмурился, ибо в голову его закралось ужасное
подозрение. Но все же он поднялся по лестнице и вошел
в небольшую, со вкусом обставленную приемную. Оттуда
его направили по длинному коридору в комнату номер та-
кой-то.

В комнате находился красивый седовласый человек, ко-
торый поднялся из-за внушительного письменного стола на-
встречу посетителю и, пожав ему руку, сказал:

— Ну, как дела у вас на Казанге?

— Как вы догадалась, что я с Казанги?

— По рубашке. Я всегда обращаю внимание на рубашку. Меня зовут мистер Тэйт. Я здесь для того, чтобы служить вам по мере своих сил. Вы...

— Саймон. Элфред Саймон.

— Прошу вас, присядьте, мистер Саймон. Вы курите? Хотите выпить? Вы не пожалеете, что обратились именно к нам, сэр. Мы — старейшая фирма, поставляющая любовь, и гораздо более крупная, чем наш главный конкурент — «Страсть нелимитед». К тому же у нас гораздо более сходящая цена и товар лучше. Могу ли я осведомиться, как вы о нас услышали? Прочитали объявление во всю полосу «Таймса»? Или же...

— Меня прислал Джо, — перебил Саймон.

— Активный агент, — сказал мистер Тэйт с игривым видом. — Ну-с, сэр, не вижу причин откладывать дело в долгий ящик. Вы приехали издалека за любовью, и уж что-что, а любовь вы получите. — Он потянулся к киопке на письменном столе, но Саймон его остановил:

— Я не хочу показаться невежливым и все такое, но...

— Да-да? — отозвался мистер Тэйт с ободряющей улыбкой.

— Мне это непонятно, — выпалил Саймон, густо покраснев; на лбу у него выступили бисеринки пота. — Кажется, я не туда попал. Не для того я проделал весь путь на Землю, чтобы просто... Неужели вы и вправду продаете любовь? Все что угодно, только не любовь! Значит, тогда это ненастоящая любовь, так ведь?

— Да что вы! — возразил мистер Тэйт, приподнимаясь в кресле от изумления. — В том-то и дело! Секс может купить каждый. Боже правый, да это же самая дешевая штука во Вселенной, если не считать человеческой жизни. Но любовь — это редкость, любовь — это нечто особенное, любовь можно найти только на Земле. Вы читали нашу брошюру?

— Тела на сумеречном берегу моря? — спросил Саймон.

— Она самая. Ее написал я. Передает настроение, правда? Такое настроение вы не получите от *первой встречной*, мистер Саймок. Такое настроение вам даст лишь та, кто вас любит.

Саймон с сомнением сказал:

— И все же это не истинная любовь, не так ли?

— Да что вы, конечно, истинная! Если бы мы продавали поддельную, мы бы так ее и именовали. На Земле законы о рекламе чрезвычайно суровы, уверяю вас. Торгуйте чем угодно, но только непременно называйте вещи своими именами. Это и есть этика, мистер Саймон!

Тэйт перевел дыхание и продолжал более ровным тоном:

— Нет, сэр, не допускайте этой ошибки. Наша продукция — не суррогат. Это именно то чувство, каким много тысячелетий бредят поэты и писатели. Благодаря чудесам современной науки мы можем предоставить это чувство в ваше полное распоряжение, когда вам будет угодно, в красивой упаковке и притом по смехотворно низкой цене.

Саймон сказал:

— Я представлял себе нечто более... стихийное.

— В стихийности есть своя прелесть, — согласился мистер Тэйт. — Эту проблему разрабатывают наши исследовательские лаборатории. Поверьте, наука в силах воспроизвести решительно все, был бы только спрос на рынке.

— Не нравится мне все это, — сказал Саймон, поднимаясь с места. — Пойду-ка я лучше в кино.

— Постойте! — вскричал мистер Тэйт. — Вы думаете, что мы пытаемся вас надуть. Вы думаете, что вас познакомят с девушкой, которая станет притворяться, будто влюблена в вас, а в действительности вас не любит. Не правда ли?

— Правда, — согласился Саймон.

— Ошибаетесь! Во-первых, это обошлось бы слишком дорого. Во-вторых, девушка подвергалась бы чудовищному из-

носу. Да кроме того, попытка разыграть в жизни такую сложную роль явилась бы для девушки психически вредной.

— Но как же вы это делаете?

— При помощи науки и познания законов психологии.

Для Саймона все это звучало какой-то тарабарщиной. Он направился к двери.

— Скажите-ка, — не унимался Тэйт, — с виду вы кажетесь смышленным молодым человеком. Неужто вы не отличите настоящую любовь от фальшивки?

— Ясно, отличу.

— Так чем же вы рискуете? Или останетесь довольны, или не заплатите нам ни цента.

— Я подумаю, — сказал Саймон.

— К чему откладывать? Ведущие психологи утверждают, что настоящая любовь укрепляет и исцеляет психику, снимает комплекс неполноценности, восстанавливает баланс гормонов и улучшает цвет лица. В поставляемой нами любви есть все: глубокая и постоянная привязанность, безудержная страсть, безупречная верность, почти мистическое обожествление как ваших недостатков, так и достоинств, трогательное стремление сделать любимому приятное и в довершение всего — гордость фирмы «Любовь инкорпорейтед»: не поддающаяся контролю первая вспышка, ослепительное зарождение любви с первого взгляда!

Мистер Тэйт нажал кнопку. Саймон нахмурился в нерешительности. Дверь отворилась, вошла девушка, и Саймон больше не раздумывал.

Она была высокая и стройная, каштановые волосы отливали медью. О лице ее Саймон ничего не мог бы рассказать, но оно вызвало на его глазах слезы. А за вопрос, какая у девушки фигура, он мог бы убить на месте.

— Мисс Пенни Брайт, — сказал Тэйт, — познакомьтесь с мистером Элфредом Саймоном.

Девушка попыталась что-то произнести, но губы ей не повиновались; да и Саймон онемел. С одного взгляда он уже все понял. Остальное ничего не значило. Всем сердцем он чувствовал, что любим — любим верно и безгранично.

Они ушли сразу же, рука в руке. Реактивный вездект пригнал их к беленькому коттеджу в сосновой роще на берегу моря. Там они беседовали, смеялись и любили друг друга. А потом Саймон увидел свою возлюбленную, точно богиню огня, в облачении закатного пламени. В синих сумерках она устремила на него огромные темные глаза, и ее тело, уже такое знакомое, словно снова окуталось тайной. Взошла луна, яркая и безумная, и обратила тела в тени. Девушка плакала, колотя кулачками в его грудь, и Саймон тоже плакал, сам не зная отчего. И наконец наступил рассвет; робкий и неверный, он мерцал на иссушенных губах и сплетенных телах, а рядом рокочущий прибой оглушал, разжигал страсть и доводил ее до безумия.

В полдень они снова были в конторе фирмы «Аюбовь инкорпорейтед». Пенни порывисто сжала его руку и скрылась за внутренней дверью.

— Настоящая была любовь? — спросил мистер Тэйт.

— Да!

— И вы удовлетворены?

— Да! То была любовь, настоящая любовь! Но почему она так настаивала, чтобы мы вернулись?

— Постгипнотическое внушение, — разъяснил мистер Тэйт.

— Что?

— А чего вы ожидали? Все хотят любви, но мало кто хочет платить за нее. Вот ваш счет, сэр.

Саймон, вскипая, уплатил по счету.

— В этом не было никакой необходимости, — сказал он. — Само собой разумеется, я заплатил бы вам за то, что вы свели нас. А где она сейчас? Что вы с ней сделали?

— Прошу вас, — сказал мистер Тэйт примирительным тоном, — постарайтесь успокоиться.

— Мне не нужен покой! — закричал Саймон. — Мне нужна Пенни!

— Это невозможно, — сказал мистер Тэйт с легким налетом изморози в голосе. — Будьте добры, прекратите сцену.

— Хотите урвать побольше денег? — загремел Саймон. — Хорошо, я заплачу. Сколько я вам должен за то, чтобы вы выпустили ее из своих когтей? — Саймон рывком выхватил из кармана бумажник и хлопнул им по столу.

Мистер Тэйт брезгливо ткнул в бумажник указательным пальцем.

— Положите-ка обратно в карман, — сказал он. — У нас старая и почтенная фирма. Если вы еще раз повысите голос, я буду вынужден выдворить вас отсюда.

Саймон сделал над собой неимоверное усилие, супул бумажник в карман и уселся. Он глубоко вздохнул и сказал очень спокойно:

— Извините меня.

— Так-то лучше, — смягчился мистер Тэйт. — Я не допускаю, чтобы на меня повышали голос. Однако если вы будете вести себя разумно, то мы как-нибудь договоримся. Итак, в чем же дело?

— В чем дело? — Саймон оиять едва не закричал. Он овладел собой и сказал: — Она меня любит.

— Конечно.

— Как же вы можете нас разлучать?

— А какая здесь связь? — спросил мистер Тэйт. — Любовь — это восхитительная интерлюдия, отдых, полезный для интеллекта, для человеческой личности, для баланса гормонов и для цвета лица. Однако едва ли кому-нибудь захочется длительной любви, не так ли?

— Мне захочется, — сказал Саймон. — Эта любовь особая, необыкновенная...

— Они все такие, — утешил его мистер Тэйт. — Но, как вам известно, все они производятся одинаково.

— Что?

— Вы, без сомнения, знакомы с технологией производства любви?

— Нет, — сказал Саймон. — Я думал любовь... естественна.

Мистер Тэйт покачал головой.

— От естественного подбора мы отказались сотни лет назад, вскоре после технической революции. Он протекает слишком медленно и в коммерческом масштабе нецелесообразен. К чему возиться, когда посредством регулировки рефлексов и соответствующей стимуляции определенных мозговых центров мы можем произвольно создать любое чувство? А результат? Пенни, влюбленная в вас по уши! Мы проанализировали ваши индивидуальные склонности и остановились на ее соматотипе, что сделало вашу любовь совершенной. Мы всегда добавляем сумеречный берег моря, безумную луну, бледный рассвет...

— Значит, ее можно было принудить влюбиться в кого угодно, — медленно проговорил Саймон.

— Можно было *убедить* ее влюбиться в кого угодно, — поправил мистер Тэйт.

— О боже, как она попала на такую омерзительную работу?

— Пришла и подписала контракт, как это обычно делается, — сказал Тэйт. — За это очень хорошо платят. А по истечении договорного срока мы возвращаем ей первоначальную индивидуальность — нетронутую! Однако почему вы считаете эту работу омерзительной? В подобной любви нет ничего такого, что заслуживало бы порицания.

— Это не любовь! — воскликнул Саймон,

— Да нет же, любовь! Настоящий товар! Беспристрастные научно-исследовательские фирмы провели ее испытания на качество по сравнению с естественной любовью. И во всех случаях наша любовь показала большую глубину, страсть, пыл и размах.

Саймон крепко зажмурился, потом открыл глаза и сказал:

— Выслушайте меня. Мне нет дела до ваших научных испытаний. Я ее люблю, она меня любит, а остальное неважно. Дайте мне поговорить с ней! Я хочу на ней жениться!

Мистер Тэйт скорчил гримасу.

— Опомнитесь! Разве на таких женятся! Если вы хотите жениться, то браками мы тоже занимаемся. Можно устроить идиллический и почти стихийный брак по любви с патентованной девственницей, прошедшей государственную инспекцию...

— Нет! Я люблю Пенни! Дайте мне по крайней мере поговорить с ней!

— Это совершенно невозможно, — ответил мистер Тэйт.

— Почему?

Мистер Тэйт нажал какую-то кнопку.

— Как вы думаете, почему? Мы стерли предыдущую гипнопрограмму. Сейчас Пенни любит другого.

И тогда Саймону все стало ясно. Он осознал, что уже сейчас, в эту минуту, Пенни глядит на другого и в глазах ее вспыхивает такая же страсть, какую познал и он... Она питает к другому ту самую всепоглощающую и безграничную любовь, которая, по свидетельству беспристрастных научно-исследовательских фирм, намного превосходит старомодный, коммерчески нецелесообразный естественный подбор... И на том же сумеречном морском берегу, упомянутом в рекламной брошюре...

Он рванулся, норовя вцепиться Тэйту в глотку. Два служащего, вошедшие несколькими секундами ранее, перехватили его и повели к двери.

— Учтите! — бросил Тэйт ему вслед. — Это никоим образом не обесценивает ваших воспоминаний.

И, как ему ни было противно, Саймон понимал, что Тэйт говорит правду.

А затем он оказался на улице.

Сначала он жаждал только одного: как можно скорее покинуть Земаю, где продажные излишества обходятся нормальному человеку чересчур дорого. Он шагал очень быстро, а рядом с ним шла его Пенни, и лицо ее светилось любовью к нему, и к другому, и к третьему, и к десятому.

И, конечно, он подошел к тиму.

— Хочешь попытать счастья? — спросил хозяин.

— Заряжай, — ответил Эдфред Саймон.

Царская воля

Просидев два часа на корточках под прилавком с посудой, Боб Грейнджер почувствовал, что у него затекли ноги. Он шевельнулся, желая неприметно изменить позу, и увесистая клюшка для гольфа с грохотом скатилась на пол с его колен.

— Тсс, — шепнула Дженис; она крепко сжимала железную дубинку.

— Не думаю, чтобы он появился, — сказал Боб.

— Сиди тихонько, милый, — по-прежнему шепотом ответила Дженис, напряженно вглядываясь в темноту.

Пока еще ничто не предвещало появления вора. Но вот уже целую неделю он приходил сюда каждую ночь, таинственно похищая генераторы, холодильники и кондиционеры. Таинственно — ибо не взламывал замков, не вырезал оконных стекол и не оставлял следов. Тем не менее каким-то чудом он забирался в магазин и каждый раз наносил изрядный урон их добру.

— Вряд ли из нашей затеи что-нибудь выйдет, — зашептал Боб. — В конце концов, если человек способен унести на спине генератор весом в несколько сот фунтов...

— Ничего, управимся, — возразила Дженис с уверенностью, благодаря которой в свое время получила звание старшего сержанта Женского мотопехотного корпуса. — Кроме

APPLIANCES SUPREME HOUSEWARES
HARDWARE
PLUMBING & ELECTRICAL SUPPLIES

Licensed
LOCKSMITH

Appliances
REPAIRED

POWER
TOOLS

PARAGON
PAINTS

LIQUORS

ONE HOUR
CLEANERS
TAILORING SHIRT SERVICE

HARDWARE

того, должны же мы как-то унять его: ведь из-за этого откладывается наша свадьба.

Боб кивнул. На свои армейские сбережения они с Дженис открыли в родном городке универсальный магазин и собирались пожениться, как только позволит доход. Однако если пропадают холодильники и кондиционеры...

— Кажется, я что-то слышу, — заметила Дженис и перехватила дубинку поудобнее.

Где-то в магазине раздался едва уловимый шорох. Они затаили дыхание. Затем послышались приглушенные шаги — кто-то ступал по линолеуму.

— Когда он выйдет на середину зала, — прошептала Дженис, — включай свет.

Наконец они различили в темном зале какое-то черное пятно. Боб включил свет и крикнул: «Ни с места!»

— Не может быть! — ахнула Дженис, чуть не выронив дубинку. Боб обернулся и судорожно глотнул воздух.

Перед ними стоял детина ростом добрых три метра. На лбу его явственно проступали рожки, за спиной мотались крохотные крылышки. Одет он был в шаровары из грубой бумажной ткани индийского производства и белый спортивный свитер с алыми буквами на груди: «Политехнический им. Иблиса». На огромных ножищах красовались поношенные белые башмаки из оленьей кожи, а светлые волосы были подстрижены бобриком.

— Проклятье! — пробормотал незваный гость, увидев Боба и Дженис. — Так и знал, что надо было прослушать в колледже курс невидимости.

Он обхватил руками живот и надул щеки. Мгновенно ноги его исчезли. Великан продолжал дуть изо всех сил, пока не стал невидимым живот, однако дальше дело не пошло.

— Не умею, — виновато сказал он и выдохнул весь воздух. Живот и ноги снова обозначились. — Сноровки не хватает. Проклятье!

— Чего тебе надо? — спросила Дженис, грозно выпрямившись во все свои полтора с небольшим метра.

— Чего надо? Сейчас соображу. Ах да, вентилятор! — Он пересек зал и легко поднял с пола большой вентилятор.

— Постой! — крикнул Боб. Он подошел к гиганту, держа наготове клюшку для гольфа. Дженис выглядывала из-за его спины. — Интересно, куда это ты с ним собрался?

— К царю Алериапу, — ответил гигант. — Он возжелал владеть вентилятором.

— Ах, возжелал, вот оно что! — протянула Дженис. — Ну-ка, поставь на место. — Она замахнулась дубинкой.

— Но ведь я тут ни при чем, — возразил молодой гигант, нервно подрагивая крылышками. — Царь его возжелал.

— Пеняй на себя, — сквозь зубы процедила Дженис.

После службы в армии, где она ремонтировала моторы для джипов, Дженис была в отличной форме, несмотря на малый рост. Онахватила гиганта дубинкой; при этом ее светлые волосы беспорядочно разметались.

— Ух! — воскликнула Дженис.

Дубинка отскочила от головы странного существа, едва не свалив девушку с ног. В тот же миг Боб замахнулся клюшкой, норовя пересчитать гиганту ребра.

Клюшка прошла сквозь гиганта и, подскочив, упала на пол.

— На ферру спла не действует, — извиняющимся тоном сообщил гигант.

— На кого? — переспросил Боб.

— На ферру. Мы приходимся двоюродными братьями джиннам, а по женской линии состоим в родстве с дэвами. — Он снова направился к центру зала, зажав вентилятор в широченном кулаке. — А теперь, с вашего разрешения...

— Это демон? — От изумления Дженис разинула рот.

В детстве родители запрещали ей слушать сказки о призраках и демонах, и Дженис выросла трезвой реалисткой. Она

ловко чинила любые механизмы — таков был ее пай в деловом товариществе. Все сколько-нибудь более причудливое она предоставляла Бобу.

Боб, воспитанный на щедрых порциях Бэрроуза и «Волшебника Изумрудного города», оказался более легковерным.

— Вы хотите сказать, что вышли из «Тысячи и одной ночи»? — спросил он.

— Да нет же, — поморщился ферра. — Арабские джинны приходится мне двоюродными братьями. Все демоны связаны между собою узами родства, но я — ферра, из рода ферр.

— Будьте любезны, скажите, пожалуйста, — почтительно обратился Боб к гостю, — для чего вам понадобился генератор, холодильник и кондиционер?

— С охотой и удовольствием, — ответил ферра, ставя вентилятор на пол.

Он пошарил рукой в воздухе, нашел то, что искал, и уселся на пустоту. Затем скрестил под собой ноги и зашнуровал потуже один башмак.

— Недельки три назад окончил политехнический колледж имени Иблиса, — приступил он к своему повествованию. — И конечно, тотчас же подал заявление на государственную гражданскую службу. Испокон веков мои предки были государственными чиновниками, так уж у нас в роду повелось. Ну и вот, заявлений, как всегда, была целая куча, так что я...

— На государственную гражданскую службу? — повторил Боб.

— Ну да. Это ведь все государственные посты — даже джинн волшебной лампы Аладдина был правительственным чиновником. Надо, видите ли, пройти специальные испытания...

— Не отвлекайся, — попросил Боб.

— Так вот... Покажитесь, что это останется между нами... Я получил работу по знакомству. — Гость вспыхнул от

смущения, и щеки его стали оранжевыми. — Мой отец — член Совета преисподней — пустил в ход все свое влияние. Меня назначили феррой Царского кубка, обойдя 4000 ферр с ученой степенью. Это большая честь, знаете ли.

Все помолчали, и ферра заговорил вновь.

— Надо признаться, я не был как следует подготовлен, — промолвил он печально. — Ферра кубка должен быть искусником во всех областях демонологии. А я только-только со студенческой скамьи, да еще с посредственными отметками. Но мне, разумеется, казалось, будто я с чем угодно справлюсь.

Ферра на мгновение умолк и уселся в воздухе поудобнее.

— Однако не стоит морочить вам голову своими заботами, — опомнился он, соскакивая с воздуха на пол. — Еще раз прошу прощения...

Он поднял с пола вентилятор.

— Минуточку, — сказала Дженис. — Это царь приказал тебе взять именно наш вентилятор?

— Отчасти, — ответил ферра, вновь окрашиваясь в оранжевый цвет.

— Скажи-ка, — поинтересовалась Дженис, — а твой царь богат? — Пока что она решила обращаться с этим сверхъестественным явлением как с обыкновенным человеком.

— Он весьма состоятельный монарх.

— В таком случае почему он не платит за это барахло деньги? — осведомилась Дженис. — Для чего ему обязательно пужно краденое?

— Ну, — промямлил ферра, — ему просто негде купить.

«Какая-нибудь отсталая восточная страна», — подумала Дженис.

— Отчего бы ему не ввозить электротовары из-за границы? Любая фирма с радостью пойдет ему навстречу, — произнесла она вслух.

— Все это страшно неудобно, — уклонился от ответа ферра и потерял один башмак о другой. — Жаль, что я не могу стать невидимкой.

— Выкладывай, — не отставал Боб.

— Если хотите знать, — угрюмо ответил ферра, — царь Аleriан живет в том времени, которое вы называете двухтысячным годом до вашей эры.

— Тогда каким же ...

— Да погодите, — сердито сказал молодой ферра. — Я вам все объясню. — Он вытер вспотевшие руки о белый свитер. — Как я уже рассказывал, мне досталась должность ферры Царского кубка. Я, естественно, ожидал, что царь потребует драгоценных камней или прекрасных женщин — то и другое я доставил бы ему без труда. Этот раздел колдовства входит в программу первого семестра. Однако драгоценных камней у царя было достаточно, а жен больше чем достаточно, — он совершенно не знал, что с ними делать. И вот он приказал мне — что бы вы думали? «Ферра, летом в моем дворце жарко. Сотвори нечто такое, что принесло бы во дворец прохладу».

Я тут же понял, что попался. Ферры учатся изменять климат лишь на специальных семинарах. Наверное, я слишком много времени убивал на беговой дорожке. Что называется, влип.

Я поспешно обратился к Большой магической энциклопедии и посмотрел статью «Климат». Заклинания оказались для меня чересчур сложными. О том, чтобы просить помощи, не могло быть и речи. Это означало бы расписаться в собственной непригодности. Однако я вычитал, что в двадцатом веке существует искусственное управление климатом. Тогда я проник в будущее по узенькой тропинке и взял один из ваших кондиционеров. Потом царь повелел сделать так, чтобы его яства не портились, и я вернулся за холодильником. Потом...

— И все это ты подключал к генератору? — спросила Дженис, которую занимала техническая сторона вопроса.

— Да. Я, может, не так уж силен в заклинаниях, зато в технике кое-что смыслю.

«А ведь у него концы с концами сходятся», — подумал Боб. Действительно, кто умел за 2000 лет до нашей эры создавать во дворце прохладу? За все сокровища мира нельзя было кунить струю ледяного воздуха из кондиционера или холодильник, гарантирующий свежесть пищи. Однако Бобу не давала покоя мысль: что же это за демон? На ассирийского не похож. Что не египетский — ясно...

— Нет, не понимаю, — сказала Дженис. — В *прошлом*? Ты имеешь в виду путешествие по времени?

— Именно. В колледже я специализировался в путешествиях по времени, — подтвердил ферра с мальчишески горделивой ухмылкой.

«Может быть, ацтекский, — думал тем временем Боб, — хотя это маловероятно...»

— Что ж, — посоветовала Дженис, — обратись еще куда-нибудь. Почему бы тебе, например, не ограбить крупный универсальный магазин в столице?

— Ваш магазин — единственный, куда приводит тропинка во времени, — пояснил ферра.

Он поднял вентилятор.

— Мне, право же, неприятно, но если я не выдвинусь у царя Аleriана, то никогда уже не получу другого назначения. Имя мое будет предано забвению.

И он исчез.

Полчаса спустя Боб и Дженис сидели в угловой кабинке кафе, работающего круглосуточно. Они пили черный кофе и вполголоса переговаривались.

— Не верю ни единому слову! — горячилась Дженис, к которой вернулся весь природный скепсис. — Демоны! Ферры!

— Придется тебе поверить, — устало отозвался Боб. — Ты ведь видела своими глазами.

— Не следует верить всему, что видишь, — стойко ответила Дженис. Однако тут же она вспомнила об утраченных товарах, улетучившихся доходах и о свадьбе, отодвигающейся все дальше и дальше. — Ну да ладно, — сказала она. — Ох, милый, что же нам делать?

— С магией надо бороться при помощи магии, — назидательно изрек Боб.

— Завтра ночью он вернется. Уж тут-то мы подготовимся.

— Я тоже так считаю, — поддержала его Дженис. — Я знаю, где можно одолжить винчестер...

Боб покачал головой.

— Пули отскочат от него или пройдут насквозь, не причинив вреда. Добрая, испытанная магия — вот что нам нужно. Клины клином вышибают.

— А какая именно магия? — спросила Дженис.

— Чтобы действовать наверняка, — ответил Боб, — мы уж лучше прибегнем ко всем известным видам магии. Как жаль, что я не знаю, откуда он родом. Чтобы мы получили желательный эффект, магия должна...

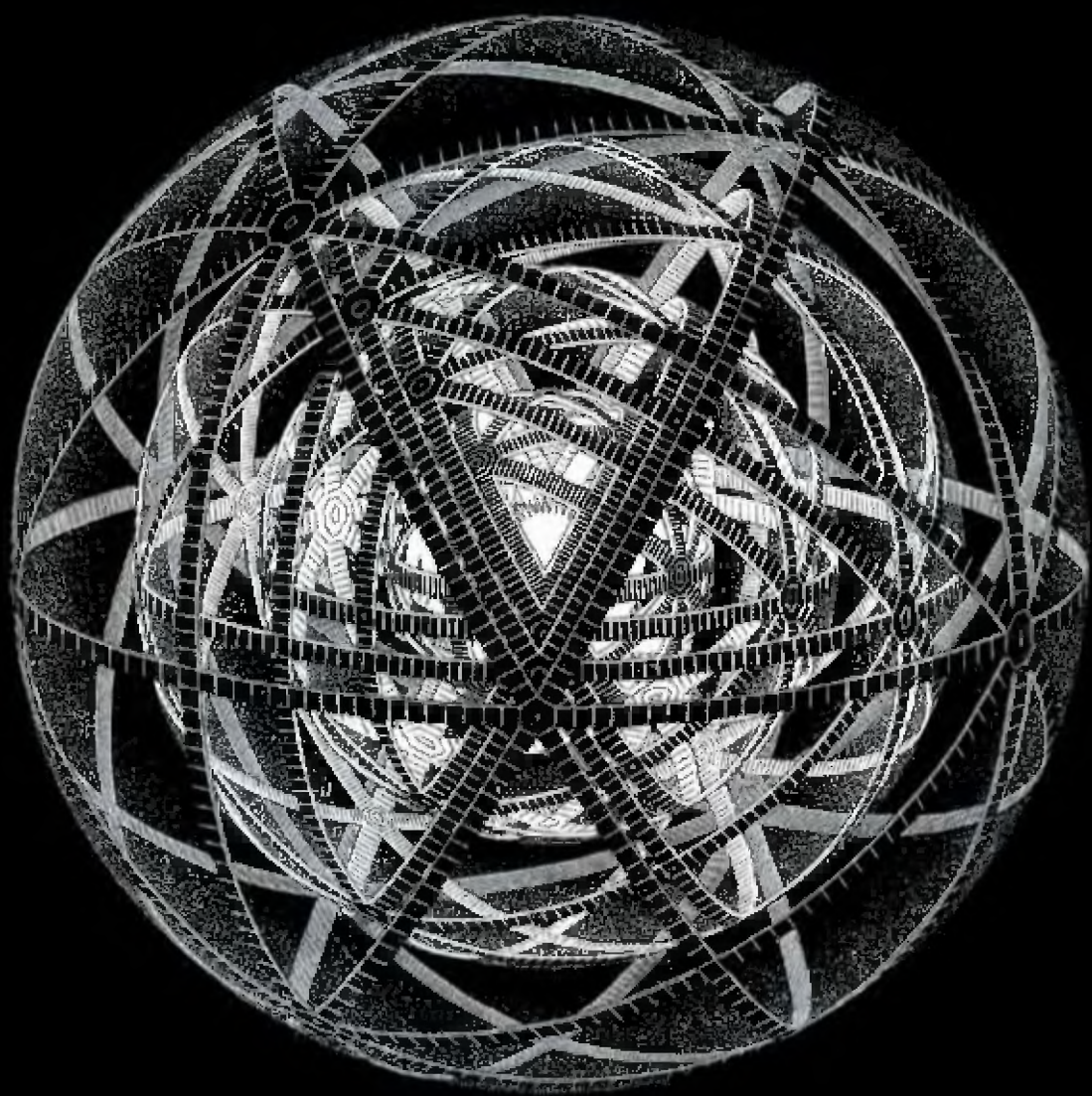
— Еще кофе? — спросил внезапно выросший перед ними буфетчик.

Боб виновато взглянул на него; а Дженис покраснела.

— Пойдем отсюда, — предложила она. — Если кто-нибудь нас подслушает, мы станем всеобщим посмешищем — хоть беги из городка.

Вечером они встретились в магазине. Весь день Боб провел в библиотеке, подбирая материал. Плодом его стараний были 25 листов, с обеих сторон покрытых неуклюжими каракулями.

— А все-таки жаль, что у нас нет винчестера, — сказала Дженис, захватившая из секции металлических изделий шоферский домкрат.

В 23.45 появился ферра.

— Привет, — заявил он. — Где вы держите электрокамины? Царю угодно что-нибудь на зиму. Открытые очаги ему надоели. Слишком сильный сквозняк.

— Изыди во имя креста! — торжественно начал Боб и показал ферре крест.

— Прошу прощения, — любезно откликнулся гость. — Ферры с христианством не связаны.

— Изыди во имя Намтару и Тиамат! — продолжал Боб, ибо в его конспектах первой значилась Месопотамия. — Во имя обитателя пустынь Шамаша, во имя Телала и Энлиля...

— Ага, вот они, — пробормотал ферра. — Отчего я вечно ввязываюсь в какие-то неприятности? Это электрическая модель, не газовая? Камин, похоже, малость подержанный.

— Призываю создателя лодок Рату, — нараспев затянул Боб, переключаясь на Полинезию, — и покровителя травяных передников Хину.

— Еще чего, подержанный, — обозлилась Дженис, в душе которой деловые инстинкты взяли верх. — Гарантия на год. Безоговорочная.

— Взываю к Небесному Волку, — перешел Боб к Китаю, когда Полинезия не подействовала. — К Волку, стерегущему врата Верховного божества Шан Ди. Призываю бога грома Ли Куна...

— Постойте, ведь это инфралучевая духовка, — сказал ферра как ни в чем не бывало. — Ее-то мне и надо. И еще ванну. У вас есть ванны?

— Зову Ваала, Буэра, Форкня, Мархоция, Астарту...

— Ванны здесь, не так ли? — спросил ферра у Дженис, и та произвольно кивнула. — Возьму, пожалуй, самую большую. Царь довольно крупный мужчина.

— ...Единорога, Фетида, Асмодея и Инкуба! — закончил Боб.

Ферра покосился на него не без уважения. Боб гневно призвал персидского владыку света Ормузда, а за ним — божество аммонов Молоха и божество древних филистимлян Дагона.

— Больше я, наверное, не унесу, — размышлял ферра вслух.

Боб помянул Дамбаллу, потом взмолился аравийским богам. Он испробовал фессалийскую магию и заклинания Малой Азии. Он пытался растрогать малайских духов и расшевелить ацтекских идолов. Он двинул в бой Африку, Мадагаскар, Индию, Ирландию, Малайю, Скандинавию и Японию.

— Это внушительно, — признал ферра, — но все равно ни к чему не приведет. — Он взвалил на себя ванну, духовку и камин.

— А почему? — задохнулся от изумления Боб, который совершенно выбился из сил.

— Видишь ли, на ферр действуют только заклинания родной страны. Точно так же джинны подчиняются лишь магическим законам Аравии. Кроме того, ты не знаешь, как меня зовут; уверяю тебя, немногого добьешься, изгоняя демона, имя которого тебе неизвестно.

— Из какой же ты страны? — спросил Боб, вытирая пот со лба.

— Э, нет! — спохватился ферра. — Зная страну, ты можешь отыскать против меня верное заклинание. А у меня и так хлопот полон рот.

— Послушай, — вмешалась Дженис. — Если царь так богат, отчего бы ему не расилатиться с нами?

— Царь никогда не илатит за то, что может получить даром, — ответил ферра. — Поэтому он и богат.

Боб и Дженис пронзили его яростным взглядом, поняв, что свадьба уплывает в неопределенное будущее.

— Завтра ночью увидимся. — С этими словами ферра дружелюбно помахал рукой и исчез.

— Ну и ну, — сказала Дженис, когда ферра скрылся. — Что же теперь делать? У тебя есть еще какие-нибудь блестящие идеи?

— Решительно никаких, — ответил Боб, тяжело онускаясь на тахту.

— Может, еще нажмем на магию? — спросила Дженис с легкой примесью иронии.

— Ничего не выйдет, — отрезал Боб. — Ни в одиой энциклопедии я не нашел слов «ферра» и «царь Алерриан». Он, наверное, из тех краев, о каких мы и слыхом не слыхивали. Возможно, из какого-нибудь карликового княжества в Индии.

— Везет как утоиленникам, — пожаловалась Дженис, отбросив иронический тон. — Что же нам делать? В следующий раз ему, я думаю, понадобится пылесос, а потом магнитофон.

Она закрыла глаза и стала сосредоточенно думать.

— Он и впрямь лезет из кожи вон, лишь бы только выдвинуться, — заметил Боб.

— Я, кажется, придумала, — объявила Дженис, открывая глаза.

— Что именно?

— На первом месте для нас должна быть *наша* торговля и *наша* свадьба. Правильно?

— Правильно, — ответил Боб.

— Ладно. Пусть я не бог весть какой мастак в заклинаниях, — подытожила Дженис, засучив рукава, — зато в технике я разбираюсь. Живо, за работу.

На следующие сутки ферра нанес им визит без четверти одиннадцать. На госте был все тот же белый свитер, но башмаки из оленьей кожи он сменил на рыжевато-коричневые мокасины.

— Нынче царь меня торопит, как никогда, — сказал он. — Новая жена всю душу из него вымотала. Оказывается, ее на-

ряды выдерживают только одну стирку. Рабы колотят их о камень.

— Понятно, — сочувственно произнес Боб.

— Бери, пожалуйста, не стесняйся, — предложила Дженис.

— Это страшно любезно с вашей стороны, — с признательностью вымолвил ферра. — Поверьте, я способен это оценить. — Он выбрал стиральную машину. — Царица ждет.

И ферра скрылся.

Боб предложил Дженис сигаретку. Они уселись на кушетку и стали ждать. Через полчаса ферра появился вновь.

— Что вы натворили? — спросил он.

— А что случилось? — невинно откликнулась Дженис.

— Стиральная машина! Когда царица ее включила, оттуда вырвалось облако зловонного дыма. Затем раздался какой-то чудной звук, и машина остановилась.

— На нашем языке, — прокомментировала Дженис, пустив кольцо дыма, — это называется «машинка с фокусом».

— С фокусом?

— С «покупкой». С сюрпризом. С изъязцем. Как и все остальное в нашем магазине.

— Но вы же не имеете права! — воскликнул ферра. — Это нечестно!

— Ты такой способный, — ядовито ответила Дженис. — Валяй, чини.

— Я похвастал, — смиренно промолвил ферра. — Вообще-то я гораздо сильнее в спорте.

Дженис улыбнулась и зевнула.

— Да полиоте, — умолял ферра, нервно подрагивая крыльшками.

— Очень жаль, но я ничем не могу помочь, — сказал Боб.

— Вы ставите меня в ужасное положение, — не унимался ферра, — меня понизят в должности. Вышвырнут с государственной службы.

— Но мы ведь не можем допустить своего разорения, правда? — спросила Дженис.

С минуту Боб размышлял.

— Послушай-ка, — предложил он. — Почему бы тебе не доложить царю, что ты столкнулся с мощной антимагией? Скажи, что если ему нужны эти товары, *пусть платит пошлину* демонам преисподней.

— Ему это придется не по нраву, — с сомнением произнес ферра.

— Во всяком случае, попробуйся, — предложил Боб.

— Попробуюсь, — сказал ферра и исчез.

— Как по-твоему, сколько можно запросить? — нарушила молчание Дженис.

— Да посчитай ему по стандартным розничным ценам. В конце концов, мы создавали магазин в расчете на честную торговлю. Мы ведь не собирались проводить дискриминацию. А все же хотел бы я знать, откуда он родом.

— Царь так богат, — мечтательно проговорила Дженис. — По-моему, просто грех не...

— Постой! — вскричал Боб. — Это невозможно! Разве в 2000 году до нашей эры мыслимы холодильники? Или кондиционеры?

— Что ты имеешь в виду?

— Это изменило бы весь ход истории! — объяснил Боб. — Посмотрит какой-нибудь умник на эти штуки и смекнет, как они действуют. И тогда изменится весь ход истории!

— Ну и что? — спросила практичная Дженис.

— Что? Да то, что научный поиск пойдет по другому пути. Изменится настоящее.

— Ты хочешь сказать, что это невозможно?

— Да.

— Именно это я все время и говорила, — торжествующе заметила Дженис.

— Да перестань, — обиделся Боб. — Надо было подумать обо всем раньше. Из какой бы страны этот ферра не происходил, она обязательно окажет влияние на будущее. Мы не вправе создавать парадокс.

— Почему? — спросила Дженис, но в это мгновение появился ферра.

— Царь изъявил согласие, — сообщил он. — Хватит ли этого в уилату за все, что я у вас брал? — Он протянул маленький мешочек.

Высыпав содержимое из мешочка, Боб обнаружил две дюжины крупных рубинов, изумрудов и бриллиантов.

— Мы не можем их принять, — заявил Боб. — Мы не можем вести с тобой дела.

— Не будь суеверным! — вскричала Дженис, видя, что свадьба вновь ускользает.

— А, собственно, почему? — спросил ферра.

— Нельзя отправлять современные вещи в прошлое, — пояснил Боб. — Иначе изменится настоящее. Или перевернется мир, или еще какая-нибудь напасть приключится.

— Да ты об этом не беспокойся, — примирительно сказал ферра. — Ничего не случится, я гарантирую.

— Как знать? Ведь если бы ты привез стиральную машину в Древний Рим...

— К несчастью, — вставил ферра, — государство царя Алерiana лишено будущего.

— Не можешь ли разъяснить свою мысль?

— Запросто. — Ферра уселся в воздухе. — Через три года царь Алериян и его страна будут совершенно и безвозвратно стерты с лица земли силами природы. Не уцелеет ни один человек. Не сохранится ни единого глиняного черепка.

— Отлично, — заключила Дженис, поднеся рубин к свету. — Нам бы лучше разгрузиться, пока он еще заключает сделки.

— Тогда, пожалуй, другое дело, — сказал Боб. Их магазин был спасен. Пожениться они могли хоть завтра. — А что же станет с тобой? — спросил он ферру.

— Ну что ж, я недурно показал себя на этой работе, — ответил ферра. — Скорее всего, попрошусь в заграничную командировку. Я слышал, что перед арабским колдовством открываются необозримые перспективы.

Он благодушно провел рукой по светлым, коротко подстриженным волосам.

— Я буду навещать вас, — предупредил он и начал исчезать.

— Минуточку, — вскочил Боб. — Не скажешь ли ты, из какой страны ты явился? И где правит царь Алерин?

— Пожалуйста, — ответил ферра, у которого была видна только голова. — Я думал, вы догадались. Ферры — это демоны Атлантиды.

С этими словами он исчез.

Премия за риск

Рэдер осторожно выглянул в окно. Прямо перед ним была пожарная лестница, а ниже — узкий проход между домами, там стояли выдавшие виды детская коляска и три мусорных бачка. Из-за бачка показалась черная рука, в ней что-то блеснуло. Рэдер упал навзничь. Пуля пробила оконное стекло и вошла в потолок, осыпав Рэдера штукатуркой.

Теперь ясно: проход и лестница охраняются, как и дверь.

Он лежал, вытянувшись во всю длину на потрескавшемся линолеуме, глядя на дырку, пробитую в потолке, и прислушивался к шуму за дверью. Его лицо, грязное и усталое, с воспаленными глазами и двухдневной щетиной на подбородке, было искажено от страха — оно то застывало, то вдруг подергивалось, но в нем теперь ощущался характер, ожидание смерти преобразило его.

Один убийца был в проходе, двое на лестничной клетке. Он в ловушке. Он мертв.

Конечно, Рэдер еще двигался, еще дышал, но это лишь по нерасторопности смерти. Через несколько минут она займется им. Смерть понаделает дыр в его теле и на лице, мастерски разукрасит кровью его одежду, сведет руки и ноги в причудливом пируэте могильного танца. Рэдер до боли закусил губу. Хочется жить! Должен же быть выход! Он перекатился

на живот и осмотрел дешевую грязную квартирку, в которую его загнали убийцы. Настоящий однокомнатный гроб. Дверь стерегут, пожарную лестницу тоже. Вот только крошечная ванная без окна...

Он вполз в ванную и поднялся на ноги. В потолке была неровная дыра, почти в ладонь шириной. Если бы удалось сделать ее пошире и пролезть в квартиру, что наверху...

Нослышался глухой удар. Убийцам не терпелось. Они начали взламывать дверь.

Он осмотрел дыру в потолке. Нет, об этом даже и думать нечего. Не хватит времени.

Они вышибали дверь, побрякивая при каждом ударе. Скоро выскочит замок или петли вылетят из подгнившего дерева. Тогда дверь упадет и двое с пустыми, бесцветными лицами войдут, стряхивая пыль с пиджаков...

Но ведь кто-нибудь поможет ему! Он вытащил из кармана крошечный телевизор. Изображение было нечетким, но он не стал ничего менять. Звук шел громко и ясно.

Он прислушался к профессионально поставленному голосу Майка Терри.

— ...ужасная дыра, — сетовал Терри. — Да, друзья, Джим Рэдер попал в ужасную переделку. Вы, конечно, помните, что он скрывался под чужим именем в третьесортном отеле на Бродвее. Казалось, он был в безопасности. Но коридорный узнал его и сообщил банде Томпсона...

Дверь трещала под непрерывными ударами. Рэдер слушал, вцепившись в маленький телевизор.

— Джиму Рэдеру еле удалось бежать из отеля. Преследуемый по пятам, он вбежал в каменный дом номер сто нятнадцать шесть по Уэст-энд-авеню. Он хотел уйти по крышам. И это могло бы ему удастся, друзья, да, могло бы! Но дверь на чердак оказалась запертой, Казалось, что Джиму конец... Но тут Рэдер обнаружил, что квартира номер семь не заперта и что

в ней никого нет. Он вошел... — Здесь Терри сделал эффектную паузу и воскликнул:

— И вот он попался! Попался как мышь в мышеловку! Банда Томпсона взламывает дверь! Она охраняет и пожарную лестницу. Наша телекамера, расположенная в соседнем доме, дает сейчас всю картину крупным планом. Взгляните, друзья!

Неужели у Джима Рэдера не осталось никакой надежды?

«Неужели никакой надежды?» — повторил про себя Рэдер, обливаясь потом в темной маленькой ванной, слушая настоячивые удары в дверь.

— Минуточку! — вскричал вдруг Маш Терри. — Держись, Джим Рэдер! Подержись еще хоть немного. Может, и есть надежда! Только что по специальной линии мне позвонил один из наших зрителей — срочный звонок от доброго самаритянина. Этот человек полагает, что сможет помочь тебе, Джим. Ты слышишь нас, Джим Рэдер?

Джим слышал, как дверные петли вылетают из досок.

— Давайте, сэр, давайте! — поторапливал Майк Терри. — Как ваше имя?

— Ээ... Феликс Бартоломью.

— Спокойнее, мистер Бартоломью. Говорите сразу...

— Хорошо. Так вот, мистер Рэдер, — начал дрожащий старческий голос. — Мне пришлось в свое время жить в доме сто пятьдесят шесть по Уэст-энд-авеню, как раз в той самой квартире, где вас заперли. Так вот, там есть окно в ванной. Оно заделано, но оно есть.

Рэдер сунул телевизор в карман. Он определил очертания окна и стукнул по нему. Зазвенели осколки стекла, и в ванную ворвался ослепительный дневной свет. Отбив острые зазубрины с рамы, он взглянул вниз.

Там, глубоко внизу, был бетонный двор.

Дверные петли вылетели. Рэдер услышал, как распахнулась дверь. Он молниеносно перебросил тело через окно, повис на руках и прыгнул.

Падение оглушило его. Шатаясь, он еле встал на ноги. В окне ванной появилось лицо.

— Везет дураку, — сказал человек, высываясь и старательно наводя на Рэдера коротенькое курносое дуло револьвера.

И в этот момент в ванной взорвалась дымовая бомба.

Пуля убийцы просвистела мимо, он с проклятием обернулся. Во дворе тоже взорвались бомбы, и дым окутал Рэдера.

Он услышал, как в кармане, где лежал телевизор, неистовствовал голос Майка Терри:

— А теперь спасайся! Беги, Джим Рэдер, спасай свою жизнь! Скорей, пока убийцы ослепли от дыма. И спасибо вам, добрая самаритянка Сара Уинтерс, дом 3412 по Эдгар-стрит, за то, что вы пожертвовали эти пять дымовых бомб и наняли человека, бросившего их!

Уже спокойнее Терри продолжал:

— Сегодня вы спасли жизнь человеку, миссис Уинтерс. Не расскажете ли нашим слушателям, как...

Дальше Рэдер не слушал. Он мчался по запыленному двору, мимо веревок с бельем, прочь, на улицу. Потом, съездившись, чтобы казаться меньше ростом, он поилелся, едва волоча ноги, по Шестидесят третьей улице. От голода и бессонной ночи кружилась голова.

— Эй, вы!

Рэдер обернулся. Какая-то женщина средних лет, сидевшая на ступеньках дома, сурово смотрела на него.

— Вы ведь Рэдер, правильно? Тот самый, кого они пытаются убить?

Рэдер повернулся, чтобы уйти.

— Заходите сюда, — сказала женщина.

Может, это и западня. Но Рэдер знал, что должен полагаться на щедрость и добросердечие простых людей. Ведь он был их представителем, как бы их копией — обыкновенным парнем, попавшим в беду. Без них он бы пропал.

«Доверяйте людям, — сказал ему Майк Терри. — Они никогда вас не подведут».

Он прошел за женщиной в гостиную. Она велела ему присесть, сама вышла из комнаты и тотчас вернулась с тарелкой тушеного мяса. Женщина стояла и смотрела на него, пока он ел, словно на обезьяну в зоопарке, грызущую земляные орехи.

Двое детишек вышли из кухни и стали глазеть на него. Потом трое мужчин в комбинезонах телестудии вышли из спальни и навели на него телекамеру.

В гостиной стоял большой телевизор. Торопливо глотая пищу, Рэдер следил за изображением на экране и прислушивался к громкому проникновенно-взволнованному голосу Майка Терри.

— Он здесь, друзья, — говорил Терри. — Джим Рэдер здесь, и он впервые прилично поел за последние два дня. Нашим операторам пришлось поработать, чтобы передать это изображение! Спасибо, ребята ... Друзья, Джим Рэдер нашел кратковременное убежище у миссис Вельмы О'Делл в доме триста сорок три по Шестьдесят третьей улице. Спасибо вам, добрая самаритянка миссис О'Делл! Просто изумительно, что люди из самых различных слоев принимают так близко к сердцу судьбу Джима Рэдера!

— Вы лучше поторопитесь, — сказала миссис О'Делл.

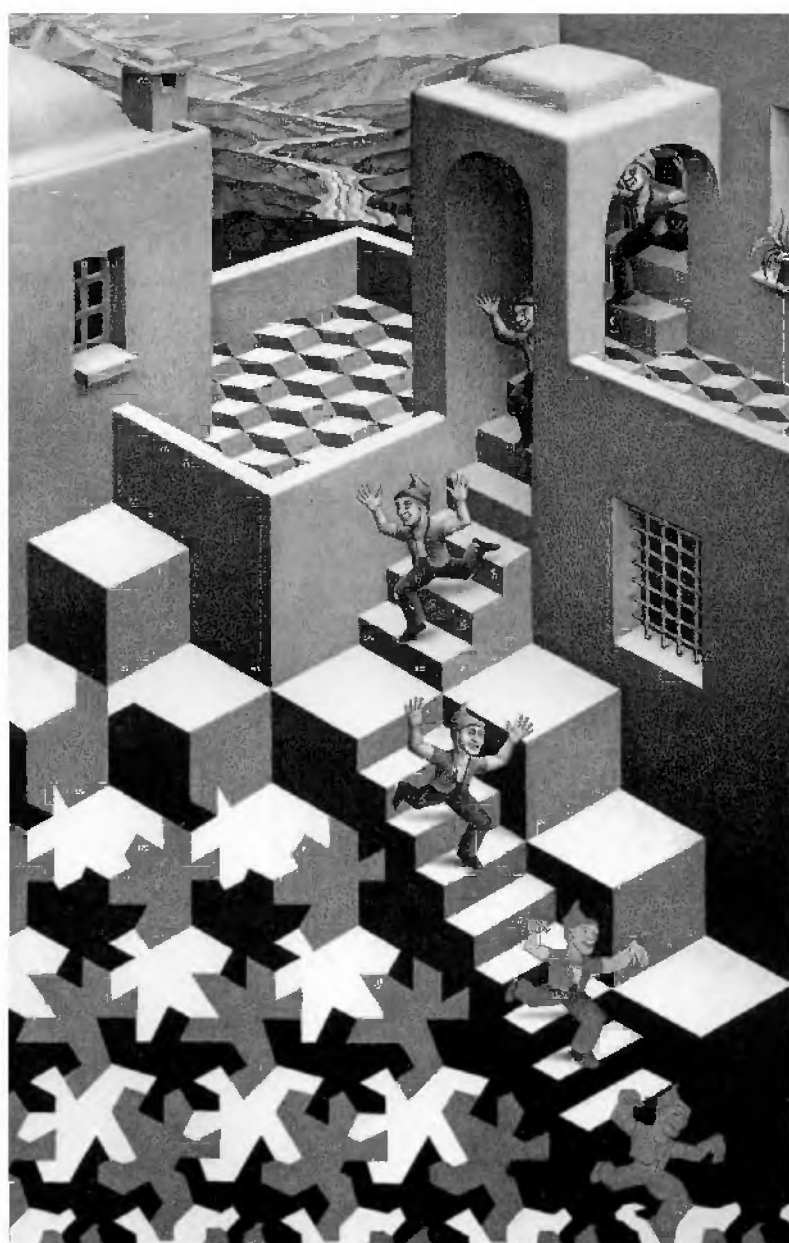
— Да, мэм.

— Я вовсе не хочу, чтоб у меня на квартире началась эта пальба.

— Я кончаю, мэм.

Один из детей спросил:

— А они вправду собираются убить его?

— Заткнись! — бросила миссис О'Делл.

— Да, Джим, — причитал Майк Терри, — поторопись, Джим. Твои убийцы уже недалеко. И они совсем не глупы, Джим. Они злобны, испорчены, они изуверы — это так. Но совсем не глупы. Они идут по кровавому следу — кровь капает из твоей рассеченной руки, Джим!

Рэдер только сейчас заметил, что, вылезая из окна, он рассек руку.

— Давайте я забинтую, — сказала миссис О'Делл.

Рэдер встал и позволил ей забинтовать руку. Потом она дала ему коричневую куртку и серую шляпу с полями.

— Мужнино, — сказала она.

— Он переоделся, друзья! — восторженно кричал Майк Терри. — О, это уже нечто новое! Он переоделся! Ему остается всего семь часов, и тогда он спасен!

— А теперь убирайтесь, — сказала миссис О'Делл.

— Ухожу, мэм, — сказал Рэдер. — Спасибо.

— По-моему, вы дурак, — сказала она. — Глупо было связываться со всем этим.

— Да, мэм.

— Нестоящее дело.

Рэдер поблагодарил ее и вышел. Он зашагал к Бродвею, спустился в подземку, сел в поезд в сторону Пятьдесят девятой, потом в поезд, направляющийся к Восемьдесят девятой. Там он купил газету и пересел в другой поезд.

Он взглянул на часы. Оставалось еще шесть с половиной часов.

Поезд помчался под Манхэттенем. Рэдер дремал, надвинув шляпу на глаза и спрятав под газетой забинтованную руку. Не узнал ли его кто-нибудь? Ускользнул ли он от банды Томпсона? Или кто-нибудь звонит им как раз в эту минуту?

В полудреме он думал, удалось ли ему обмануть смерть. Или же он просто одушевленный, думающий труп и движется

только потому, что смерть нерасторопна? О Господи, до чего же она медлительна! Джим Рэдер давно убит, а все еще бродит по земле и даже отвечает на вопросы в ожидании своего погребения.

Вздвогнув, он открыл глаза. Что-то приснилось... что-то неприятное... А что — не мог вспомнить. Снова закрыл глаза и как сквозь сон вспомнил время, когда он еще не знал этой беды.

Это было два года назад. Высокий приятный малый работал у шофера грузовика подручным. Никакими талантами он не обладал, да и не мечтал ни о чем.

За него это делал маленький шофер грузовика.

— А почему бы тебе не попытаться счастья в телепередаче, Джим? Будь у меня твоя внешность, я бы попробовал. Они любят выбирать для состязаний таких приятных парней, ничем особенно не выдающихся. Такие всем нравятся. Почему бы тебе не заглянуть к ним?

И Джим Рэдер заглянул. Владелец местного телевизионного магазина объяснил ему все подробно:

— Видишь ли, Джим, публике уже осточертели все эти тренированные спортсмены с их чудесами реакции и профессиональной храбростью. Кто будет переживать за таких парней? Кто может видеть в них ровню себе? Конечно, всем хочется чего-то будоражащего, но не такого, чтоб это регулярно устраивал какой-то профессионал за пятьдесят тысяч в год. Вот почему профессиональный спорт переживает унадок и так расцвели эти телепрограммы, от которых захватывает дух.

— Ясно, — сказал Рэдер.

— Шесть лет назад, Джим, конгресс принял закон о добровольном самоубийстве. Эти старики сенаторы наговорили черт знает сколько насчет свободной воли, самоопределения и собственного усмотрения. Только все это чушь. Сказать тебе, что на самом деле означает этот закон? Он означает, что

любой, а не только профессионал, может рискнуть жизнью за солидный куш. Раньше, если ты хотел рискнуть за большие деньги, хотел, чтобы тебе законным нутем вышибли мозги, ты должен был быть или профессиональным боксером, или футболистом, или хоккеистом. А теперь простым людям вроде тебя, Джим, тоже предоставлена такая возможность.

— Ясно, — повторил Рэдер.

— Великолепнейшая возможность. Взять, например, тебя. Ты ведь ничем не лучше других. Все, что можешь сделать ты, может сделать и другой. Ты обыкновенный человек. Я думаю, что эти телебоевики как раз для тебя.

И Рэдер позволил себе помечтать. Телепостановка, казалось, открывала молодому человеку без особых талантов и подготовки путь к богатству. Он написал письмо в отдел передач «Опасность» и вложил в конверт свою фотографию.

«Опасность» им заинтересовалась. Компания Джи-би-си выяснила о нем все подробности и убедилась, что он достаточно зауряден, чтобы удовлетворить самых недоверчивых телезрителей. Они также проверили его происхождение и связи. Наконец его вызвали в Нью-Йорк, где с ним беседовал мистер Мульян.

Мульян был чернявым и очень энергичным; разговаривая, он все время жевал резинку.

— Вы подойдете, — выпалил он. — Только не для «Опасности». Вы будете выступать в «Авариях». Это дневная полурасовка по третьей программе.

— Здорово! — сказал Рэдер.

— Меня благодарить не за что. Тысяча долларов премии, если победите или займете второе место, и утешительный приз в сотню долларов, если проиграете. Но это не так важно.

— Да, сэр.

— «Аварии» — это маленькая передача. Джи-би-си использует ее в качестве экзамена. Те, кто займет первое и вто-

рое места в «Авариях», будут участвовать в «Критическом положении». А там премии гораздо выше.

— Я знаю это, сэр.

— Кроме «Критического положения», есть и другие перwokлассные боевики ужасов: «Опасность» и «Подводный риск», их телепередачи транслируются по всей стране и сулят огромные премии. А уж там можно пробиться и к настоящему. Успех будет зависеть от вас.

— Буду стараться, сэр, — сказал Рэдер.

Мульян на мгновение перестал жевать резинку, и в голосе его прозвучало что-то вроде почтения:

— Вы можете добиться успеха, Джим. Главное, помните: вы народ, а народ может все.

Они распрощались. Через некоторое время Рэдер подписал бумагу, освобождающую Джн-би-си от всякой ответственности на случай, если он во время состязания лишится частей тела, рассудка или жизни. Потом подписал другую бумажку, подтверждающую, что он использует свое право на основании закона о добровольном самоубийстве.

Через три недели он дебютировал в «Авариях».

Программа была построена по классическому образцу автомобильных гонок. Неопытные водители садились в мощные американские и европейские гоночные машины и мчались по головокружнательной двадцатимильной трассе. Рэдер задрожал от страха, когда включил не ту скорость и его огромный «Мазерати» рванулся с места.

Гонки были кошмаром, полиым криков, воилей и запаха горящих автомобильных шин. Рэдер держался сзади, предоставив первым разбиваться всмятку на крутых виражах. Когда шедший перед ним «Ягуар» врезался в «Альфу-ромео» и обе машины с ревом вылетели на вспаханное поле, он выкарабкался на третье место. Рэдер пытался выйти на второе место на последнем трехмильном перегоне, но не смог —

было слишком тесно. Раз он чуть не вылетел на зигзагообразном повороте, но ухитрился снова вывести машину на дорогу, по-прежнему удерживая третье место. На последних пятидесяти ярдах у лидирующей машины полетел коленчатый вал, и Рэдер кончил гонки вторым.

Трофеи его исчислялись тысячью долларов. Он получил четыре письма от своих поклонников, а какая-то дама из Ошкоша прислала ему пару кашпо для цветов. Теперь его пригласили участвовать в «Критическом положении».

В отличие от других программ в «Критическом положении» прежде всего нужна была личная инициатива. Перед началом боевика Рэдера лишили сознания с помощью безвредного наркотика. Очнулся он в кабине маленького аэроплана — автопилот вывел машину на высоту десять тысяч футов. Бак с горючим был уже почти пуст. Парашюта не было. И вот ему, Джиму Рэдеру, предстояло посадить самолет.

Разумеется, раньше он никогда не летал. В отчаянии Рэдер хватался за все рычаги управления, вспоминая, как участник такой же программы на прошлой неделе очнулся в подводной лодке, открыл не тот клапан и затонул.

Тысячи зрителей затаив дыхание следили за тем, как обыкновенный парень, такой же, как они, искал выход из этого положения. Джим Рэдер — это они же сами. И все, что мог сделать Джим, могли сделать и они. Он был из народа, он был их представителем.

Рэдеру удалось снуститься и произвести что-то вроде посадки. Самолет перевернулся несколько раз, но ремни оказались надежными, а баки с горючим, как ни странно, не взорвались.

Джим выбрался из этой заварушки с двумя поломанными ребрами, тремя тысячами долларов и правом участия в передаче «Тореадор», когда ребра его заживут.

Наконец-то первоклассный боевик! За «Тореадора» платили десять тысяч долларов. И единственное, что он должен

был сделать, — это заколоть шпагой огромного черного быка, как это делают настоящие опытные тореадоры.

Состязание проводилось в Мадриде, потому что бой быков все еще находился под запретом в Соединенных Штатах. Передача транслировалась по всей стране.

Куадрилья Рэдеру попалась хорошая. Этим людям нравился долговязый медлительный американец. Пикадоры по-настоящему орудовали пиками, желая поубавить пыл у быка. Бандерильеры старались как следует погонять быка, прежде чем колоть его своими бандерильями. Авторой матадор, грустный человек из Альгесираса, чуть не сломал быку шею своими обманными движениями.

Но когда было сделано и сказано все что нужно, на песке остался Джим Рэдер, неуклюже сжимавший красную мулету в левой руке и шпагу в правой, один на один с окровавленной тысячекилограммовой громадой быка. Кто-то закричал: «Коли его в легкое, хомбре! Не строй из себя героя, коли в легкое!» Но Джим помнил только одио: «Прицелься шпагой и коли позади рогов», — говорил ему технический консультант в Нью-Йорке.

Он так и колот, но шпага отскочила, наткнувшись на кость, и бык поддел Рэдера рогами, перебросив его через спину. Он поднялся на ноги, каким-то чудом оставшись без дырки в теле, взял другую шпагу и, закрыв глаза, стал снова колоть позади рогов. И Бог, который хранит детей и дураков, видно, пекся о нем, потому что шпага вошла в тело быка, как иголка в масло. Бык, взглянув на него испуганно и недоверчиво, обмяк и рухнул.

На сей раз заилатели десять тысяч долларов, а сломанная ключица зажила в совершенно нустячный срок. Рэдер получил двадцать три письма от своих поклонников, и среди них был страстный призыв какой-то девушки из Атлантик-сити, которым он пренебрег. Кроме того, ему предложили принять участие в новой передаче.

Теперь Рэдер не был таким простаком. Он отлично сознавал, что чуть не поилатился жизнью за весьма умеренную сумму карманных денег. Большой куш был впереди, и если уж стараться, то лишь ради него.

Так Рэдер появился в «Подводном риске», который оплачивала фирма «Мыло красоты». В акваланге, с ластами и балластным поясом, вооруженный ножом, он вместе с четырьмя другими участниками состязания нырнул в теплые воды Карибского моря. Туда же опустили защищенных решеткой телекамеру и операторов. Состязавшиеся должны были разыскать и вытащить из воды сокровище, спрятанное там представителями фирмы, которая оплачивала программу.

Само по себе подводное плавание не было особенно опасным. Но организаторы состязаний постарались для привлечения публики оживить его различными пикантными деталями. Местность была нашпигована гигантскими спрутами, муренами, акулами разных видов, ядовитыми кораллами и другими ужасами морских глубин.

Зрелище получилось захватывающее. Один из участников состязания сумел добраться до сокровища, лежавшего в глубокой расщелине, но тут мурена добралась до него самого. Другой ухватился за сокровище в тот самый момент, когда за него ухватилась акула. Сине-зеленые воды морских глубин окрасились кровью — по цветному телевидению это было хорошо видно. Сокровище ускользнуло на дно, и тут за ним нырнул Рэдер. От большого давления у него чуть не лопнули барабанные перепонки. Он подобрал бесценный груз, отцепил свой балластный пояс, чтобы всплыть. В тридцати футах от поверхности ему пришлось бороться за сокровище с другим участником состязания.

Маневрируя под водой, они размахивали ножами. Противник рассек Рэдеру грудь. Но Рэдер с самообладанием быва-

лого борца отбросил нож и вырвал у противника трубку, по которой постунал воздух.

На этом все кончилось. Рэдер всплыл на поверхность и передал на стоявшую поблизости лодку спасенное сокровище. Им оказалась партия мыла «Величайшее из сокровищ», изготовленное фирмой «Мыло красоты».

Он получил двадцать две тысячи долларов наличными и триста восемь писем от поклонников, в числе которых было одно заслуживающее внимания — предложение девушки из Макона. Он серьезно задумался над этим. Рэдера положили в больницу, где ему бесилатно лечили рассеченную грудь и барабанные перепонки, а также делали прививки против коралловой инфекции.

И вот новое приглашение в крунейший боевик «Премия за риск».

Тут-то и начались настоящие неприятности...

Внезапная остановка поезда вывела его из задумчивости. Рэдер сдвинул шляпу и увидел, что мужчина напротив поглядывает на него и что-то шепчет толстой соседке. Неужели его узнали?

Как только двери раскрылись, он вышел и взглянул на часы. Оставалось еще пять часов.

На станции Манхассет он сел в такси и попросил отвезти его в Нью-Сэлем.

— В Нью-Сэлем? — переспросил шофер, разглядывая его в зеркальце над ветровым стеклом.

— Точно.

Шофер включил свою рацию: «Плата до Нью-Сэлема. Да, правильно, Нью-Сэлема. Нью-Сэлема».

Они тронулись. Рэдер нахмурился, размышляя, не было ли это сигналом. Конечно, ничего необычного, таксисты всегда сообщают о поездке своему диспетчеру. И все же в голосе шофера было что-то...

— Высадите меня здесь, — сказал Рэдер.

Заплатив, он отправился пешком вдоль узкой проселочной дороги, петлявшей по жидкому лесу. Деревья тут были слишком редкие и низкорослые для того, чтобы укрыть его. Рэдер продолжал шагать в поисках убежища.

Сзади послышался грохот тяжелого грузовика. Рэдер все шагал, низко надвинув шляпу на глаза. Однако, когда грузовик подошел ближе, он вдруг услышал голос из телеприемника, спрятанного в кармане: «Берегись!»

Он кинулся в канаву. Грузовик, накренившись, промчался рядом, едва не задев его, и со скрежетом затормозил. Шофер кричал:

— Вот он! Стреляй, Гарри, стреляй!

Рэдер бросился в лес, пули сшибали листья с деревьев над его головой.

— Это случилось снова! — заговорил Майк Терри, его голос звенел от возбуждения. — Боюсь, что Джим Рэдер позволил себе успокоиться, поддавшись ложному чувству безопасности. Ты не должен делать этого, Джим! Ведь на карту поставлена твоя жизнь! За тобой гонятся убийцы! Будь осторожен, Джим, осталось еще четыре с половиной часа!

Шофер сказал:

— Гарри, Клод, а ну быстро на грузовик! Теперь он попался.

— Ты попался, Джим Рэдер! — воскликнул Майк Терри. — Но они еще не схватили тебя! И можешь благодарить добрую самаритянку Сьюзи Петерс, проживающую в доме двенадцать по Эм-стрит, в Саут Орандже, штат Нью-Джерси, за то, что она предупредила тебя, когда грузовик приближался! Через минуту мы покажем вам крошку Сьюзи... Взгляните, друзья, вертолет нашей студии прибыл на место действия. Теперь вы можете видеть, как бежит Джим Рэдер и как убийцы окружают его...

Пробежав сотню ярдов по лесу, Рэдер очутился на бетонированной автостраде. Позади остался редкий перелесок. Один из бандитов бежал оттуда прямо к нему. Грузовик, въехав на автостраду, тоже мчался к нему.

И вдруг с противоположной стороны выскочила легковая машина. Рэдер выбежал на шоссе, отчаянно размахивая руками. Машина остановилась.

— Скорей! — крикнула молодая блондинка, сидевшая за рулем.

Рэдер юркнул в машину. Девушка круто развернула ее. Пуля шлепнулась в ветровое стекло. Девушка изо всех сил жала на акселератор, они чуть не сшибли бандита, стоящего у них на пути.

Машина успела проскочить, прежде чем грузовик подъехал на расстояние выстрела.

Рэдер, откинувшись на сиденье, илотно сомкнул веки. Девушка сосредоточила все внимание на езде, поглядывая время от времени в зеркальце на грузовик.

— Это случилось опять! — кричал Майк Терри в экстазе. — Джим Рэдер снова вырван из когтей смерти благодаря помощи доброй самаритянки Дженис Морроу, проживающей в доме четыреста тридцать три по Аексингтон-авеню, Нью-Йорк. Вы видели когда-нибудь что-либо подобное, друзья? Мисс Морроу промчалась под градом пуль и вырвала Джима Рэдера из рук смерти! Позднее мы проинтервьюируем мисс Морроу и расспросим о ее ощущениях. А сейчас, пока Джим мчится прочь, — может быть, навстречу спасению, а может, навстречу новой опасности — прослушайте кратенькое объяснение организаторов передачи. Не отходите от телевизоров! Джиму осталось четыре часа десять мнут, и тогда он в безопасности. Но... Всякое может случиться.

— О'кей, — сказала девушка, — теперь нас отключили. Черт возьми, Рэдер, что с вами творится?

— А? — спросил Рэдер.

Девушке было немногим больше двадцати. Она казалась хорошенькой и неприступной. Рэдер заметил, что у нее приятное лицо, аккуратная фигурка. Еще он заметил, что она злится.

— Мисс, — сказал он. — Не знаю, как и благодарить вас.

— Поговорим начистоту, — сказала Дженис Морроу. — Я вообще не добрая самаритянка. Я на службе у Джн-би-си.

— Так это они решили меня спасти!

— Какая сообразительность! — сказала она.

— А почему?

— Видите ли, Рэдер, это дорогая программа. И мы должны дать хорошее представление. Если число слушателей уменьшится, то мы окажемся на улице. А вы нам не помогаете.

— Как? Почему?

— Да потому, что вы просто ужасны, — сказала девушка с раздражением, — вы не оправдали наших надежд и никуда не годитесь. Что вам, жизнь надоела? Неужели вы ничему не научились?

— Я стараюсь изо всех сил.

— Да люди Томпсона могли бы вас прихлопнуть десять раз. Просто мы сказали им, чтоб они полегче, не торопились. Ведь это все равно что стрелять в глиняную шести-футовую птичку. Люди Томпсона идут нам навстречу, но сколько они могут притворяться? Если бы я сейчас не подъехала, им бы пришлось убить вас, хотя время передачи еще не истекло.

Рэдер смотрел на нее, не понимая, как может хорошенькая девушка говорить такое. Она взглянула на него, потом быстро перевела взгляд на дорогу.

— И не смотрите на меня так! — сказала она. — Вы сами решили рисковать жизнью за деньги, герой. И за большие деньги. Вы знали, сколько вам заплатят. Поэтому не стройте из

себя бедняжку бакалейщика, за которым гонятся злые хулиганы.

— Знаю, — сказал Рэдер.

— Так вот, если вы не сможете выпутаться, то постарайтесь хоть умереть как следует.

— Нет, не правда, вы не это хотели сказать, — заговорил Рэдер.

— Вы так уверены? До конца передачи осталось еще три часа сорок минут. Если сможете выжить, отлично. Тогда ваша взяла. А если нет, то заставьте их хоть побегать за эти деньги.

Рэдер кивнул, не отрывая от нее взгляда.

— Через несколько секунд мы снова будем в эфире. Я разыграю поломку автомобиля и выпущу вас. Банды Томпсона пока не видно. Они убьют вас теперь, как только им это удастся. Ясно?

— Да, — сказал Рэдер. — Если я уцелею, смогу я когда-нибудь вас увидеть?

Она сердито прикусила губу.

— Вы что, одурачить меня хотите?

— Нет, просто хочу вас снова увидеть. Можно?

Она с любопытством взглянула на него:

— Не знаю. Оставьте это. Мы почти приехали. Думаю, вам лучше держаться леса. Готовы?

— Да. Где я смогу найти вас? Я хочу сказать — потом, после этого...

— О Рэдер, вы совсем не слушаете. Бегите по лесу, пока не найдете овражек. Он небольшой, но там хоть укрыться можно.

— Как мне найти вас? — снова спросил Рэдер.

— Найдете по телефонной книжке Маихэттена, — она оставила машину. — О'кей, Рэдер, бегите.

Он открыл дверцу.

— Подождите, — она наклонилась и поцеловала его. — Желаю вам успеха, болван. Позвоните, если выпутаетесь.

Он выскочил и бросился в лес.

Он бежал между берез и сосен, мимо уединенного домика, где из большого окна на него глазело множество лиц. Кто-то из обитателей этого домика, должно быть, и позвал бандитов, потому что они были совсем близко, когда он добрался до вымытого дождями небольшого овражка. «Эти степенные, уважающие себя граждане не хотят, чтобы я спасся, — с грустью подумал Рэдер. — Они хотят посмотреть, как меня убьют». А может, они хотят посмотреть, как он будет на волосок от смерти и все же избежит ее?

Он спустился в овражек, зарылся в густые заросли и замер. Бандиты Томпсона показались по обе стороны оврага. Они медленно шли вдоль него, внимательно вглядываясь. Рэдер сдерживал дыхание.

Послышался выстрел. Это один из бандитов подстрелил белку. Поверещав немного, она смолкла.

Рэдер услышал над головой гул вертолета телестудии. Наведены ли на него телекамеры? Вполне возможно. Если какой-нибудь добрый самаритянин поможет ему...

Глядя в небо, в сторону вертолета, Рэдер придал лицу подобающее благочестивое выражение и сложил руки. Он молился про себя, потому что публике не нравилось, когда выставляли напоказ свою религиозность. Но губы его шевелились.

Он шептал настоящую молитву. Ведь однажды глухонемой, смотревший передачу, разоблачил беглеца, который вместо молитвы шептал таблицу умножения. А такие штучки не сходят с рук!

Рэдер закончил молитву. Взглянув на часы, он убедился, что осталось еще почти два часа.

Он не хотел умирать! Сколько бы ни заилатили, умирать не стоило! Он просто с ума сошел, был совершенно не в своем уме, когда согласился на это...

Но Рэдер знал, что это неправда. Он был в здравом уме и твердой памяти.

Всего неделю назад он стоял на эстраде в студии «Премии за риск», мигая в свете прожекторов, а Майк Терри тряс ему руку.

— Итак, мистер Рэдер, — сказал Терри серьезно, — вы поняли правила игры, которую собираетесь начать?

Рэдер кивнул.

— Если вы примете их, то всю неделю будете человеком, за которым охотятся. За вами будут гнаться убийцы, Джим. Опытные убийцы, которых закон преследовал за преступления, но им дарована свобода для совершения этого единственного вполне законного убийства, и они будут стараться, Джим. Вы понимаете?

— Понимаю, — сказал Рэдер. Он понимал также, что выиграет двести тысяч долларов, если сумеет продержаться в живых эту неделю.

— Я снова спрашиваю вас, Джим Рэдер. Мы никого не ставляем играть, ставя на карту свою жизнь.

— Я хочу сыграть, — сказал Рэдер.

Майк Терри повернулся к зрителям.

— Аеди и джентльмены, — сказал он. — У меня есть результаты исчерпывающего психологического исследования, сделанного по нашей просьбе незаинтересованной фирмой. Всякий, кто пожелает, может получить копию этого заключения, выслав двадцать пять центов на покрытие почтовых расходов. Исследование показало, что Джим Рэдер вполне нормальный, психически уравновешенный человек, полностью отвечающий за свои поступки. — Он повернулся к Рэдеру. — Вы все еще хотите принять участие в состязании, Джим?

— Да, хочу.

— Отлично! — закричал Майк Терри. — Итак, Джим Рэдер, познакомьтесь с теми, кто будет стараться убить вас!

Под свист и улюлюканье зрителей на сцену стала выходить банда Томпсона.

— Взгляните на них, друзья, — произнес Майк Терри с нескрываемым презрением. — Только поглядите на них. Это человеконенавистники, коварные, злобные и абсолютно безнравственные. Для этих людей не существует других законов, кроме уродливых законов преступного мира, не существует других понятий чести, кроме тех, что необходимы трусливому наемному убийце.

Публика волновалась.

— Что вы можете сказать, Клод Томпсон? — спросил Терри.

Клод, выступавший от лица банды, подошел к микрофону. Он был худой, гладко выбритый и старомодно одетый человек.

— Я так думаю, — сказал он хрипло, — я так думаю, мы не хуже других. Ну, вроде как солдаты на войне, они-то убивают. А возьми эти всякие там взятки или подкуп в правительстве или профсоюзах. Да все берут кто во что горазд.

Больше ничего Томпсон не мог сказать. Но как быстро и решительно Майк Терри опроверг доводы убийцы! Он разбил его в пух и прах! Вопросы Терри били точно в цель — прямо в жалкую душонку Томпсона.

К концу интервью Клод Томпсон основательно вспотел и, вытирая лицо шелковым илатком, бросал быстрые взгляды на своих сообщников.

Майк Терри положил руку на илечо Рэдери:

— Вот человек, который согласился стать вашей жертвой; если только вы сможете поймать его.

— Поймаем, — сказал Томпсон, к которому сразу же вернулась уверенность.

— Не будьте так самонадеянны, — сказал Терри. — Джим Рэдер дрался с дикими быками — теперь он выступает против

шакалов. Он средний человек. Он из народа... Он — сам народ. Народ, который прикоичит вас и вам подобных.

— Все равно ухлопаем, — сказал Томпсон.

— И еще, — продолжал Терри спокойно и проникновенно. — Джим Рэдер не одинок. Простые люди Америки на его стороне. Добрые самаритяне во всех уголках нашей необъятной страны готовы прийти ему на помощь. Безоружный и незащищенный Джим Рэдер может рассчитывать на добросердечие. Он — их представитель! Так что не будьте слишком уверены в себе, Клод Томпсон! Обыкновенные люди, простые люди выступают за Джима Рэдера, а их ведь очень много, простых людей!

Рэдер размышлял об этом, лежа неподвижно в густых зарослях на дне овражка. Да, люди помогали ему. Но они помогали и его убийцам.

Джим содрогнулся; он сам сделал выбор и только сам за все ответствен. Это подтверждено психологическим исследованием.

И все-таки в какой мере были ответственны психологи, которые его обследовали? А Майк Терри, посуливший такую кучу денег бедному человеку? Общество силело петлю и набросило ее на него, а он, с петлей на шее, называл это свободным волеизъявлением.

Кто же в этом виноват?

— Ага! — послышался чей-то возглас. Рэдер поднял взгляд и увидел над собой унитанного илотного мужчину. На нем была пестрая куртка из твида. На шее висел бинокль, а в руках он держал трость.

— Мистер, пожалуйста, не говорите...

— Эй! — заорал толстяк, указывая на него тростью. — Вот он!

«Сумасшедший, — подумал Рэдер. — Проклятый дурак, наверное, думает, что они тут играют в прятки!»

— Сюда, сюда! — визжал мужчина.

Рэдер, ругаясь, вскочил на ноги и бросился прочь. Выбежав из овражка, он увидел в отдалении белое здание. К нему он и кинулся. Сзади кричал толстяк:

— Вон туда, туда! Да глядите же, болваны, вы не видите его, что ли?

Бандиты снова открыли стрельбу. Рэдер бежал, спотыкаясь о кочки. Он поравнялся с игравшими детьми.

— Вот он! — завизжали дети. — Вот он!

Рэдер застонал и бросился дальше. Добравшись до ступенек белого здания, он обнаружил, что это церковь.

В этот момент пуля ударила ему в ногу, возле колена.

Он упал и пополз в здание церкви. Телеприемник у него в кармане говорил:

— Что за финиш, друзья мои, что за финиш! Рэдер ранен! Он ранен, друзья мои, он ползет, он страдает от боли, но он не сдался! Нет, не таков Джим Рэдер!

Рэдер лежал в приделе, около алтаря. Он слышал, как детский голосок сказал захлебываясь: «Он вошел туда, мистер Томпсон. Скорее, вы еще можете схватить его».

«Разве церковь не является убежищем, святыней?» — подумал Рэдер.

Дверь распахнулась настежь, и он понял, что никаких обычаев больше не существует. Собравшись с силами, Рэдер пополз за алтарь, потом дальше к заднему выходу.

Он оказался на старом кладбище. Он полз среди крестов, среди мраморных и гранитных надгробных плит, среди каменных надгробий и грубых деревянных дощечек. Пуля стукнула в надгробие над его головой. Рэдер добрался до вырытой могилы и сполз в нее.

Он лежал на спине, глядя в небесную синеву. Вдруг черная фигура нависла над ним, заслонив небо. Звякнул металл. Фигура целилась в него.

Рэдер навсегда распрощался с надеждой.

— Стоп, Томпсон! — голос Майка Терри ревел, усиленный передатчиком.

Револьвер дрогнул.

— Сейчас одна секунда шестого! Неделя истекла! Джим Рэдер победил!

Из студии донесся нестройный приветственный крик публики. Банда Томпсона угрюмо окружила могилу.

— Он победил, друзья, он победил! — надрывался Майк Терри. — Смотрите, смотрите на экраны! Прибыли полицейские, они увозят бандитов Томпсона прочь от их жертвы — жертвы, которую они так и не смогли убить. И все это благодаря вам, добрые самаритяне Америки. Взгляните, друзья мои, бережные руки вынимают Джима Рэдера из могилы, которая была его последним прибежищем. Хорошая самаритянка Дженнис Морроу тоже здесь. Как знать, может, это начало романа? Джим, кажется, в обмороке, друзья, они дают ему возбуждающее. Он выиграл двести тысяч долларов! А теперь несколько слов скажет сам Джим Рэдер!..

Последовала короткая пауза.

— Странно, — сказал Майк Терри. — Друзья, будет сделано все, что в человеческих силах. И все это за наш счет. — Майк Терри бросил взгляд на студийные часы. — А теперь время кончать, друзья. Следите за объявлениями о нашей новой грандиозной программе ужасов. И не расстраивайтесь. Я уверен, что вскоре мы снова увидим Джима Рэдера среди нас.

Майк Терри улыбнулся и подмигнул зрителям.

— Он просто обязан выздороветь. Ведь мы все ставим на него!

«Особый старательский»

Пескоход мягко катился по волнистым дюнам. Его шесть широких колес поднимались и опускались, как грузные крупы упряжки слонов. Невидимое солнце палило сквозь мертвенно-белую завесу небосвода, изливая свой жар на брезентовый верх машины и отражаясь от иссушенных песков.

— Только не засни, — сказал себе Моррисон, выправляя по компасу курс пескохода.

Вот уже двадцать первый день он ехал по Скорпионовой пустыне Венеры. Двадцать первый день он боролся со сном за рулем пескохода, который, качаясь из стороны в сторону, переваливал одну песчаную волю за другой. Ехать по ночам было бы полегче, если бы не приходилось то и дело объезжать крутые овраги и валуны величиной с дом. Теперь он понимал, почему в пустыню направлялись группами: один вел машину, а другой тряс его, не давая заснуть.

— Но в одиночку лучше, — напомнил Моррисон сам себе. — Берешь вдвое меньше припасов и не рискуешь случайно оказаться убитым.

Он начал клевать носом и заставил себя рывком поднять голову. Перед ним, за поляроидным ветровым стеклом, все плясало и зыбилось. Пескоход бросало и качало с предательской мягкостью. Моррисон протер глаза и включил радио.

Это был рослый, загорелый, мускулистый молодой человек с коротко стриженными черными волосами и серыми глазами. Он наскреб двадцать тысяч долларов и приехал на Венеру, чтобы здесь, в Скорпионовой пустыне, заработать себе состояние, как это сделали уже многие до него. В Престо — последнем городке на рубеже днкой пустыни — он обзавелся снаряжением и пескоходом, после чего у него осталось всего десять долларов.

Десяти долларов в Престо хватило как раз на то, чтобы выпить в единственном на весь город салуне. Моррисон заказал виски с содовой, выпил с шахтерами и старателями и посмеялся над рассказами старожилов про стаи пустынных волков и эскадрильи прожорливых птиц, что водились в глубине пустыни. Он знал все о солиечной слепоте, тепловом ударе и о поломке телефона. Он был уверен, что с ним ничего подобного не случится.

Теперь же, пройдя за двадцать один день 1800 миль, он научился уважать эту безводную громаду песка и камня площадью втрое больше Сахары. Здесь в самом деле можно погибнуть!

Но можно и разбогатеть. Именно это и намеревался сделать Моррисон.

Из приемника послышалось гудение. Повернув регулятор громкости до отказа, он едва расслышал звуки танцевальной музыки из Венусборга. Потом звуки замерли.

Он выключил радио и крепко впился обеими руками в руль. Разжав одну руку, он взглянул на часы. Девять пятнадцать утра. В десять тридцать он сделает остановку и вздремнет. В такую жару нужно отдыхать. Но не больше чем полчаса. Где-то впереди ждет сокровище, и ему нужно найти его до того, как кончатся припасы.

Там, впереди, должны быть выходы драгоценной золотоносной породы! Вот уже два дня, как он напал на ее следы.

А что, если он наткнется на настоящее месторождение, как Кэрк в восемьдесят девятом году или Эдмондсон и Арслер в девяносто третьем? Тогда он сделает то же, что сделали они: закажет «Особый старательский» коктейль, сколько бы с него ни содрали.

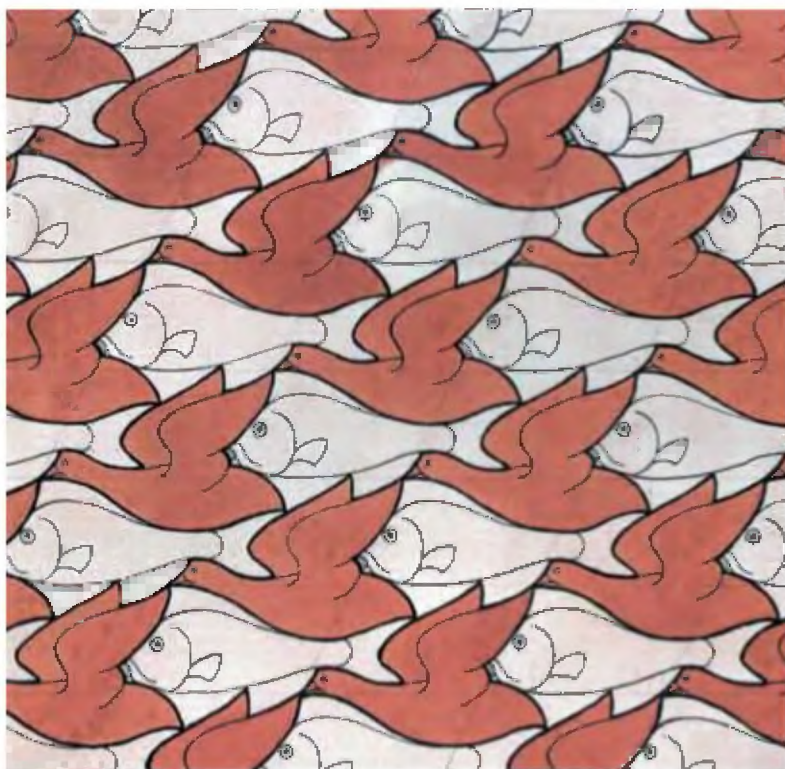
Пескоход катился вперед, делая неизменные тринадцать миль в час, и Моррисон попытался сосредоточиться на опаленной жаром желтовато-коричневой местности. Вон тот выход песчаника точь-в-точь такого же цвета, как волосы Джейн.

Когда он доберется до богатой залежи, то вернется на Землю, кунит себе ферму в океане и они с Джейн пожепятся. Хватит с него старательства! Только бы одну богатую находку, чтобы он мог кунить кусок глубокого синего Атлантического океана. Кое-кто может считать рыбоводство скучным занятием, но его это вполне устраивает.

Он живо представил себе, как стада макрелей пасутся, плавая в иланктоновых садках, а он сам в маленькой подводной лодке, сопровождаемый верным дельфином, посматривает, не сверкнет ли серебром хищная барракуда и не покажется ли из-за коралловых зарослей серо-стальная акула ...

Пескоход бросило вбок. Моррисон очнулся, схватился за руль и изо всех сил повернул его. Пока он дремал, машина съехала с рыхлого гребня дюны. Опасно накренившись, пескоход цеплялся колесами за гребень. Песок и галька летели из-под его широких шин, которые с визгом и воем начали вытягивать машину вверх по откосу. И тут обрушился весь склон дюны.

Моррисон повис на руле. Пескоход завалился на бок и покатился вниз. Песок сыпался в рот и в глаза. Отплевываясь, Моррисон не выпускал руля из рук. Потом машина еще раз перевернулась и провалилась в пустоту. Она падала несколько секунд, а потом рухнула на дно сразу всеми колесами.

Моррисон услышал, как с гулом лопнули обе задние шины. Он ударился головой о ветровое стекло и потерял сознание.

Очнувшись, он прежде всего взглянул на часы. Они показывали десять тридцать пять.

— Самое время вздремнуть, — сказал себе Моррисон. — Но, пожалуй, лучше я сначала выясню ситуацию.

Он обнаружил, что находится на дне неглубокой впадины, усыпанной острыми камешками. От удара лопнули две шины, разбилось ветровое стекло и сорвало дверцу. Снаряжение было разбросано вокруг, но как будто осталось невредимым.

— Могло быть и хуже, — сказал себе Моррисон. Он нагнулся и внимательно осмотрел шины. — Оно и есть хуже, — добавил он.

Обе лопнувшие шины были так изодраны, что починить их было уже невозможно. Запасные колеса он использовал еще десять дней назад, пересекая Чертову Решетку. Использовал и выбросил. Двигаться дальше без шин он не мог.

Моррисон вытащил телефон, стер пыль с черного пластмассового футляра и набрал номер гаража Эла в Престо. Через секунду засветился маленький видеозэкран. Он увидел длинное угрюмое лицо, перепачканное маслом.

— Гараж Эла. Эдди у аппарата.

— Привет, Эдди. Это Том Моррисон. С месяц назад я купил у вас этот пескоход «Дженерал моторс». Помните?

— Конечно, помню, — ответил Эл. — Вы тот самый парень, который поехал один по Юго-западной тропе. Ну как ведет себя таратайка?

— Прекрасно. Замечательная машина. Я вот по какому делу...

— Эй, — перебил его Эдди, — что с вашим лицом?

— Ничего особенного, — сказал он. — Я кувыркнулся с дюны, и лопнули две шины.

Он повернул телефон, чтобы Эдди смог их разглядеть.

— Не починить, — сказал Эдди.

— Так я и думал. А запасные я истратил, когда ехал через Чертову Решетку. Послушайте, Эдди, вы не могли бы теленортировать мне пару шин? Сойдут даже реставрированные. А то без них мне не сдвинуться с места.

— Конечно, — ответил Эдди, — только реставрированных у меня нет. Я телепортирую новые по пятьсот за штуку. Плюс четыреста долларов за теленортровку. Тысяча четыреста долларов, мистер Моррисон.

— Ладно.

— Хорошо, сэр. Если вы покажете мне наличные или чек, я буду действовать.

— В данный момент, — сказал Моррисон, — у меня с собой нет ни цента.

— А счет в банке?

— Исчерпан дочи́ста.

— Облигации? Недвижимость? Хоть что-нибудь, что можно обратить в наличные?

— Ничего, кроме этого пескохода, который вы продали мне за восемь тысяч долларов. Когда вернусь, рассчитаюсь с вами пескоходом.

— Если вернетесь. Мне очень жаль, мистер Моррисон, но ничего не выйдет.

— Что вы хотите сказать? — спросил Моррисон. — Вы же знаете, что я заплачу за шины.

— А вы знаете законы Венеры, — упрямо сказал Эдди. — Никакого кредита! Деньги на бочку!

— Не могу же я ехать на пескоходе без шин, — сказал Моррисон. — Неужели вы меня здесь бросите?

— Кто это вас бросит? — возразил Эдди. — Со старателями такое случается каждый день. Вы знаете, что делать, мистер Моррисон. Позвоните в компанию «Коммунальные услуги» и объявите себя банкротом. Подпишите бумагу о передаче им остатков пескохода и снаряжения и всего, что вы нашли по дороге. Они вас выручат.

— Я не хочу возвращаться, — ответил Моррисон. — Смотрите.

Он поднес аппарат к самой земле.

— Видите, Эдди? Видите эти красные и пурпурные крапинки? Где-то здесь лежит богатая руда!

— Следы находят все, — сказал Эдди.

— Но это богатое место, — настаивал Моррисон. — Следы ведут прямо к чему-то крупному, к большой жиле. Эдди, я

знаю, это очень большое одолжение, но если бы вы рискнули ради меня парой шин...

— Не могу, — ответил Эдди. — Я же всего-навсего здешний служащий. Я не могу телепортировать вам никаких шин, пока вы мне не покажете деньги. Иначе меня выгонят с работы, а может быть, и посадят. Вы знаете закон.

— Деньги на бочку, — мрачно сказал Моррисон.

— Вот именно. Не делайте глупостей и поворачивайте обратно. Может быть, когда-нибудь попробуете еще раз.

— Я двенадцать лет копил эти деньги, — ответил Моррисон. — Я не поверну назад.

Он выключил телефон и попытался что-нибудь придумать. Кому еще здесь, на Венере, он может позвонить? Только Макс Крэндоллу, своему маклеру по драгоценным камням. Но Макс негде взять тысячу четыреста долларов — в своей тесной конторе рядом с ювелирной биржей Венусборга он еле-еле зарабатывает на то, чтобы заплатить домохозяйину.

«Не могу я просить Макса о помощи, — решил Моррисон. — По крайней мере до тех пор, пока не найду золото. Настоящее золото, а не просто его признаки. Значит, остается выпутываться самому».

Он открыл задний борт пескохода и начал разгружать его, сваливая снаряжение на песок. Придется отобрать только самое необходимое: все, что он возьмет, предстоит тащить на себе.

Нужно взять телефон, походный набор для анализов. Концентраты, револьвер, компас. И ничего больше, кроме воды, — столько, сколько он сможет унести. Все остальное придется бросить.

К вечеру Моррисон был готов. Он с сожалением посмотрел на остающиеся двадцать баков с водой. В пустыне вода — самое драгоценное имущество человека, если не считать

телефона. Но ничего не поделаешь. Напившись досыта, он взвалил на плечи мешок и направился на юго-запад, в глубь пустыни.

Три дня он шел на юго-запад, потом, на четвертый день, повернул на юг. Признаки золота становились все отчетливее. Никогда не показывавшееся из-за облаков солище палило сверху, и мертвенно-белое небо смыкалось над ним, как крыша из раскаленного железа. Моррисон шел по следам золота, а по его следам тоже кто-то шел.

На шестой день он уловил какое-то движение, но это было так далеко, что он ничего не смог разглядеть. На седьмой день он увидел, кто его выслеживает.

Венерианская порода волков, маленьких, худых, с желтой шкурой и длинными, изогнутыми, как будто в усмешке, челюстями, была одной из немногих разновидностей млекопитающих, которые обитали в Скорпионовой пустыне. Моррисон взгляделся и увидел, как рядом с первым волком появились еще два. Он расстегнул кобуру револьвера. Волки не пытались приблизиться. Времени у них было достаточно.

Моррисон все шел и шел, жалея, что не захватил с собой ружье. Но это означало бы лишние восемь фунтов, а значит, на восемь фунтов меньше воды.

Раскидывая лагерь на закате восьмого дня, он услышал какое-то потрескивание. Он резко повернулся и заметил в воздухе футах в десяти от себя, на высоте чуть больше человеческого роста, маленький вихрь, похожий на водоворот. Вихрь крутился, издавая характерное потрескивание, всегда сопровождавшее телепортировку.

«Кто бы это мог мне что-то телепортировать?» — подумал Моррисон, глядя, как вихрь медленно растет.

Телепортировка предметов со стационарного проектора в любую заданную точку была обычным способом передвижения грузов через огромные расстояния Венеры. Телепор-

тировать можно было любой неодушевленный предмет. Одушевленные предметы телепортировать не удавалось, потому что при этом происходили некоторые незначительные, но непоправимые изменения молекулярного строения протоплазмы. Кое-кому пришлось убедиться в этом на себе, когда телепортирование только еще входило в практику.

Моррисон ждал. Воздушный вихрь достиг трех футов в диаметре. Из него вышел хромированный робот с большой сумкой.

— А, это ты... — сказал Моррисон.

— Да, сэр, — сказал робот, окончательно высвободившись из вихря, — Уильямс-4 с венерианской почтой к вашим услугам.

Робот был среднего роста, с тонкими ногами и илоскими ступнями, человекоподобный и наделенный добродушным характером. Вот уже двадцать три года он представлял собой все почтовое ведомство Венеры — сортировал, хранил и доставлял письма. Он был построен основательно, и за все двадцать три года почта ни разу не задерживалась.

— Вот и мы, мистер Моррисон, — сказал Уильямс-4. — К сожалению, в пустыню почта заглядывает только дважды в месяц, но уж зато приходит вовремя, а это самое ценное. Вот для вас. И вот. Кажется, есть еще одно. Что, пескоход сломался?

— Ну да, — ответил Моррисон, забирая письма.

Уильямс-4 продолжал рыться в своей сумке. Хотя старый робот был прекрасным почтальоном, он был самым большим болтуном на всех трех планетах.

— Где-то здесь было еще одно, — сказал Уильямс-4. — Плохо, что пескоход сломался. Теперь уж пескоходы пошли не те, что во времена моей молодости. Послушайте моего совета, молодой человек. Возвращайтесь назад, если у вас еще есть такая возможность.

Моррисон покачал головой.

— Глупо, просто глупо, — сказал старый робот. — Жаль, что у вас нет моего опыта. Сколько раз мне попадались вот такие парни — лежат себе на песке в высохшем мешке из собственной кожи, а кости изгрызли песчаные волки и грязные черные коршуны. Двадцать три года я доставляю почту прекрасным молодым людям вроде вас, и каждый думает, что он необыкновенный, не такой, как другие.

Зрительные ячейки робота затуманились воспоминаниями.

— Но они такие же, как и все, — продолжал Уильямс-4. — Все они одинаковы, как роботы, сошедшие с конвейера, особенно это чувствуешь после того, как с ними разделяются волки. И тогда мне приходится пересылать их письма и личные вещи их возлюбленным на Землю.

— Знаю, — ответил Моррисон. — Но кое-кто остается в живых, верно?

— Конечно, — согласился робот. — Я видел, как люди составляли себе одно, два, три состояния. А потом умирали в песках, пытаясь составить четвертое.

— Только не я, — ответил Моррисон. — Мне хватит и одного. А потом я куплю себе подводную ферму на Земле.

Робот содрогнулся.

— Ненавижу соленую воду. Но каждому — свое. Желаю удачи, молодой человек!

Робот внимательно оглядел Моррисона — вероятно, чтобы прикинуть, много ли на нем личных вещей, — полез обратно в воздушный вихрь. Мгновение — и он исчез. Еще мгновение — исчез и вихрь.

Моррисон сел и принялся читать письма. Первое было от маклера по драгоценным камням Макса Крэндолла. Он писал о депрессии, которая обрушилась на Венусбург, и намекал, что может оказаться банкротом, если кто-нибудь из его старателей не найдет чего-нибудь стоящего.

Второе письмо было уведомлением от Телефонной компании Венеры. Моррисон задолжал за двухмесячное пользование телефоном двести десять долларов и восемь центов. Если эта сумма не будет уплачена немедленно, телефон подлежит отключению.

Последнее письмо, пришедшее с далекой Земли, было от Джейн. Оно было заполнено новостями о его двоюродных братьях, тетках и дядях. Джейн писала о фермах в Атлантическом океане, которые она присмотрела, и о чудном местечке, что она нашла недалеко от Мартиники в Карибском море. Она умоляла его бросить старательство, если оно грозит какой-нибудь опасностью; можно найти и другие способы заработать на ферму. Она передала ему свою любовь и заранее поздравляла с днем рождения.

— День рождения? — спросил себя Моррисон. — Погодите, сегодня двадцать третье июля. Нет, двадцать четвертое. А мой день рождения первого августа. Спасибо, что вспомнила, Джейн.

В эту ночь ему снились Земля и голубые просторы Атлантики. Но под утро, когда жара усилилась, он вообразил многие миля золотых жил, окаливших зубы песчаных волков и «Особый старательский».

Моррисон продолжал свой путь по дну давно исчезнувшего озера. Камни сменились песком. Потом снова пошли камни, исковерканные и превращенные в тысячи злобещих фигур. Красные, желтые и бурые цвета плыли у него перед глазами. Во всей этой пустыне не было ни одного зеленого нятнышка.

Он продолжал идти в глубь пустыни, в хаотическне нагромождения камней, а поодаль, с обеих сторон, за ним, не приближаясь и не отставая, шли волки.

Моррисон не обращал на них внимания. Ему доставляли достаточно забот отвесные скалы и целые поля валунов, преграждавшие путь на юг.

На одиннадцатый день после того, как он бросил пескоход, признаки золота стали настолько богатыми, что его уже можно было мыть. Волки все еще преследовали его, и вода была на исходе. Еще один дневной переход — и для него все будет кончено.

Моррисон на мгновение задумался, потом распаковал телефон и набрал номер компании «Коммунальные услуги». На экране появилась суровая, строго одетая женщина с сидящими волосами.

— «Коммунальные услуги», — сказала она. — Чем можем вам помочь?

— Привет, — весело отозвался Моррисон. — Как погода в Венусборге?

— Жарко, — ответила женщина. — А у вас?

— Я даже не заметил, — улыбнулся Моррисон. — Слишком занят: пересчитываю свои богатства.

— Вы нашли золотую жилу? — спросила женщина, и ее лицо немного смягчилось.

— Конечно, — ответил Моррисон. — Но пока никому не говорите. Я еще не оформил заявку. Мне бы наплатить их, — беззаботно улыбаясь, он показал ей свои флаги. Иногда это удавалось. Иногда, если вы вели себя достаточно уверенно, «Коммунальные услуги» давали воду, не проверяя ваш текущий счет. Конечно, это было жульничество, но ему было не до приличий.

— Я полагаю, ваш счет в порядке? — спросила женщина.

— Конечно, — ответил Моррисон, почувствовав, как улыбка застыла на его лице. — Мое имя Том Моррисон. Можете проверить...

— О, этим занимаются другие. Держите крепче флагу. Готово!

Крепко держа флагу обеими руками, Моррисон смотрел, как над ее горлышком тонкой хрустальной струйкой показыва-

лась вода, телепортированная за четыре тысячи миль из Венусборга. Струйка потекла во флягу с чарующим журчанием. Глядя на нее, Моррисон почувствовал, как его пересохший рот начал наполняться слюной. Вдруг вода перестала течь.

— В чем дело? — спросил Моррисон.

Экран телефона померк, потом снова засветился, и Моррисон увидел перед собой худое лицо незнакомого мужчины. Мужчина сидел за большим письменным столом, а перед ним была табличка с надписью: «Милтон П. Рид, вице-президент. Отдел счетов».

— Мистер Моррисон, — сказал Рид, — ваш счет перерасходован. Вы получили воду обманным путем. Это уголовное преступление.

— Я заплачу за воду, — сказал Моррисон.

— Когда?

— Как только вернусь в Венусборг.

— Чем вы собираетесь заплатить?

— Золотом, — ответил Моррисон. — Посмотрите, мистер Рид. Это вернейшие признаки! Вернее, чем были у Кэрка, когда он сделал свою заявку. Еще день, и я найду золотоносную породу...

— Так думает каждый старатель, — сказал мистер Рид. — Всего один день отделяет каждого старателя на Венере от золотоносной породы. И все они рассчитывают получить кредит в «Коммунальных услугах».

— Но в данном случае...

— «Коммунальные услуги», — продолжал Рид, — не благотворительная организация. Наш устав запрещает продление кредита. Мистер Моррисон, Венера — еще не освоенная планета, и планета очень далекая. Любое промышленное изделие приходится ввозить сюда с Земли за немислимую цену. У нас есть своя вода, но найти ее, очистить и потом телепортировать стоит дорого. Наша компания, как и любая другая

на Венере, получает крайне малую прибыль, да и та неизменно вкладывается в расширение дела. Вот почему на Венере не может быть кредита.

— Я все это знаю, — ответил Моррисон. — Но я же говорю вам, что мне нужно только день или два ...

— Абсолютно исключено. По правилам мы уже сейчас не имеем права выручать вас. Вы должны были объявить о своем банкротстве неделю назад, когда сломался ваш пескоход. Ваш механик сообщил нам об этом, как требует закон. Но вы этого не сделали. Мы имеем право бросить вас. Вы понимаете?

— Да, конечно, — устало ответил Моррисон.

— Тем не менее компания приняла решение ради вас нарушить правила. Если вы немедленно повернете назад, мы снабдим вас водой на обратный путь.

— Я еще не хочу поворачивать назад. Я почти нашел месторождение.

— Вы должны повернуть назад! Подумайте хорошенько, Моррисон! Что было бы с нами, если бы мы позволяли любому старателю рыскать по пустыне и снабжали бы его водой? Туда бы устремились десять тысяч человек, и не прошло бы и года, как мы были бы разорены. Я и так нарушаю правила. Возвращайтесь!

— Нет, — ответил Моррисон.

— Подумайте еще раз. Если вы сейчас не повернете назад, «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность.

Моррисон кивнул. Если он пойдет дальше, то рискует умереть в пустыне. Но что, если он вернется? Он окажется в Венусборге без гроша в кармане, кругом в долгах, тщетно разыскивая работу в перенаселенном городе. Ему придется спать в ночлежке и кормиться бесилатной похлебкой вместе с другими старателями, которые повернули обратно. А как он заработает на возвращение на Землю? Когда он снова увидит Джейн?

— Я, пожалуй, пойду дальше, — сказал Моррисон.

— Тогда «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность за вас, — повторил Рид и повесил трубку.

Моррисон уложил телефон, хлебнул глоток из своих скудных запасов воды и снова пустился в путь.

Песчаные волки рысцой бежали с обеих сторон, постепенно приближаясь. С неба его заметил коршун с треугольными крыльями. Коршун день и ночь парил на восходящих потоках воздуха, ожидая, пока волки прикончат Моррисона. Коршуна заменила стая маленьких летучих скорпионов. Они отогнали птицу наверх, в облачный слой. Летучие гады ждали целый день. Потом их, в свою очередь, прогнала стая черных коршунов.

Теперь, на нятнадцатый день после того, как он бросил пескоход, признаки золота стали еще обильнее. В сущности, Моррисон как будто шел по поверхности золотой жилы. Везде вокруг должно было быть золото. Но самой жилы он еще не нашел.

Моррисон сел и потряс свою последнюю флягу. Она не издала ни звука. Он отвинтил пробку и опрокинул флягу себе в рот. В его запекшееся горло скатились две капли.

Прошло уже четыре дня с тех пор, как он разговаривал с «Коммунальными услугами». Последнюю воду он выпил вчера. Или позавчера?

Он снова завинтил пустую флягу и окинул взглядом выжженную жаром местность. Потом он выхватил из мешка телефон и набрал номер Макса Крэндолла.

Круглое, озабоченное лицо Крэндолла появилось на экране.

— Томми, — сказал он, — на кого ты похож?

— Все в порядке, — ответил Моррисон. — Немного выдох, и все. Макс, я у самой жилы.

— Ты в этом уверен? — спросил Макс.

— Смотри сам, — сказал Моррисон, поворачивая телефон в разные стороны. — Смотри, какие здесь формации! Видишь вон там красные и пурпурные нятна?

— Верно, признаки золота, — неуверенно согласился Крэндолл.

— Где-то поблизости богатая порода. Она должна быть здесь! — сказал Моррисон. — Послушай, Макс, я знаю, что у тебя туго с деньгами, но я хочу попросить тебя об одолжении. Пошли мне пинту воды. Всего пинту, чтобы хватило на день или два. Эта пинта может нас обоих сделать богачами.

— Не могу, — грустно ответил Крэндолл.

— Не можешь?

— Нет, Томми, я послал бы тебе воды, даже если бы вокруг тебя не было ничего, кроме песчаника и гранита. Неужели ты думаешь, что я дал бы тебе умереть от жажды, если бы мог что-нибудь поделать? Но я ничего не могу. Взгляни.

Крэндолл повернул свой телефон. Моррисон увидел, что стулья, стол, конторка, шкаф и сейф исчезли из конторы. Остался только телефон.

— Не знаю, почему не забрали и телефон, — сказал Крэндолл. — Я должен за него за два месяца.

— Я тоже, — вставил Моррисон.

— Меня ободрали как липку, — сказал Крэндолл. — Ни гроша не осталось. Пойми, за себя я не волнуюсь. Я могу питаться и бесплатной похлебкой. Но я не могу телепортировать тебе ни капли воды. Ни тебе, ни Рэмстаатеру.

— Джиму Рэмстаатеру?

— Ага. Он шел по следам золота на севере, за Забытой речкой. На прошлой неделе у его пескохода сломалась ось, а поворачивать назад он не захотел. Вчера у него кончилась вода.

— Я бы поручился за него, если бы мог, — сказал Моррисон.

— И он бы поручился за тебя, если бы мог, — ответил Крэндолл. — Но он не может, и ты не можешь, и я не могу. Томми, у тебя осталась только одна надежда.

— Какая?

— Найди породу. Не просто признаки золота, а настоящее месторождение, которое стоило бы настоящих денег. Потом позвони мне. Если это будет в самом деле золотоносная порода, я приведу Уилкса из «Три Плэнет Майнинг» и заставлю его дать нам аванс. Он, вероятно, потребует пятьдесят процентов.

— Но это же грабеж!

— Нет, это просто цена кредита на Венере, — ответил Крэндолл. — Не беспокойся, все равно останется немало. Но сначала нужно найти породу.

— О'кэй, — сказал Моррисон. — Она должна быть где-то здесь Макс, какое сегодня число?

— Тридцать первое июля. А что?

— Просто так. Я позвоню тебе, когда что-нибудь найду.

Повесив трубку, Моррисон присел на камень и тупо уставился в песок. Тридцать первое июля. Завтра у него день рождения. О нем будут думать родные. Тетя Бесс в Пасадене, близнецы в Ааосе, дядя Тед в Буранго. И, конечно, Джейн, которая ждет его в Тампа.

Моррисон понял, что, если он не найдет породу, завтрашний день рождения будет для него последним.

Он поднялся, снова унаковал телефон рядом с пустыми флягами и направился на юг.

Он шел не один. Птицы и звери пустыни шли за ним. Над его головой без конца молча кружились черные коршуны. По сторонам, уже гораздо ближе, его сопровождали песчаные волки, высунув языки в ожидании, когда же он упадет замертво...

— Я еще жив! — заорал на них Моррисон.

Он выхватил револьвер и выстрелил в ближайшего волка. Расстояние было футов двадцать, но он промахнулся. Он встал на одно колено, взял револьвер в обе руки и выстрелил снова. Волк завизжал от боли. Стая немедленно набросилась на раненого, и коршуны устремились вниз за своей долей.

Моррисон сунул револьвер в кобуру и побрел дальше. Он знал, что его организм сильно обезвожен. Окружающие предметы прыгали и плясали перед его глазами, и его шаги стали неверными. Он выбросил пустые флаги, выбросил все, кроме набора для анализов, телефона и револьвера. Или он уйдет из этой пустыни победителем, или не уйдет вообще.

Признаки золота были все такими же обильными. Но он все еще не мог найти никакого ощутимого богатства.

К вечеру он заметил неглубокую пещеру в подножье утеса. Он заполз в нее и устроил поперек входа баррикаду из камней. Потом он вытащил револьвер и оперся спиной о заднюю стену.

Снаружи фыркали и щелкали зубами волки. Моррисон устроился поудобнее и приготовился провести всю ночь настороже.

Он не спал, но и не бодрствовал. Его мучили кошмары и видения. Он снова оказался на Земле, и Джейн говорила ему:

— Это тунцы. У них что-то неладно с питанием. Они все болеют.

— Проклятье, — отвечал Моррисон. — Стоит только приручить рыбу, как она начинает привередничать.

— Ну что ты там философствуешь, когда твои рыбы больны?

— Позвони ветеринару.

— Звонила. Он у Блейков, ухаживает за их молочным китом.

— Ладно. Пойду посмотрю.

Он надел маску и, улыбаясь сказал:

— Не успеешь обсохнуть, как уже приходится лезть снова.

Его лицо и грудь были влажными.

Моррисон открыл глаза. Его лицо и грудь в самом деле были мокры от пота. Вглядевшись в перегороженное устье пещеры, он насчитал два, четыре, шесть, восемь зеленых глаз.

Он выстрелил в них, но они не отступили. Он выстрелил еще раз, и пуля, отлетев от стенки, осыпала его режущими осколками камня. Продолжая стрелять, он ухитрился ранить одного из волков. Стая разбежалась.

Револьвер был пуст. Моррисон пошарил в карманах и нашел еще пять патронов. Он тщательно зарядил револьвер. Скоро, наверное, рассвет.

Он снова увидел сон — на этот раз ему приснился «Особый старательский». Он слышал рассказы о нем во всех маленьких салунах, окаймлявших Скорпионову пустыню. Заросшие щетиной пожилые старатели рассказывали о нем сотню разных историй, а выдавшие виды бармены добавляли свои варианты. Его заказал Кэрк в восемьдесят девятом году — большой, специально для себя. Эдмонсон и Арслер отведали его в девятости третьем. Это было несомненно. И другие заказывали его, сидя на своих драгоценных жилах. По крайней мере так рассказывали.

Но существовал ли он на самом деле? Был ли вообще такой коктейль — «Особый старательский»? Доживет ли он до того, чтобы увидеть это радужное чудо, выше колокольни, больше дома, дороже, чем сама золотоносная порода?

Ну конечно! Вон, он уже почти может его разглядеть.

Моррисон заставил себя очнуться. Настунило утро. Он с трудом выбрался из пещеры навстречу дню.

Он брел и полз к югу, за ним по пятам шли волки, по нему пробегали тени крылатых хищников. Он скреб пальцами камни и песок. Вокруг были обильные признаки золота. Верные признаки!

Но где же в этой заброшенной пустыне золотиносная порода?

Где? Ему уже было почти все равно. Он гнал вперед свое сожженное солнцем, высохшее тело, остановившись только для того, чтобы отпугнуть выстрелом подошедших слишком близко волков.

Осталось четыре пули.

Ему пришлось выстрелить еще раз, когда коршуны, которым надоело ждать, начали пикировать ему на голову. Удачный выстрел угодил прямо в стаю, свалив двух птиц. Волки начали грызться над ними. Моррисон, уже ничего не видя, пополз вперед.

И унал с гребня невысокого утеса.

Падение было не опасным, но он выронил револьвер. Преле же чем он успел его найти, волки бросились на него. Только их жадность спасла Моррисона. Пока они дрались над ним, он откатился в сторону и подобрал револьвер. Два выстрела разогнали стаю. После этого у него осталась одна пуля. Придется приберечь ее для себя — он слишком устал, чтобы идти дальше. Он унал на колени. Признаки золота здесь были еще богаче. Они были фантастически богатыми. Где-то совсем рядом...

— Черт меня возьми! — вырвалось у Моррисона.

Небольшой овраг, куда он свалился, был не чем иным, как сплошной золотой жилой.

Он поднял с земли камешек. Даже в необработанном виде камешек весь светился глубоким золотым блеском — внутри него сверкали яркне красные и пурпурные точки.

— Проверь, — сказал себе Моррисон. — Не надо ложных тревог. Не надо миражей и ложных надежд. Проверь.

Рукояткой револьвера он отколол от камня кусочек. С виду это была золотиносная порода. Он достал свой набор для анализов и капнул на камень белым раствором. Раствор вспенился и зазеленел.

— Золотоносная порода, точно! — сказал Моррисон, окидывая взглядом сверкающие склоны оврага. — Эге, я богач!

Он вытащил телефон и дрожащими пальцами набрал номер Крэндолла.

— Макс! — заорал он. — Я нашел! Я нашел настоящее месторождение!

— Меня зовут не Макс, — сказал голос по телефону.

— Что?

— Моя фамилия Бойярд, — сказал голос.

Экран засветился, и Моррисон увидел худого желтолицего человека с тонкими усиками.

— Извините, мистер Бойярд, — сказал Моррисон, — я, наверное, не туда попал. Я звонил...

— Это неважно, куда вы звонили, — сказал мистер Бойярд.

— Я участковый контролер Телефонной компании Вены. Вы задолжали за два месяца.

— Теперь я могу заплатить, — ухмыляясь, заявил Моррисон.

— Прекрасно, — ответил мистер Бойярд. — Как только вы это сделаете, ваш телефон снова будет включен.

Экран начал меркнуть.

— Подождите! — закричал Моррисон. — Я заплачу, как только доберусь до вашей конторы! Но сначала я должен еще раз позвонить. Только один раз, чтобы...

— Ни в коем случае, — решительно ответил мистер Бойярд. — После того как вы оплатите счет, ваш телефон будет немедленно включен.

— Но у меня деньги здесь! — сказал Моррисон. — Здесь, со мной.

Мистер Бойярд помолчал.

— Ладно, это не полагается, но, я думаю, мы можем выслать вам специального робота-посыльного, если вы согласны оплатить расходы.

— Согласен!

— Хм... Это не полагается, но я думаю... Где деньги?

— Здесь, — ответил Моррисон. — Узнаете? Это золотоносная порода!

— Мне уже надоели эти фокусы, которые вы, старатели, вечно пытаетесь мне устроить. Показываете горсть камешков...

— Но это на самом деле золотоносная порода! Неужели вы не видите?

— Я служащий, — ответил мистер Бойярд, — а не ювелир. Я не могу отличить золотоносной породы от золототысячника.

Экран погас.

Моррисон лихорадочно пытался дозвониться до конторы. Телефон молчал — не слышно было даже гудения. Он был отключен.

Моррисон положил телефон на землю и огляделся вокруг. Узкий овраг, куда он свалился, тянулся прямо ярдов на двадцать, потом сворачивал влево. В его крутых склонах не было видно ни одной пещеры, ни одного удобного места, где можно было бы устроить баррикаду.

Он услышал сзади какое-то движение. Обернувшись, он увидел, что на него бросается огромный старый волк. Моррисон, ни секунды не раздумывая, выхватил револьвер и выстрелил, разmozжив голову зверя.

— Черт возьми, — сказал Моррисон, — я хотел оставить эту пулю для себя.

Он получил отсрочку на несколько секунд и бросился вниз по оврагу в поисках выхода. Золотоносная порода сверкала вокруг красными и пурпурными искрами. А позади бежали волки.

Моррисон остановился. Излучина оврага привела его к глухой стене.

Он прислонился к ней спиной, держа револьвер за ствол. Волки остановились в пяти футах от него, собираясь в стаю для решительного броска. Их было десять или двенадцать, и в узком проходе они сгруппировались в три ряда. Вверху кружили коршуны, ожидая своей очереди.

В этот момент Моррисон услышал потрескивание телепортировки. Над головами волков появился воздушный вихрь, и они торопливо понялись назад.

— Как раз вовремя, — сказал Моррисон.

— Вовремя для чего? — спросил Уильямс-4, почтальон.

Робот вылез из вихря и огляделся.

— Ну-ну, молодой человек, — произнес Уильямс-4, — ничего себе, доигрались! Разве я вас не предостерегал? Разве я не советовал вернуться? Посмотрите-ка!

— Ты был совершенно прав, — сказал Моррисон. — Что мне прислал Макс Крэндолл?

— Макс Крэндолл ничего не прислал, да и не мог прислать.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что сегодня ваш день рождения, — ответил Уильямс-4. — У нас на почте в таких случаях всегда специальная доставка. Вот вам.

Уильямс-4 протянул ему пригоршню писем — поздравления от Джейни, теток, дядей и двоюродных братьев с Земли.

— И еще кое-что есть, — сказал Уильямс-4, роясь в своей сумке. — Должно быть кое-что еще. Пойдите... Да, вот.

Он протянул Моррисону маленький пакет.

Моррисон поспешно сорвал обертку. Это был подарок от тети Мины, жившей в Нью-Джерси. Он открыл коробку. Там были соленые конфеты — прямо из Атлантик-сити.

— Говорят, очень вкусно, — сказал Уильямс-4, глядевший через его плечо. — Но не очень уместно в данных обстоятельствах. Ну, молодой человек, очень жаль, что вам

придется умереть в день своего рождения. Самое лучшее, что я могу вам пожелать, — это быстрой и безболезненной кончины.

Робот направился к вихрю.

— Погоди! — крикнул Моррисон. — Не можешь же ты так меня бросить. Я уже много дней ничего не пил. А эти волки...

— Понимаю, — ответил Уильямс-4. — Поверьте, это не доставляет мне никакой радости. Даже у робота есть кое-какие чувства.

— Тогда помоги мне!

— Не могу. Правила почтового ведомства это категорически запрещают. Я помню, в девяносто седьмом году меня примерно о том же просил Эбнер Аоти. Его тело потом искали три года.

— Но у тебя есть аварийный телефон? — спросил Моррисон.

— Есть. Но я могу им пользоваться только в том случае, если со мной произойдет авария.

— Но ты хоть можешь отнести мое письмо? Срочное письмо?

— Конечно, могу, — ответил робот. — Я для этого и создан. Я даже могу одолжить вам карандаш и бумагу.

Моррисон взял карандаш и бумагу и попытался собраться с мыслями. Если он напишет срочное письмо Макс, тот получит его через несколько часов. Но сколько времени понадобится ему, чтобы сколотить немного денег и послать ему воды и боеприпасы? День, два? Придется что-нибудь придумать, чтобы продержаться...

— Я полагаю, у вас есть марка? — сказал робот.

— Нет, — ответил Моррисон. — Но я куплю ее у тебя.

— Прекрасно, — ответил робот. — Мы только что выпустили новую серию венусбургских треугольных. Я считаю их

большим эстетическим достижением. Они стоят по три доллара штука.

— Хорошо. Очень умеренно. Давай одну.

— Остается решить еще вопрос об оплате.

— Вот! — сказал Моррисон, протягивая роботу кусок золотоносной породы стоимостью тысяч в пять долларов.

Почтальон осмотрел камень и протянул его обратно:

— Извините, но я могу принять только наличные.

— Но это стоит побольше, чем тысяча марок! — сказал Моррисон. — Это же золотоносная порода!

— Очень может быть, — ответил Уильямс-4, — но я не запрограммирован на пробирный анализ. А почта Венеры основана не на системе товарного обмена. Я вынужден попросить три доллара бумажками или монетами.

— У меня их нет.

— Очень жаль.

Уильямс-4 повернулся, чтобы уйти.

— Но ты же не можешь просто уйти и бросить меня на верную смерть!

— Не только могу, но и должен, — грустно сказал Уильямс-4. — Я всего только робот, мистер Моррисон. Я был создан людьми и, естественно, наделен некоторыми из их чувств. Так и должно быть. Но есть и предел моих возможностей — в сущности, такой же предел есть и у большинства людей на этой суровой планете. И в отличие от людей я не могу переступить свой предел.

Робот полез в вихрь. Моррисон непонимающим взглядом смотрел на него. Он видел за ним нетерпеливую стаю волков. Он видел неяркое сверкание золотоносной породы стоимостью в несколько миллионов долларов, покрывавшей склоны оврага.

И тут что-то в нем надломилось.

С нечленораздельным воплем Моррисон бросился вперед и схватил робота за ноги. Уильямс-4, наполовину скрывшийся

в вихре телепортировки, упирался, брыкался и почти стряпул было Моррисона. Но тот вцепился в него как безумный. Дюйм за дюймом он вытащил робота из вихря, швырнул на землю и придавил его своим телом.

— Вы нарушаете работу почты, — сказал Уильямс-4.

— Это еще не все, что я собираюсь нарушить, — прорычал Моррисон. — Смерти я не боюсь. Это была моя ставка. Но будь я проклят, если намерен умереть через нятнадцать минут после того, как разбогате!

— У вас нет выбора.

— Есть. Я воспользуюсь твоим аварийным телефоном.

— Это невозможно, — ответил Уильямс-4. — Я отказываюсь извлечь его. А вы сами до него не доберетесь без помощи механической мастерской.

— Возможно, — ответил Моррисон. — Я хочу попробовать.

Он вытащил свой разряженный револьвер.

— Что вы хотите сделать? — спросил Уильямс-4.

— Хочу посмотреть, не смогу ли я раздолбать тебя в металололом без всякой помощи механической мастерской. Думаю, что будет логично начать с твоих зрительных ячеек.

— Это действительно логично, — отвечал робот. — У меня, конечно, нет инстинкта личного самосохранения. Но позвольте заметить, что вы оставите без почтальона всю Венеру. От вашего антиобщественного поступка многие пострадают.

— Надеюсь, — сказал Моррисон, занося револьвер над головой.

— Кроме того, — поспешно добавил робот, — вы уничтожите казенное имущество. Это серьезное преступление.

Моррисон рассмеялся и взмахнул револьвером. Робот сделал быстрое движение головой и избежал удара. Он попробовал вывернуться, но Моррисон навалился ему на грудь всеми своими двумястами фунтами.

— На этот раз я не промахнусь, — пообещал Моррисон, примериваясь снова.

— Стойте! — сказал Уильямс-4. — Мой долг — охранять казенное имущество, даже в том случае, когда этим имуществом оказываюсь я сам. Можете воспользоваться моим телефоном, мистер Моррисон. Имейте в виду, что это преступление карается заключением не более чем на десять и не менее чем на пять лет в исправительной колонии на Соличных болотах.

— Давайте телефон, — сказал Моррисон.

Грудь робота распахнулась, и оттуда выдвинулся маленький телефон. Моррисон набрал номер Макса Крэндолла и объяснил ему положение.

— Ясно, ясно, — сказал Крэндолл. — Ладно, попробую найти Уилкса. Но, Том, я не знаю, чего я смогу добиться. Рабочий день окончен. Все закрыто...

— Открой! — сказал Моррисон. — Я могу все оплатить. И выручи Джима Ремстаатера.

— Это не так просто. Ты еще не оформил свои права на заявку. Ты даже не доказал, что это месторождение действительно чего-то стоит.

— Смотри, — Моррисон повернул телефон так, чтобы Крэндоллу были видны сверкающие стены оврага.

— Похоже на правду, — заметил Крэндолл. — Но, к сожалению, не все то золотоносная порода, что блестит.

— Что же нам делать? — спросил Моррисон.

— Нужно делать все по порядку. Я телепортирую к тебе общественного маркшейдера. Он проверит твою заявку, определит размеры месторождения и выяснит, не закреплено ли оно за кем-нибудь другим. Дай ему с собой кусок золотоносной породы. Побольше.

— Как мне его отбить? У меня нет никаких инструментов.

— Ты уж придумай что-нибудь. Он возьмет кусок для анализа. Если порода достаточно богата, твое дело в шляпе.

— А если нет?

— Может, лучше нам об этом не говорить, — сказал Крэндолл.

— Я займусь делом, Томми. Желаю удачи.

Моррисон повесил трубку, встал и помог подняться роботу.

— За двадцать три года службы, — произнес Уильямс-4, — впервые нашелся человек, который угрожал уничтожить казенного почтового служащего. Я должен доложить об этом полицейским властям в Венусборге, мистер Моррисон. Я не могу иначе.

— Знаю, — сказал Моррисон. — Но мне кажется, пять или даже десять лет в тюрьме все же лучше, чем умереть.

— Сомневаюсь. Я ведь и туда ношу почту. Вы сами увидите все месяцев через шесть.

— Как? — переспросил ошеломленный Моррисон.

— Месяцев через шесть, когда я закончу обход планеты и вернусь в Венусборг. О таком деле нужно докладывать лично. Но прежде всего нужно разнести почту.

— Спасибо, Уильямс. Не знаю как мне...

— Я просто исполняю свой долг, — сказал робот, подходя к вихрю. — Если вы через шесть месяцев все еще будете на Венере, я принесу вашу почту в тюрьму.

— Меня здесь не будет, — ответил Моррисон. — Прощай, Уильямс.

Робот исчез в вихре. Потом исчез и вихрь. Моррисон остался один в сумерках Венеры.

Он разыскал выступ золотоносной породы чуть больше человеческой головы. Он ударил по нему рукояткой револьвера, и в воздухе заплясали мелкие искрящиеся осколки. Спустя час на револьвере появились четыре вмятины, а на блестящей поверхности породы — лишь несколько царапин.

Песчаные волки начали подкрадываться ближе. Моррисон швырнул в них несколько камней и закричал сухим, надтреснутым голосом. Волки отступили.

Он снова взгляделся в выступ и заметил у его основания трещину не толще волоса. Он начал колотить в этом месте. Но камень не поддавался.

Моррисон вытер пот со лба и собрался с мыслями. Клин, пужен клин ...

Он снял ремень. Приставив край стальной пряжки, он ударом револьвера вогнал ее в трещину на какую-то долю дюйма. Еще три удара — и вся пряжка скрылась в трещине, еще удар — и выступ отделился от жилы. Отломившийся кусок весил фунтов двадцать. При цене нятдесять долларов за унцию этот обломок должен был стоить тысяч двенадцать долларов, если только золото будет такое же чистое, каким оно кажется.

Наступили темно-серые сумерки, когда появился телепортированный общественный маркшейдер. Это был невысокий, приземистый робот, отделанный старомодным черным лаком.

— Добрый день, сэр, — сказал он. — Вы хотите сделать заявку? Обычную заявку на неограниченную добычу?

— Да, — ответил Моррисон.

— А где центр вышеуомяпутной заявки?

— Что? Центр? По-моему, я на нем стою.

— Очень хорошо, — сказал робот.

Вытащив стальную рулетку, он быстро отошел от Моррисона на двести ярдов и остановился. Разматывая рулетку, робот ходил, прыгал и лазил по сторонам квадрата с Моррисоном в центре. Окончив обмер, он долго стоял неподвижно.

— Что ты делаешь? — спросил Моррисон.

— Глубинные фотографии участка, — ответил робот. — Довольно трудное дело при таком освещении. Вы не могли бы подождать до утра?

— Нет!

— Ладно, придется повозиться, — сказал робот.

Он переходил с места на место, останавливался, снова шел, снова останавливался. По мере того как сумерки сгущались, глубинные фотографии требовали все большей и большей экспозиции. Робот вспотел бы, если бы только умел это делать.

— Все, — сказал он наконец. — С этим покончено. Вы дадите мне с собой образец?

— Вот он, — сказал Моррисон, взвесив в руке обломок золотоносной породы и протягивая его маркшейдеру. — Все?

— Абсолютно все, — ответил робот. — Если не считать, конечно, того, что вы еще не предъявили мне Поисковый акт.

Моррисон растерянно заморгал:

— Чего не предъявил?

— Поисковый акт. Это официальный документ, свидетельствующий о том, что участок, на который вы претендуете, не содержит радиоактивных веществ до глубины в шестьдесят футов. Простая, но необходимая формальность.

— Я никогда о ней не слышал, — сказал Моррисон.

— Ее сделали обязательным условием на прошлой неделе, — объяснил маркшейдер. — У вас нет акта? Тогда, боюсь, ваша обычная неограниченная заявка недействительна.

— Что же мне делать?

— Вы можете, — сказал робот, — вместо нее оформить специальную ограниченную заявку. Для этого Поискового акта не требуется.

— А что это значит?

— Это значит, что через пятьсот лет все права переходят к властям Венеры.

— Ладно! — заорал Моррисон. — Хорошо! Прекрасно! Это все?

— Абсолютно все, — ответил маркшейдер. — Я захвачу этот образец с собой и отдам его на срочный анализ и оценку. По нему и по глубинным фотографиям мы сможем вычислить стоимость вашего участка.

— Пришлите мне что-нибудь отбиться от волков, — сказал Моррисон. — И еды. И послушайте: я хочу «Особый старательский».

— Хорошо, сэр. Все это будет вам телепортировано, если ваша заявка окажется достаточно ценной, чтобы окупить расходы.

Робот влез в вихрь и исчез.

Время шло, и волки снова начали подбираться к Моррисону. Они огрызались, когда тот швырял в них камнями, но не отступали. Разинув пасти, высунув языки, они проползали оставшиеся несколько ярдов.

Вдруг волк, ползший впереди всех, взвыл и отскочил назад. Над его головой появился сверкающий вихрь, из которого упала винтовка, ударив его по передней лапе.

Волки пустились наутек. Из вихря упала еще одна винтовка, потом большой ящик с надписью «Гранаты. Обращаться осторожно», потом еще один ящик с надписью «Пустынный рацион К».

Моррисон ждал, глядя в сверкающее устье вихря, который пронесся по небу и остановился неподалеку от него. Из вихря показалось большое круглое медное днище. Устье вихря стало расширяться, пропуская нижнюю часть огромного медного сосуда, которая становилась все шире и шире. Днище уже стояло на песке, а сосуд все рос вверх. Когда, наконец, он показался весь, в безбрежной пустыне стояла гигантская вычурная медная чаша для пунша. Вихрь поднялся и повис над ней.

Моррисон ждал. Его запекшееся горло саднило. Из вихря показалась тонкая струйка воды и полилась в чашу. Моррисон все еще не двинулся.

А потом началось. Струйка превратилась в поток, рев которого разогнал всех коршунов и волков. Целый водопад низвергался из вихря в гигантскую чашу.

Моррисон, шатаясь, побрел к ней. «Надо было попросить флягу», — говорил он себе, охваченный страшной жаждой, ковыляя по песку к чаше. Но вот, наконец, он встал под «Особым старательским» — выше колокольни, больше дома, наполненным водой, что была дороже самой золотоносной породы. Он повернул кран у дна чаши. Вода смочила желтый песок и ручейками побежала вниз по дюне.

«Надо было еще заказать чашку или стакан», — подумал Моррисон, лежа на спине и ловя открытым ртом струю воды.

Ордер на убийство

Том Рыбак никак не предполагал, что его ждет карьера преступника. Было утро. Большое красное солнце только что поднялось над горизонтом вместе с плетущимся за ним маленьким желтым спутником, который едва поспевал за солнцем. Крохотная, аккуратная деревушка — диковинная белая точка на зеленом пространстве планеты — поблескивала в летних лучах своих двух солнц.

Том только что проснулся у себя в домике. Он был высокий молодой мужчина с дубленой на солнце кожей; от отца он унаследовал продолговатый разрез глаз, а от матери — простодушное нежелание обременять себя работой. Том не спешил: до осенних дождей не рыбачат, а значит, и настоящей работы для рыбака нет. До осени он намерен был немного поваландаться и починить рыболовную снасть.

— Да говорят же тебе: крыша должна быть красная! — донесся до него с улицы голос Билли Маляра.

— У церкви никогда не бывает красных крыш! — кричал в ответ Эд Ткач.

Том нахмурился. Он совсем было позабыл о переменах, которые произошли в деревне за последние две недели, поскольку лично его они никак не касались. Он надел штаны и неторопливо зашагал на деревенскую площадь.

Там ему сразу бросился в глаза большой новый плакат, гласивший:

**ЧУЖДЫМ ЭЛЕМЕНТАМ
ДОСТУП В ПРЕДЕЛЫ ГОРОДА ЗАПРЕЩЕН!**

Никаких чуждых элементов на всем пространстве планеты Новый Дилавер не существовало. На ней росли леса и стояла только эта одна-единственная деревушка. Плакат имел чисто риторическое значение, выражая определенную политическую тенденцию.

На площади помещались церковь, тюрьма и почта. Все три здания в результате бешеной деятельности были воздвигнуты за последние две сумасшедшие недели и поставлены аккуратно в ряд, фасадами на площадь. Никто не знал, что с ними делать: деревня уже свыше двух столетий недурно обходилась и без них. Но теперь, само собой разумеется, их необходимо было построить.

Эд Ткач стоял перед только что воздвигнутой церковью и, прищурившись, глядел вверх. Билли Маляр с опасностью для жизни балансировал на крутом скате церковной крыши. Его рыжеватые усы возмущенно топорщились. Внизу собралась небольшая толпа.

— Да пошел ты к черту! — сердился Билли Маляр. — Говорят тебе, я как раз на прошлой неделе все это прочел. Белая крыша — пожалуйста. Красная крыша — ни в коем случае.

— Нет, ты что-то путаешь, — сказал Ткач. — Как ты считаешь, Том?

Том пожал плечами; у него не было своего мнения на этот счет. И тут откуда ни возьмись, весь в поту, появился мэр. Плы незаправленной рубахи свободно колыхались вокруг его большого живота.

— Слезай! — крикнул он Билли. — Я все нашел в книжке. Там сказано: маленькое красное школьное здание, а не церковное здание.

У Билли был очень рассерженный вид. Он вообще был человек раздражительный. Все Маляры народ раздражительный. Но с тех пор, как мэр на прошлой неделе назначил Билли Маляра начальником полиции, у Билли окончательно испортился характер.

— Но у нас же ничего такого нет. Нет этого самого — маленького школьного здания, — продолжал унорствовать Билли, уже наполовину спустившись с лестницы.

— А вот мы его сейчас и построим, — сказал мэр. — И придется поторопиться.

Он глянул на небо. Невольно все тоже поглядели вверх.

Но там пока еще ничего не было видно.

— А где же эти ребята, где Плотники? — спросил мэр. — Сид, Сэм, Марв — куда вы подевались?

Из толпы высунулась голова Сиды Плотника. Он все еще ходил на костылях, с тех пор как в прошлом месяце свалился с дерева, когда доставал яйца из птичьих гнезд. Все Плотники были не мастера лазать по деревьям.

— Остальные ребята сидят у Эда Пиво, — сказал Сад.

— Конечно, где же им еще быть! — прозвучал в толпе возглас Мэри Паромщицы.

— Ладно, позови их, — сказал мэр. — Нужно построить маленькое школьное здание, да побыстрей. Скажи им, чтобы строили рядом с тюрьмой. — Он повернулся к Билли Маляру, который уже спустился на землю. — А ты, Билли, покрасишь школьное здание хорошей, яркой красной краской. И снаружи, и изнутри. Это очень важно.

— А когда я получу свою полицейскую бляху? — спросил Билли. — Я читал, что все начальники полиции носят бляхи.

— Сделай ее себе сам, — сказал мэр. Он вытер лицо подолом рубахи. — Ну и жарница! Что бы этому инспектору прибить зимой... Том! Том Рыбак! У меня есть очень важное поручение для тебя. Пойдем, я тебе сейчас все растолкую.

Мэр обнял Тома за плечи, они пересекли пустынную рыночную площадь и по единственной мощеной улице направились к дому мэра. В былые времена дорожным покрытием служила здесь хорошо слежавшаяся грязь. Но былые времена коичились две недели назад, и теперь улица была вымощена битым камнем. Ходить по ней босиком стало так неудобно, что жители деревни предпочитали лазать друг к другу через забор. Мэр, однако, ходил по улице — для него это было делом чести.

— Послушайте, мэр, я сейчас отдыхаю...

— Какой теперь может быть отдых? — сказал мэр. — Он ведь может появиться в любой день.

Мэр пропустил Тома вперед, они вошли в дом, и мэр плюхнулся в большое кресло, придвинутое почти вплотную к межпланетному радио.

— Том, — без проволоочки приступил к делу мэр, — как ты насчет того, чтобы стать преступником?

— Не знаю, — сказал Том. — А что такое преступник?

Беспокойно поерзав в кресле и положив руку — для пущего авторитета — на радиоприемник, мэр сказал:

— Это, понимаешь ли, вот что... — и принялся разъяснять.

Том слушал, слушал, и чем дальше, тем меньше ему это нравилось. А во всем виновато межпланетное радио, решил он. Жаль, что оно и в самом деле не сломалось.

Никто не верил, что оно когда-нибудь может заговорить.

Один мэр сменял другого, одно поколение сменялось другим, а межпланетное радио стояло и покрывалось пылью в конторе — последнее безмолвное звено, связующее их планету

с матерью-Землей. Двести лет назад Земля разговаривала с Новым Дилавером, и с Фордом IV, и с Альфой Центавра, и с Новой Испанией, и с прочими колониями, входившими в Содружество демократий Земли. А потом все сообщения прекратились.

Земля была занята своими делами. Дилаверцы ждали известий, но никаких известий не поступало. А потом в деревне начался мор и унес в могилу три четверти населения. Мало-помалу деревня оправилась. Жители приспособились, зажили своим особым укладом, который постепенно стал для них привычным. Они позабыли про Землю.

Прошло двести лет.

И вот две недели назад древнее радио закашляло и возродилось к жизни. Час за часом оно урчало и илевалось атмосферными помехами, а вся деревня столпилась на улице возле дома мэра.

Наконец стали различимы слова:

— ...ты слышишь меня? Новый Дилавер! Ты меня слышишь?

— Да, да, мы тебя слышим, — сказал мэр.

— Колония все еще существует?

— А то как же! — горделиво отвечал мэр.

Голос стал строг и официален:

— В течение некоторого времени мы не поддерживали контакта с нашими внеземными колониями. Но мы решили навести порядок. Вы, Новый Дилавер, по-прежнему являетесь колонией Земли и, следовательно, должны подчиняться ее законам. Вы подтверждаете этот статус?

— Мы по-прежнему верны Земле, — с достоинством отвечал мэр.

— Отлично. С ближайшей планеты к вам будет направлен инспектор-резидент, чтобы проверить, действительно ли вы придерживаетесь установленных обычаев и традиций.

— Как вы сказали? — обеспокоено спросил мэр.

Строгий голос взял октавой выше:

— Вы, разумеется, отдаете себе отчет в том, что мы не потерпим проникновения к нам каких бы то ни было чуждых элементов. Надеюсь, вы меня понимаете, генерал?

— Я не генерал. Я мэр.

— Вы возглавляете, не так ли?

— Да, но...

— В таком случае вы — генерал. Разрешите мне продолжить. В нашей Галактике не может быть места какой бы то ни было человеческой культуре, хоть чем-либо отличающейся от нашей и, следовательно, нам чуждой. Можно управлять, если каждый будет делать, что ему заблагорассудится? Порядок должен быть установлен любой ценой.

Мэр судорожно глотнул воздух и впился глазами в радио.

— Помните, что вы управляете колонией Земли, генерал, и не должны допускать никаких отклонений от нормы, никакого радикализма. Наведите у себя в колонии порядок, генерал. Инспектор прибудет к вам в течение ближайших двух недель. Это все.

В деревне была срочно созвана сходка: требовалось немедленно решить, как наилучшим образом выполнить наказ Земли. Сошлись на том, что нужно со всей возможной быстротой перестроить привычный уклад жизни на земной манер в соответствии с древними книгами.

— Что-то я никак в толк не возьму, зачем вам преступник, — сказал Том.

— На Земле преступник играет чрезвычайно важную роль в жизни общества, — объяснил мэр. — На этом все книги сходятся. Преступник не менее важен, чем, к примеру, почтальон. Или, скажем, начальник полиции. Только разница в том, что действия преступника должны быть антисоциальны. Он должен действовать во вред обществу, понимаешь, Том?

А если у нас никто не будет действовать во вред обществу, как мы можем заставить кого-нибудь действовать на его пользу? Тогда все это будет ни к чему.

Том покачал головой.

— Все равно не понимаю, зачем это нужно.

— Не упрямясь, Том. Мы должны все устроить на земной манер. Взять хотя бы эти мощеные дороги. Во всех книгах про них написано. И про церкви, и про тюрьмы. И во всех книгах написано про преступников.

— А я не стану этого делать, — сказал Том.

— Встань же ты на мое место! — взмолился мэр. — Появляется инспектор и встречает Билли Маляра, нашего начальника полиции. Инспектор хочет видеть тюрьму. Он спрашивает: «Ни одного заключенного?» А я отвечаю: «Конечно, ни одного. У нас здесь преступлений не бывает». «Не бывает преступлений? — говорит он. — Но во всех колониях Земли всегда совершаются преступления. Вам же это хорошо известно». «Нам это не известно, — отвечаю я. — Мы даже понятия не имели о том, что значит это слово, пока на прошлой неделе не поглядели в словарь». «Так зачем же вы построили тюрьму? — спросит он меня. — Для чего у вас существует начальник полиции?»

Мэр умолк и перевел дыхание.

— Ну, ты видишь? Все пойдет прахом. Инспектор сразу поймет, что мы уже не настоящие земляне. Что все это для отвода глаз. Что мы чуждый элемент!

— Хм, — хмыкнул Том, невольно подавленный этими доводами.

— А так, — быстро продолжал мэр, — я могу сказать: разумеется, у нас есть преступления — совсем как на Земле. У нас есть вор и убийца в одном лице — комбинированный вор-убийца. У бедного малого были дурные наклонности, и он получился какой-то неуравновешенный. Однако наш начальник

полнции уже собрал улики, и в течение ближайших суток преступник будет арестован. Мы спрячем его за решетку, а потом амнистируем.

— Что это значит — амнистируем? — спросил Том.

— Не знаю точно. Выясню. Ну, теперь ты видишь, какая это важная птица — преступник?

— Да, похоже, что так. Но почему именно я?

— Все остальные мне нужны для других целей. И кроме того, у тебя узкий разрез глаз. У всех преступников узкий разрез глаз.

— Не такой уж у меня и узкий. Не уже, чем у Эда Ткача.

— Том, прошу тебя, — сказал мэр. — Каждый из нас делает что может. Ты же хочешь нам помочь?

— Хочу, конечно, — неуверенно сказал Том.

— Вот и прекрасно. Ты будешь наш городской преступник. Вот, смотри, все будет оформлено по закону.

Мэр протянул Тому документ. В документе было сказано: «Ордер на убийство. К всеобщему сведению. Предъявитель сего, Том Рыбак, официально уполномочивается осуществлять воровство и убийство. В соответствии с этим ему надлежит укрываться от закона в темных закоулках, околачиваться в местах, пользующихся дурной славой, и нарушать закон».

Том перечел этот документ дважды. Потом сказал:

— Какой закон?

— Это я тебе сообщу, как только его издам, — сказал мэр. — Все колонии Земли имеют законы.

— Но что я все-таки должен делать?

— Ты должен воровать. И убивать. Это не так уж трудно.

— Мэр подошел к книжному шкафу и достал с полки старинный многотомный труд, озаглавленный «Преступник и его среда. Психология убийцы. Исследование мотивов воровства».

— Здесь ты найдешь все, что тебе необходимо знать. Воруй на здоровье, сколько влезет. Ну, а насчет убийств — один раз, пожалуй, будет достаточно. Тут перестараться тоже не след.

Том кивнул.

— Правильно. Может, я и разберусь, что к чему.

Он взял книги в охапку и пошел домой.

День был нестерпимо жаркий, и весь этот разговор о преступлениях очень утомил и расстроил Тома. Он улегся на кровать и принялся изучать древние книги.

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Том, протирая глаза.

Марв Плотник, самый старший и самый длинный из всех длинных, рыжеволосых братьев Плотников, появился в дверях в сопровождении старика Джеда Фермера. Они несли небольшую торбу.

— Ты теперь городской преступник, Том? — спросил Марв.

— Похоже, что так.

— Тогда это для тебя. — Они положили торбу на пол и вынули оттуда маленький топорик, два ножа, гарпун, палку и дубинку.

— Что это вы принесли? — спросил Том, спуская ноги с кровати.

— Оружие принесли, а по-твоему, что? — раздраженно сказал Джек Фермер. — Какой же ты преступник, если у тебя нет оружия?

Том почесал в затылке.

— Это ты точно знаешь?

— Тебе бы самому пора разобраться в этом деле, — все так же ворчливо сказал Фермер. — Не жди, что мы все будем делать за тебя.

Марв Плотник подмигнул Тому.

— Джек злится, потому что мэр назначил его почтальоном.

— Я свой долг исполняю, — сказал Джек. — Противно только писать самому все эти письма.

— Ну, уж не так это, думается мне, трудно, — ухмыльнулся Марв Плотник. — А как же почтальоны на Земле справляются? Им куда больше писем написать надо, сколько там людей-то! Ну, желаю удачи. Том.

Они ушли.

Том склонился над оружием, чтобы получше его рассмотреть. Он знал, что это за оружие: в древних книгах про него много было написано. Но в Новом Дилавере еще никто никогда не пускал в ход оружия. Единственные животные, обитавшие на иланете, — маленькие безобидные пушистые зверьки, убежденные вегетарианцы, — питались одиой травой. Обращать же оружие против своих земляков — такого, разумеется, никому еще не приходило в голову.

Том взял один из ножей. Нож был холодный. Том потрогал кончик ножа. Он был острый.

Том встал и зашагал из угла в угол, поглядывая на оружие.

И каждый раз, когда он на него глядел, у него противно холодело в животе.

Впрочем, пока особенно беспокоиться не о чем. Ведь сначала ему надо прочитать все эти книги. А тогда, быть может, он еще докопается, какой во всем этом смысл.

Он читал несколько часов подряд. Книги были написаны очень толково. Разнообразные методы, применяемые преступниками, разбирались весьма подробно. Однако все в целом выглядело совершенно бессмысленно. Для чего нужно совершать преступления? Кому от этого польза? Что это может дать людям?

На такие вопросы книги не давали ответа. Том перелистывал страницы, разглядывал фотографии преступников. У них был очень серьезный, сосредоточенный вид; казалось, они в

полной мере сознают свое значение в обществе. Тому очень хотелось бы понять, в чем же это значение. Быть может, тогда все бы прояснилось.

— Том? — раздался за окном голос мэра.

— Я здесь, мэр, — отозвался Том.

Дверь приотворилась, и мэр просунул голову в комнату. Из-за его спины выглядывали Джейн Фермерша, Мэри Паромщица и Элис Повариха.

— Ну так как же, Том? — спросил мэр.

— Что — как же?

— Когда думаешь начать?

Том смущенно улыбнулся.

— Да вот собираюсь, — сказал он. — Читаю книжки, разобратся хочу...

Три почтенные дамы уставились на него, и Том умолк в замешательстве.

— Ты попусту тратишь время, — сказала Элис Повариха.

— Все работают, никто не сидит дома, — сказала Джейн Фермерша.

— Неужто так трудно что-нибудь украсть? — вызывающе крикнула Мэри Паромщица.

— Это верно, Том, — сказал мэр. — Инспектор может пожаловать к нам в любую минуту, а нам ему и предъявить будет нечего.

— Хорошо, хорошо, — сказал Том.

Он сунул нож и дубинку за пояс, взял торбу, чтобы было куда класть награбленное, и вышел из дому.

Но куда направиться? Было около трех часов пополудни. Рынок — по сути дела, наиболее подходящее место для краж — будет нустовать до вечера. К тому же Тому очень не хотелось воровать при свете дня. Это выглядело бы как-то непрофессионально.

Он достал свой ордер, предписывающий ему совершать преступления, и перечитал его еще раз от начала до конца: «... надлежит укрываться от закона в темных закоулках, околачиваться в местах, пользующихся дурной славой...»

Все ясно! Он будет околачиваться в пользующихся дурной славой местах. Там он может выработать себе какой-нибудь план и настроиться на нужный лад. Вот только выбирать-то, собственно, было не из чего. В деревне имелся ресторан «Крошка», который держали две вдовы сестры, было «Местечко отдыха» Джефа Хмеля и, наконец, была таверна, принадлежавшая Эду Пиво.

Приходилось довольствоваться таверной.

Таверна помещалась в домике, мало чем отличавшемся от всех прочих домов деревни. Там была одна большая комната для гостей, кухня и жилые комнаты хозяев. Жена Эда стряпала и старалась поддерживать в помещении чистоту — насколько ей это позволяли боли в пояснице. Эд за стойкой разливал напитки. Эд был бледный, с сонными глазами и необыкновенной способностью тревожиться по пустякам.

— Здорово, Том, — сказал Эд. — Говорят, тебя назначили преступником.

— Да, назначили, — сказал Том. — Налей-ка мне перри-колы.

Эд Пиво нацедил Тому безалкогольного напитка из корнеллоу и беспокойно потоптался перед столиком, за которым устроился Том.

— Как же это так, почему ты сидишь здесь, вместо того, чтобы красть?

— Я обдумываю, — сказал Том. — В моем ордере сказано, что я должен околачиваться в пользующихся дурной славой местах. Вот я и сижу здесь.

— Ну, хорошо ли это с твоей стороны? — грустно спросил Эд Пиво. — Разве моя таверна пользуется дурной славой, Том?

— Хуже еды, чем у тебя, не сыщешь во всей деревне, — пояснил Том.

— Я знаю. Моя старуха не умеет стряпать. Но у нас здесь все по-доброму, по-семейному. И людям нравится заглядывать к нам.

— Теперь все будет по-другому, Эд. Я объявляю твою таверну моей штаб-квартирой.

Плечи Эда Пиво уныло поникли.

— Вот и старайся доставить людям удовольствие, — пробормотал он. — Они уж тебя так отблагодарят! — Он вернулся за стойку.

Том продолжал размышлять.

Прошел час. Ричи Фермер, младший сынишка Джеда, заглянул в дверь.

— Ты уже стащил что-нибудь, Том?

— Нет пока, — отвечал Том, сгорбившись над столом и все еще стараясь думать.

Знойный день тихо угасал. Вечер начал понемногу заглядывать в маленькие, не слишком чистые окна таверны. На улице застрекотали сверчки, и первый ночной ветерок прошелестел верхушками деревьев в лесу.

Грузный Джордж Паромщик и Макс Ткач зашли пропустить по стаканчику гявы. Они присели к столику Тома.

— Ну, как дела? — осведомился Джордж Паромщик.

— Плоховато, — сказал Том. — Никак что-то не получается у меня с этим воровством.

— Ничего, ты еще освоишься, — как всегда неторопливо, серьезно и важно заметил Джордж Паромщик. — Уж кто-кто, а ты научишься.

— Мы в тебя верим, Том, — успокоил его Ткач.

Том поблагодарил их. Они выпили и ушли. Том продолжал размышлять, уставившись на пустой стакан. Час снулся Эд Пиво смущенно кашлянул.

— Ты меня прости, Том, но когда же ты начнешь красть?

— Вот сейчас и начну, — сказал Том. Он поднялся, проверил, на месте ли у него оружие, и направился к двери.

На рыночной площади уже шел обычный вечерний меновой торг, и товар грудami лежал на лотках или на соломенных циновках, разостланных на траве. Обмен производился без денег, и обменного тарифа не существовало. За пригоршню самодельных гвоздей можно было получить ведро молока или двух рыб или наоборот — в зависимости от того, что кому хотелось променять или в чем у кого возникла нужда. Подсчитать, что сколько стоит, — этим никто себя не утруждал. Это был единственный земной обычай, который мэру никак не удавалось ввести в деревне.

Когда Том Рыбак появился на площади, его приветствовали все.

— Воруешь понемногу, а Том?

— Валяй, валяй, приятель!

— У тебя получится!

Ни одному жителю деревни еще не доводилось присутствовать при краже, и им очень хотелось поглядеть, как это делается. Все бросили свои товары и устремились за Томом, жадо следя за каждым его движением.

Том обнаружил, что у него дрожат руки. Ему совсем не нравилось, что столько народу будет смотреть, как он станет красть. Надо поскорее покончить с этим, решил он. Пока у него еще хватает духу.

Он внезапно остановился перед грудой фруктов, наваленной на лотке миссис Мельник.

— Довольно сочные как будто, — небрежно проронил он.

— Свеженькие, прямо из сада, — сказала миссис Мельник.

Это была маленькая старушка с блестящими глазками. Тому вдруг припомнилось, как она вела нескончаемые беседы

с его матерью в те далекие годы, когда его родители были еще живы.

— Да, очень сочные с виду, — сказал он, жалея, что не остановился у какого-нибудь другого лотка.

— Хорошие, хорошие, — сказала миссис Мельник. — Только сегодня после обеда собирала.

— Он сейчас начнет красть? — отчетливо прозвучал чей-то шепот.

— Ясное дело. Следи за ним! — так же шепотом раздалось в ответ.

Том взял большой зеленый плод и принялся его рассматривать. Толпа затаила дыхание.

— И правда, очень сочный на вид, — сказал Том и осторожно положил плод на место.

Толпа вздохнула.

За соседним лотком стоял Макс Ткач с женой и иятью ребятishками. Сегодня они вынесли на обмен два одеяла и рубашку. Когда Том, за которым двигалась целая толпа, подошел к ним, они застенчиво заулыбались.

— Эта рубашка как раз тебе впору, — поспешил заверить его Ткач. Ему очень хотелось, чтобы народ разошелся и не мешал Тому работать.

— Хм, — промычал Том, беря рубашку.

Толпа выжидающе зашевелилась. Какая-то девчонка нервно хихикнула. Том крепко вцепился в рубашку и начал развязывать свою торбу.

— Постой-ка! — Билли Маляр протолкался сквозь толпу. На поясе у него уже поблескивала бляха — старая монета с Земли. Выражение его лица безошибочно свидетельствовало о том, что он находится при исполнении служебных обязанностей.

— Что ты делаешь с этой рубашкой, Том? — спросил Билли.

— Я?.. Просто взял поглядеть.

— Просто взял поглядеть, вот как? — Билли отвернулся, заложив руки за спину. Затем стремительно повернулся на каблуках и уставил на Тома негнувшийся указательный палец. — А мне думается, что ты не просто взял ее поглядеть, Том. Мне думается, что ты собирался ее украсть!

Том ничего не ответил. Уличающая его торба была беспомощно зажата у него в руке, в другой руке он держал рубашку.

— Мой долг как начальника полиции, — продолжал Билли, — охранять этих людей. Ты, Том, подозрительный субъект. Я считаю необходимым на всякий случай запретить тебя пока что в тюрьму для дальнейшего расследования.

Том понурил голову. Этого он не ожидал. А впрочем, ему было все равно.

Если его упрячут в тюрьму, с этим по крайней мере будет покончено. А когда Билли его выпустит, он сможет вернуться к своей рыбной ловле.

Внезапно сквозь толпу пробился мэр; подол рубахи развевался вокруг его объемистой талии.

— Билли! Ты что это делаешь?

— Исполняю свой долг, мэр. Том тут вел себя как-то подозрительно. А в книгах говорится...

— Я знаю, что говорится в книгах, — сказал мэр. — Я сам дал тебе эту книгу. Ты не можешь арестовать Тома. Пока еще нет.

— Так ведь у нас же в деревне нет другого преступника, — сокрушенно сказал Билли.

— А я чем виноват? — сказал мэр.

Билли упрямо поджал губы.

— В книге говорится, что полиция должна принимать предупредительные меры. Полагается, чтобы я мешал преступлению совершиться.

Мэр устало всплеснул руками.

— Билли, неужели ты не понимаешь? Нашей деревне необходимо иметь хоть какое-нибудь престуиление на своем счету. И ты тоже должен нам в этом помочь.

Билли пожал илечами.

— Ладно, мэр. Я просто хотел исполнить свой долг. — Он отвернулся, шагнул в сторону, затем внезапно устремился к Тому. — А ты мне еще попадешься! Запомни: престуиление не доводит до добра. — Он зашагал прочь.

— Больно уж ему хочется отличиться, — объяснил мэр. — Не обращай на него внимания, Том. Давай принимайся за дело, укради что-нибудь. Надо с этим кончать.

Том не отвечал и бочком протискивался сквозь толпу, держа курс на зеленый лес за околицей деревни.

— Ты куда, Том? — с тревогой спросил мэр.

— Я сегодня еще не в настроении воровать, — сказал Том. — Может, завтра вечером...

— Нет, Том, сейчас, — настаивал мэр. — Нельзя так без конца тянуть с этим делом. Давай начинай, мы все тебе поможем.

— Конечно, поможем, — сказал Макс Ткач. — Ты укради эту рубашку, Том. Она же тебе как раз впору.

— А вот хороший кувшин для воды, гляди, Том!

— Смотри, сколько у меня тут орехов!

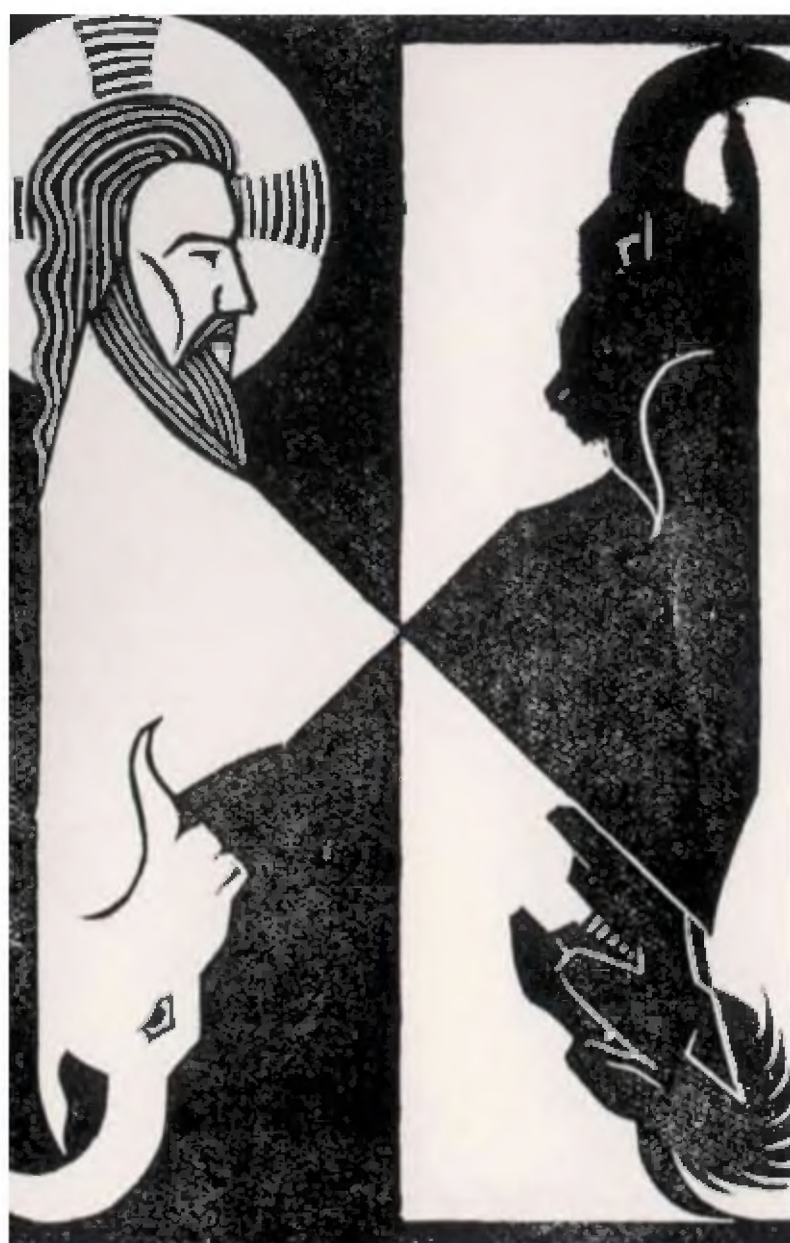
Том окинул взглядом лотки. Когда он потянулся за рубашкой Ткача, нож вывалился у него из-за пояса и упал на землю. В толпе сочувственно захихикали.

Том, покрываясь испариной и чувствуя, что он выглядит разиней, водворил нож на место. Он протянул руку, схватил рубашку и засунул ее в свою торбу. В толпе раздались одобрительные возгласы.

Том робко улыбнулся, и у него немного отлегло от сердца.

— Кажется, я помаленьку свыкнусь с этим делом.

— Еще как свыкнешься!

— Мы знали, что ты справишься!

— Укради еще что-нибудь, дружище!

Том прошелся по рынку, прихватил кусок веревки, пригоршню орехов и плетеную шляпу из травы.

— По-моему, хватит, — сказал он мэру.

— На сегодня достаточно, — согласился мэр. — Только это, ты ведь сам понимаешь, в счет не идет. Это все равно как если бы люди сами тебе все отдали. Ты пока что вроде как практиковался.

— О-о! — разочарованно протянул Том.

— Но теперь ты знаешь, как это делается. В следующий раз тебе будет совсем легко.

— Может быть.

— И смотри не забудь про убийство.

— А это в самом деле необходимо? — спросил Том.

— К сожалению, — сказал мэр. — Ну что поделаешь, наша колония существует уже свыше двухсот лет, а у нас еще не было ни одного убийства. Ни единого. А если верить летописям, во всех остальных колониях людей убивали почем зря!

— Ладно, я постараюсь, — согласился Том.

Он направился домой. Толпа проводила его одобрительными возгласами.

Дома Том зажег фитильную лампу и приготовил ужин. По-ев, он долго сидел в глубоком кресле. Он был недоволен собой. Нескладно у него получилось с этой кражей. Целый день он только и делал, что тревожился и колебался. Людям пришлось чуть ли не насильно совать ему в руки свои вещи, чтобы он в конце концов отважился их украсть.

Какой же он после этого вор?!

А что он может сказать в свое оправдание? Если он никогда еще этим не занимался и никак не может взять в толк, зачем это нужно, — это еще не причина, чтобы делать порученное тебе дело тяп-ляп.

Том направился к двери. Была дивная, ясная ночь. Около дюжины ближайших звезда-гигантов ослепительно сверкали в небе. Рыночная площадь снова опустела, и в домах затеплились огоньки.

Теперь самое время красть!

При мысли об этом по спине у него пробежала дрожь. Он испытывал горделивое чувство. Вот как зреют преступные замыслы! Так должно совершаться и воровство — украдкой, под покровом глубокой ночи.

Том быстро проверил свое оружие, высыпал награбленное из торбы и вышел во двор.

На улице последние фитильные фонари были уже погашены. Том бесшумно пробирался через деревню. Он подошел к дому Роджера Паромщика. Большой Роджер оставил свою лопату снаружи, прислонив ее к стене дома. Том взял лопату. Он миновал еще несколько домов. Кувшин для воды, принадлежавший миссис Ткач, стоял на своем обычном месте, перед дверью. Том взял кувшин. На обратном пути ему попалась маленькая деревянная лошадка, забытая кем-то из детей на улице. Лошадка последовала за кувшином и лопатой.

Благополучно доставив награбленное домой, Том был приятно взволиован. Он решил совершить еще один набег.

На этот раз он возвратился с бронзовой дощечкой, сиятой с дома мэра, с самой лучшей пилой Марва Плотника и серпом, принадлежавшим Джеду Фермеру.

— Недурно, — сказал себе Том. — Еще один улов, и можно считать, что ночь не пропала даром.

На этот раз под навесом у Рона Каменщика он нашел молоток и стамеску, а возле дома Элис Поварихи подобрал плетеную камышовую корзину. Он уже собирался прихватить еще и грабли Джефа Хмеля, когда услышал какой-то легкий шум. Он прижался к стене.

Билли Маляр тихонько крался по улице; его металлическая бляха поблескивала в свете звезд. В одной руке у него была зажата короткая тяжелая дубинка, а в другой — пара самодельных наручников. В ночном полумраке лицо его выглядело зловеще. На нем была написана решимость любой ценой искоренить преступление, что бы это слово ни означало.

Том затаил дыхание, когда Билли Маляр прокрался в десяти шагах от него. Том тихонечко попятился назад. Награбленная добыча звякнула в торбе.

— Кто здесь? — зарычал Билли. Не получив ответа, он начал медленно оборачиваться, впиваясь взглядом в темноту. Том снова распластался у стены. Он был уверен, что Билли его не заметит. У Билли было слабое зрение, потому что ему приходилось все время смешивать краски и пыль попадала ему в глаза.

— Это ты, Том? — самым дружелюбным тоном спросил Билли.

Том хотел уже было ответить, но тут он заметил, что дубинка Билли занесена у него над головой. Он замер.

— Я еще до тебя доберусь! — рявкнул Билли.

— Слушай! Доберись до него утром! — крикнул Джеф Хмель, высовываясь из окна своей спальни. — Тут кое-кому из нас хотелось бы поспать.

Билли двинулся дальше. Когда он скрылся из глаз, Том поспешил домой и выгрузил добычу на пол, рядом с остальными трофеями. Вид награбленного добра пробудил в нем сознание исполненного долга.

Подкрепившись стаканом холодной гявы, Том улегся в постель и мгновенно погрузился в глубокий мирный сон, неотягощенный никакими сновидениями.

На следующее утро Том пошел поглядеть, как продвигается строительство маленького красного школьного здания. Братья Плотники трудились над ним всю, кое-кто из крестьян помогал им.

— Как работка? — весело окликнул их Том.

— Отлично, — сказал Марв Плотник. — И спорилась бы еще лучше, будь у меня моя пила.

— Твоя пила? — недоумевающе повторил Том.

И тут же вспомнил — ведь это он украл ее ночью. Он как-то не воспринимал ее тогда как вещь, которая кому-то принадлежит. Пила, как и все остальное, была просто предметом, который надлежало украсть. Том ни разу не подумал о том, что этими предметами пользуются, что они могут быть кому-то нужны.

Марв Плотник спросил:

— Как ты считаешь, могу я взять обратно свою пилу на время? Часика на два?

— Я что-то не знаю, — сказал Том, нахмурившись. — Она ведь юридически украдена, ты сам понимаешь.

— Конечно, я понимаю. Да мне бы только одолжить ее на время...

— Но тебе придется отдать ее обратно.

— А то как же! Ясное дело, я ее верну, — возмущенно сказал Марв. — Стану я держать у себя то, что юридически украдено.

— Она у меня дома, вместе со всем награбленным.

Марв поблагодарил его и побежал за пилой.

Том не спеша пошел прогуляться по деревне. Он подошел к дому мэра. Мэр стоял во дворе и глядел на небо.

— Стащил мою медную дощечку, Том? — спросил он.

— Конечно, стащил, — вызывающе ответил Том.

— О! Я просто поинтересовался. — Мэр показал на небо: — Вон видишь?

Том поглядел на небо.

— Где?

— Видишь черную точку рядом с маленьким солнцем?

— Вижу. Ну и что?

— Головой ручаюсь, что это летит к нам инспектор. Как у тебя дела?

— Хорошо, — несколько неуверенно сказал Том.

— Уже разработал план убийства?

— Тут у меня неувязка получается, — признался Том. — Правду сказать, не двигается у меня это дело.

— Зайдем-ка в дом. Мне надо поговорить с тобой, Том.

В прохладной, затемненной ставнями гостиной мэр налил два стакана глянью и пододвинул Тому стул.

— Наше время истекает, — мрачно сказал мэр. — Инспектор может теперь прибыть в любую минуту. А у меня хлопот полон рот. — Он показал на межпланетное радио. — Оно опять говорпло. Что-то насчет того, что колонии должны быть готовы провести мобилизацию — шут его знает, что это еще такое. Как будто у мепя без того мало забот.

Он сурово поглядел на Тома.

— А вы точно знаете, что без убийства нам никак нельзя обойтись?

— Ты сам знаешь, что нельзя, — сказал мэр, — убийство — единственное, в чем мы проявляем отсталость.

Вошел Билли Маляр, в новой форменной синей рубашке с блестящими металлическими пуговицами, и плюхнулся на стул.

— Убил уже кого-нибудь, Том?

Мэр сказал:

— Он хочет знать, так ли это необходимо.

— Разумеется, необходимо, — сказал начальник полиции. — Прочти любую книгу.

— Кого ты думаешь убить, Том? — спросил мэр.

Том беспокойно заерзал на стуле. Нервно хрустнул пальцами.

— Ну?

— Ладно, я убью Джефа Хмеля, — выпалил Том.

Билли Маляр быстро нагнулся вперед.

— Почему? — спросил он.

— Почему? А почему бы и нет?

— Какие у тебя мотивы?

— Я так считал, что вам просто нужно, чтобы было убийство, — возразил Том. — Никто ничего не говорил о мотивах.

— Липовое убийство нам не годится, — пояснил начальник полиции. — Убийство должно быть совершено по всем правилам. А это значит, что у тебя должен быть основательный мотив.

Том задумался.

— Ну, я, например, не очень-то близко знаю Джефа. Достаточный это мотив?

Мэр покачал головой:

— Нет, Том, это не годится. Лучше выбери кого-нибудь другого.

— Давайте подумаем, — сказал Том. — А если Джорджа Паромщика?

— А какие мотивы? — немедленно спросил Билли.

— Ну... хм... Мне, признаться, очень не нравится его походка. Давно уже не нравится. И шумный он какой-то бывает... иногда.

Мэр одобрительно кивнул.

— Это, пожалуй, подходит. Что ты скажешь, Билли?

— Как, по-вашему, могу я раскрыть преступление, совершенное по таким мотивам? — сердито спросил Билли. — Нет, это еще годилось бы, если бы ты убил его в состоянии умоисступления. Но ты должен убить по всем правилам, Том. И должен отвечать характеристике: хладнокровный, безжалостный, коварный убийца. Ты не можешь убить кого-то только потому, что тебе не нравится его походка. Это звучит глупо.

— Пожалуй, мне надо еще раз хорошенько все обдумать, — сказал Том, вставая.

— Только думай не слишком долго, — сказал мэр. — Чем скорее с этим будет покончено, тем лучше.

Том кивнул и направился к двери.

— Да, Том! — крикнул Билли. — Не забудь оставить улики. Это очень важно.

— Ладно, — сказал Том и вышел.

Почти все жители деревни стояли на улице, глядя в небо. Черная точка уже почти совсем закрыла собой маленькое солнце.

Том направился в пользующийся дурной славой притон, чтобы все продумать до конца. Эд Пиво, по-видимому, пересмотрел свое отношение к преступным элементам. Он переоборудовал таверну. Появилась большая вывеска, гласившая: ЛОГОВО ПРЕСТУПНИКА. Окна были задрапированы новыми, добросовестно перепачканными грязью занавесками, затруднявшими доступ дневному свету и делавшими таверну поистине мрачным притоном. На одной стене висело наспех вырезанное из дерева всевозможное оружие. На другой стене большая кроваво-красная клякса производила весьма злое впечатление, хотя Том и видел, что это всего-навсего краска, которую Билли Маляр приготавливает из ягод руты.

— Входи, входи, Том, — сказал Эд Пиво и повел гостя в самый темный угол. Том заметил, что в эти часы в таверне никогда не бывало столько народу. Людям, как видно, пришлось по душе, что они попали в настоящее логово преступника.

Потягивая перри-колу, Том принялся размышлять.

Он должен совершить убийство.

Он достал свой ордер и прочел его еще раз от начала до конца. Скверная штука, никогда бы он по доброй воле за такое не взялся, но закон обязывает его выполнить свой долг.

Том выпил перри-колу и постарался сосредоточиться на убийстве. Он сказал себе, что должен кого-нибудь убить. Дол-

жен лишить кого-нибудь жизни. Должен отправить кого-нибудь на тот свет.

Но, что бы он себе ни говорил, это не выражало существа дела. Это были слова, и все. Чтобы привести в порядок свои мыслн, Том решил взять для примера здорового рыжеволосого Марва Плотника. Сегодня Марв, получив напрокат свою пилу, строит школьное здание. Если Том убьет Марва... Ну, тогда Марв не будет больше строить.

Нет, ему все никак не удавалось осознать это до конца.

Ну, ладно. Вот, значит, Марв Плотник — самый здоровенный и, по мнению многих, самый славный из всех ребят Плотников. Вот он стругает доску, прищурившись, крепко ухватив рубанок веснушчатой рукой.

А теперь...

Марв Плотник, опрокинутый навзничь, лежит на земле; остекленелые глаза его полуоткрыты, он не дышит, сердце у него не бьется. Никогда уже больше не будет он сжимать кусок дерева в своих больших веснушчатых руках...

На какой-то миг Том вдруг всем своим нутром ощутил, что такое убийство. Видение исчезло, но воспоминание о нем осталось — оно было настолько ярко, что Том почувствовал легкую дурноту.

Он мог жить, совершив кражу. Но убийство, даже с самыми благими намерениями, в интересах деревни...

Что скажут люди, когда они увидят то, что ему сейчас помешалось? Как тогда ему жить среди них? Как примириться с самим собой?

И тем не менее он должен убить. Каждый житель деревни вносит свою лепту, а это дело выпало на его долю.

Но кого же ему убить?

Переполох начался несколько позже, когда межпланетное радио сердито загремело на разные голоса.

— Это и есть колония? Где ваша столица?

— Вот она, — сказал мэр.

— Где ваш аэродром?

— У нас там, кажется, теперь сделали выгон, — сказал мэр. — Я могу проверить по книгам, где тут прежде был аэродром. Ни один воздушный корабль не опускался здесь уже...

— В таком случае главный корабль будет оставаться в воздухе. Соберите ваших представителей. Я приземляюсь.

Вся деревня собралась вокруг открытого поля, которое инспектор избрал для посадки. Том засунул за пояс свое оружие, укрываясь за деревом и стал наблюдать.

Маленький воздушный корабль отделился от большого и быстро устремился вниз. Он камнем падал на поле, и деревня затаила дыхание, ожидая, что он сейчас разобьется. Но в последнее мгновение корабль выпустил огненные струи, которые выжгли всю траву, и илавно опустился на грунт.

Мэр, работая локтями, протиснулся вперед; за ним спешил Билли Маляр. Дверца корабля отворилась, и появилось четверо мужчин. Они держали в руках блестящие металлические предметы, и Том понял, что это оружие. Следом за ними из корабля вышел дородный краснолицый мужчина, одетый в черное, с четырьмя блестящими медалями на груди. Его сопровождал маленький человечек с морщинистым лицом, тоже в черном. За ними последовало еще четверо облаченных в одинаковую форму людей.

— Добро пожаловать в Новый Дилавер, — сказал мэр.

— Благодарю вас, генерал, — сказал дородный мужчина, энергично тряхнув руку мэра. — Я инспектор Дилумейн. А это — мистер Грент, мой политический советник.

Грент кивнул мэру, делая вид, что не замечает его протянутой руки. С выражением снисходительного отвращения он окинул взглядом собравшихся дилаверцев.

— Мы бы хотели осмотреть деревню, — сказал инспектор, покосившись на Грента.

Грент кивнул. Одетая в мундиры стража замкнула их в полукольцо.

Том, крадучись, как заправский злодей, и держась на безопасном расстоянии, последовал за ними. Когда они добрались до деревни, он спрятался за домом и продолжал свои наблюдения.

Мэр с законной гордостью показывал тюрьму, почту, церковь и маленькое красное школьное здание. Инспектор, казалось, был несколько озадачен. Мистер Грент противно улыбался и скреб подбородок.

— Так я и думал, — сказал он инспектору. — Пустая трата времени, горючего и ненужная амортизация линейного крейсера. Здесь нет абсолютно ничего ценного.

— Я не вполюе в этом уверен, — сказал инспектор. Он повернулся к мэру: — Но для чего вы все это построили, генерал?

— Как? Для того, чтобы быть настоящими землянами, — отвечал мэр. — Вы видите, мы делаем все, что в наших силах.

Мистер Грент прошептал что-то на ухо инспектору.

— Скажите, — обратился инспектор к мэру, — сколько у вас тут молодых мужчин в вашей деревне?

— Прошу прощения?.. — растерянно переспросил мэр.

— Сколько у вас имеется молодых мужчин в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет, — пояснил мистер Грент.

— Нам нужны люди для космической пехоты, — сказал инспектор. — Крепкие, здоровые, боеспособные мужчины. Мы убеждены, что не услышим от вас отказа.

— Разумеется, нет, — сказал мэр. — Конечно, нет. Я уверен, что все наши молодые люди будут рады... Они, правда, не особо большие специалисты по этой части, но зато очень смывленные ребята. Научатся быстро, я полагаю.

— Вот видите? — сказал инспектор, обращаясь к мистеру Гренту. — Шестьдесят, семьдесят, а быть может, и сотня рекрутов. Не такая уж потеря времени, оказывается.

Но мистер Грент по-прежнему был настроен скептически. Инспектор вместе со своим советником направился в дом мэра, чтобы немного подкрепиться. Их сопровождали четверо солдат. Остальные четверо прошлись по деревне, не пренебрегая ничем, что попадало под руку.

Том укрылся в ближайшем лесочке, чтобы все основательно обдумать. В сумерках миссис Эд Пиво, пугливо озираясь по сторонам, вышла за околицу. Миссис Эд Пиво была тощая, начинающая седеТЬ блондинка средних лет. Невзирая на свое подагрическое колено, она двигалась очень проворно. В руках у нее была корзина, покрытая красной клетчатой салфеткой.

— Я принесла тебе обед, — сказала она, как только увидела Тома.

— Вот как?.. Спасибо, — сказал Том, опешив от удивления. — Ты совсем не обязана это делать.

— Как это не обязана? Ведь это наша таверна — место, пользующееся дурной славой, где тебе надлежит укрываться от закона? Разве не так? Значит, мы за тебя отвечаем и должны о тебе заботиться. Мэр велел тебе кое-что передать.

Том с набитым ртом поглядел на миссис Эд Пиво.

— Что еще?

— Он сказал, чтобы ты поторопился с убийством. Он пока что водит за нос инспектора и этого противного каранка — Грента. Но рано или поздно они с него спросят. Он в этом уверен.

Том кивнул.

— Когда ты это сделаешь, Том? — Миссис Пиво поглядела на него, склонив голову набок.

— Я не должен тебе говорить, — сказал Том.

— Как так не должен! Я же твоя преступная сообщница! — Миссис Пиво придвинулась ближе.

— Да, это верно, — задумчиво согласился Том. — Ладно, я собираюсь сделать это сегодня, когда стемнеет. Передай

Билли Маляру, что я оставляю все отпечатки пальцев, какие только у меня получатся, и разные прочие улики.

— Ладно, Том, — сказала миссис Пиво. — Бог в помощь.

Том дожидаясь наступления темноты, а пока что наблюдал за происходящим в деревне. Он видел, что почти все солдаты напились пьяными. Они разгуливали по деревне с таким видом, словно кроме них никого больше не существовало на свете. Один из солдат выстрелил в воздух и напугал всех маленьких, пушистых, питающихся травой зверьков на много миль в округности.

Инспектор и мистер Грент все еще оставались в доме мэра. Наступила ночь. Том пробрался в деревню и притаился в узком переулочке между двумя домами. Он вытащил из-за пояса нож и стал ждать.

Кто-то шел по дороге. Человек приближался. Фигура его неясно маячила во мраке.

— А, это ты, Том! — сказал мэр. Он поглядел на нож. — Что ты тут делаешь?

— Вы сказали, что нужно кого-нибудь убить, вот я и ...

— Я не говорил, что меня, — сказал мэр, пятясь назад. — Меня нельзя.

— Почему нельзя? — спросил Том.

— Ну, во-первых, кто-то должен принимать инспектора. Он ждет меня. Нужно показать ему...

— Это может сделать и Билли Маляр, — сказал Том. Он ухватил мэра за ворот рубахи и занес над ним нож, нацелив острие в горло. — Лично я, конечно, ничего против вас не имею, — добавил он.

— Поймай! — закричал мэр. — Если ты ничего не имеешь лично, значит, у тебя нет мотива!

Том опустил нож, но продолжал держать мэра за ворот.

— Что ж, я могу придумать какой-нибудь мотив. Я, например, был очень зол, когда вы назначили меня преступником.

— Так ведь это мэр тебя назначил, верно?

— Ну да, а то кто же...

Мэр потащил Тома из темного закоулка на залитую светом звезд улицу.

— Гляди!

Том разинул рот. На мэре были длинные штаны с острой, как лезвие ножа, складкой и мундир, сверкающий медалями. На плечах — два ряда звезд, по десять штук в каждом. Его головной убор, густо расшитый золотым галупом, изображал летящую комету.

— Ты видишь, Том? Я теперь уже не мэр. Я — генерал!

— Какая разница? Человек-то вы тот же самый.

— Только не с формальной точки зрения. Ты, к сожалению, пропустил церемонию, которая состоялась после обеда. Инспектор заявил, что раз я теперь официально произведен в генералы, мне следует носить генеральский мундир. Церемония протекала в теплой, дружеской обстановке. Все прилетевшие с Земли улыбались и подмигивали мне и друг другу.

Том снова взмахнул ножом с таким видом, словно собирался выпотрошить рыбу.

— Поздравляю, — с неподдельной сердечностью сказал он, — но ведь вы были мэром, когда назначили меня преступником, значит, мой мотив остается в силе.

— Так ты уже убиваешь не мэра. Ты убиваешь генерала! А это уже не убийство.

— Не убийство? — удивился Том.

— Видишь ли, убийство генерала — это уже мятеж!

— О! — Том опустил нож. — Прошу прощения.

— Ничего, все в порядке, — сказал мэр. — Вполне простительная ошибка. Просто я прочел об этом в книгах, а ты — нет. Тебе это ни к чему. — Он глубоко, с облегчением вздохнул. — Ну, мне, пожалуй, надо идти. Инспектор просил составить ему список новобранцев.

Том крикнул ему вдогонку:

— Вы уверены, что я непременно должен кого-нибудь убить?

— Уверен! — ответил мэр, поспешно удаляясь. — Но только не меня!

Том снова сунул нож за пояс.

Не меня, не меня! Каждый так скажет. Убить самого себя он не мог. Это же самоубийство и, значит, будет не в счет.

Тома пробрала дрожь. Он старался забыть о том, как убийство на мгновение предстало перед ним во всей своей реальности. Дело должно быть сделано.

Приближался еще кто-то!

Человек подходил все ближе. Том пригнулся, мускулы его напряглись, он приготовился к прыжку.

Появилась миссис Мельник. Она возвращалась домой с рынка и несла сумку с овощами.

Том сказал себе, что это не имеет значения — миссис Мельник или кто-нибудь другой. Но он никак не мог отогнать от себя воспоминания о ее беседах с его покойной матерью. Получилось, что у него нет никаких мотивов убивать миссис Мельник.

Она прошла мимо, не заметив его.

Он ждал еще минут тридцать. В темном проулке между домами опять появился кто-то. Том узнал Макса Ткача.

Макс всегда нравился Тому. Но это еще не означало, что у Тома не может быть мотива убить Макса. Однако ему решительно ничего не приходило на ум кроме того, что у Макса есть жена и нятеро ребятишек, которые очень его любят и очень будут по нему горевать. Он отступил поглубже в тень и позволил Максy благополучно пройти мимо.

Появились трое братьев Плотников. С ними у Тома было связано слишком мучительное воспоминание. Он дал им пройти мимо. Следом за ними шел Роджер Паромщик.

У Тома не было никакой причины убивать Роджера, но и дружить они особенно никогда не дружили. К тому же у Роджера не было детей, а его жена не сказать чтоб слишком была к нему привязана. Может, всего этого уже будет достаточно для Билли Мааяра, чтобы вскрыть мотивы убийства?

Том понимал, что этого недостаточно... И что со всеми остальными жителями деревни у него получится то же самое. Он вырос среди этих людей, делил с ними пищу и труд, горести и радости. Какие, в сущности, могут у него быть мотивы, чтобы убивать кого-нибудь из них?

А убить он должен. Этого требует выданный ему ордер. Нельзя же обмануть доверие односельчан.

«Постой-ка! — внезапно в сильном волеении подумал он. — Можно ведь убить инспектора!»

Мотивы? Да это будет даже более чудовищное злодеяние, чем убить мэра... Конечно, мэр теперь еще и генерал, но ведь это уже был бы всего-навсего мятеж. Да если бы даже мэр по-прежнему оставался только мэром, инспектор куда более солидная жертва. Том совершит это убийство ради славы, ради подвига, ради величия! Это убийство покажет Земле, насколько верна земным традициям ее колония. И на Земле будут говорить: «На Новом Дилавере преступность припала такие размеры, что появляться там небезопасно. Какой-то преступник просто-напросто взял да и убил нашего инспектора в первый же день его прибытия туда! Во всей Вселенной едва ли сыщется еще один столь страшный убийца!» Это, несомненно, будет самое эффектное убийство, какое он только может совершить, думал Том.

Убийство, которое под стать лишь настоящему знатоку своего дела.

Впервые ощутив прилив гордости, Том поспешил к дому мэра. До него долетели обрывки разговора, который шел внутри.

— ...весьма пассивный народ, — говорил мистер Грент. — Я бы даже сказал, робкий.

— Довольно-таки унылое качество, — заметил инспектор. — Особенно в солдатах.

— А чего вы ожидали от этих отсталых земледельцев? Хорошо еще, что мы завербовали здесь немного солдат. — Мистер Грент оглушительно зевнул. — Стража, смирно! Мы возвращаемся на корабль.

Стража! Том совершенно про нее забыл. Он с сомнением поглядел на свой нож. Если он бросится на инспектора, стража, несомненно, успеет его схватить, прежде чем он совершит убийство. Их, верно, специально этому обучают.

Вот если бы у него было такое оружие, как у них...

Из дома донесся звук шагов. Том поспешно пошел дальше по улице.

Возле рынка он увидел пьяного солдата, который сидел на крылечке и что-то напевал себе под нос. У ног его валялись две пустые бутылки, оружие небрежно висело на плече.

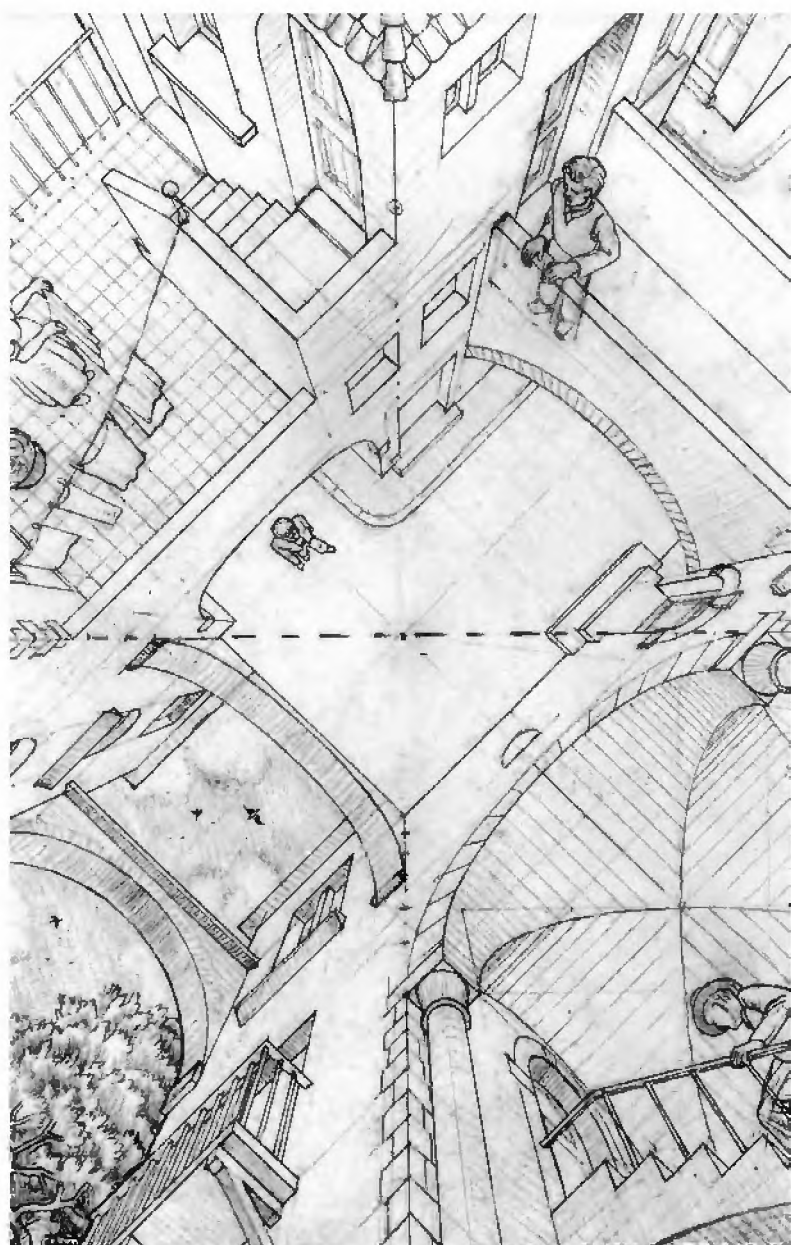
Том подкрался ближе, вытащил свою дубинку, замахнулся...

Его тень, по-видимому, привлекла внимание солдата. Он вскочил, пригнулся и успел увернуться от удара дубинки. Он ударил Тома прикладом под ребра, вскинул винтовку к плечу и прицелился. Том зажмурился и прыгнул, лягнув его обеими ногами. Удар пришелся солдату в колено и опрокинул его навзничь. Прежде чем он успел подняться, Том огрел его дубинкой.

Том пощупал у солдата пульс (не было смысла убивать кого попало) и нашел его вполне удовлетворительным. Он взял винтовку, проверил, где что надо нажимать, и пошел разыскивать инспектора.

Он нагнал его на полпути к посадочной площадке.

Инспектор и Грент шли впереди, позади них ковыляли солдаты.

Том шел, прячась за кустами. Он бесшумно догонял процессию, пока не поравнялся с Грентом и с инспектором. Тем прицелился, но палец его застыл на спусковом крючке...

Ему не хотелось убивать еще и Грента. Ведь предполагалось, что он должен совершить только одно убийство.

Том припустил вперед, опередил инспектора и, выйдя на дорогу, преградил ему путь. Его оружие было направлено прямо на инспектора.

— Что это такое? — спросил инспектор.

— Стойте смирно, — сказал ему Том. — Все остальные бросьте оружие и отойдите с дороги.

Солдаты повиновались, как сомнамбулы. Один за другим они побросали оружие и отступили к кустам обочины. Грент остался на месте.

— Что это ты задумал, малый? — спросил он.

— Я городской преступник, — горделиво отвечал Том. — Я хочу убить инспектора. Пожалуйста, отойдите в сторону.

— Преступник? Так вот о чем лопотал ваш мэр!

— Я знаю, что у нас уже двести лет не было ни одного убийства, — пояснил Том, — но сейчас я это исправляю. Прочь с дороги!

Грент прыгнул в сторону от наведенного на него дула. Инспектор остался один. Он стоял, легонько пошатываясь.

Том прицелился, стараясь думать о том, какой эффект произведет это убийство, и о его общественном значении. Но он видел инспектора простертым на земле, с остановившимся взглядом широко открытых глаз, с переставшим биться сердцем.

Он старался заставить свой палец нажать на спусковой крючок. Мозг мог сколько угодно убеждать его в том, как общественно необходимо преступление, — рука знала лучше.

— Я не могу! — выкрикнул Том.

Он бросил оружие и прыгнул в кусты.

Инспектор хотел отрядить людей на розыски Тома и повесить его на месте. Но мистер Грент был с ним не согласен. Новый Дилавер — лесная планета. Десять тысяч людей не найдут беглеца в этих дремучих лесах, если он не захочет попасться им в руки.

На шум прибежал мэр и еще кое-кто из жителей деревни. Солдаты образовали каре вокруг инспектора и мистера Грента. Они стояли, держа оружие наизготовку. Лица их были угрюмы и суровы.

Мэр все разъяснил. О прискорбной отсталости деревни по части преступлений. О поручении, данном Тому Рыбаку. О том, как он всех их осрамил, не сумев выполнить свой долг.

— Почему вы дали это поручение именно ему? — спросил мистер Грент.

— Видите ли, — сказал мэр. — Я подумал, что если уж кто-нибудь из нас способен убить, так только Том. Он, понимаете ли, рыбак. Это довольно-таки кровавое занятие.

— Значит, все остальные у вас так же не способны убивать?

— Никому из нас никогда бы не зайти так далеко, как зашел Том, — с грустью признался мэр.

Инспектор и мистер Грент переглянулись, потом поглядели на солдат. Солдаты с почтительным изумлением взирали на жителей деревни и начали негромко переговариваться друг с другом.

— Смирно! — зарычал инспектор. Он обернулся к Гренту и сказал, понизив голос: — Надо, пока не поздно, поскорее убираться отсюда. Люди, не умеющие убивать...

— Опасная зараза... — весь дрожа, пробормотал мистер Грент. — Один такой человек, если он не в состоянии выстрелить из винтовки, может в ответственный момент поставить под удар весь корабль... Быть может, даже целую эскадрилью... Нет, так рисковать нельзя.

Они приказали солдатам вернуться на корабль. Солдаты шагали ленивее, чем обычно, и то и дело оборачивались, чтобы поглядеть на деревню. Они продолжали перешептываться, невзирая на то что инспектор рычал и сыпал приказами.

Маленький воздушный корабль взмыл вверх, исторгнув из себя целый шквал струй. Через несколько минут его поглотил большой корабль. А затем и большой корабль скрылся из виду.

Огромное водянисто-красное солнце уже касалось края горизонта.

— Ты можешь теперь выйти, Том! — крикнул мэр.

Том вылез из кустов, где он прятался, следя за происходящим.

— Напортачил я с этим поручением, — жалобно сказал Том.

— Не сокрушайся, — утешил его Билли Маляр. — Это же невыполнимое дело.

— Похоже, что ты прав, — сказал мэр, когда они шагали по дороге, возвращаясь в деревню. — Я просто подумал — чем черт не шутит, а вдруг ты как-нибудь справишься. Но ты не огорчайся. Никто у нас в деревне не натворил бы половины того, что ты.

— Теперь мне, верно, это больше не понадобится, — сказал Том, протягивая свой ордер мэру.

— Да, пожалуй, — сказал мэр. Все сочувственно смотрели на него, когда он рвал ордер на мелкие куски. — Ну что ж, сделали, что могли. Просто не вышло.

— У меня ведь была возможность, — смущенно пробормотал Том, — а я вас всех подвел.

Билли Маляр ласково положил руку ему на плечо.

— Ты не виноват, Том. И никто из нас не виноват. Вот что получается, когда к людям двести лет не проникает цивилизация. Поглядите, сколько времени понадобилось Земле, чтобы

стать цивилизованной. Тысячи лет. А мы хотели достигнуть этого за две недели.

— Ну что ж, придется нам снова вернуться в нецивилизованное состояние, — сказал мэр, делая неуклюжую попытку пошутить.

Том зевнул, потянулся и зашагал домой, чтобы хорошенько отоспаться — наверстать упущенное. На пороге дома он взглянул на небо.

Густые, тяжелые облака собирались над головой. Близились осенние дожди. Скоро можно будет снова рыбачить.

Почему он не представил себе инспектора в виде рыбы? Теперь думать об этом было уже поздно.

Он плохо спал в эту ночь.

Кое-что задаром

Он как будто слышал чей-то голос. Но, может быть, ему просто почудилось? Стараясь припомнить, как все это произошло, Джо Коллинз знал только, что он лежал на постели, слишком усталый, чтобы снять с одеяла ноги в насквозь промокших башмаках, и не отрываясь смотрел на расплывшуюся по грязному желтому потолку паутину трещин — следил, как сквозь трещины медленно, тоскливо, капля за каплей просачивается вода.

Вот тогда, по-видимому, это и произошло. Коллинзу показалось, будто что-то металлическое поблескивает возле его кровати. Он приподнялся и сел. На полу стояла какая-то машина — там, где раньше никакой машины не было.

И когда Коллинз уставился на нее в изумлении, где-то далеко-далеко незнакомый голос произнес: «Ну вот! Это уже все!»

А может быть, это ему и послышалось. Но машина, несомненно, стояла перед ним на полу.

Коллинз опустился на колени, чтобы ее обследовать. Машина была похожа на куб — фута три в длину, в ширину и в высоту — и издавала негромкое жужжание. Серая зернистая поверхность ее была совершенно одинакова со всех сторон, только в одном углу помещалась большая красная кнопка,

а в центре — бронзовая дощечка. На дощечке было выгравировано: «Утилизатор класса А, серия АА—1256432». А ниже стояло: «Этой машиной можно пользоваться только по классу А».

Вот и все.

Никаких циферблатов, рычагов, выключателей — словом, никаких приспособлений, которые, по мнению Коллинза, должна иметь каждая машина. Просто бронзовая дощечка, красная кнопка и жужжание.

— Откуда ты взялась? — спросил Коллинз.

Утилизатор класса А продолжал жужжать. Коллинз, собственноручно говоря, и не ждал ответа. Сидя на краю постели, он задумчиво рассматривал Утилизатор. Теперь вопрос сводился к следующему: что с ним делать?

Коллинз осторожно коснулся красной кнопки, прекрасно отдавая себе отчет в том, что у него нет никакого опыта обращения с машинами, которые «падают с неба». Что будет, если нажать эту кнопку? Провалится пол? Или маленькие зеленые человечки дрыгнут в комнату через потолок?

Но чем он рискует? Он легонько нажал на кнопку.

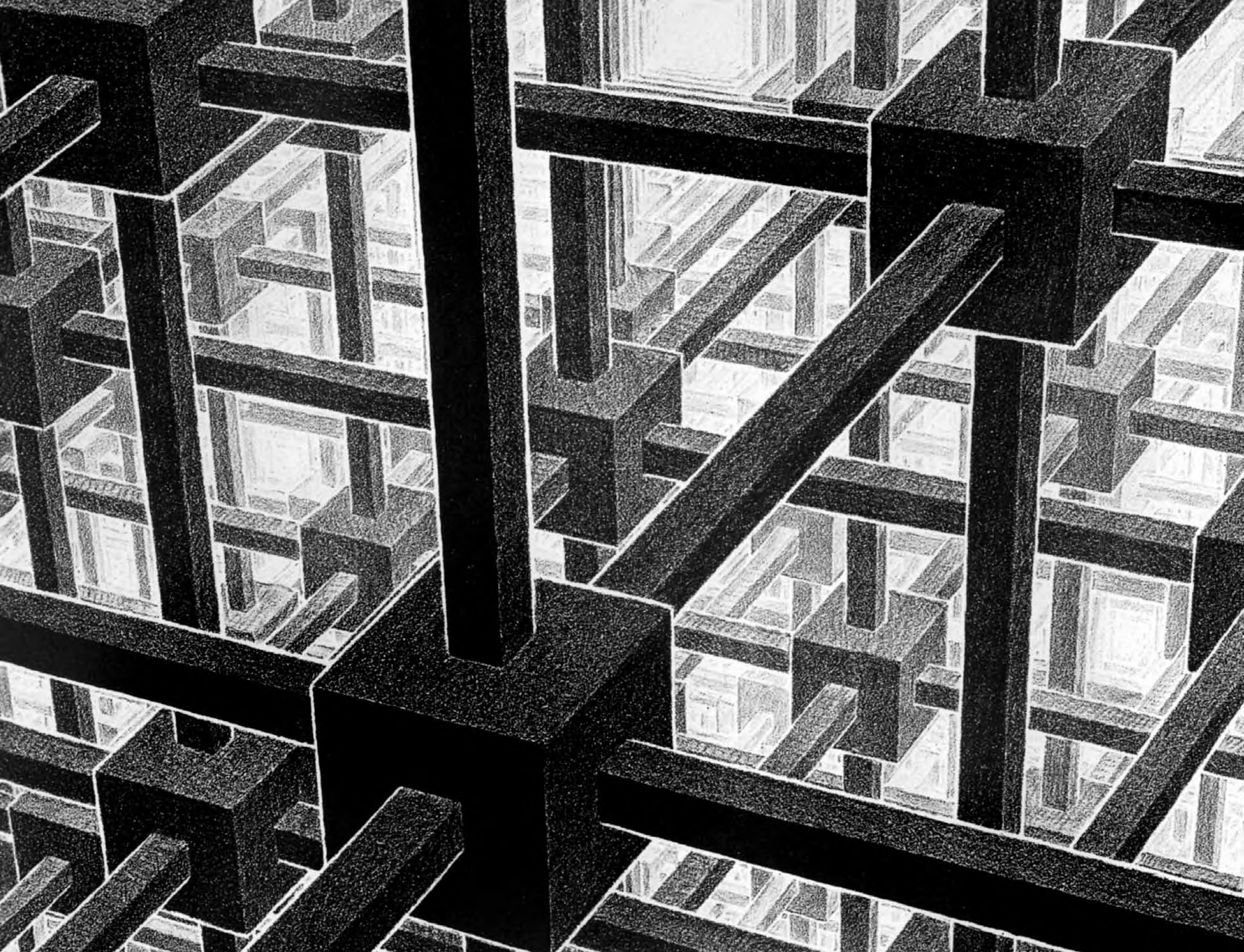
Ничего не произошло.

— Ну что ж, сделай что-нибудь, — сказал Коллинз, чувствуя себя несколько подавленным.

Утилизатор продолжал все так же тихонько жужжать.

Ладно, во всяком случае, машину всегда можно заложить. Честный Чарли даст ему не меньше доллара за один металл. Коллинз попробовал приподнять Утилизатор. Он не приподнимался. Коллинз попробовал снова, поднатужился что было мочи, и ему удалось на дюйм-полтора приподнять над полом один угол машины. Он выпустил машину и, тяжело дыша, присел на кровать.

— Тебе бы следовало призвать мне на помощь парочку дюжих ребят, — сказал Коллинз Утилизатору. Жужжание тотчас

стало значительно громче, и машина даже начала вибрировать.

Коллинз ждал, но по-прежнему ничего не происходило. Словно по какому-то наитию, он протянул руку и ткнул пальцем в красную кнопку.

Двое здоровенных мужчин в грубых рабочих комбинезонах тотчас возникли перед ним. Они окинули Утилизатор оценивающим взглядом. Один из них сказал:

— Слава тебе господи, это не самая большая модель. За те, огромные, никак не ухватишься.

Второй ответил:

— Все же это будет полегче, чем ковырять мрамор в каменоломне, как ты считаешь?

Они уставились на Коллинза, который уставился на них. Наконец первый сказал:

— Аадно, приятель, мы не можем прохладиться тут целый день. Куда тащить Утилизатор?

— Кто вы такие? — прохрипел наконец Коллинз.

— Такелажники. Разве мы похожи на сестер Ванзагги?

— Но откуда вы взяли? — спросил Коллинз.

— Мы от такелажной фирмы «Поуха минайл», — сказал один. — Пришли, потому что ты требовал такелажников. Ну, куда тебе ее?

— Уходите, — сказал Коллинз. — Я вас потом позову.

Такелажники пожали плечами и исчезли. Коллинз минуты две смотрел туда, где они только что стояли. Затем перевел взгляд на Утилизатор класса А, который теперь снова мирно жужжал.

Утилизатор? Он мог бы придумать для машины название и получше. Исполнительница Желаний, например.

Нельзя сказать, чтобы Коллинз был уж очень потрясен. Когда происходит что-нибудь сверхъестественное, только тупые, умственно ограниченные люди не в состоянии этого

принять. Коллинз, несомненно, был не из их числа. Он был блестяще подготовлен к восприятию чуда.

Почти всю жизнь он мечтал, надеялся, молил судьбу, чтобы с ним случилось что-нибудь необычайное. В школьные годы он мечтал, как проснется однажды утром и обнаружит, что скучная необходимость учить уроки отпала, так как все выучилось само собой. В армии он мечтал, что появятся какие-нибудь феи или джинны, подменят его наряд, и, вместо того чтобы маршировать в строю, он окажется дежурным по казарме.

Демобилизовавшись, Коллинз долго отлынивал от работы, так как не чувствовал себя психологически подготовленным к ней. Он плыл по воле волн и снова мечтал, что какой-нибудь сказочно богатый человек возымеет желание изменить свою последнюю волю и оставит все ему. По правде говоря, он, конечно, не ожидал, что какое-нибудь такое чудо может и в самом деле произойти. Но когда оно все-таки произошло, он уже был к нему подготовлен.

— Я бы хотел иметь тысячу долларов мелкими бумажками с незарегистрированными номерами, — боязливо произнес Коллинз. Когда жужжание усилилось, он нажал кнопку. Большая куча грязных пяти- и десятидолларовых бумажек выросла перед ним. Это не были новенькие, шуршащие банкноты, но это, бесспорно, были деньги.

Коллинз подбросил вверх целую пригоршню бумажек и смотрел, как они, красиво кружась, медленно опускаются на пол. Потом снова улегся на постель и принялся строить планы.

Прежде всего надо вывезти машину из Нью-Йорка — куда-нибудь на север штата, в тихое местечко, где любопытные соседи не будут совать к нему свой нос. При таких обстоятельствах, как у него, подоходный налог может стать довольно деликатной проблемой. А впоследствии, когда все наладится, можно будет перебраться в центральные штаты или...

В комнате послышался какой-то подозрительный шум.

Коллинз вскочил на ноги. В стене образовалось отверстие, и кто-то с шумом ломился в эту дыру.

— Эй! Я у тебя ничего не просил! — крикнул Коллинз машине.

Отверстие в стене расширялось. Показался грузный краснолицый мужчина, который сердито старался пропихнуться в комнату и уже наполовину вылез из стены.

Коллинз внезапно сообразил, что все машины, как правило, кому-нибудь принадлежат. Любому владельцу Исполнительницы Желаний не понравится, если машина пропадет. И он пойдет на все, чтобы вернуть ее себе. Он может не остановиться даже перед ...

— Защити меня! — крикнул Коллинз Утилизатору и вонзил палец в красную кнопку.

Зевая, явно спросонок, появился маленький лысый человечек в яркой пижаме.

— Временная служба охраны стен «Саниса Лиик», — сказал он, протирая глаза. — Я — Лиик. Чем могу быть вам полезен?

— Уберите его отсюда! — взвизгнул Коллинз.

Краснолицый, дико размахивая руками, уже почти совсем вылез из стены. Лиик вынул из кармана пижамы кусочек блестящего металла. Краснолицый закричал:

— Постой! Ты не понимаешь! Этот малый ...

Лиик направил на него свой кусочек металла. Краснолицый взвизгнул и исчез. Почти тотчас отверстие в стене тоже пропало.

— Вы убили его? — спросил Коллинз.

— Разумеется, нет, — ответил Лиик, пряча в карман кусочек металла. — Я просто повернул его вокруг оси. Тут он больше не полезет.

— Вы хотите сказать, что он будет искать другие нуты? — спросил Коллинз.

— Не исключено, — сказал Лиик. — Он может испытывать микротрансформацию или даже одушевление. — Лиик пристально, испытующе поглядел на Коллинза. — А это ваш Утилизатор?

— Ну конечно, — сказал Коллинз, покрываясь испариной.

— А вы по классу А?

— А то как же? — сказал Коллинз. — Иначе на что бы мне эта машина?

— Не обижайтесь, — сонно произнес Лиик. — Это я подружески. — Он медленно покачал головой. — И куда только вашего брата по классу А не заносит? Зачем вы сюда вернулись? Верно, пишете какой-нибудь исторический роман?

Коллинз только загадочно улыбнулся в ответ.

— Ну, мне надо спешить дальше, — сказал Лиик, зевая во весь рот. — День и ночь на ногах. В каменоломне было куда лучше.

И он исчез, не закончив нового зевка.

Дождь все еще шел, а с потолка капало. Из вентиляционной шахты доносилось чье-то мирное похрапывание. Коллинз снова был один на один со своей машиной. И с тысячью долларов в мелких бумажках, разлетевшихся по всему полу. Он нежно похлопал Утилизатор. Эти самые — по классу А — неплохо его сработали. Захотелось чего-нибудь — достаточно произнести вслух и нажать кнопку. Понятно, что настоящий владелец тоскует по ней.

Лиик сказал, что, быть может, краснолицый будет пытаться завладеть ею другим путем. А каким?

Да не все ли равно? Тихонько насвистывая, Коллинз стал собирать деньги. Пока у него эта машина, он себя в обиду не даст.

В последующие несколько дней в образе жизни Коллинза произошла резкая перемена. С помощью такелажников фир-

мы «Поуха минайл» он переправил Утилизатор на север. Там он купил небольшую гору в пустынной части Адирондакского горного массива и, получив купчую на руки, углубился в свои владения на несколько миль от шоссе. Двое такелажников, обливаясь потом, тащили Утилизатор и однообразно бранились, когда приходилось продираться сквозь заросли.

— Поставьте его здесь и убирайтесь, — сказал Коллинз. За последние дни его уверенность в себе чрезвычайно возросла.

Такелажники устало вздохнули и испарились. Коллинз огляделся по сторонам. Кругом, насколько хватал глаз, стояли густые сосновые и березовые леса. Воздух был влажен и душист. В верхушках деревьев весело щебетали птицы. Порой среди ветвей мелькала белка.

Природа! Коллинз всегда любил природу. Вот отличное место для постройки просторного внушительного дома с илавательным бассейном, теннисным кортом и, быть может, маленьким аэродромом.

— Я хочу дом, — твердо проговорил Коллинз и нажал красную кнопку.

Появился человек в аккуратном деловом сером костюме и в пенсне.

— Конечно, сэр, — сказал он, косясь прищуренным глазом на деревья, — но вам все-таки следует несколько подробнее развить свою мысль. Хотите ли вы что-нибудь в классическом стиле вроде бунгало, ранчо, усадебного дома, загородного особняка, замка, дворца? Или что-нибудь примитивное, на манер шалаша или иглу? По классу А вы можете построить себе и что-нибудь ультрасовременное, например дом с полу-фасадом, или здание в духе Обтекаемой Протяженности, или дворец в стиле Миниатюрной Пещеры.

— Как вы сказали? — переспросил Коллинз. — Я не знаю. А что бы вы посоветовали?

— Небольшой загородный особняк, — не задумываясь ответил агент. — Они, как правило, всегда начинают с этого.

— Неужели?

— О, да. А потом перебираются в более теплый климат и строят себе дворцы.

Коллинз хотел спросить еще что-то, но передумал. Все шло как по маслу. Эти люди считали, что он — класс А и настоящий владелец Утилизатора. Не было никакого смысла разочаровывать их.

— Позаботьтесь, чтоб все было в порядке, — сказал он.

— Конечно, сэр, — сказал тот. — Это моя обязанность.

Остаток дня Коллинз провел, лежа на кушетке и потягивая ледяной напиток, в то время как строительная контора «Максиме олф» реализовала необходимые строительные материалы и возводила дом.

Получилось длинное приземистое сооружение из двадцати комнат, показавшееся Коллинзу в его изменившихся обстоятельствах крайне скромным. Дом был построен из наилучших материалов по проекту знаменитого Мига из Дегмы; интерьер был выполнен Тоупджем; при доме имелись муловский плавательный бассейн и английский парк, разбитый по эскизу Виериена.

К вечеру все было закончено, и небольшая строительная бригада сложила свои инструменты и испарилась.

Коллинз повелел своему повару приготовить легкий ужин. Потом он уселся с сигарой в просторной прохладной гостиной и стал перебирать в уме недавние события. Напротив него на полу, мелодично жужжа, стоял Утилизатор.

Прежде всего Коллинз решительно отверг всякие сверхъестественные объяснения случившегося. Разные там духи или демоны были тут совершенно ни при чем. Его дом выстроили самые обыкновенные человеческие существа, которые смеялись, божились, сквернословили, как всякие люди. Утилизатор

был просто хитроумным научным изобретением, механизм которого был ему неизвестен и ознакомиться с которым он не стремился.

Мог ли Утилизатор попасть к нему с другой планеты? Непохоже. Едва ли там стали бы ради него изучать английский язык.

Утилизатор, по-видимому, попал к нему из Будущего. Но как?

Коллинз откинулся на спинку кресла и задымил сигарой. Мало ли что бывает, сказал он себе. Разве Утилизатор не мог просто провалиться в Прошлое? Может же он создавать всякие штуки из ничего, а ведь это куда труднее.

Как же, должно быть, прекрасно это Будущее, думал Коллинз. Машины — исполнительницы желаний! Какие достижения цивилизации! Все, что от вас требуется, — это только пожелать себе чего-нибудь. Просто! Вот, пожалуйста! Со временем они, вероятно, упразднят и красную кнопку. Тогда все будет происходить без малейшей затраты мускульной энергии.

Конечно, он должен быть очень осторожен. Ведь все еще существуют законный владелец машины и остальные представители класса А. Они будут пытаться отнять у него машину. Возможно, это фамильная реликвия...

Краем глаза он уловил какое-то движение. Утилизатор дрожал, словно сухой лист на ветру.

Мрачно нахмурясь, Коллинз подошел к нему. Легкая дымка пара обволакивала вибрирующий Утилизатор. Было похоже, что он перегрелся.

Неужели он дал ему слишком большую нагрузку? Может быть, ушат холодной воды...

Тут ему бросилось в глаза, что Утилизатор заметно побавился в размерах. Теперь каждое из его трех измерений не превышало двух футов, и он продолжал уменьшаться прямо-таки на глазах.

Владелец?! Или, может быть, эти — из класса А?! Вероятно, это и есть микротрансформация, о которой говорил Лиик. Если тотчас чего-нибудь не предпринять, сообразил Коллинз, его Исполнитель Желаний станет совсем невидим.

— Охранная служба «Лиик»! — выкрикнул Коллинз. Он надавил на кнопку и поспешно отдернул руку. Машина сильно накалилась.

Лиик, в гольфах, спортивной рубашке и с клюшкой в руках появился в углу.

— Неужели каждый раз, как только я...

— Сделай что-нибудь! — воскликнул Коллинз, указывая на Утилизатор, который стал уже в фут высотой и раскалился докрасна.

— Ничего я не могу сделать, — сказал Лиик. — У меня патент только на возведение временных стен. Вам нужно обратиться в Микроконтроль. — Он помахал ему своей клюшкой — и был таков.

— Микроконтроль! — заорал Коллинз и потянулся к кнопке. Но тут же отдернул руку. Кубик Утилизатора не превышал теперь четырех дюймов. Он стал вишнево-красным и весь светился. Кнопка, уменьшившаяся до размеров булавочной головки, была почти неразличима.

Коллинз обернулся, схватил подушку, навалился на машину и надавил кнопку.

Появилась девушка в роговых очках, с блокнотом и карандашом в руке.

— Кого вы хотите пригласить? — невозмутимо спросила она.

— Скорей, помогите мне! — завопил Коллинз, с ужасом глядя, как его бесценный Утилизатор делается все меньше и меньше.

— Мистера Вергона нет на месте, он обедает, — сказала девушка, задумчиво покусывая карандаш. — Он объявил себя вне предела досягаемости. Я не могу его вызвать.

— А кого вы можете вызвать?

Она заглянула в блокнот.

— Мистер Вис сейчас в Прошедшем Сослагательном, а мистер Илгис возводит оборонительные сооружения в Палеолитической Европе. Если вы очень спешите, может быть, вам лучше обратиться в Транзит-Контроль. Это небольшая фирма, но они...

— Транзит-Контроль! Радио, исчезни! — Коллинз сосредоточил все свое внимание на Утилизаторе и придавил его дымящейся подушкой. Ничего не последовало. Утилизатор был теперь едва ли больше кубического дюйма, и Коллинз понял, что сквозь подушку ему не добраться до ставшей почти невидимой кнопки.

У него мелькнула была мысль махнуть рукой на Утилизатор. Может быть, уже пора. Можно продать дом, обстановку, получится довольно кругленькая сумма...

Нет! Он еще не успел пожелать себе ничего по-настоящему значительного! И не откажется от этой возможности без борьбы!

Стараясь не зажмуривать глаза, он ткнул в раскаленную добела кнопку негнущимся указательным пальцем.

Появился тощий старик в потрепанной одежде. В руке у него было нечто вроде ярко расписанного пасхального яйца. Он бросил его на пол. Яйцо раскололось, из него с ревом вырвался оранжевый дым, и микроскопический Утилизатор мгновенно всосал этот дым в себя, после чего тяжелые плотные клубы дыма взмыли вверх, едва не задушив Коллинза, а Утилизатор начал принимать свою прежнюю форму. Вскоре он достиг нормальной величины и, казалось, нисколько не был поврежден. Старик отрывисто кивнул.

— Мы работаем дедовскими методами, но зато на совесть, — сказал он, снова кивнул и исчез.

И опять Коллинзу показалось, что откуда-то издалека до него донесся чей-то сердитый возглас.

Потрясенный, обессиленный, он опустился на пол перед машиной. Обожженный палец жгло и дергало.

— Вылечи меня, — пробормотал он пересохшими губами и надавил кнопку здоровой рукой.

Утилизатор зажужжал громче, а потом умолк совсем. Боль в пальце утихла, Коллинз взглянул на него и увидел, что от ожога не осталось и следа — даже ни малейшего рубца.

Коллинз налил себе основательную порцию коньяка и, не медля ни минуты, лег в постель. В эту ночь ему приснилось, что за ним гонится гигантская буква А, но, пробудившись, он забыл свой сон.

Прошла неделя, и Коллинз убедился, что поступил крайне опрометчиво, построив себе дом в лесу. Чтобы спастись от зевак, ему пришлось потребовать целый взвод солдат для охраны, а охотники стремились во что бы то ни стало расположиться в его английском парке.

К тому же Департамент государственных сборов начал проявлять живой интерес к его доходам.

А главное, Коллинз сделал открытие, что он не так уж обожает природу. Птички и белочки — все это, конечно, чрезвычайно мило, но с ними ведь особенно не разговоришься. А деревья, хоть и очень красивы, никак не годятся в собутельники.

Коллинз решил, что он в душе человек городской. Поэтому с помощью такелажников «Поуха минайл», строительной конторы «Максимо олф», Бюро мгновенных путешествий «Ягтон» и крупных денежных сумм, врученных кому следует, Коллинз перебрался в маленькую республику в центральной части Американского континента. И поскольку климат здесь был теплее, а подоходного налога не существовало вовсе, он построил себе большой, крикливо-роскошный дворец, снабженный всеми необходимыми аксессуарами, кондиционерами, конюшней, псарней, павлинами, слугами, механиками,

сторожами, музыкантами, балетной труппой — словом, всем тем, чем должен располагать каждый дворец. Коллинзу потребовалось две недели, чтобы ознакомиться со своим новым жильем.

До поры до времени все шло хорошо.

Как-то утром Коллинз подошел к Утилизатору, думая, не попросить ли ему спортивный автомобиль или небольшое стадо племенного скота. Он наклонился к серой машине, протянул руку к красной кнопке...

И Утилизатор отпрянул от него в сторону.

В первую секунду Коллинзу показалось, что у него начнутся галлюцинации, и даже мелькнула мысль бросить пить шампанское перед завтраком. Он шагнул вперед и потянулся к красной кнопке. Утилизатор ловко выскользнул из-под его руки и рысцой выбежал из комнаты.

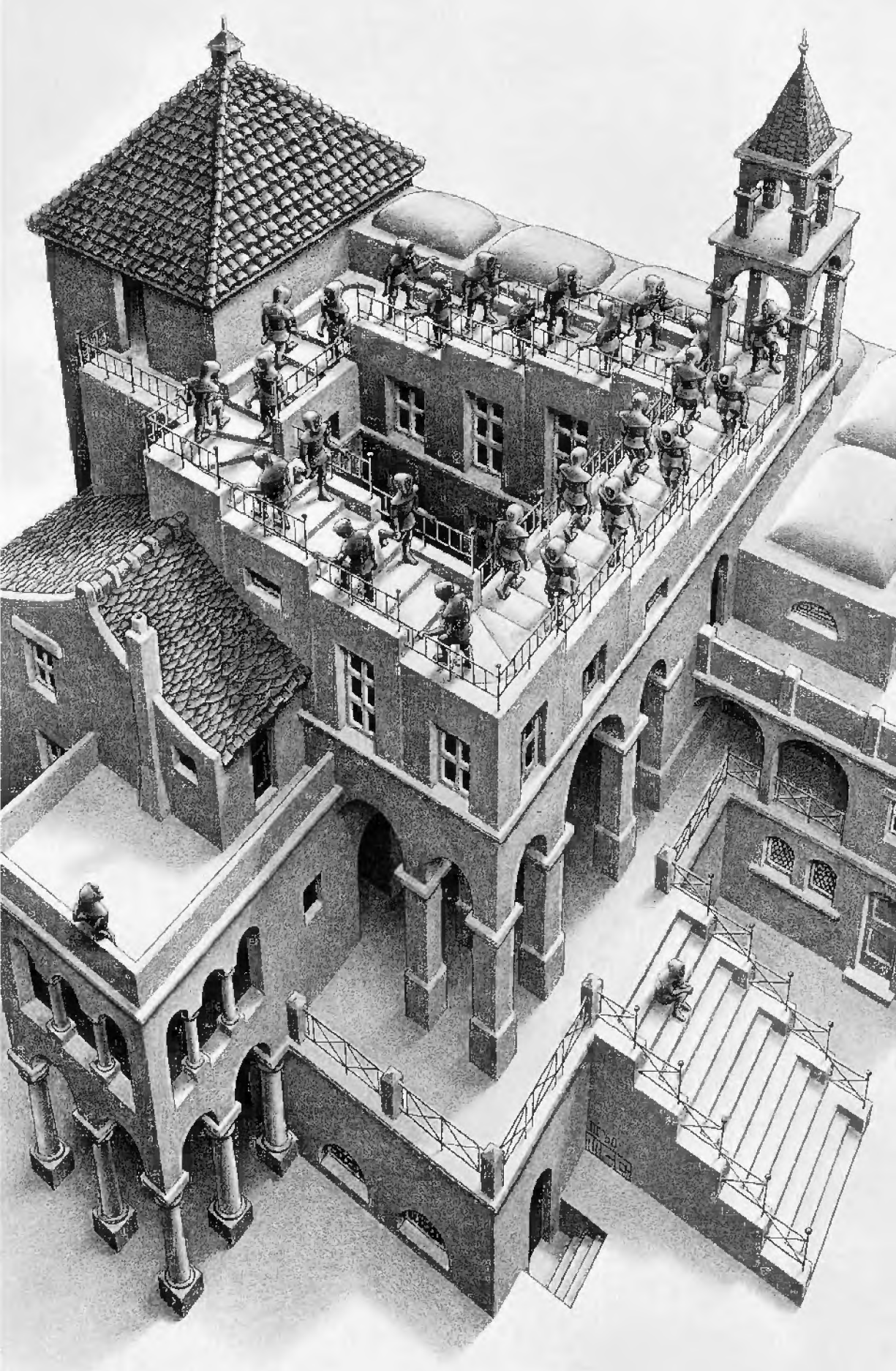
Коллинз во весь дух припустил за ним, проклиная владельца и весь класс А. По-видимому, это было то самое одушевление, о котором говорил Лиик: владельцу каким-то способом удалось придать машине подвижность. Но нечего ломать над этим голову. Нужно только поскорее догнать машину, нажать кнопку и вызвать ребят из Контроля одушевления.

Утилизатор неся через зал. Коллинз бежал за ним. Младший дворецкий, начищавший массивную дверную ручку из литого золота, застыл на месте, разинув рот.

— Остановите ее! — крикнул Коллинз.

Младший дворецкий неуклюже шагнул вперед, преграждая Утилизатору путь. Машина, грациозно вильнув в сторону, обошла дворецкого и стрелой помчалась к выходу.

Коллинз успел подскочить к рубильнику, и дверь с треском захлопнулась. Утилизатор взял разгон и прошел сквозь запертую дверь. Очутившись снаружи, он споткнулся о садовый шланг, но быстро восстановил равновесие и устремился за ограду в поле.

Коллинз мчался за ним. Если б только подобраться к нему поближе... Утилизатор внезапно прыгнул вверх. Несколько секунд он висел в воздухе, а потом упал на землю. Коллинз ринулся к кнопке. Утилизатор увернулся, разбежался и снова подпрыгнул. Он висел футах в двадцати над головой Коллинза. Потом взлетел по прямой еще выше, остановился, бешено завертелся волчком и снова упал.

Коллинз испугался: вдруг Утилизатор подпрыгнет в третий раз, совсем уйдет вверх и не вернется. Когда Утилизатор приземлился, Коллинз был начеку. Он сделал ложный выпад и, изловчившись, нажал кнопку. Утилизатор не успел увернуться.

— Контроль одушевления! — торжествующе выкрикнул Коллинз.

Раздался слабый звук взрыва, и Утилизатор послушно замер. От одушевления не осталось и следа.

Коллинз вытер вспотевший лоб и сел на машину. Враги все ближе и ближе. Надо поскорее, пока еще есть возможность, пожелать что-нибудь пограндиознее.

Быстро, одно за другим, он попросил себе нять миллионов долларов, три функционирующих нефтяных скважины, киностудию, безукоризненное здоровье, двадцать пять танцовщиц, бессмертие, спортивный автомобиль и стадо племенного скота.

Ему показалось, что кто-то хихикнул. Коллинз поглядел по сторонам. Кругом не было ни души.

Когда он снова обернулся, Утилизатор исчез. Коллинз глядел во все глаза. А в следующее мгновение исчез и сам.

Когда он открыл глаза, то обнаружил, что стоит перед столом, за которым сидит уже знакомый ему краснолицый мужчина. Он не казался сердитым. Вид у него был скорее умиротворенный и даже меланхолический.

С минуту Коллинз стоял молча; ему было жаль, что все кончилось. Владелец и класс А в конце концов поймали его. Но все-таки это было великолепно!

— Ну, — сказал наконец Коллинз, — вы получили обратно свою машину, что же вам еще от меня нужно?

— Мою машину? — повторил краснолицый, с недоверием глядя на Коллинза. — Это не моя машина, сэр. Отнюдь не моя.

Коллинз в изумлении воззрился на него.

— Не пытайтесь обдурить меня, мистер. Вы — класс А — хотите сохранить за собой монополию, разве не так?

Краснолицый отложил в сторону бумагу, которую он просматривал.

— Мистер Коллинз, — сказал он твердо, — меня зовут Флайн. Я агент Союза охраны граждан. Это чисто благотворительная, лишенная всяких коммерческих задач организация, и единственная цель, которую она преследует, — защищать лиц, подобных вам, от заблуждений, которые могут встретиться на их жизненном пути.

— Вы хотите сказать, что не принадлежите к классу А?

— Вы пребываете в глубочайшем заблуждении, сэр, — спокойно и с достоинством произнес Флайн. — Класс А — это не общественно-социальная категория, как вы, по-видимому, полагаете. Это всего-навсего форма кредита.

— Форма чего? — оторопело спросил Коллинз.

— Форма кредита, — Флайн поглядел на часы. — Времени у нас мало, и я постараюсь быть кратким. Мы живем в эпоху децентрализации, мистер Коллинз. Наша промышленность, торговля и административные учреждения довольно сильно разобщены во времени и пространстве. Акционерное общество «Утилизатор» является весьма важным связующим звеном. Оно занимается перемещением благ цивилизации с одного места на другое и прочими услугами. Вам понятно?

Коллинз кивнул.

— Кредит, разумеется, предоставляется автоматически. Но рано или поздно все должно быть оплачено.

Это уже звучало как-то неприятно. Оплачено? По-видимому, это все-таки не такое высокоцивилизованное общество, как ему сначала показалось. Ведь никто ни словом не обмолвился про плату. Почему же они заговорили о ней теперь?

— Отчего никто не остановил меня? — растерянно спросил он. — Они же должны были знать, что я некредитоспособен.

Флайн покачал головой.

— Кредитоспособность — вещь добровольная. Она не устанавливается законом. В цивилизованном мире всякой личности предоставлено право решать самой. Я очень сожалею, сэр. — Он поглядел на часы и протянул Коллинзу бумагу, которую просматривал. — Прошу вас взглянуть на этот счет и сказать, все ли здесь в порядке.

Коллинз взял бумагу и прочел:

Один дворец с оборудованием 450 000 000 кр.

Услуги такелажников фирмы «Поуха минайл», а также фирмы «Максимо олф» 111 000 кр.

Сто двадцать две танцовщицы 122 000 000 кр.

Безукоризненное здоровье 888 234 031 кр.

Коллинз быстро пробежал глазами весь счет. Общая сумма слегка превышала восемнадцать биллионов кредитов.

— Позвольте! — воскликнул Коллинз. — Вы не можете требовать с меня столько. Утилизатор свалился ко мне в комнату неизвестно откуда, просто по ошибке!

— Я как раз собираюсь обратить их внимание на это обстоятельство, — сказал Флайн. — Как знать? Быть может, они будут благоразумны. Во всяком случае, попытаемся, хуже не будет.

Все закачалось у Коллинза перед глазами. Лицо Флайна начало раслиываться.

— Время истекло, — сказал Флайн. — Желаю удачи.

Коллинз закрыл глаза.

Когда он открыл их снова, перед ним расстилась упылая равнина, опоясанная скалистой горной грядой. Аедяной ветер, налетая порывами, стегал по лицу, небо было серо-стальным.

Какой-то оборванный человек стоял рядом с ним.

— Держи, — сказал он и протянул Коллинзу кирку.

— Что это такое?

— Кирка, — терпеливо разъяснил человек. — А вон там — каменоломня, где мы с тобой вместе с остальными будем добывать мрамор.

— Мрамор?

— Ну да. Всегда найдется какой-нибудь идиот, которому нужен мраморный дворец, — с кривой усмешкой ответил человек. — Можешь звать меня Янг. Нам некоторое время придется поработать на пару.

Коллинз тупо поглядел на него:

— А как долго?

— Подсчитай сам, — сказал Янг. — Расценки здесь — инять-десять кредитов в месяц, и тебе будут их начислять, пока ты не покроешь свой долг.

Кирка выпала у Коллинза из рук.

Они не могут этого сделать! Акционерное общество «Утилизатор» должно понять свою ошибку! Это же их вина, что машина провалилась в Прошлое. Не могут же они этого не знать.

— Все это — силошная ошибка! — сказал Коллинз.

— Никакая не ошибка, — возразил Янг. — У них большой недостаток в рабочей силе. Набирают где попало. Ну, пошли. Первую тысячу лет трудно, а потом привыкаешь.

Коллинз двинулся следом за Янгом, потом остановился.

— Первую тысячу лет? Я столько не проживу!

— Проживешь! — заверил его Янг. — Ты же получил бессмертие. Разве забыл?

— А сколько они насчитали мне за бессмертие как раз в ту минуту, когда они отняли у него машину? А может быть, они взяли ее потом?

Вдруг Коллинз что-то припомнил. Странно, в том счете, который предъявил ему Флайн, бессмертия как будто вовсе не стояло.

— А сколько они насчитали мне за бессмертие? — спросил он.

Янг поглядел на него и рассмеялся.

— Не прикидывайся простачком, приятель. Пора бы уж тебе кой-что сообразить. — Он подтолкнул Коллинза к каменоломне.

— Ясное дело, этим-то они награждают задаром.

Служба ликвидации

Посетителя не следовало пускать дальше приемной, ибо мистер Фергюсон принимал людей только по предварительной договоренности и делал исключение лишь для каких-нибудь важных особ. Время стоило денег, и приходилось его беречь.

Однако секретарша мистера Фергюсона, мисс Дейл, была молода и впечатлительна; посетитель же достиг почтенного возраста, носил скромный английский костюм из твида, держал в руке трость и протягивал визитную карточку от хорошего гравера. Мисс Дейл сочла, что это важная особа, и провела его прямехонько в кабинет мистера Фергюсона.

— Здравствуйте, сэр, — сказал посетитель, едва за мисс Дейл закрылась дверь. — Я Эсмонд из Службы ликвидации. — И он вручил Фергюсону визитную карточку.

— Понятно, — отозвался Фергюсон, раздраженный отсутствием сообразительности у мисс Дейл. — Служба ликвидации? Извините, но мне совершенно нечего ликвидировать. — Он приподнялся в кресле, желая сразу положить конец разговору.

— Так уж и совершенно нечего?

— Ни единой бумажки. Спасибо, что потрудились зайти...

— В таком случае, надо понимать, вы довольны окружающими вас людьми?

— Что? А какое вам до этого дело?

— Ну как же, мистер Фергюсон, ведь этим-то и занимается Служба лнквидации.

— Вы меня разыгрываете, — сказал Фергюсон.

— Вовсе нет, — ответил мистер Эсмонд с некоторым удивлением.

— Вы хотите сказать, — проговорил, смеясь, Фергюсон, — что лнквидируете людей?

— Разумеется. Я не могу предъявить никаких письменных доказательств: все-таки мы стараемся избегать рекламы. Однако смею вас уверить, у нас старая и надежная фирма.

Фергюсон не отрывал взгляда от безукоризненно одетого посетителя, который сидел перед ним, прямой и чопорный. Он не знал, как отнестись к услышанному.

Это, конечно, шутка. Всякому понятно.

Это не может не быть шуткой.

— И что же вы делаете с людьми, которых лнквидируете? — спросил Фергюсон, поддерживая игру.

— Это уж наша забота, — сказал мистер Эсмонд. — Важно то, что они исчезают.

Фергюсон встал.

— Ладно, мистер Эсмонд. Какое у вас в действительности ко мне дело?

— Я уже сказал, — ответил Эсмонд.

— Ну, бросьте. Это же несерьезно... Если бы я думал, будто это серьезно, я бы вызвал полицию.

Мистер Эсмонд со вздохом поднялся с кресла.

— В таком случае я полагаю, что вы не нуждаетесь в наших услугах. Вы вполне удовлетворены друзьями, родственниками, женой.

— Женой? Что вы знаете о моей жене?

— Ничего, мистер Фергюсон.

— Вы разговаривали с соседями? Эти ссоры ничего не значат, абсолютно ничего.

— Я не располагаю никакими сведениями о вашем супружестве, мистер Фергюсон, — заявил Эсмонд, опять усаживаясь в кресло.

— Почему же вы упомянул о моей жене?

— Мы установили, что основную статью нашего дохода составляют браки.

— Ну, у меня-то все в порядке. Мы с женой отлично уживаемся.

— В таком случае Служба ликвидации вам ни к чему, — заметил мистер Эсмонд, сунув трость под мышку.

— Минуточку, — Фергюсон стал рассказывать по комнате, заложив руки за спину. — Понимаете ли, я не верю ни одному вашему слову. Ни единому. Но допустим на секунду, что вы говорили серьезно. Это всего лишь допущение, имейте в виду... какова будет юридическая процедура, если я... если бы я захотел...

— Достаточно вашего согласия, выраженного словесно, — ответил мистер Эсмонд.

— Оилата?

— Отнюдь не вперед. После ликвидации.

— Мне-то безразлично, — поспешно сказал Фергюсон. — Я просто интересуюсь. — Он помедлил. — Это больно?

— Ни в малейшей степени.

Фергюсон все рассказывал по комнате.

— Мы с женой отлично уживаемся, — сказал он. — Жена-ты семнадцать лет. Понятно, в совместной жизни всегда возникают какие-то трения. Этого следует ожидать.

Мистер Эсмонд слушал с непроницаемым видом.

— Волей-неволей приучаешься идти на компромиссы, — говорил Фергюсон. — И я вышел из того возраста, когда мимолетная прихоть могла бы побудить меня... э-э...

— Вполне понимаю вас, — проронил мистер Эсмонд.

— Я вот что хочу сказать, — продолжал Фергюсон. — Временами, конечно, с моей женой бывает трудно. Она сварлива. Изводит меня. Пилит. Вы, очевидно, об этом осведомлены?

— Вовсе нет, — сказал мистер Эсмонд...

— Не может быть! Что же, вы обратились ко мне ни с того ни с сего?

Мистер Эсмонд пожал плечами.

— Как бы там ни было, — веско произнес Фергюсон, — я вышел из того возраста, когда хочется перестроить свою жизнь по-иному. Предположим, я не женат. Предположим, я мог бы завести связь, например, с мисс Дейл. Наверное, это было бы приятно.

— Приятно, но не более того, — сказал мистер Эсмонд.

— Да. Это было бы лишено прочной ценности. Недоставало бы твердого нравственного фундамента, на котором должно зиждиться всякое успешное начинание.

— Это было бы всего лишь приятно, — повторил мистер Эсмонд, — Вот именно. Мило, не спорю. Мисс Дейл — привлекательная женщина. Никто не станет отрицать. У нее всегда ровное настроение, хороший характер, она крайне предупредительна. Этого у нее не отнимешь.

Мистер Эсмонд вежливо улыбнулся, встал и направился к двери.

— А как с вами связаться? — неожиданно для самого себя спросил Фергюсон.

— У вас есть моя визитная карточка. По этому телефону меня можно застать до пяти часов. Но вам следует принять решение сегодня же, не позднее этого часа. Время — деньги, и мы должны выдерживать свой график.

— Конечно, — поддакнул Фергюсон и неискренне засмеялся. — А все же я не верю ни единому слову. Мне даже неизвестны ваши условия.

— Уверю вас, что при вашем материальном положении вы найдете их умеренными.

— А потом я мог бы отрицать, что когда-либо видел вас, говорил с вами и вообще?..

— Естественно.

— И вы действительно ответите, если я наберу этот номер?

— До пяти часов. Всего хорошего, мистер Фергюсон.

После ухода Эсмонда Фергюсон обнаружил, что у него дрожат руки. Разговор взволновал его, и он решил выбросить все услышанное из головы.

Однако выполнить решение оказалось не так-то легко. С каким серьезным видом ни склонялся он над своими бумагами, как ни скрипел пером, — каждое слово Эсмонда гремело у него в ушах.

Каким-то образом Служба ликвидации узнала о недостатках его жены. Эсмонд сказал, что она вздорна, сварлива, надоедлива. Он, Фергюсон, вынужден был признать эти истины, как они ни горьки. Только посторонний человек способен смотреть на вещи трезво, без всякого предубеждения.

Он снова углубился в работу. Но тут с утренней корреспонденцией появилась мисс Дейл, и Фергюсон волей-неволей согласился, что она чрезвычайно привлекательна.

— Будут еще какие-нибудь распоряжения, мистер Фергюсон? — осведомилась мисс Дейл.

— Что? А-а, да нет пока, — ответил Фергюсон.

Когда она вышла, он долго еще смотрел на дверь.

Работать дальше было бессмысленно. Он решил немедленно уйти домой.

— Мисс Дейл, — сказал он, накидывая пальто на плечи, — меня вызывают... Боюсь, что у нас накапливается порядочно работы. Не могли бы вы на этой неделе поработать со мной вечером-другой?

— Конечно, мистер Фергюсон, — согласилась она.

— Я не помешаю вашим светским развлечениям? — спросил Фергюсон с принужденным смешком.

— Вовсе нет, сэр.

— Я... я постараюсь вам это возместить. Дело превыше всего. До свидания.

Он поспешно вышел из конторы, чувствуя, как пылают его щеки.

Дома жена как раз кончала стирку. Миссис Фергюсон была некрасивой женщиной маленького роста с нервными морщинками у глаз. Увидев мужа, она удивилась.

— Ты сегодня рано, — сказала она.

— А что, это запрещается? — спросил Фергюсон с энергией, изумившей его самого.

— Конечно, нет...

— Чего ты добиваешься? Чтобы я заработался в конторе до смерти? — огрызнулся он.

— Когда же это я...

— Будь любезна не вступать со мной в пререкания, — отчеканил Фергюсон. — Не пили меня.

— Я тебя не пилила! — закричала жена.

— Пойду прилягу, — сказал Фергюсон.

Он поднялся вверх по лестнице и остановился у телефона. Без сомнения, все, что сказал Эсмонд, соответствует действительности.

Он взглянул на часы и с удивлением увидел, что уже без четверти иять.

Фергюсон принялся расхаживать взад и вперед возле телефона. Он уставился на карточку Эсмонда, и в мозгу его всплыл образ нарядной, привлекательной мнсс Дейл.

Он порывисто схватил трубку.

— Служба ликвидации? Говорит Фергюсон.

— Эсмонд слушает. Что вы решили, сэр?

— Я решил ... — Фергюсон крепко сжал трубку. «У меня есть полное право так поступить», — сказал он себе. А все же женаты семнадцать лет. Семнадцать лет! Знали и хорошие минуты, не только плохие. Справедливо ли это, по-настоящему ли справедливо?»

— Что вы решили, мистер Фергюсон? — повторил Эсмонд.

— Я ... я ... нет! Мне не нужна ваша Служба! — воскликнул Фергюсон.

— Вы уверены, мистер Фергюсон?

— Да, совершенно уверен. Вас надо упрятать за решетку! Прощайте, сэр!

Он повесил трубку и сразу же почувствовал, как с души его свалился огромный камень. Он поспешил вниз.

Жена жарпла грудинку — блюдо, которое он всегда терпеть не мог. Но это неважно. На мелкие неприятности он готов был смотреть сквозь пальцы.

Раздался звонок в дверь.

— Ох, это, наверное, из прачечной, — сказала миссис Фергюсон, пытаясь одновременно перемешать салат и снять с огня суп. — Тебе не трудно?

— Нисколько. — Светясь вновь обретенным самодовольством, Фергюсон открыл дверь.

На пороге стояли двое мужчин в форме, с большим холщовым мешком.

— Прачечная? — спросил Фергюсон.

— Служба ликвидации, — ответил один из незваных посетителей.

— Но я ведь сказал, что не ...

Двое мужчин схватили его и запихнули в мешок со снарядной, приобретенной в результате долгой практики.

— Вы не имеете права! — пронзительно вскричал Фергюсон.

Над ним сомкнулся мешок, и Фергюсон почувствовал, как его понесли по садовой дорожке. Заскрипела, открываясь, дверца автомашины, и его бережно уложили на пол.

— Все в порядке? — услышал он голос своей жены.

— Да, сударыня. У нас изменился график. В последний момент оказалось, что мы можем обслужить вас сегодня.

— Я так рада, — донеслись до него слова. — Сегодня днем я получила большое удовольствие от беседы с мистером Френчем из вашей фирмы. А теперь извините меня. Обед почти готов, а мне надо еще кое-кому позвонить.

Автомобиль тронулся с места, Фергюсон пытался закричать, но холст илотно обхватывал его лицо, не давая открыть рот.

Он безнадежно спрашивал себя: кому же она собирается звонить? А я-то ничего не подозревал!

Опытный образец

Посадка едва не закончилась катастрофой. Бентли знал, что тяжелый груз на плечах нарушает координацию движений. Однако он не подозревал, насколько серьезно нарушение, пока не настал критический момент, когда он нажал не на ту кнопку. Звездолет камнем устремился вниз. Когда в последнюю секунду Бентли чудом выровнял его, под ним на равнине уже была выжжена черная проплешина. Звездолет коснулся почвы, покачнулся и замер, вызвав у Бентли мгновенный приступ тошноты.

Впервые в истории человек приземлился на планете Тельс IV.

Первым делом Бентли принял солидную дозу шотландского виски, отпущенного ему в сугубо медицинских целях.

Покончив с виски, Бентли включил передатчик. Миниатюрный приемник он носил в ухе, которое из-за этого страшно зудело, а микрофон был вмонтирован в горло хирургическим способом. Портативная система гиперпространственной связи настраивалась автоматически, и это было к лучшему, ибо Бентли понятия не имел, как ловить столь узкий радиолуч на столь чудовищном расстоянии от источника.

— Все в порядке, — сообщил он по радио профессору Слиггерту. — Планета земного типа, как и сообщалось в от-

чете разведчиков. Корабль целехонек. Счастливи доложить, что при посадке я не свихнул себе шею.

— Ну, естественно, — отозвался профессор Слигтерт; голос его, искаженный маломощным приемником, казался высоким и невыразительным.

— А «Протект»? Как вы себя в нем чувствуете? Привыкли?

Бентли ответил:

— Нисколько. По-прежнему чувствую себя так, словно мне жернов на шею повесили.

— Ничего, приспособитесь, — заверил профессор Слигтерт. — Ну-с, институт поздравляет вас, а правительство, по моему, награждает какой-то медалью. Помните, теперь ваша задача — побрататься с аборигенами и по возможности заключить с ними хоть какое-нибудь торговое соглашение. Важно создать прецедент. Эта планета нам необходима, Бентли.

— Знаю.

— Желаю удачи. Докладывайте при каждом удобном случае.

— Ладно, — пообещал Бентли и прекратил передачу.

Он попробовал встать, но из первой попытки ничего не вышло. Бентли ухитрился подняться, лишь ухватившись за ручки, удобно расположенные над пультом управления. Только тут он оценил размеры пошрины, взимаемой невесомостью с человеческих мускулов, и понял, что за время долгого полета от Земли делал зарядку нерегулярно.

Бентли был молод, высок — выше шести футов росту, — беспечен и крепко сбит. На Земле он весил более двухсот фунтов и передвигался с грацией атлета. Однако в полете на него с первых же мгновений навалилось бремя добавочных семидесяти трех фунтов, безвозвратно и намертво закрепленных на его спине. При таких обстоятельствах он двигался как престарелый слон в слишком тесной обуви.

Бентли повел плечами в широких пластиковых лямках, скорчил гримасу и подошел к смотровому окну правого борта. Неподалеку, примерно в полумиле, виднелось селение; на горизонте коричневыми пятнами вырисовывались невысокие домишки. По равнине, направляясь к кораблю, двигались какие-то точки. Очевидно, селяне решили выяснить, что за странный предмет свалился к ним с неба, изрыгая огонь и издавая устрашающий рев.

«Приятное зрелище», — сказал себе Бентли. Не прояви инопланетяне любопытства, было бы трудно наладить с ними контакт. А ведь в Земном институте межзвездных исследований предвидели и такой вариант, хотя решение его не было найдено. Поэтому его вычеркнули из списка возможных ситуаций.

Селяне тем временем приближались. Бентли решил, что пора и ему приготовиться. Он вынул из футляра лингвасцен и не без усилий привязал ремнями у себя на груди. На одном боку он пристроил флягу с водой, на другом — пакет с пищевыми концентратами. На животе укрепил сумку с набором инструментов. К одной ноге пристегнул ремешком радиопередатчик, к другой — санитарный пакет.

Полностью экипированный Бентли нес на себе в общей сложности сто сорок восемь фунтов, причем каждая унция считалась для межзвездного исследователя необходимой и незаменимой.

То обстоятельство, что он не шагал, а скорее брел, пошатываясь, значения не имело.

Тем временем туземцы подошли к кораблю и окружили его, отпуская неодобрительные замечания. У жителей Тельса было две ноги и короткий толстый хвост. Чертами лица они походили на людей, но людей из кошмарного сна. Кожа у всех была ярко-оранжевого цвета.

Бентли заметил, что туземцы вооружены. Перед ним мелькали ножи, пики, каменные молотки и кремневые топоры.

При виде этого боевого арсенала по лицу Бентли разлилась улыбка удовлетворения. Вот оно, оправдание неудобствам, вот почему нужны были семьдесят три фупта, которые с момента запуска оттягивали ему спину.

Чем именно вооружены аборигены, неважно, пусть хоть ядерным оружием. Причинить ему вред они не могут.

Так утверждает профессор Слингерт — глава института, изобретатель «Протекта».

Бентли открыл смотровое окно. Тельсиане испустили крик изумления. После минутного колебания лингвасцен перевел эти крики так: «Ох! Ах! Как странно! Невероятно! Нелепо! Чудовищно! Непристойно!»

Осторожно неся сто сорок восемь фуптов поклажи, Бентли спустился по трану с внешней стороны борта. Туземцы выстроились вокруг дугой, держа оружие наготове.

Он приблизился к туземцам. Те отпрянули. Приятно улыбаясь, Бентли сказал: «Я пришел к вам как друг». Лингвасцен воспроизвел резкие, гортанные гласные тельсианского языка, похожие на лай.

Казалось, Бентли не очень-то поверили. Копья остались на весу, а один из тельсиан, возвышающийся над всеми остальными и увенчанный красочным головным убором, взял топор наизготовку.

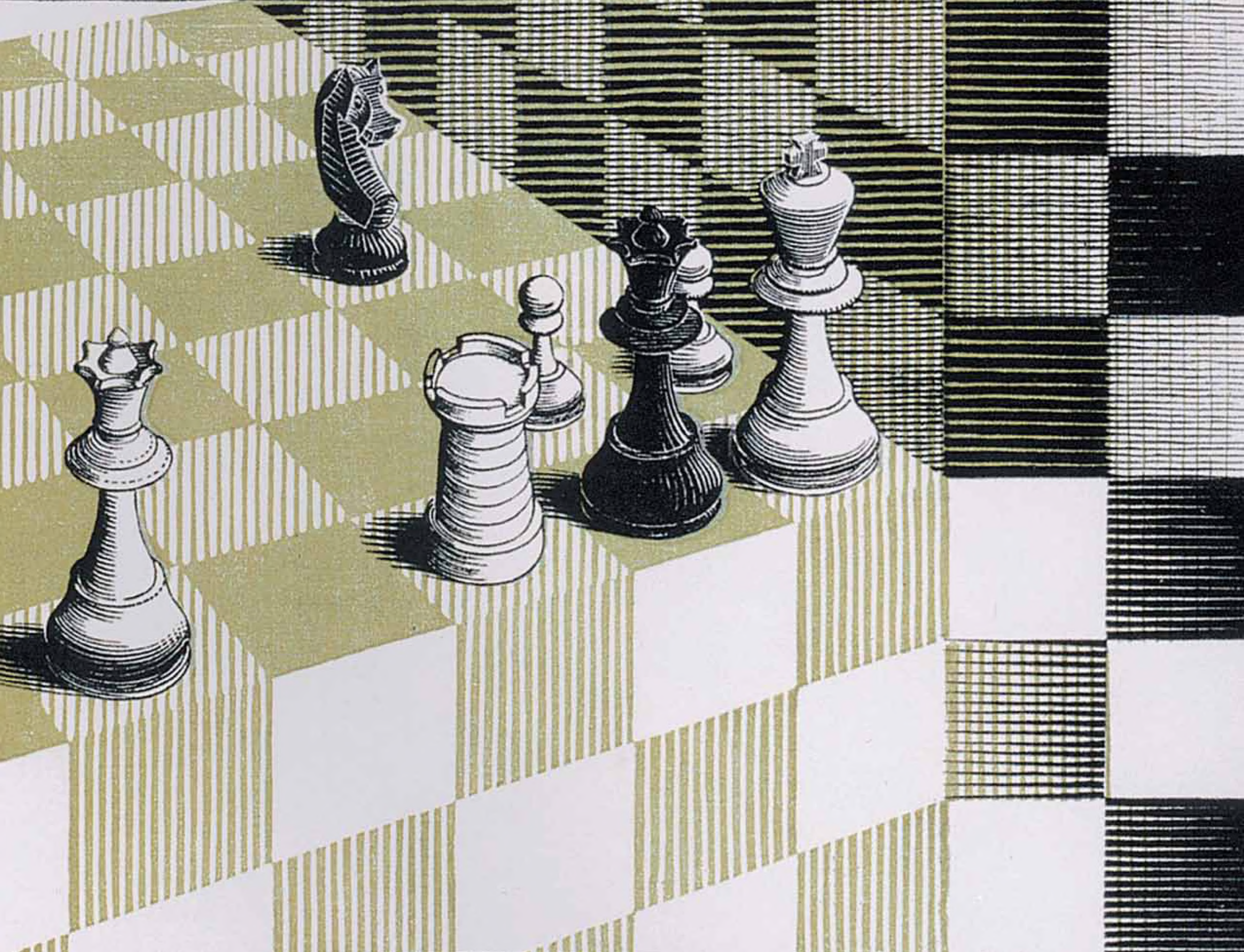
Бентли ощутил, как тело его пронизала легчайшая дрожь. Он, конечно, неуязвим. Пока на нем «Протект», с ним ничего не случится. Решительно ничего! Профессор Слингерт в этом убежден.

Перед запуском профессор Слингерт собственноручно застегнул «Протект» на спине Бентли, поправил лямки и отступил, любуясь своим творением.

— Превосходио, — провозгласил он с тихой гордостью.

Бентли шевельнул плечами, согбенными под ношей.

— Тяжеловато, вы не находите?

— Что поделаешь? — ответил Слиггерт. — Это же прототип, опытный образец. Чтобы уменьшить вес, я испробовал все мыслимые транзисторы, легкие сплавы, печатные схемы, лазерные транзисторы и все такое. К сожалению, первые модели всех изобретений обычно громоздки.

— Во всяком случае, можно было придать ему более обтекаемую форму, — возразил Бентли, заглядывая себе за илечо.

— Обтекаемость приходит гораздо позднее. Сначала концентрация идеи, затем компактность, далее расширение функций и, наконец, красота. Так всегда было, и так будет. Возьмите пишущую машинку. Сейчас это просто клавиатура, почти плоская, как портфель. Одиako бабушка нынешней пишущей машинки работала с ножными педалями, а поднять ее было не под силу и двоим. Возьмите прибор для глухих — ведь раз от раза он сбрасывал целые фупты! Возьмите лингвасцен, который вначале представлял собой сложнейшее электронное устройство весом в несколько тонн.

— О'кей, — перебил Бентли. — Если лучше не умеете, сойдет и так. А как его снимают?

Профессор Слиггерт улыбнулся.

Бентли закинул руки за спину. Пряжка что-то не отыскивалась. Он бестолково подергал наилечные лямки, но те никак не отстегивались. Выползти из «Протекта» тоже не удавалось. Бентли оказался все равно что в новой, дьявольски тугой смирительной рубашке.

— Ну же, профессор, как от него избавиться?

— Этого я вам не скажу.

— То есть как?

— «Протект» неудобен, не правда ли? — лукаво спросил Слиггерт. — Вы бы гораздо охотнее летели без него?

— Вы правы, черт побери.

— Ну ясно. Знаете, в войну солдаты нередко бросали на поле боя ценное снаряжение, оттого что оно было громоздким

или неудобным. Мы не можем рисковать вами. Вы отправляетесь на чужую планету, мистер Бентли. Вы подвергнетесь совершенно неведомым опасностям. Необходимо, чтобы вы были защищены все время.

— Я знаю, — ответил Бентли, — но у меня хватит здравого смысла самому решить, когда надевать эту штуку.

— Хватит ли? Мы выбрали вас, потому что вы находчивый, жизнеспособный, сильный и, разумеется, в какой-то степени сообразительный человек. Одиako...

— Благодарю!

— Одиako все эти качества отнюдь не предрасполагают вас к осторожности. Что, если туземцы покажутся вам дружелюбными и вы решите сиять тяжелый, неудобный «Протект»? А вдруг вы неправильно оцените обстановку? Такое легко может произойти на Земле; подумайте, насколько вероятнее, что это случится на незнакомой планете.

— Я сам могу о себе позаботиться, — упорствовал Бентли.

Слиггерт угрюмо кивнул.

— То же самое утверждал Этвуд, отправляясь на Дюрабеллу II. С тех пор о нем ни слуху ни духу. Нет никаких известий и от Блейка, и от Смита, и от Коршелла. Можете вы отразить удар ножа в спину? Есть у вас глаза на затылке? Нет, мистер Бентли, у вас их нет; зато у «Протекта» есть!

— Послушайте, — сказал Бентли, — хотите верить, хотите нет, но я уже взрослый человек, наделенный чувством ответственности. Находясь на поверхности чужой планеты, я буду носить «Протект» непрерывно. А теперь покажите, как он снимается.

— Вы, кажется, чего-то не поняли, Бентли. Если бы речь шла только о вашей жизни, вам бы разрешили идти на тот риск, какой вы сами считаете допустимым. Но мы ведь рискуем и звездолетом, и оборудованием, все это обошлось в несколько миллиардов долларов. Более того, ваш полет задуман как

испытание «Протекта» в пространстве. Единственный способ убедиться в результатах — заставить вас носить «Протект», не снимая. А добиться этого можно только одним путем: не сообщать вам, как он снимается. Мы должны получить результаты. Вы останетесь живы помимо своей воли.

Поразмыслив, Бентли ворчливо согласился:

— Наверное, окажись туземцы достаточно дружелюбными, я бы не устоял перед искушением и сиял «Протект».

— Вас избавят от такого искушения. Принцип работы вам понятен?

— Еще бы! — сказал Бентли. — А «Протект» действительно проделывает все, что вы наобещали?

— Лабораторные испытания он прошел идеально.

— Мне очень не хочется, чтобы там закапризничала какая-нибудь мелочишка. Вдруг предохранитель выскочит или проводка оборвется...

— Вот одна из причин его громоздкости, — терпеливо разъяснил Слиггерт. — Тройное дублирование. Механические неисправности полностью исключаются.

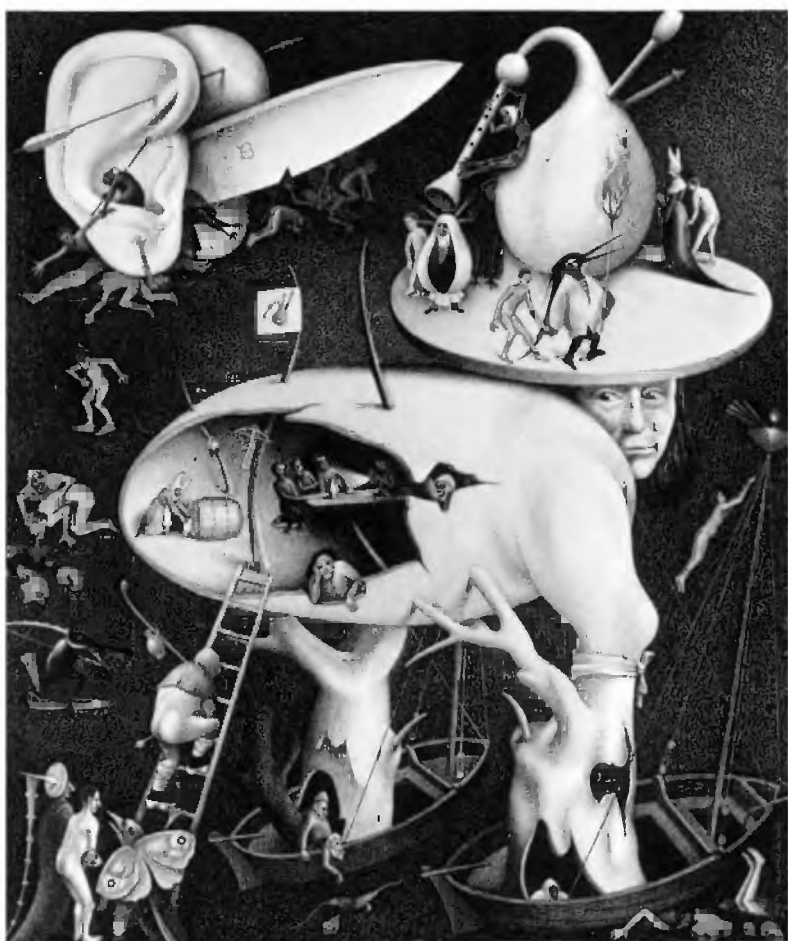
— А источник энергии?

— При работе с предельной нагрузкой его хватит на сто лет и более. «Протект» совершенен, Бентли! Я не сомневаюсь, что после этого полевого испытания он превратится в стандартное снаряжение всех межзвездных путешественников. — Тут профессор Слиггерт позволил себе чуть улыбнуться горделивой улыбкой.

— Ладно, — сказал Бентли, расправляя плечи в широких пластиковых лямках. — Уж как-нибудь привыкну к нему.

Однако он так и не привык. Человек не способен привыкнуть к тому, что ему на спину ввалили жернов весом в семьдесят три фунта.

Тельсиане никак не могли постигнуть пришельца. Они спорили между собой несколько минут, и все время Бентли

сохранял на лице вымученную улыбку. Наконец один из тельсиан выступил вперед. Он был гораздо выше остальных и носил особый головной убор из стекла, кости и кусочков ярко раскрашенного дерева.

— Братья, — сказал тельсианин, — здесь присутствует нечистая сила, которую я, Ринек, чую.

Вперед выступил другой тельсианин в таком же головном уборе.

— Заклинателю духов не пристало говорить о таких вещах.

— Ты прав, — согласился Ринек. — Не подобает громко говорить о нечистой силе в ее присутствии, ибо от этого она крепнет. Однако же на то и существуют заклінатели, чтобы вовремя заметить злых духов и истребить их. Наш долг — невзирая на опасности, продолжать нелегкий труд.

Тогда из толпы отделились еще несколько человек в особых головных уборах — тоже, очевидно, заклінатели духов. Бентли понял, что это тельсианские жрецы или шаманы. Скорее всего, помимо духовной, в их руках сосредоточена и значительная политическая власть.

— Не думаю, чтобы это была нечистая сила, — заявил молодой и веселый с виду заклінатель, которого звали Гуаскль.

— А кто же еще? С одного взгляда видно.

— Наружность ничего не доказывает; это известно еще с той поры, как добрый дух Агут М'Канди явился в облике ...

— Не надо поучений, Гуаскль. Притчи Лалланда известны всем. Следует решить, можем ли мы рисковать.

Гуаскль повернулся к Бентли и серьезно спросил:

— Ты злой дух?

— Нет, — ответил Бентли. Сначала он был озадачен чрезмерным интересом, проявленным тельсианами к его духовной сущности. Даже не спрашивают, откуда, как и почему он явился. Но, собственно говоря, это не так уж необъяснимо. Если бы в эпоху господства религиозного фанатизма на Землю явился пришелец из другого мира, его, вероятно, прежде всего спросили бы: «Чье ты порождение — Господа или дьявола?»

— Он утверждает, что он не злой дух, — сказал Гуаскль.

— Откуда он знает?

— Если не знает он, то кто же знает?

— Однажды великий дух Г-таль даровал некоему мудрецу три кдаля и молвил...

И так далее. Под тяжестью всей амуниции ноги Бентли подгибались. Лингвасцен уже не поспевал за пронзительными выкриками в бурном богословском диспуте. Было ясно, что судьба Бентли зависит от двух-трех спорных положений, ни одно из которых заклинатели не желали обсуждать, так как разговор о злых духах опасен сам по себе.

Дело еще более запуталось из-за того, что концепция о проникающей способности злого духа вызвала раскол. В одном лагере оказались молодые заклинатели духов, в другом — старейшие. Каждая фракция обвиняла другую в отъявленной ереси, но Бентли не мог постичь, кто же во что верует и какое именно толкование ему выгодно.

Над травянистой равниной садилось солнце, а страсти все еще не улеглись. Но вот неожиданно и внезапно заклинатели духов пришли к соглашению, хотя Бентли не понял, почему именно и на какой основе.

Вперед вышел Гуаскль как представитель младших заклинателей.

— Пришелец, — провозгласил он, — мы решили не убивать тебя.

Бентли сдержал улыбку. Как это похоже на примитивный народ — даровать жизнь неуязвимому существу!

— По крайней мере, на первых порах, — торопливо поправился Гуаскль, перехватив хмурый взгляд Ринека и других заклинателей постарше. — Все будет зависеть только от тебя. Сейчас мы пойдем в селение, свершим там обряд очищения и устроим пиршество. Затем мы посвятим тебя в сословие заклинателей. Никакое исчадие зла не может стать заклинателем духов — это строгойше запрещено. Таким образом, мы сразу познаем твою истинную сущность.

— Премного благодарен, — напыщенно ответил Бентли.

— Но если ты злой дух, то мы должны тебя истребить. А что должно, то и возможно!

Присутствующие одобрили эту речь приветственными криками и тотчас же отправились в селение, до которого было не больше мили. Теперь, когда Бентли получил гражданство, пусть даже с испытательным сроком, туземцы проявляли предельное дружелюбие. По пути они добродушно болтали с ним об урожаях, засухах и голодных годах.

Шатаясь под тяжестью снаряжения, Бентли устало илелся вместе с туземцами, но душа его ликовала. Вот уж поистине удача! В качестве посвященного он будет располагать неповторимыми возможностями. Он соберет антропологические сведения, завяжет торговлю, расчистит путь для будущего прогресса Тельса IV.

От него требуется немного: пройти испытания при посвящении, только и всего. Ну и, конечно, не дать себя убить, вспомнил он усмехаясь.

Потеха, до чего же эти заклинатели духов уверены, что способны умертвить его.

Селение состояло из двух десятков хижин, образующих собою круг. Хижины были сделаны из глины и покрыты соломенными крышами; при каждой имелся огородик, а при некоторых — загончики для скота, животных вроде коров и свиней. Междухижинами сновали какие-то звери с зеленым мехом; тельсиане обращались с ними ласково, как со щенятами. Поросший травой центр круга служил площадью. Здесь находился общий колодец, здесь же помещались алтари, где поклонялись различным богам и дьяволам. Площадь была освещена гигантским костром, и туземные женщины приготовились к празднеству.

Сгибаясь под тяжестью незаменимого «Протекта», Бентли прибыл на пир в полном изнеможении. Он блаженно опустился на землю вместе с селянами, и праздник начался.

Сначала туземные женщины исполнили для гостя приветственный танец. Это было красивое зрелище: при свете костра поблескивала оранжевая кожа, мягко, в унисон, изгибались хвосты. Потом к Бентли приблизился сельский старейшина Окцип, держа в руках полную до краев чашу.

— Пришелец, — сказал Окцип, — ты явился с дальней Земли, твои обычаи — не наши обычаи. И все же давай побратаемся! Отведай этого питья, дабы скрепить узы братства и во имя всего, что священо.

И с низким поклоном он поднес чашу Бентли. То была ответственная минута, один из тех поворотных моментов, которые способны навеки упрочить дружбу между двумя расами или превратить их в смертельных врагов. Но Бентли не мог им воспользоваться. Как можно тактичнее он отклонил символическое питье.

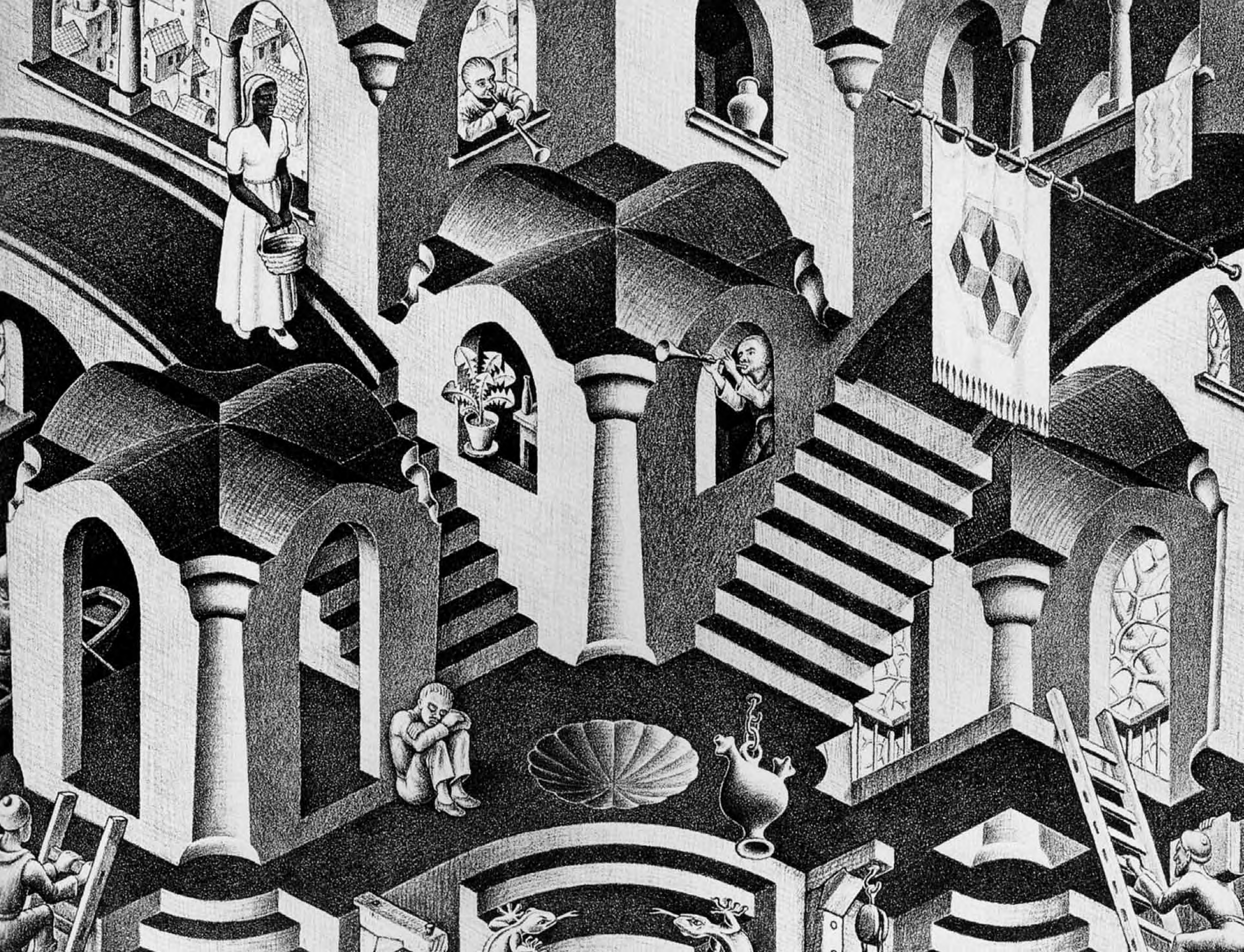
— Но ведь оно очищено! — воскликнул Окцип.

Бентли объяснил, что табу его племени не разрешает употреблять никаких напитков, кроме своих. Окцип не понимает, что у разных людей разные диетические потребности. Например, указал Бентли, возможно, что на Тельсе IV в состав веществ, необходимых для жизни, входит стрихнин. Он не добавил, что, даже если бы он и захотел испытать судьбу, «Протект» никогда этого не допустит. Тем не менее туземцев встревожил отказ гостя. Заклинатели духов поспешно посоветовались. К Бентли подошел Ринек и уселся с ним рядом.

— Скажи, — осведомился Ринек, помолчав, — что ты думаешь о нечистой силе?

— Нечистая сила — это нехорошо, — торжественно ответил Бентли.

— Ага! — Заклинатель духов обдумывал это заявление, нервно постукивая хвостом по траве. Зверек с зеленым мехом (оказалось, что он называется мобака) вздумал поиг-

рать этим хвостом. Ринек отшвырнул зверька прочь и повторил:

— Значит, ты не любишь нечистую силу?

— Нет.

— И не позволишь ей действовать вблизи тебя?

— Ни в коем случае, — ответил Бентли, подавляя зевок. Он начал уставать от хитроумных вопросов заклинателя духов.

— В таком случае ты не откажешься принять заветное священное копье, которое Кран К-ле вынес из обиталища Малых Богов. На того, кто им замахнется, снисходит благодать.

— С удовольствием приму это копье, — сказал Бентли, веки которого тяжелели. Он надеялся, что это будет последняя церемония за сегодняшний вечер.

Ринек одобрительно проворчал что-то и отошел. Пляски женщин закончились. Заклинатели духов затянули монотонную песнь глубокими, волнующими голосами. Пламя костра взлетело ввысь.

Вперед вышел Гуаскль. Теперь лицо его было разрисовано тонкими черными и белыми полосками. Он нес древнее копье из черного дерева, с наконечником из обработанного вулканического стекла. По всей длине копье было покрыто причудливой, хотя и примитивной резьбой.

Держа копье на весу, Гуаскль произнес:

— О пришелец с небес, прими от нас священное копье! Кран К-ле даровал его нашему праотцу Трину, наделил копье магической силой и повелел, чтобы оно явилось сосудом духов добра. Нечистая сила не выносит присутствия этого копья! Возьми же его вместе с нашими благословениями.

Бентли тяжело поднялся на ноги. Он понимал, какое значение имеет подобный ритуал. Принятие копья раз и навсегда положит конец сомнениям относительно его спиритуального статуса. Он благоговейно склонил голову.

Гуаскль подошел к нему, протянул копье и ...

Со щелканьем сработал «Протект». Как и многие великие изобретения, он работал просто. Когда расчетный узел принимал сигнал опасности или намек на опасность, «Протект» создавал вокруг оператора защитное силовое поле. Это поле делало оператора неуязвимым, потому что было совершенно и абсолютно непроницаемо. Однако не обошлось без кое-каких неудобств. Если бы у Бентли было слабое сердце, «Протект» мог бы убить его, потому что его действия, порожденные электронными импульсами, отличались внезапностью, необыкновенной мощностью и сокружительностью. Одно мгновение Бентли стоял у большого костра, протянув руку к священному копыю. В следующее мгновение он погрузился во тьму.

Как обычно, он почувствовал себя так, словно катапультировал в затхлый, темный чулан, резиновые стены которого сжимают его со всех сторон. Он проклял сверхэффективность устройства. Копье не таило угрозы, оно составляло часть важного обряда. Однако «Протект», воспринимающий все буквально, истолковал его как потенциальную опасность.

И вот теперь в темноте Бентли стал ошупью искать киопку, отключающую поле. Как обычно, под влиянием силового поля нарушилась координация движений — с каждым новым применением «Протекта» неуверенность в движениях возрастала. Он осторожно ощупал свою грудь там, где должна была находиться киопка, но та соскользнула с места и отыскалась лишь под мышкой справа. Наконец он отключил поле.

Празднество было прервано. Туземцы сбились тесной толпой и стояли, напружинив хвосты, с оружием наперевес, готовые защищаться. Гуаскль, оказавшийся в сфере действия поля, был отброшен на двадцать футов и теперь медленно подымался с земли. Заклинатели уныло затянули очистительную песнь для защиты от злых духов. При всем желании Бентли не мог их осудить.

Когда защитное поле «Протекта» вводится в действие, оно принимает вид непрозрачного черного шара диаметром около трех метров. Если по нему ударить, оно отбросит обидчика с силой, равной силе удара. На поверхности этого шара непрерывно появляются, кружатся, переплетаются и исчезают белые линии. А при вращении раздается резкий пронзительный вопль.

В общем и целом зрелище едва ли было рассчитано на то, чтобы завоевать доверие примитивных и суеверных существ.

— Извините, — произнес Бентли со слабой улыбкой. Наверяд ли к этому можно было добавить что-нибудь еще.

Гуаскль подошел, прихрамывая, но остановился в отдалении.

— Ты не можешь принять священное копье, — констатировал он.

— Ну, не совсем так, — возразил Бентли. — Просто... словом, у меня есть охранный прибор, что-то вроде щита, понимаешь? Оно не любит копий. Не мог бы ты предложить мне, например, священную тыкву?

— Не будь смешон, — ответил Гуаскль. — Слышанное ли дело — священная тыква?

— Пожалуй, ты прав. Но, прошу тебя, поверь мне на слово — я не злой дух. Право же, нет. Просто копья для меня табу.

Заклинатели духов затараторили настолько быстро, что лингвист не успевал переводить. Он улавливал лишь отдельные слова — «злой дух», «уничтожить», «очищение». Бентли решил, что прогноз, кажется, не слишком благоприятен.

После совещания Гуаскль подошел к нему и сообщил:

— Некоторые полагают, что тебя следует убить немедленно, пока ты не навлек на селение великих бедствий. Однако я сказал им, что нельзя винить тебя во всем. Быть может, наутро посвящение окажется возможным.

Бентли поблагодарил. Туземцы проводили его до хижины, а затем распрощались с необыкновенной поспешностью.

В селении воцарилась зловещая тишина; со своего порога Бентли видел, как туземцы собирались кучками и серьезно беседовали, украдкой поглядывая в его сторону.

Скверное начало для сотрудничества двух рас.

Бентли без промедления связался с профессором Слиггертом и рассказал о случившемся.

— Не повезло, — заметил профессор. — Но первобытные люди славятся склонностью к предательству. Вполне возможно, что копье предназначалось не для вручения, а послужило бы орудием убийства. Вы бы приняли копье в самом буквальном смысле слова.

— Я абсолютно уверен, что такого намерения не было, — настаивал Бентли. — В конце концов надо же когда-нибудь верить людям.

— Не тогда, когда вы отвечаете за оборудование стоимостью в миллиарды долларов.

— Но ведь я же ничего не могу предпринять! — закричал Бентли. — Неужто вы не понимаете? Они уже относятся ко мне с подозрением. Я оказался не в состоянии принять священное копье. Это означает, что я скорее всего злой дух. Что же будет, если завтра я не пройду обряда посвящения? Допустим, какому-нибудь болвану вздумается поковырять в зубах ножом, и «Протект» меня «спасет»? Пропадет все благоприятное впечатление, созданное мною поначалу.

— Добрую волю можно восстановить, — сентенциозно изрек профессор Слиггерт. — А вот оборудование на миллиарды долларов...

— Может спасти следующая экспедиция. Послушайте, профессор, пойдите мне навстречу. Неужто нет никакой возможности управлять этой штукой вручную?

— Совершенно никакой, — ответил Слиггерт. — Иначе сошло бы на нет само назначение устройства. Можно с тем же успехом и не надевать его, если вы собираетесь пола-

гаться на собственные рефлексy, а не на электронные импульсы.

— Тогда объясните, как оно снимается.

— Остается в спле тот же довод — вы можете оказаться незащищенным.

— Но послушайте, — запротестовал Бентли, — меня же выбрали как опытного исследователя. Мне ведь на месте виднее. Я ознакомился с местными условиями. Расскажите, как снять «Протект».

— Нет! «Протект» должен пройти весь комплекс полевых испытаний. К тому же мы хотим, чтобы вы вернулись целым и невредимым.

— Это другое дело, — сказал Бентли. — Кстати, эти люди не сомневаются, что могут убить меня.

— Примитивные племена всегда переоценивают могущество своего оружия и своей магии.

— Знаю, знаю. Но вполне ли вы уверены, что они не могут проникнуть сквозь поле? Как насчет яда?

— Ничто не может проникнуть сквозь поле, — терпеливо ответил Слиггерт, — даже солнечные лучи. Даже гамма-лучи. Вы носите на себе неприступную крепость, мистер Бентли. Неужели так трудно питать ко мне хоть каплю доверия?

— В первых моделях многое силовь и рядом требует доводки, — проворчал Бентли. — Но пусть будет по-вашему. А может, все-таки скажете, как он снимается, просто на всякий случай, если что-нибудь пойдет не так?

— Желательно, чтобы вы перестали спрашивать об этом, мистер Бентли. Вас выбрали для полного проведения полевых испытаний. Именно это вам и предстоит.

Когда Бентли кончил передачу, стояли глубокие сумерки и селяне уже разошлись по своим хижинам. Костры догорали, слышались голоса ночных животных.

В этот миг Бентли почувствовал безысходное одиночество и щемящую тоску по родине.

Он устал чуть ли не до потери сознания, но все же заставил себя поесть каких-то концентратов и выпить немного воды. Затем отстегнул сумку с инструментами, радио и флягу, безнадёжно подергал «Протект» и улегся спать.

Едва он задремал, как «Протект» пришел в действие со страшной силой, чуть не вывихнув ему шейный позвонок.

Он принялся устало шарить в поисках кнопки, обнаружил ее примерно над желудком и отключил поле.

Хижина была такой же, как обычно. Он не увидел никакого источника опасности.

Теряет ли «Протект» чувство реальности, удивился он, или же какой-нибудь тельсианин пытался пронзить его копьем через окошко?

Тут Бентли заметил, что крохотный детеныш мобаки улепетывает со всех ног, вздымая клубы пыли.

Звереныш, наверное, хотел согреться, подумал Бентли. Но, разумеется, это чужеродное тело. Недремлющий «Протект» не мог проглядеть такую опасность.

Бентли заснул оиять, и ему сразу же приснилось, будто он заперт в тюремной камере из ярко-красной губчатой резины. Он пытался отодвинуть стены все дальше, но те не сдавались, а когда он, обессиленный, наконец оставлял попытки, — стены мягко возвращали его в центр камеры. Это повторялось снова и снова, пока наконец он не почувствовал толчок в спину и не проснулся в черном защитном поле.

На этот раз найти кнопку было по-настоящему трудно. Он отчаянно искал ее на ощупь, пока не начал задыхаться от спертого воздуха. Его охватил ужас. Наконец он обнаружил кнопку у подбородка, отключил поле и, нетвердо держась на ногах, занялся поисками источника очередного нападения.

Поиски увенчались успехом. От крыши оторвалась соломинка, которая попыталась упасть на него. Ясное дело, «Протект» этого не стерпел.

— А ну тебя! — простонал Бентли вслух. — Хоть разок прояви благоразумие!

Однако он настолько устал, что ему, в сущности, все было безразлично. К счастью, в эту ночь атаки больше не повторялись.

Утром в хижину Бентли зашел Гуаскль. Вид у него был крайне торжественный и в то же время смущенный.

— Ночью в твоей хижине раздавался великий шум, — сказал заклинатель духов. — Отчаянные воили, словно ты сражался с дьяволом.

— Просто я всегда сплю беспокойно, — объяснил Бентли. — Вблизи меня не осталось нечистой силы. Ни капельки.

Сомнения Гуаскля не рассеялись.

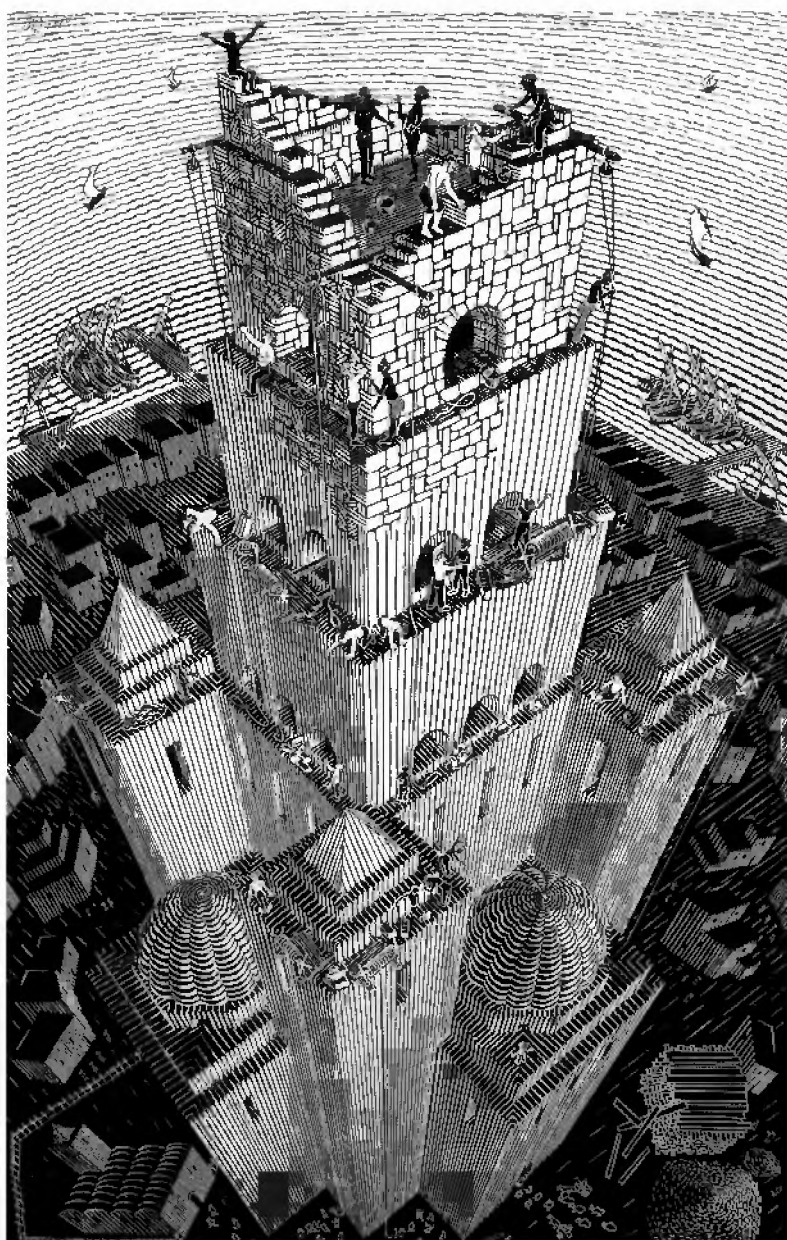
— Но вправе ли ты утверждать это с уверенностью? Быть может, тебе лучше уйти от нас с миром. Если тебя невозможно посвятить, то придется тебя уничтожить...

— Об этом не беспокойся, — заявил Бентли. — Давай начнем.

— Очень хорошо, — сказал Гуаскль, и они вместе вышли из хижины.

Посвящение должно было состояться перед большим костром на деревенской илощади. Еще ночью во все стороны были разосланы гонцы, так что на площади собрались заклинатели духов из множества селений. Некоторые прошли двадцать миль, чтобы принять участие в обрядах и воочию увидеть чужеземца. Торжественно гремел ритуальный барабан, извлеченный из тайного хранилища. Селяне глядели, болтали между собой, смеялись. Однако Бентли уловил глухую нервность и напряженность толпы.

Танец сменялся танцем. Когда началась последняя фигура, Бентли нервно дернулся, потому что ведущий стал размахивать

дубиной над головой. В вихре пляски танцор надвигался на него — все ближе и ближе... Вот он уже в нескольких футах, а усыпанная стекляшками дубина кажется ослепительной вспышкой.

Селяне смотрели не отрываясь, как зачарованные. Бентли закрыл глаза, ожидая мгновенного погружения во тьму силового поля.

Однако танцор наконец отступил, и пляска кончилась под одобрительный рев селян.

Слово взял Гуаскль. С трепетом облегчения Бентли понял, что обряд посвящения закончился.

— О братья, — сказал Гуаскль, — чужеземец преодолел великую пустоту, чтобы стать нашим братом. Многое в нем странно, и его окружает нечто, похожее на зло. И все же добрая воля его очевидна. Никто не сомневается, что по сути своей он честен и благороден. Сим посвящением мы очищаем его от злого духа и принимаем в свою среду.

Среди гробовой тишины Гуаскль подошел к Бентли.

— Отныне, — сказал Гуаскль, — ты заклинатель духов и воистину один из нас. — Он протянул руку.

Бентли почувствовал, что сердце его бешено заколотилось. Он победил! Его приняли! Он крепко стиснул протянутую руку Гуаскля.

Во всяком случае, хотел стиснуть. Это не вполне удалось, так как неизменно бдительный «Протект» спас его от соприкосновения, возможно таящего угрозу.

— Проклятый идиот! — взревел Бентли, быстро найдя кнопку и отключив поле.

Он сразу же понял, что быть беде.

— Нечистая сила! — пронзительно закричали тельсиане, неистово замахав оружием.

— Нечистая сила! — возопили заклинатели духов.

Бентли в отчаянии обернулся к Гуасклю.

— Да, — печально промолвил молодой заклинатель, — все верно. Мы лелеяли надежду, что древний обряд изгонит злого духа. Но это невозможно. Злого духа надлежит уничтожить! Убьем дьявола!

На Бентли обрушился град копий. «Протект» мгновенно отреагировал. Вскоре стало ясно, что дело зашло в тупик. По нескольку минут Бентли оставался в защитном поле, затем отключал его. Тельсиане, видя, что он невредим, возобновляли «огонь», и защита мгновенно срабатывала снова.

Бентли хотел отойти к звездолету. Однако «Протект» то и дело включался. При такой скорости передвижения понадобился бы месяц, а то и два, чтобы пройти милю, так что не стоило и пытаться. Он просто переждет. Через некоторое время нападающие поймут, что не в силах причинить ему вред, и две расы наконец найдут общий язык.

Он старался расслабить мускулы внутри поля, но эта затея оказалась невыполнимой. Он был голоден и очень хотел пить. И воздух внутри защитного поля постепенно становился все более спертым.

Тут Бентли с содроганием вспомнил, что ночью воздух не проникал сквозь окружающее его поле. Естественно, ведь оно непроницаемо. Если не принять мер, недолго и задохнуться.

Бентли знал, что самая неприступная крепость может пасть, если ее защитники голодают или задыхаются.

Он лихорадочно принялся размышлять. Долго ли тельсиане будут вести наступление? Ведь рано или поздно они устанут.

А если нет?

Он терпел, сколько мог, пока воздух не стал совершенно непригоден для дыхания, а затем отключил поле. Тельсиане расселись на земле вокруг чужака. Горели костры, на которых готовили пищу. Ринек лениво метнул в него копьё, и поле в который раз включилось.

— Ага, — подумал Бентли, — сообразили. Собираются уморить меня голодом.

Он попытался сосредоточиться в темиоте, но стены чулана словно сдавливали его. У него началась клаустрофобия: ведь воздух, которым он дышал, опять становился спертым.

Немного подумав, он отключил поле. Тельсиане глядели на него холодно. Один из них взялся за копьё.

— Погодите! — закричал Бентли. Одновременно он включил рацию.

— Чего тебе надобно? — спросил Ринек.

— Выслушайте меня! Это же несправедливо — заманить меня в «Протект», как в капкан!

— А? Что происходит? — раздался голос профессора Слиггerta у него в ухе.

— Вы, тельсиане, знаете, — хрипло продолжал Бентли, — вы знаете, что меня можно уничтожить, непрерывно приводя «Протект» в действие. Я не могу его отключить! Я не могу из него выбраться!

— А-а! — сказал профессор Слиггерт. — Я понимаю, в чем затруднение. Да-да.

— Нам очень неприятно, — извинился Гуаскль, — но злого духа надлежит уничтожить.

— Конечно, — безнадежно сказал Бентли, — но не меня же. Помогите мне, профессор!

— Это действительно упущение, — бормотал профессор Слиггерт в задумчивости, — и очень серьезное. Как ни странно, подобные случаи нельзя предусмотреть, сидя в лаборатории. Они обнаруживаются лишь при проведении всей программы полевых испытаний.

— Великолепно! Но я-то уже здесь! Как мне снять эту штуку?

— Простите меня, — сказал Слиггерт. — Поверьте, я никак не ожидал, что может возникнуть такая необходимость.

По правде говоря, я сконструировал эти доспехи так, чтобы вы ни при каких обстоятельствах из них не выбрались.

— Ах вы, паршивый...

— Прошу вас! — строго сказал Слиггерт. — Не будем терять голову. Если вы продержитесь несколько месяцев, нам, возможно, удастся...

— Не продержусь! Воздуха! Воды!

— Огня! — вскричал Ринек с искаженным лицом. — Скуем дьявола огнем!

И «Протект» со щелканьем включился.

В крошечной тьме Бентли старался обдумать все как можно тщательнее. Из «Протекта» придется вылезать самому. Но как? В сумке с инструментами есть нож. Можно ли разрезать крепкие пластиковые лямки? Это необходимо!

Но что потом? Даже если он выйдет из своей крепости, все равно до корабля остается миля. Его, лишнего защиты, убьет первое же копьё. Ведь туземцы торжественно поклялись убить его, ибо он был непреложно объявлен злым духом.

Надо бежать, это единственный шанс на спасение. К тому же лучше погибнуть от копья, чем медленно задыхаться в непроглядной тьме.

Бентли отключил поле. Тельсиане окружали его кострами, отрезая путь стеной иламени.

Он неистово рубанул по пластиковой паутине. Нож скользнул по лямке, а Бентли очутился в силовом поле.

Когда он снова вышел, огненный круг был уже замкнут. Тельсиане осторожно пододвигали костры поближе к врагу, уменьшая радиус этого круга.

У Бентли душа ушла в пятки. Как только костры достаточно приблизятся, «Протект» включится и останется включенным. Ему же не удастся отключить поле нажатием кнопки — предпочтение будет отдано сигналу непрерывной опасности.

Пока туземцы поддерживают огонь, Бентли будет заперт в силовом поле, как в мышеловке.

А если учесть, как относятся примитивные народы к дьяволам, вполне возможно, что они не поленятся жечь костры на протяжении ста, а то и двухсот лет. Бентли бросил нож, хватанул пластиковую лямку кусачками и разрезал ее — наполовину.

Затем снова погрузился в защитное поле.

У Бентли кружилась голова, он терял сознание от усталости и судорожно хватал ртом зловонный воздух. Сделав неимоверное усилие, он взял себя в руки. Сейчас не время сдаваться. Иначе конец.

Он отыскал кнопку, нажал ее. Теперь костры были уже совсем близко. В лицо полыхнуло жаром. Он злобно щелкнул кусачками по лямке и почувствовал, что она отлетела.

Он выскочил из «Протекта» в тот миг, когда поле оиять включилось. Его швырнуло прямо в костер. Однако он выпрыгнул из пламени, не обгорев.

Селяне взревели. Бентли помчался прочь, бросая на бегу лингвасцен, сумку с инструментами, рацию, пищевые концентраты и флагу. Разок он оглянулся и увидел, что тельсиане бегут за ним по иятам.

Но Бентли твердо держал свой курс. Изнемогающее сердце, казалось, вот-вот разобьет грудную клетку, а легкие сплющатся в комок и больше не вдохнут воздух. Но корабль был уже совсем близко, дружелюбной громадой возвышался на плоской равнине.

Он непременно успеет. Еще каких-нибудь двадцать метров...

Впереди мелькнуло что-то зеленое. То был маленький детеныш мобаки в шубке зеленого меха. Неуклюжий зверек пытался убраться с пути беглеца.

Бентли свернул в сторону, чтобы не раздавить его, и с запоздалым сожалением понял, что никогда не следует нару-

шать ритм бега. Под ноги ему подвернулся какой-то камень, и он упал.

Позади слышался топот приближающихся тельсиан, и Бентли с трудом приподнялся на одно колено.

Тут кто-то запустил в него дубинкой и угодил прямехонько в лоб.

— Ар гуай дрил? — издалека спрашивал чей-то голос на непонятном языке. Бентли приоткрыл глаз и увидел, что над ним склонился Гуаскаль. Он был оиять в селении, в хижине. На пороге, наблюдая за ним, стояли несколько вооруженных заклинателей духов.

— Ар дрил? — повторил свой вопрос Гуаскаль.

Бентли повернулся набок и увидел рядом с собой аккуратно разложенные инструменты, флягу, концентраты, рацию и лингвасцен. Он жадно приник к фляге, потом включил лингвасцен.

— Я спросил, хорошо ли ты себя чувствуешь, — сказал Гуаскаль.

— Конечно, превосходно, — буркиул Бентли, ощупывая голову. — Давай закругляться.

— Закругляться?

— Ты ведь хотел меня убить, не правда ли? Так не будем превращать это дело в балаган.

— Но мы вовсе не собирались уничтожить тебя, — сказал Гуаскаль. — Мы с самого начала знали, что ты хороший и добрый человек. Нам нужен был дьявол.

— Как? — переспросил Бентли. Он ничего не понимал.

— Пойдем, увидишь.

Заклинатели духов помогли Бентли встать и вывели его на улицу. Там, окруженный морем огия, мерцал большой черный шар «Протекта».

— Ты этого, понятно, не знал, — сказал Гуаскаль, — но на твоей спине сидел дьявол.

— Ух ты! — выдохнул Бентли.

— Да, это так. Мы старались выдворить его путем очищения, но он был слишком силен. Нам пришлось вынудить тебя, брат, стать лицом к лицу с этой нечистой силой и отбросить ее. Мы знали, что ты выдержишь это испытание. И ты его выдержал!

— Понятно, — сказал Бентли. — Дьявол на спине. Да, наверное.

Таким и должен был им показаться «Нротект». Тяжелый, бесформенный груз на плечах, изрыгающий черный шар всякий раз, как его пытаются очистить от скверны. Что же оставалось делать религиозным людям, как не постараться вырвать его из когтей дьявола?

Бентли заметил, что несколько женщин из селения принесли корзинки с едой и бросили их в огонь перед шаром. Он вопросительно посмотрел на Гуаскля.

— Мы хотим его умилоствовать, — разъяснил Гуаскль, — ибо это необычайно могущественный дьявол, несомненно умеющий творить чудеса. Наше селение гордится тем, что такой дьявол попал к нам в рабство.

Вперед выступил заклинатель духов из соседнего селения.

— Есть ли у тебя на родине еще дьяволы? Не мог бы ты привезти такого и нам, чтобы мы ему поклонялись?

За ним нетерпеливо вышли вперед другие заклинатели. Бентли кивнул головой.

— Пожалуй, это можно устроить, — сказал он.

Он понял, что тут-то и завязалась торговля Земли с Тельсом. И еще понял, что наконец-то найдено подходящее применение для Универсальной Защиты профессора Слиггерта.

Опека

В Бирме на той неделе разобьется самолет, но меня это не коснется здесь, в Нью-Йорке. Да и фигов я не боюсь, раз у меня заперты двери всех шкафов.

Вся загвоздка теперь в том, чтобы не политурить. Мне нельзя политурить. Ни под каким видом! И, как вы сами понимаете, меня это беспокоит. Ко всему прочему я еще, кажется, схватил жестокую простуду.

Вся эта канитель началась со мной вечером 9 ноября. Я шел по Бродвею, направляясь в кафетерий Бейкера. На губах у меня блуждала легкая улыбка — след сданного несколько часов назад труднейшего экзамена по физике. В кармане позвякивало нять монет, три ключа и спичечная коробка.

Для полноты картины добавляю, что ветер дул с северо-запада со скоростью пяти миль в час. Венера находилась в стадии восхождения. Ауна — между второй четвертью и полнолунием. А уж выводы извольте сделать сами!

Я дошел до угла Девяносто восьмой улицы и хотел перейти на ту сторону. Но едва ступил на мостовую, как кто-то закричал:

— Грузовик! Берегись грузовика!

Растерянно озираясь, я поиятился назад. И — ничего не увидел. А спустя целую секунду из-за угла на двух колесах вернулся грузовик и, не обращая внимания на красный цвет,

загрохотал по Бродвею. Если бы не это предупреждение, он бы меня сшиб.

Не правда ли, вы не впервые слышите нечто подобное? Насчет таинственного голоса, запретившего тете Минни входить в лифт, который тут же брякнулся в подвал. Или, быть может, остерегшего дядю Тома ехать на «Титанике». Такие истории обычно на том и кончаются.

Хорошо бы моя так кончилась!

— Спасибо, друг! — сказал я и огляделся. Но никого не увидел.

— Вы все еще меня слышите? — осведомился голос.

— Разумеется, слышу!

Я сделал полный оборот и подозрительно воззрился на закрытые окна над моей головой.

— Но где же вы, черт возьми, прячетесь?

— Грениш, — отвечал голос. — Это ли не искомый случай? Индекс преломления. Существо иллюзорное. Знает Тень. Напал ли я на того, кто мне нужен?

— Вы, должно быть, невидимка?

— Вот именно.

— Но кто же вы все-таки?

— Сверхпопечительный дерг.

— Что такое?

— Я... но, пожалуйста, открывайте рот пошире! Дайте соображу. Я — дух прошедшего Рождества. Обитатель Черной Лагуны. Невеста Франкенштейна. Я...

— Позвольте, — прервал я его. — Что вы имеете в виду? Может быть, вы привидение или гость с другой планеты?

— Вот-вот, — сказал голос. — На то похоже.

Итак, мне все стало ясно. Каждый дурак понял бы, что со мной говорит существо с другой планеты. На Земле он невидим, но изощренные чувства позволили ему обнаружить надвигающуюся опасность, о чем он меня и предупредил.

Словом, обычный, повседневный сверхъестественный случай.

Прибавив шагу, я устремился вперед по Бродвею.

— Что случилось? — спросил невидимка дерг.

— Ничего не случилось, — отвечал я, — если не считать того, что я стою посреди улицы и разговариваю с пришельцем из отдаленнейших миров. Похоже, что я один вас и слышу?

— Естественно.

— О Господи! А знаете ли вы, куда меня могут завести такие штучки?

— Подтекст ваших рассуждений мне недостаточно ясен.

— В психовытрезвитель. В приют для умалишенных. В отделение для буйных. Иначе говоря, в желтый дом. Вот куда сажают людей, говорящих с невидимыми чужесветными гостями. Спокойной ночи, приятель! Спасибо, что предупредили!

В голове у меня был полиейший кавардак, и я повернул на восток в надежде, что мой невидимый друг пойдет дальше по Бродвею.

— Не желаете со мной говорить? — допытывался дерг.

Я покачал головой — безобидный жест, за который людей не хватают на улице, — и продолжал идти вперед.

— Но вы должны! — воскликнул дерг уже с ноткой бешенства в голосе. — Настоящий контакт чрезвычайно труден и редко удается. В кои-то веки посчастливится переправить тревожный сигнал, да и то перед самой опасностью. И связь тут же затухает.

Так вот чем объясняются предчувствия тети Минни! Что до меня, то я по-прежнему ничего такого не чувствовал.

— Подобные условия повторяются раз в сто лет, — сокрушался дерг.

Какие условия? Пять монет и три ключа, позвякивающие в кармане во время восхождения Венеры? Полагаю, что в этом стоило бы разобраться, но уж во всяком случае не мне. С этой сверхъестественной музыкой никогда ничего не докажешь. Достаточно бедолаг вяжет сетки для смиренных рубашек, обойдутся и без меня.

— Оставьте меня в покое! — бросил я на ходу. И, перехватив косой взгляд полисмена, ухмыльнулся ему — с видом сорванца-мальчишки и заторопился дальше.

— Я понимаю ваши затруднения, — не отставал дерг. — Но такой контакт будет вам как нельзя более полезен. Я хочу

защитить вас от миллиона опасностей, угрожающих человеческому существованию.

Я промолчал.

— Ну что ж, — сказал дерг. — Заставить вас не в моих силах. Предложу свои услуги кому-нибудь другому. До свидания, друг!

Я любезно кивнул на прощание.

— Последнее предостережение! — крикнул дерг. — Завтра избегайте садиться в метро между двенадцатью и четвертью второго! Прощайте!

— Угу! А почему, собственно?

— Завтра на станции Кольцо Колумба толиа, высыпав из магазина, столкнет под поезд зазевавшегося пассажира. Вас, если вы подвернетесь!

— Так завтра кого-то убьют? — заинтересовался я. — Вы уверены?

— Не сомневаюсь.

— Вы и вообще разбираетесь в этих делах?

— Я воспринимаю все опасности, поскольку они направлены в вашу сторону и расположены во времени. У меня единственное желание — защитить вас.

— Послушайте, — прошептал я, — а не могли бы вы подождать с ответом до завтрашнего вечера?

— И вы мне позволите взять вас под опеку? — воспрянул дерг.

— Я отвечу вам завтра. По прочтении вечерних газет.

Такая заметка действительно появилась. Я прочитал ее в своей меблированной комнате. Толпа смяла человека, он потерял равновесие и упал под налетевший поезд. Это заставило меня задуматься в ожидании разговора с невидимкой. Его желание взять меня под свою опеку казалось искренним. Но я отнюдь не был уверен, что и мне этого хочется. Когда часом позже дерг со мной соединился, эта

перспектива уже совсем меня не привлекала, о чем я не замедлил ему сообщить.

— Вы мне не верите? — спросил он.

— Я предпочитаю вести нормальную жизнь.

— Сперва надо ее сохранить, — напомнил он. — Вчерашний грузовик ...

— Это был исключительный случай, такое бывает раз в жизни.

— Так ведь в жизни и умирают только раз, — торжественно заявил дерг. — Достаточно вспомнить метро.

— Метро не считается. Я сегодня не собирался выезжать.

— Но у вас не было оснований не выезжать. А ведь это и есть самое главное. Точно так же как нет оснований не принять душ в течение ближайшего часа.

— А почему бы и нет?

— Некая мисс Флинн, живущая дальше по коридору, только что принимала душ и оставила на розовом плиточном полу в ванной полурастаявший розовый обмылок. Вы поскользнетесь и вывихнете руку.

— Но это не смертельно, верно?

— Нет. Это не идет в сравнение с тем случаем, когда некий трясущийся старый джентльмен уронит с крыши тяжелый цветочный горшок.

— А когда это случится? — спросил я.

— Вас это, кажется, не интересует.

— Очень интересует. Когда же? И где?

— Вы отдадитесь под мою опеку?

— Скажите только, на что это вам?

— Для собственного удовлетворения. У сверхпопечительного дерга нет большей радости, чем помочь живому существу избежать опасности.

— А больше вам ничего не понадобится? Скажем, такой малости, как моя душа или мировое господство?

— Ничего решительно! Получать вознаграждение за опеку нам ни к чему, тут важен эмоциональный эффект. Все, что мне нужно в жизни и что нужно всякому дергу, — это охранять кого-то от опасности, которой тот не видит, тогда как мы видим ее слишком ясно. — И дерг умолк. А потом добавил негромко: — Мы не рассчитываем даже на благодарность.

Это решило дело. Мог ли я предвидеть, что отсюда воспоследует? Мог ли я знать, что благодаря его помощи окажусь в положении, когда мне уже нельзя будет политурировать!

— А как же цветочный горшок? — спросил я.

— Он будет сброшен на углу 10-й улицы и бульвара Мак-Адамса завтра в восемь тридцать утра.

— Десятая, угол Мак-Адамса? Что-то я не припомню... Где же это?

— В Джерси-сити, — ответил он, не задумываясь.

— В жизни не бывал в Джерси-сити! Не стоило меня предупреждать.

— Я не знаю, куда вы собираетесь или не собираетесь ехать, — возразил дерг. — Я только предвижу опасность, где бы она вам ни угрожала.

— Что же мне теперь делать?

— Все что угодно. Ведите обычную нормальную жизнь.

— Нормальную жизнь? Ха!

Поначалу все шло неплохо. Я посещал лекции в Колумбийском университете, выполнял домашние задания, ходил в кино, бегал на свидания, играл в настольный теннис и шахматы — словом, жил как раньше и никому не рассказывал, что состою под опекой сверхпопечительного дерга.

Раз, а когда и два на дню ко мне являлся дерг. Придет и скажет: «На Вестэндской авеню между 66-й и 67-й улицами распаталась решетка. Не становитесь на нее».

И я, разумеется, не становился. А кто-то становился. Я часто видел потом такие заметки в газетах.

Постепенно я втянулся и даже проникся ощущением уверенности. Некий дух денно и нощно ради меня хлопочет, и единственное, что ему нужно, — это защитить меня от всяких бед. Потусторонний телохранитель! Эта мысль внушала мне крайнюю самонадеянность.

Мои отношения с внешним миром складывались как нельзя лучше.

А между тем мой дерг стал не в меру ретив. Он открывал все новые опасности, в большинстве своем и отдаленно не касавшиеся моей жизни в Нью-Йорке, — опасности, которых мне следовало избегать в Мексико-сити, Торонто, Омахе и Папете.

Наконец я спросил, не собирается ли он извещать меня обо всех предполагаемых опасностях на земном шаре.

— Нет, только о тех немногих, которые могут или могли бы угрожать вам.

— Как? И в Мексико-сити? И в Папете? А почему бы не ограничиться местной хроникой? Скажем, Большим Нью-Йорком?

— Такие понятия, как местная хроника, ничего мне не говорят, — отвечал старый унрямец. — Мои восприятия ориентированы не в пространстве, а во времени. А ведь я обязан охранять вас от всяких зол!

Меня даже тронула его забота. Ну что тут можно было поделать! Приходилось отсеивать из его донесений опасности, ожидающие жителей Хобокена, Таиланда, Канзас-сити, Ангора Ватта (падающая статуя), Парижа и Сарасоты. Так добирался я до местных событий. Но и тут онускал почти все опасности, сторожившие меня в Квинсе, Бронксе, Бруклине, на Стэтэн-айленде, и сосредоточивался на Манхэттене. Иногда они заслуживали внимания. Мой дерг спасал меня от таких сюрпризов, как огромный затор на Катедрал Парквэй, как малолетние карманники или пожар.

Однако усердие его все возрастало. Дело у нас началось с одного-двух докладов в день. Но уже через месяц он стал остерегать меня раз по пять-шесть на дню. И наконец его предостережения в местном, национальном и международном масштабе потекли непрерывным потоком.

Мне угрожало слишком много опасностей, вопреки рас-судку и сверх всякого вероятия. Так, в самый обычный день:

Испорченные продукты в кафетерии Бейкера. Не ходите туда сегодня!

На Амстердамском автобусе номер 132 неисправные тормоза. Не садитесь в него!

В магазине готового платья Меллена протекает газовая труба. Возможен взрыв. Отдайте гладить костюм в другое место.

Между Риверсайд-драйв и Сентрал-парк-вест бродит бешеная собака. Возьмите такси.

Вскоре я большую часть дня только и делал, что чего-то не делал и куда-то не ходил. Опасности подстерегали меня чуть ли не под каждым фонарным столбом.

Я заподозрил, что дерг раздувает свои отчеты. Это было единственное возможное объяснение. В конце концов, я еще до знакомства с ним достиг зрелых лет, отлично обходясь без посторонней помощи. Почему же опасностей стало так много? Вечером я задал ему этот вопрос.

— Все мои сообщения абсолютно правдивы, — заявил он, по-видимому, слегка задетый. — А если не верите, включите завтра свет в вашей аудитории при кафедре психологии...

— Зачем, собственно?

— Повреждена проводка.

— Я не сомневаюсь в ваших предсказаниях. Но только замечаю, что до вашего появления жизнь не представляла такой опасности.

— Конечно, нет. Но должны же вы понимать, что раз вы пользуетесь преимуществами опеки, то должны мириться и с ее отрицательными сторонами.

— Какие же это отрицательные стороны?

Дерг заколебался.

— Всякая опека вызывает необходимость дальнейшей опеки. По-моему, это азбучная истина.

— Значит, снова-здорово? — спросил я ошеломленно.

— До встречи со мной вы были как все и подвергались только риску, вытекавшему из ваших житейских обстоятельств. С моим же появлением изменилась окружающая вас среда, а стало быть, и ваше положение в ней.

— Изменилась? Но почему же?

— Да хотя бы потому, что в ней присутствую я. До некоторой степени вы теперь причастны и к моей среде, как я причастен к вашей. Известно также, что, избегая одной опасности, открываешь дверь другой.

— Вы хотите сказать, — спросил я отдельно, — что с вашей помощью опасность возросла?

— Это было неизбежно, — вздохнул он.

Нечего и говорить, с каким удовольствием я удавил бы его в эту минуту, не будь он невидим и неощущаем. Во мне бушевали оскорбленные чувства; с гневом говорил я себе, что меня обвел, заманил в западню неземной мошенник.

— Отлично, — сказал я, взяв себя в руки. — Спасибо за все. Встретимся на Марсе или где там еще ваша хижина.

— Так вы отказываетесь от дальнейшей опеки?

— Угадали! Прошу выходя не хлопать дверью.

— Но что случилось? — Дерг был, видимо, искренне озадачен. — В вашей жизни возросли опасности — это верно, но что из того? Честь и слава тому, кто смотрит в лицо опасности и выходит из нее победителем. Чем серьезнее опасность, тем радостнее сознание, что вы ее избежали.

Тут только я понял, до чего он мне чужой, этот чужесветный гость!

— Только не для меня, — сказал я. — Брысь!

— Опасности увеличились, — доказывал свое дерг, — но моя способность справляться с ними перекрывает их с лихвой. Для меня удовольствие с ними бороться. Так что на вашу долю остается чистый барыш.

Я покачал головой:

— Я знаю, что меня ждет. Опасностей будет все больше, верно?

— Как сказать! Что до несчастных случаев, тут вы достигли потолка.

— Что это значит?

— Это значит, что количественно им уже некуда расти.

— Прекрасно! А теперь будьте добры убраться к черту!

— Но ведь я вам как раз объяснил...

— Ну конечно: расти они не будут. Как только вы оставите меня в покое, я вернусь в свою обычную среду, не правда ли? И к своим обычным опасностям?

— Вполне возможно, — согласился дерг. — Если, конечно, вы доживете.

— Так и быть, рискну!

С минуту дерг хранил молчание. И наконец сказал:

— Сейчас вы не можете себе это позволить. Завтра... Завтра...

— Прошу вас не рассказывать. Я и сам сумею избежать несчастного случая.

— Я говорю не о несчастном случае.

— А о чем же?

— Уж и не знаю, как вам объяснить. — В тоне его чувствовалась растерянность. — Я говорил вам, что вы можете не опасаться количественных изменений. Но не упомянул об изменениях качественных.

— Что вы плетете? — накинулся я на него.

— Я только стараюсь довести до вас, что за вами охотится гампер.

— Это еще что за невидаль?

— Гампер — существо из моей среды. Должно быть, его привлекла ваша возросшая способность уклоняться от опасности, которой вы обязаны моей опеке.

— К дьяволу гампера — и вас вместе с ним!

— Если он к вам сунется, попробуйте прогнать его с помощью омелы. Иногда помогает железо в соединении с медью. А также...

Я бросился на кровать и сунул голову под подушку. Дерг понял намек. Спустя минуту я почувствовал, что он исчез.

Какой же я, однако, идиот! За всеми нами, обитателями Земли, водится эта слабость: хватаем, что ни дай, независимо от того, нужно нам или не нужно. Вот так и наживаешь себе неприятности!

Но дерг убрался, и я избавился от величайшей неприятности. Некоторое время тихо-скромно посижу у себя в углу, пусть все постепенно приходит в норму. И, может быть, уже через несколько недель...

В воздухе послышалось какое-то жужжание.

Я с маху сел на кровати. В одном углу комнаты подозрительно сгустились сумерки, и в лицо мне повеяло холодом. Жужжание между тем нарастало — и это было не жужжание, а смех, тихий и монотонный.

К счастью, никому не пришлось чертить для меня магический круг.

— Дерг! — завопил я. — Выручай!

Он оказался тут как тут.

— Омела! — крикнул он. — Гоните его омой!

— А где, к чертям собачьим, взять теперь омелу?

— Тогда железо с медью!

Я бросился к столу, схватил медное пресс-папье и стал оглядываться в поисках железа. Кто-то вырвал у меня пресс-папье. Я подхватил его на лету. Потом увидел свою авторучку и поднес к пресс-папье острие пера.

Темнота рассеялась. Холод исчез.

По-видимому, я кое-как выбрался.

— Видите, вам нужна моя опека, — торжествовал дерг какой-нибудь час спустя.

— Как будто да, — подтвердил я скучным голосом.

— Вам еще много чего потребуется, — продолжал дерг. — Цветы борца, амаранта, чеснок, могильная плесень ...

— Но ведь гампер убрался вон.

— Да, но остались грейдеры. И вам нужны средства против липпов, фигов и мелжрайзера.

Под его диктовку я составил список трав, отваров и прочих снадобий. Я не стал его расспрашивать об этом звене между сверхъестественным и сверхнормальным. Моя любознательность была полностью удовлетворена.

Привидения и лемуры? Или чужесветные твари? Одно другого стоит, сказал он, и я уловил его мысль. Обычно им до нас дела нет. Наши восприятия, да и самое наше существование протекают в разных плоскостях. Пока человек по глупости не привлечет к себе их внимания.

И вот я угодил в эту игру. Одни хотели меня извести, другие защитить, но никто не питал ко мне добрых чувств, включая самого дерга. Я интересовал их как пешка в этой игре, если я правильно понял ее условия.

И в это положение я попал по собственной вине. К моим услугам была мудрость расы, веками накопленная человеком, — неодолимое расовое предубеждение против всякой чертовщины, инстинктивный страх перед нездешним миром. Ибо приключение мое повторялось уже тысячи

раз. Нам снова и снова рассказывают, как человек наобум вторгается в неведомое и накликает на себя духов. Он сам напрашивается на их внимание, а ничего опаснее быть не может.

Итак, я был обречен дергу, а дерг — мне. Правда, лишь до вчерашнего дня. Сегодня я уже снова сам по себе.

На несколько дней все как будто успокоилось. С фиггами я справлялся тем простым способом, что держал шкафы на запоре. С липпами приходилось труднее, но жабий глаз более или менее удерживал их в узде. А что до мелжрайзера, то его следует остерегаться только в полнолуние.

— Вам грозит опасность, — сказал мне дерг не далее как позавчера.

— Оиять? — отозвался я зевком.

— Нас преследует трэнг.

— Нас?..

— Да, и меня, ибо даже дерги подвержены риску и опасности.

— И этот трэнг действительно опасен?

— Очень!

— Что же мне делать? Завесить дверь змеиной шкурой? Или начертить на ней пятиугольник?

— Ни то ни другое, — сказал дерг. — Трэнг требует негативных мер, с ним надо воздерживаться от некоторых действий.

На мне висело столько ограничений, что одним больше, одним меньше — ничего уже не значило.

— Что же мне делать?

— Не политурьте, — сказал он.

— Не политурить? — Я наморщил брови. — Как это понимать?

— Ну, вы знаете. Это постоянно делается.

— Должно быть, мне это известно под другим названием. Объясните.

— Хорошо. Политурить — это значит... — Но тут он осекся.

— Что?...

— Он здесь! Это трэнг!

Я вдавался в стену. Мне показалось, что я вижу легкое кружение пыли в комнате, но, возможно, у меня пошаливали нервы.

— Дерг! — позвал я. — Где вы? Что же мне делать?

И тут я услышал крик и щелканье смыкающихся челюстей.

— Он меня заполучил! — взвизгнул дерг.

— Что же мне делать? — снова завопил я.

А затем противный скрежет что-то перемалывающих зубов. И слабый, задыхающийся голос дерга: «Не политурьте!»

А затем тишина.

И вот я сижу тихо-смирно. В Бирме на той неделе разобьется самолет, но меня это не коснется здесь, в Нью-Йорке. Да и фиггам до меня не добраться, я держу на запоре дверцы моих шкафов.

Вся загвоздка в этом «политурить». Мне нельзя политурить.

Ни под каким видом! Если я не буду политурить, все успокоится и эта свора переберется еще куда-нибудь, в другое место. Так должно быть. Надо только переждать.

На беду свою я не знаю, что такое политурить. Это постоянно делается, сказал дерг. Вот я и избегаю по возможности что-либо делать.

Я кое-как поспал, и ничего не случилось — значит, это не политурить. Я вышел на улицу, кунил провизию, заплатил что следует, приготовил обед и съел. И это тоже не политурить. Написал этот отчет. И это не политура.

Я еще выберусь из этой мути.

Попробую немножко поспать. Я, кажется, схватил простуду. Приходится чихнуть...

7EAK

51^c
First Cut
lb.

49^c
66

RO

Стоимость жизни

Кэррин пришел к выводу, что нынешнее дурное настроение появилось у него еще на прошлой неделе, после самоубийства Миллера. Однако это не избавило его от смутных, безотчетных страхов, гнездящихся где-то в глубине сознания. Глупо. Самоубийство Миллера его не касается.

Однако отчего же покончил с собой этот жизнерадостный толстяк? У Миллера было все, ради чего стоит жить: жена, дети, хорошая работа и все чудеса роскоши, созданные веком. Отчего он это сделал?

— Доброе утро, дорогой, — сказала Кэррину жена, когда они сели завтракать.

— Доброе утро, детка. Доброе утро, Билли.

Сын что-то буркнул в ответ.

Чужая душа нотежки, решил Кэррин, набирая на диске номера блюд к завтраку. Изысканную пищу готовил и сервировал новый автоновар фирмы «Авиньон электрик».

Дурное настроение не рассеивалось, и это тем более досадно, что сегодня Кэррину хотелось быть в форме. У него выходной, и он ожидал прихода инспектора из «Авиньон электрик». То был знаменательный день.

Он встал из-за стола вместе с сыном.

— Всего хорошего, Билли.

Сын молча кивнул, взял ранец и ушел в школу. Кэррин по-
дивился: не тревожит ли и его что-нибудь? Он надеялся, что
нет. Хватит на семью и одного ипохондрика.

— До свидания, детка. — Он поцеловал жену, которая соб-
ралась за покупками.

«Во всяком случае она-то счастлива», — подумал он, про-
вожая ее взглядом до калитки. Его занимало, сколько денег ос-
тавит она в магазине «Авиньон электрик».

Проверив часы, он обнаружил, что до прихода инспектора
из «А. Э.» осталось полчаса. Лучший способ избавиться от
дурного настроения — это смыть его, сказал он себе и напра-
вился в душевую.

Душевая была сверкающим чудом из пластика, и ее рос-
кошь вернула Кэррину утраченный было душевный покой.
Он бросил одежду в стирально-гладильный автомат «А. Э.»
и установил регулятор душа чуть повыше давления «освежа-
ющая». По телу ударила струя воды, температура которой
на пять градусов превышала нормальную температуру кожи.
Восхитительно! А затем — бодрящее растирание досуха авто-
полотенцем «А. Э.».

Чудесно, думал он, пока полотенце растягивало и размяка-
ло каждую мышцу. Да оно и должно быть чудесным, напомнил
он себе. Автополотенце «А. Э.» вместе с бритвенным прибо-
ром обошлось в тридцать долларов плюс налог.

А все же оно стоит этих денег, решил он, когда выползла брит-
ва и смахнула едва пробившуюся щетину. В конце концов, что
остается в жизни, если не наслаждаться предметами роскоши?

Когда он отключил автополотенце, кожу его приятно пока-
лывало. Он должен был чувствовать себя превосходно, но не
чувствовал. Мозг неумолчно сверлили мысли о самоубийстве
Миллера, нарушая спокойствие выходного дня.

Тревожило ли Кэррина что-нибудь еще? С домом, безуслов-
но, все в порядке. Бумаги к приходу инспектора подготовлены.

— Не забыл ли я чего-нибудь? — спросил он вслух.

— Через пятнадцать минут придет инспектор «Авиньон электрик», — прошептал настенный секретарь фирмы «А. Э.», установленный в ванной.

— Это я знаю. А еще?

Настенный секретарь протрещал накопленные в его памяти сведения — великое множество мелочей насчет поливки газона, проверки реактобиля, покупки телячьих отбивных к понедельнику и т. п. Мелочи, на которые до сих пор не удавалось выкроить время.

«Ладно, достаточно». Он позвонил автолакею «А. Э.», и тот искусно задрапировал его костявую фигуру какими-то новыми тканями. Туалет завершило распыленное облачко модных мужских духов, и Кэррин, осторожно пробираясь среди расставленных вдоль стен аппаратов, пошел в гостиную.

Быстрый взгляд, брошенный на стенные диски и приборы, убедил его, что в доме царит порядок. Посуда после завтрака вымыта и убрана, пыль везде вытерта, полы отлакированы до зеркального блеска, платья жены развешаны в гардеробе, а модели ракетных кораблей, которые мастерил сын, уложены в стенной шкаф.

Перестань волноваться, ипохондрик, сердито одернул он себя.

Дверь объявила: «К вам мистер Пэтис из финансового отдела „Авиньон электрик“».

Кэррин хотел было приказать двери отвориться, но вовремя заметил автоматического бармена. Боже правый, как же он не подумал об этом?

Автоматический бармен был изготовлен фирмой «Кастиль моторс». Кэррин приобрел его в минуту слабости. Инспектор «А. Э.» не придет от этого в особый восторг, потому что его фирма тоже выпускает такие автоматы.

Он откатил бармена в кухню и велел двери открыться.

— Здравствуйте, сэр. Отличный сегодня денек, — сказал мистер Пэтис.

Этот высокий, представительный человек был одет в старомодный твид. В уголках его глаз сбегались морщинки, свойственные людям, которые часто и охотно смеются. Лицо его светилось в улыбке; пожав руку Кэррина, он оглядел заставленную комнату.

— Прелестный у вас домик, сэр! Прелестный! Если хотите знать, едва ли я нарушу профессиональную этику фирмы, сообщив, что ваш интерьер самый красивый в районе.

Представив себе длинные ряды одинаковых домов в своем квартале, в соседнем и в следующем за соседним, Кэррин почувствовал внезапный прилив гордости.

— Ну-с, вся ли аппаратура у вас работает? — спросил мистер Пэтис, положив свой портфель на стул. — Все ли в исправности?

— О да, — с энтузиазмом ответил Кэррин. — Если имеешь дело с «Авиньон электрик», бояться неполадок не приходится.

— Фенор в порядке? Меняет мелодии через каждые семнадцать часов?

— Будьте уверены, — ответил Кэррин.

До сих пор у него руки как-то не дошли обновить фенор, но во всяком случае как предмет обстановки вещь была крайне эффектна.

— А как стереовизор? Нравятся вам программы передач?

— Принимает безукоризненно. — Одну программу он случайно посмотрел в прошлом месяце, и она показалась поразительно жизненной.

— Как насчет кухни? Автоповар в исправности? Рецепт-мейстер еще выколачивает что-нибудь новенькое?

— Великолепное оборудование. Просто великолепное.

Мистер Пэтис продолжал расспросы о холодильнике, пылесосе, реактобиле, вертолете, подземном куиальном бассейне и сотне других предметов, куиленных у фирмы «Авиньон электрик».

— Все замечательно, — сказал Кэррин. Он несколько грешил против правды, поскольку успел распаковать далеко не все покупки. — Просто чудесно.

— Очень рад, — сказал мистер Пэтис, со вздохом облегчения откидываясь на спинку стула. — Вы не представляете, сколько усилий мы прилагаем к тому, чтобы наши клиенты остались довольны. Если продукция несовершенна, ее надо вернуть; при возврате мы не задаем никаких вопросов. Мы всегда рады угодить клиенту.

— Уверяю вас, что я это весьма ценю, мистер Пэтис.

Кэррин надеялся, что служащему «А. Э.» не вздумается осматривать кухню. Перед его мысленным взором неотступно стоял автоматический бармен фирмы «Кастиль моторс», неуместный, как дикобраз на собачьей выставке.

— Могу с гордостью заявить, что большинство жителей вашего района покупают вещи у нас, — говорил между тем мистер Пэтис. — У нас солидная фирма.

— А мистер Миллер тоже был вашим клиентом? — полюбопытствовал Кэррин.

— Тот парень, что покончил с собой? — Пэтис на мгновение нахмурился. — По правде говоря, был. Это меня поразило, сэр, просто ошеломило. Да ведь и месяца не прошло, как этот парень купил у меня новехонький реактобиль, дающий на прямой триста пятьдесят миль в час! Радовался как младенец! И после этого вдруг сотворить с собой такое! Конечно, из-за реактобиля его долг несколько возрос.

— Понятно.

— Но что это меняло? Ему была доступна любая роскошь. А он взял да повесился.

— Повесился?

— Да, — сказал Пэтис, вновь нахмурясь. — В доме все современные удобства, а он повесился на канате. Вероятно, давно уж были расшатаны нервы.

Хмурый взгляд исчез, сменившись привычной улыбкой.

— Однако довольно об этом! Поговорим лучше о вас.

Когда Пэтис открыл свой портфель, улыбка стала еще шире.

— Итак, вот ваш баланс. Вы должны нам двести три тысячи долларов двадцать девять центов, мистер Кэррин, — таков итог после вашей последней покупки. Правильно?

— Правильно, — подтвердил Кэррин. Он помнил эту цифру по своим бумагам. — Примите очередной взнос.

Он вручил Пэтису конверт, который тот положил в карман, предварительно пересчитав содержимое.

— Прекрасно. Но знаете, мистер Кэррин, ведь вашей жизни не хватит, чтобы выплатить нам двести три тысячи долларов полностью.

— Да, едва ли я успею, — трезво согласился Кэррин.

Ему не исполнилось еще и сорока лет, и благодаря чудесам медицинской науки у него было в запасе еще добрых сто лет жизни.

Однако, зарабатывая три тысячи долларов в год, он все же не мог выплатить долг и в то же время содержать семью.

— Само собой разумеется, мы бы не хотели лишать вас необходимого. Не говоря уж о потрясающих изделиях, которые выйдут в будущем году. Эти вещи вы не пожелаете упустить, сэр!

Мистер Кэррин кивнул. Ему, безусловно, хотелось приобрести новые изделия.

— А что, если мы с вами заключим обычное соглашение? Если вы дадите обязательство, что в течение первых тридцати лет после совершеннолетия ваш сын будет вылачивать нам

свой заработок, мы с удовольствием предоставим вам дополнительный кредит.

Мистер Пэтис выхватил из портфеля какие-то документы и разложил их перед Кэррином.

— Вам надо лишь подписаться вот здесь, сэр.

— Не знаю, как быть, — сказал Кэррин. — Что-то душа не лежит. Мне бы хотелось помочь мальчику в жизни, а не взваливать на него с самого начала...

— По ведь, дорогой сэр, — вставил Пэтис, — это делается и ради вашего сына тоже. Ведь он здесь живет, не правда ли? Он вправе пользоваться предметами роскоши, чудесами науки...

— Конечно, — подтвердил Кэррин. — По ведь...

— Подумайте только, сэр, сегодня средний человек живет как король. Сто лет назад даже первому богачу было недоступно то, чем владеет в настоящее время простой гражданин. Не надо рассматривать это обязательство как долг. На самом деле это вложение капитала.

— Верно, — с сомнением проговорил Кэррин. Он подумал о сыне, о его моделях ракетных кораблей, звездных картах и чертежах. «Правильно ли я ностунаю?» — спросил он себя.

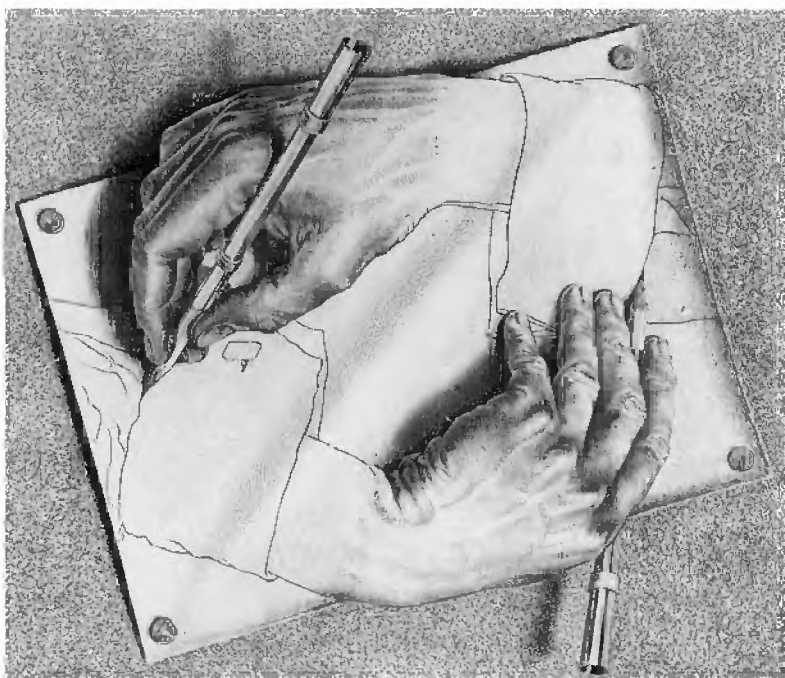
— Что вас беспокоит? — бодро спросил Пэтис.

— Да я просто подумал, — сказал Кэррин, — дать обязательство на заработок сына — не кажется ли вам, что я захожу слишком далеко?

— Слишком далеко? Дорогой сэр! — Пэтис разразился хохотом. — Вы знаете Меллона? Того, что живет в конце квартала? Так вот, не говорите, что это я рассказал, но он уже заложил жалованье своих внуков за всю их жизнь! А у него нет еще и половины того, что он решил приобрести! Мы для него что-нибудь придумаем. Обслуживание клиентов — наша работа, и мы знаем в этом толк.

Кэррин заметно вздрогнул.

— А когда вас не станет, все это перейдет к вашему сыну.

Это верно, подумал Кэррин. У сына будут все изумительные вещи, которыми изобилует дом. И в конце концов, речь идет лишь о тридцати годах, а средняя продолжительность жизни — сто пятьдесят лет.

Он расписался, увенчав подпись замысловатым росчерком.

— Отлично! — сказал Пэтис. — Между прочим, у вас в доме есть командооператор фирмы «А. Э.»?

В доме такого не было. Пэтис объяснил, что командооператор — это новинка года, величайшее достижение науки и техники. Он предназначен для выполнения всех работ по уборке и приготовлению пищи — владельцу не приходится и пальцем шевельнуть.

— Вместо того чтобы носиться весь день по дому и нажимать полдюжины разных кнопок, надо нажать лишь одну! Замечательное изобретение!

Поскольку новинка стоила всего нятсот тридцать пять долларов, Кэррин приобрел и ее, прибавив эту сумму к долгу сына.

Что верно, то верно, думал он, провожая Пэтиса до двери. Когда-нибудь этот дом будет принадлежать Билли. Ему и его жене. Они, бесспорно, захотят, чтобы все было самое новейшее.

Только одна кнопка, подумал он. Вот это поистине сберегает время.

* * *

После ухода Пэтиса Кэррин вновь уселся в регулируемое кресло и включил стерео. Покрутив легкость, он обнаружил, что смотреть ничего не хочется. Он откинулся в кресле и задремал.

Нечто в глубине сознания по-прежнему не давало ему покоя.

— Привет, милый! — Проснувшись, он увидел, что жена уже вернулась домой. Она чмокнула его в ухо. — Погляди-ка.

Жена купила халат-сексоусилитель фирмы «А. Э.». Его приятно поразило, что эта покупка оказалась единственной. Обычно Лила возвращалась из магазинов, нагруженная пакетами.

— Прелестный, — похвалил он.

Она нагнулась, подставляя лицо для поцелуя, и хихикиула. Эту привычку она переняла у толька что вошедшей в моду популярной стереозвезды. Кэррину такая привычка не нравилась.

— Сейчас наберу ужин, — сказала она и вышла в кухню. Кэррин улыбнулся при мысли, что скоро она будет набирать блюда, не выходя из гостиной. Он снова откинулся в кресле, и тут вошел сын.

— Как дела, сынок? — тепло спросил Кэррин.

— Хорошо, — апатично ответил Билли.

— В чем дело, сынок? — Мальчик, не отвечая, смотрел себе под ноги невидящими глазами. — Ну же, расскажи папе, какая у тебя беда.

Билли уселся на упаковочный ящик и уткнулся подбородком в ладони. Он задумчиво посмотрел на отца.

— Папа, мог бы я стать мастером-наладчиком, если бы захотел?

Мистер Кэррин улыбнулся наивности вопроса. Билли попеременно хотел стать то мастером-наладчиком, то летчиком-космонавтом. Наладчики принадлежали к элите. Они занимались починкой автоматических ремонтных машин. Ремонтные машины чинят все что угодно, но никакая машина не починит машину, которая сама чинит машины. Тут-то на сцене и появляются мастера-наладчики.

Однако вокруг этой сферы деятельности шла бешеная конкурентная борьба, и лишь очень немногим из самых способных удавалось получить дниломы наладчиков. А у мальчика, хотя он и смышлен, нет склонности к технике.

— Возможно, сынок. Все возможно.

— Но возможно ли это именно для меня?

— Не знаю, — ответил Кэррин со всей доступной ему прямотой.

— Ну и не надо, все равно я не хочу быть мастером-наладчиком, — сказал мальчик, поияв, что получил отрицательный ответ. — Я хочу стать летчиком-космонавтом.

— Летчиком-космонавтом, Билли? — вмешалась Лила, войдя в комнату. — Но ведь у нас их нет.

— Нет, есть, — возразил Билли. — Нам в школе говорили, что правительство собирается послать несколько человек на Марс.

— Это говорится уже сто лет, — сказал Кэррин, — однако до сих пор правительство к этому и близко не подошло.

— На этот раз пошлют.

— Почему ты так рвешься на Марс? — спросила Лила, подмигнув Кэррину. — На Марсе ведь нет хорошеньких девушек.

— Меня не интересуют девушки. Мне просто хочется на Марс.

— Тебе там не понравится, милый, — сказала Лила. — Это противная старая дыра, и там нет воздуха.

— Там есть воздух, хоть его и мало. Я хочу туда поехать, — угрюмо настаивал мальчик. — Мне здесь не нравится.

— Это еще что? — спросил Кэррин, выпрямляясь в кресле. — Чего ты еще хочешь? Тебе чего-нибудь не хватает?

— Нет, сэр. У меня есть все, что надо. — Когда сын называл его сэром, Кэррин знал: что-то неблагополучно.

— Послушай, сынок, в твои годы мне тоже хотелось на Марс. Меня привлекала романтика. Я даже мечтал стать мастером-наладчиком.

— Почему же ты им не стал?

— Ну, я вырос. Я понял, что есть более важные дела. Сначала я заплатил долг, доставшийся мне от отца, а потом встретил твою мать...

Лила хихикнула.

— ...и захотелось создать семью. То же самое будет и с тобой. Ты выплатишь свой долг и женишься, как все люди.

Билли помолчал, откинул со лба темные волосы — прямые, как у отца, — и облизнул губы.

— Откуда у меня появились долги, сэр?

Кэррин осторожно объяснил. Он рассказал о вещах, которые необходимы для цивилизованной жизни всей семьи, и о том, сколько эти вещи стоят. Как они оплачиваются. Как появился обычай, чтобы сын, достигнув совершеннолетия, принимал на себя часть родительского долга. Молчание Билли раздражало Кэррина. Мальчик словно упрекал его. А он-то

долгие годы трудился как раб, чтобы предоставить неблагодарному щенку все прелести комфорта.

— Сынок, — резко произнес он, — ты проходил в школе историю? Хорошо. Значит, тебе известно, что было в прошлом. Войны. Тебе бы поправилось, если бы тебя заставили воевать?

Мальчик не отвечал.

— Или понравилось бы тебе гнуть спину по восемь часов в день за работой, с которой должна справляться машина? Или все время голодать? Или мерзнуть и мокинуть под дождем, не имея пристанища?

Он подождал ответа и, не дождавшись, продолжал:

— Ты живешь в самом счастливом веке, какой когда-либо знало человечество. Тебя окружают все чудеса искусства и науки. Самая утонченная музыка, лучшие книги, величайшие творения искусства — все к твоим услугам. Тебе остается лишь нажать кнопку. — Голос его смягчился. — Ну, о чем ты думаешь?

— Я просто соображаю, как же мне теперь попасть на Марс, — ответил мальчик. — Я хочу сказать — с долгами. Наверяд ли можно от них отделаться.

— Конечно, нет.

— Разве что забраться в ракету зайцем.

— Но ты ведь этого не сделаешь.

— Конечно, нет, — сказал мальчик, но голосу его недоставало уверенности.

— Ты останешься здесь и женишься на очень славной девушке, — подхватила мать.

— Конечно, останусь, — отозвался Билл, — Конечно. — Он неожиданно ухмыльнулся. — Я просто так говорил насчет Марса. Просто так.

— Я очень рада, — ответила Лила.

— Забудьте о том, что я тут наболтал, — попросил Билли с вымученной улыбкой.

Он встал и опрометью бросился наверх.

— Наверное, пошел играть с ракетами, — сказала Лила. — Вот чертенок.

Кэррины спокойно поужинали, а после ужина мистеру Кэррину пора было идти на работу. В этом месяце он выходил в ночную смену. Он поцеловал жену, сел в реактобиль и под оглушительный рев покатила на завод. Опознав Кэррина, автоматические ворота распахнулись. Он поставил реактобиль на стоянку и вошел внутрь здания.

Автоматические токарные станки, автоматические прессы — все автоматическое. Завод был огромный и светлый; тихо жужжали машины — они делали свое дело, и делали его хорошо.

Кэррин подошел к концу сборочного конвейера для автоматических стиральных машин: надо было принять смену.

— Все в порядке? — спросил он.

— Конечно, — ответил сменщик. — Целый год нет брака. У этих новых моделей встроенные голоса. Здесь нет сигнальной лампочки, как в старых.

Кэррин уселся на место сменщика и подождал прибытия первой стиральной машины. Работа его была воиощением простоты. Он сидел на месте, а мимо проилывали машины. Он нажимал на них кнопку и проверял, все ли в порядке. Все неизменно было в порядке. Пройдя его контроль, машины отправлялись в отдел упаковки.

На длинных роликовых салазках скользнула первая машина. Кэррин нажал пусковую кнопку на ее боку.

— Готова к стирке, — сказала стиральная машина.

Кэррин нажал выключатель и пропустил машину дальше.

Этот мальчик, подумал Кэррин. Не побоятся ли он ответственности, когда вырастет? Станет ли зрелым человеком и займет ли место в обществе? Кэррин в этом сомневался. Мальчик — прирожденный мятежник.

Однако эта мысль его не особенно встревожила.

— Готова к стирке. — Прошла другая машина. Кэррин припомнил кое-что о Миллере. Этот жизнелюб вечно толковал о других планетах, постоянно шутил; что полетит на одну из них и наведет там хоть какой-то норов. Однако он никуда не полетел. Он покончил с собой.

— Готова к стирке.

Кэррину предстояло восемь часов работы; готовясь к ним, он ослабил ремень. Восемь часов надо нажимать кнопки и слушать, как машины заявляют о своей готовности.

— Готова к стирке.

Он нажал выключатель.

— Готова к стирке.

Мысли Кэррина блуждали где-то далеко, впрочем, его работа и не требовала особого внимания. Теперь он понял, что именно беспрерывно гнетет его.

Ему не нравилось нажимать на кнопки.

Спецраздел выставки

В ЭТО утро в музее как-то ненормально пусто, отметил про себя мистер Грант, ведя миссис Грант через облицованный мрамором вестибюль. В данных обстоятельствах это было совсем не плохо.

— Доброе утро, сэр, — произнес пожилой розовощекий служитель музея.

— Доброе утро, Саймонс, — ответил мистер Грант. — Это — миссис Грант.

Миссис Грант угрюмо кивнула и прислонилась к боевой пироге из Центральной Америки. Ее плечи были ровень с илечами гребца из нанье-маше и куда шире. Глядя на них, мистер Грант на мгновение задумался: а поможет ли ему специальный раздел выставки? Можно ли рассчитывать на успех, имея дело с женщиной столь крупной, столь сильной, столь уверенной в себе?

Он очень надеялся на него. В случае неудачи он станет нелепым.

— Добро пожаловать в наш музей, — сказал служитель. — Я уверен, что посещение нашего музея доставит вам немалое удовольствие.

— Последний раз я была здесь еще ребенком. — Миссис Грант зевнула, прикрыв огромной ладонью рот.

— Миссис Грант не очень-то интересуют следы минувшего, — пояснил мистер Грант, опираясь на трость. — Мои занятия орнитологией тоже не производят на нее особого впечатления. И тем не менее она согласилась сопровождать меня при посещении спецраздела выставки.

— Спецраздела, сэр? — удивился служитель и заглянул в записную книжку. — Я не уверен, что...

— Вот мой пригласительный билет, — сказал мистер Грант.

— Да, сэр. — Служитель внимательно проверил протянутый ему билет, затем вернул его. — Надеюсь, вы останетесь довольны, сэр. По-моему, последними, кто осматривал спецраздел, были мистер Карвер и его жена.

— Верно, — кивнул мистер Грант.

Он был весьма неплохо знаком с этим кротким лысоватым Карвером. А его тощая, вечно ворчливая жена, отличавшаяся ярко-рыжими волосами, была старой подругой миссис Грант. Спецраздел выставки, безусловно, куда более эффективен в деле улаживания конфликтов, чем консультации по вопросам семейной жизни, психоанализ, психотерапия или даже простая взаимотерпимость.

Это было совершенно уникальным начинанием музея. Администрация музея была очень довольна, когда его завсегда-таи оказывались веселыми и энергичными, ибо только в этом случае они могли всецело отдаваться пропагандируемым музеем наукам. К тому же спецраздел выставки имел большое общеобразовательное значение и восполнял существенный пробел в экспозиции музея.

Широкая публика ничего не знала о существовании спецраздела, поскольку общественность чрезвычайно консервативно относилась к инновациям музея, диктовавшимся научной необходимостью. Да иначе и не могло быть, отметил про себя мистер Грант.

Служитель извлек из кармана ключ.

— Непременно верните его мне, сэр, — предупредил он.

Мистер Грант кивнул и повел миссис Грант дальше, мимо стеклянных ящиков с уссурийскими тиграми и огромными гималайскими медведями, мимо буйволов с остекленевшими глазами и семьи оленей, навечно застывших в тот момент, когда они щипали траву.

— Сколько это будет продолжаться? — спросила миссис Грант.

— Совсем недолго, — ответил мистер Грант, помня о том, что спецраздел выставки был знаменит непродолжительностью пребывания в нем.

— Мне должны доставить кое-какие покупки, — сказала миссис Грант. — И к тому же у меня важные дела.

Проходя с нею мимо зубра и нятнистого оленя, мистер Грант на мгновение задумался над тем, какие же именно важные дела были у его жены. Ведь интересы миссис Грант, казалось, сводились днем к телевидению, а вечерами — к кинофильмам.

И, конечно же, к этим ее заказам!

Мистер Грант вздохнул. Было абсолютно ясно, что они совершенно не подходили друг другу. Подумать только: он, невысокий, даже хрупкий мужчина с высокоразвитым интеллектом, женился по собственной воле на женщине такого атлетического сложения и с куриными мозгами. Но такое случалось и с другими. С доктором Карвером, например.

Мистер Грант ухмыльнулся украдкой, припомнив закон притяжения противоположностей. Закон, не столько практический, сколько романтический. Неужели все его заиятия орнитологией ничему его не научили? Разве малиновка — пара могучему кондору? Да ведь это просто абсурд! Насколько было бы лучше, если бы он решился вступить во французский Иностранный легион, промотал бы свое наследство в

необузданных оргиях или подался бы в какое-нибудь совсем дикое племя в качестве шамана! Такое можно было бы вполне пережить, со временем свыкнуться. Но такая женитьба? Никогда. Во всяком случае, не с миссис Грант, несмотря на все ее достоинства.

Естественно, надеяться оставалось только на спецраздел выставки.

— Сюда, — пробормотал мистер Грант, направляя жену в неожиданно возникший проход между двумя стеклянными кубами.

— Где же эта экспозиция? — недовольно повысила голос миссис Грант. — Мне нужно быть дома, чтобы получить заказы.

— Здесь, совсем рядом, — сказал мистер Грант, подводя ее к двери с ярко-красной надписью:

«ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН».

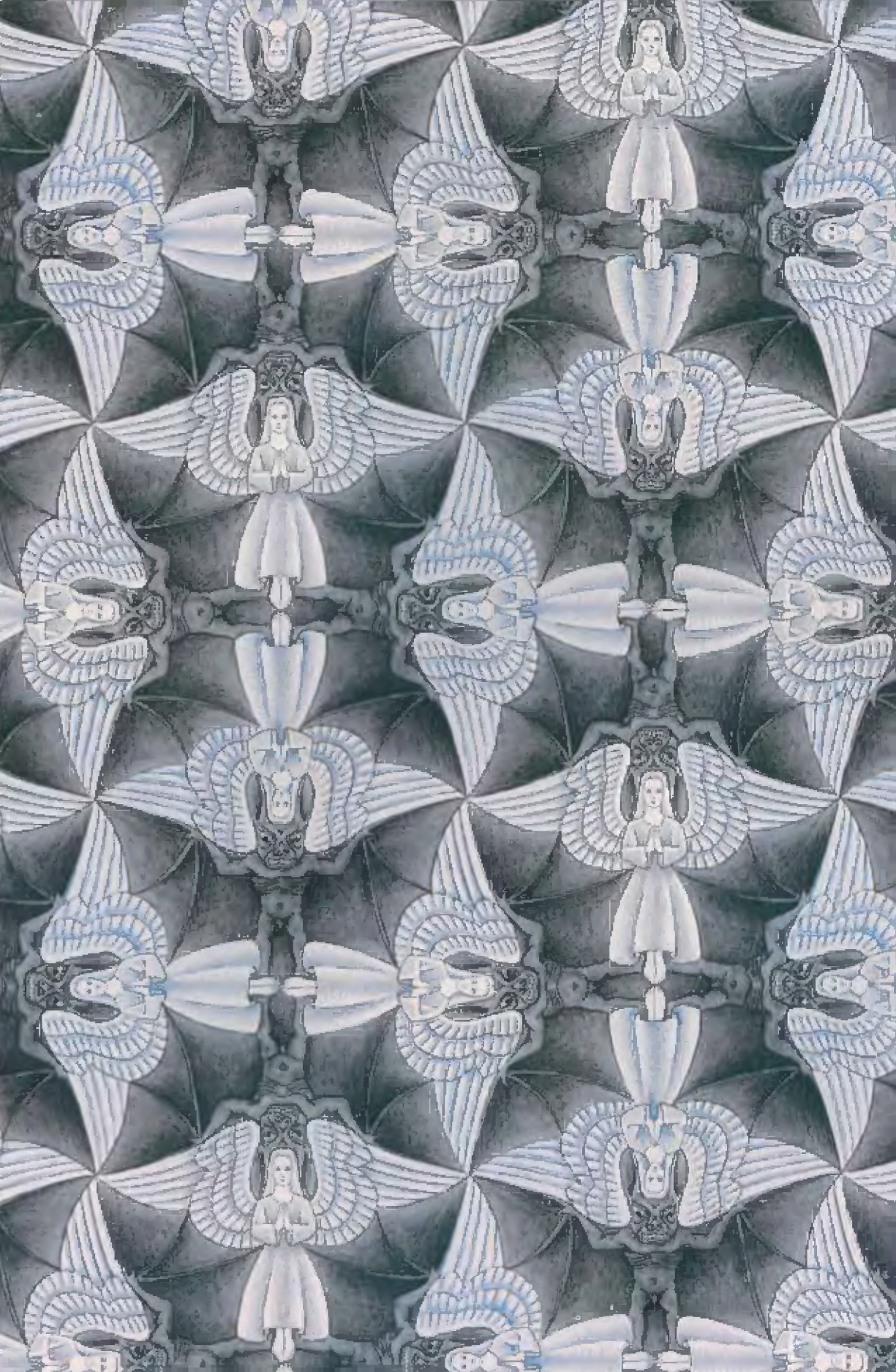
Он снова задумался над тем, какие именно заказы должны быть доставлены ей сегодня. Казалось, она делает грандиозное количество заказов. И посыльные зачастую оставляют в пепельнице окурки дорогих сигарет.

— Вот мы и пришли, — сказал мистер Грант. Он отпер обитую железом дверь, и они вошли в просторный зал. Обстановка в нем изображала поляну в джунглях. Прямо перед ними располагалась хижина с крышей из тростника. Чуть поодаль — другая хижина, поменьше, наполовину спрятанная в кустах.

На покрытой густой травой земле праздно валялись несколько дикарей, лениво переговариваясь друг с другом.

— Да ведь они живые! — воскликнула миссис Грант.

— Конечно. Это, понимаешь, новый эксперимент в области описательной антропологии.

Здесь же сидела древняя сморщенная старуха, которая подбрасывала щепки в потрескивавший под огромным глиняным котлом огонь. В котле что-то булькало.

Заметив чету Грант, дикари встали. Один из них сладко зевнул и потянулся. Раздался легкий треск в суставах.

— Потрясающие парни, — прошептала миссис Грант.

Мистер Грант согласно кивнул. Это не могло ускользнуть от ее внимания.

Рядом с дикарями на земле валялись разукрашенные деревянные мечи, длинные копья, острые ножи из бамбука. Зал был наполен непрерывным щебетанием, изредка прерываемым возбужденным кудахтаньем. Время от времени какая-то птица издавала сердитое гоготанье, другая что-то трубила в ответ.

Миссис Грант сказала:

— Мы можем теперь уйти? О-о-о!

Рядом с ней оказался один из туземцев. Спутанные волосы и раскрашенное лицо придавали ему дикий и необычный вид. Позади стояли еще двое. Глядя на эту компанию, мистер Грант подумал: сколько по сути дикарского и в самой миссис Грант с ее чрезмерной косметикой, дешевыми мехами и побрякивающими драгоценностями.

— Что они хотят? — спросила миссис Грант, глядя на полюбуженных мужчин с чувством, весьма далеким от страха.

— Им хочется, чтобы ты осмотрела их поселение, — ответил мистер Грант. — Это является составной частью экспозиции.

Миссис Грант заметила, что первый туземец смотрит на нее с нескрываемым вожделением, и не стала сопротивляться, когда ее повели дальше.

Ей показали котел для приготовления пищи, различное оружие, украшения, которыми была увешана первая хижина. Затем туземцы повели ее ко второй хижине. Один из них подмигнул ей и поманил взглядом внутрь хижины.

— Действительно интересно, — сказала она, в свою очередь подмигнула дикарю и последовала за ним.

Двое других также прошли внутрь, причем один из них, прежде чем войти, подобрал с земли нож.

— Почему ты не сказал мне, что они охотники за головами? — послышался голос миссис Грант. — Ты видел эти сморщенные головы?

Мистер Грант про себя улыбнулся. Подумать только, каких трудов стоило заполучить эти головы. Власти в государствах Южной Америки категорически запретили их вывоз. Специальный раздел выставки был, по всей вероятности, единственным сохранившимся центром этого уникального народного искусства.

— У одной из них рыжие волосы. Точь-в-точь миссис ...

Раздался крик, а затем звуки яростной схватки. Мистер Грант затаил дыхание. Их было, на всякий случай, трое, но миссис Грант очень сильная женщина ... Хотя, конечно, ей не под силу...

Один из днкарей, пританцовывая, выскочил из хижины, и ведьма, колдовавшая у огня, взяла несколько зловеще выглядящих орудий и прошла внутрь хижины. Содержимое котла продолжало весело булькать.

Мистер Грант облегченно вздохнул и решил, что смотреть дальше нет смысла. К тому же антропология не входила в сферу его интересов. Он запер за собой железную дверь и направился в отдел орнитологии, решив, что ему вовсе не обязательно получать заказы миссис Грант.

Форма

Пид-пилот замедлил скорость почти до нуля. С волиением всматривался он в зеленую планету.

Даже без показаний приборов не оставалось места сомнениям. Во всей системе эта планета, третья от Солнца, была единственной, где возможна жизнь. Планета мирно проплывала в дымке облаков.

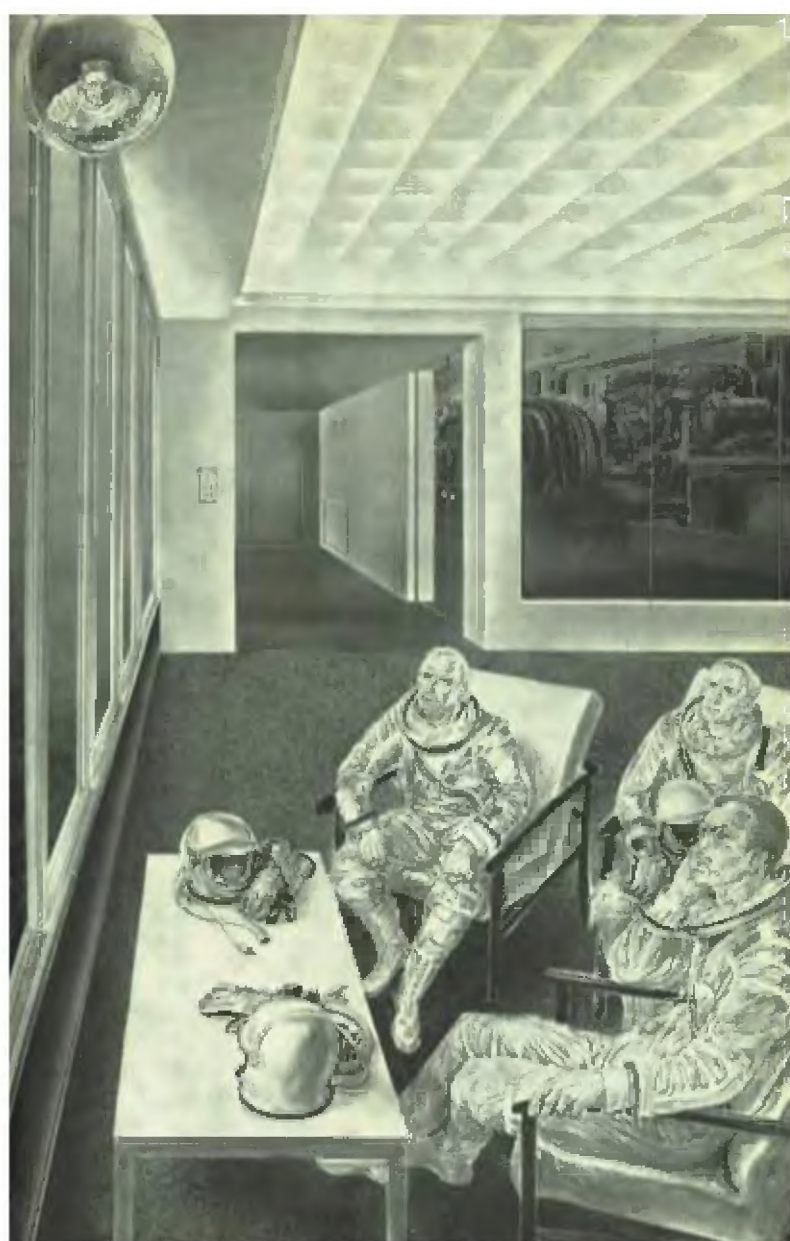
Она казалась совсем безобидной. И все же было на этой планете нечто такое, что лишало жизни участников всех экспедиций, когда-либо посланных с Глома.

Прежде чем бесповоротно устремиться вниз, Пид какое-то мгновение колебался. Он и двое его подчиненных сейчас вполне готовы, больше, чем когда бы то ни было. В сумках их тел хранятся компактные Сместители, бездействующие, но тоже готовые.

Пиду хотелось что-нибудь сказать экипажу, но он не вполне представлял, как построить свою речь.

Экипаж ждал. Илыг-радист уже отправил последнее сообщение на планету Глом. Джер-индикатор следил за циферблатами шестнадцати приборов одновременно. Он доложил: «Признаки враждебной деятельности отсутствуют». Поверхности его тела беспечно струились.

Пид отметил про себя эту беспечность. Теперь он знал, о чем должен говорить. С той поры, как экспедиция покинула Глом, Дисциплина Формы омерзительно распаталась. Ко-

мандующий Вторжением предупреждал его; но все же надо что-то предпринять. Это долг Пилота, ибо низшие касты, к которым относятся Радисты и Индикаторы, приобрели дурную славу стремлением к Бесформии.

— На нашу экспедицию возлагаются великие надежды, — медленно начал Пид. — Мы теперь далеко от родины.

Джер-индикатор кивнул. Ильг-радист вытек из предписанной ему формы и комфортабельно распластался по стене.

— Однако же, — сурово сказал Пид, — расстояние не служит оправданием безнравственному Бесформию.

Ильг поспешно влился в форму, подобающую Радисту.

— Нам, несомненно, придется прибегать к экзотическим формам, — продолжал Пид. — На этот случай есть особое разрешение. Но помните: всякая форма, принятая не по служебной необходимости, есть происки самого Бесформия.

Джер резко прекратил текучую игру поверхностей своего тела.

— У меня все, — закончил Пид и заструился к пульту. Корабль пошел на посадку так плавно, экипаж действовал настолько слаженно, что Пид ощутил прилив гордости.

«Хорошие работники, — решил он. — Нельзя же, в самом деле, надеяться, что самосознание Формы у них так же развито, как у Пилота, принадлежащего к высшей касте». То же самое говорил ему и Командующий Вторжением.

— Пид, — сказал Командующий Вторжением во время их последней беседы, — эта планета нужна нам позарез.

— Да, сэр, — ответил Пид; он стоял, вытянувшись в струнку и ни на йоту, ни малейшим движением не отклоняясь от Парадной формы Пилота.

— Один из вас, — внушительно проговорил Командующий, — должен проникнуть туда и установить Сместитель вблизи источника атомной энергии. На нашем конце будет сосредоточена армия, готовая к прыжку.

— Мы справимся, сэр, — ответил Пид.

— Экспедиция непременно должна достигнуть цели, — сказал Командующий, и облик его на мгновение расплылся от неимоверной усталости. — Строго между нами: на Гломе беспокойно. Бастует, например, каста горняков. Они требуют новой формы для земляных работ. Утверждают, будто старая неудобна.

Пид выразил должное негодование. Горняцкая форма устарела давным-давно, еще нятьдесят тысяч лет назад, так же как и прочие основные формы. А теперь эти выскочки хотят изменить ее.

— Это не все, — поведал ему Командующий. — Мы обнаружили еще один культ Бесформия. Взяли почти восемь тысяч гломов, но неизвестно, сколько их гуляет на свободе.

Пид знал, что речь идет об искушении Велного Весформия, самого опасного дьявола, какого только может представить себе разум жителей Глома. Но как случается, дивился он, что гломы поддаются его искушению? Командующий угадал, какой вопрос вертится у Пиды на языке.

— Пид, — сказал он, — тебе, наверное, непонятно. Ответь мне, нравится ли тебе пилотировать?

— Да, сэр! — ответил Пид просто. Нравится ли пилотировать! Да в этом вся его жизнь! Без корабля он — ничто.

— Не все гломы могут сказать то же самое, — продолжал Командующий. — Мне тоже это непонятно. Все мои предки были Командующими Вторжениями, от самых истоков Времени. Поэтому, разумеется, и я хочу быть Командующим Вторжением. Это не только естественно, но и закономерно. Однако низшие касты испытывают совсем иные чувства. — И он печально потряс телом.

— Я сообщил тебе об этом не зря, — пояснил Командующий. — Нам, гломам, необходимо больше пространства. Неурядицы на планете объясняются только перенаселением.

Так утверждают психологи. Получи мы возможность развиваться на новой планете — все раны будут исцелены. Мы на тебя рассчитываем, Пид.

— Да, сэр, — не без гордости ответил Пид. Командующий поднялся было, желая показать, что разговор окончен, но неожиданно передумал и снова уселся.

— Нам придется следить за экипажем, — сказал он. — Ребята они верные, спору нет, но все из низших каст. А что такое низшие касты, ты и сам знаешь.

Да, Пид это знал.

— Вашего Джера-индикатора подозревают в тайных симпатиях Реформизму. Однажды он был оштрафован за то, что неправомочно имитировал форму Охотника. Против Ильга не выдвигали ни одного конкретного обвинения. Однако до меня дошли слухи, что он подозрительно долго пребывает в неподвижном состоянии. Не исключено, что он воображает себя Мыслителем.

— Но, сэр, — осмелился возразить Пид, — если они хоть незначительно запятнаны Реформизмом или Бесформием, стоит ли отправлять их в эту экспедицию?

После некоторого колебания Командующий медленно проговорил:

— Есть множество гломов, которым я могу доверять. Однако эти двое наделены воображением и находчивостью, особыми качествами, которые необходимы в этой экспедиции. — Он вздохнул. — Право, не понимаю, почему эти качества обычно связаны с Бесформием.

— Да, сэр, — сказал Пид.

— Надо только следить за ними.

— Да, сэр, — повторил Пид и отсалютовал, поняв, что беседа окончена. Во внутренней сумке тела он чувствовал тяжесть дремлющего Сместителя, готового преобразовать вражеский источник энергии в мост через космическое пространство — мост, по которому хлынут с Глома победоносные рати.

— Желаю удачи, — сказал Командующий. — Уверен, что она вам понадобится.

Корабль беззвучно опускался на поверхность вражеской планеты. Джер-индикатор исследовал проплывающие внизу облака и ввел полученные данные в Маскировочный блок. Тот принялся за работу. Вскоре корабль казался со стороны всего лишь формацией перистых облаков.

Пид предоставил кораблю медленно дрейфовать к поверхности загадочной планеты. Теперь он пребывал в Парадной форме Пилота — самой эффективной, самой удобной из четырех форм, предназначенных для касты Пилотов. Он был слеп, глух и нем — всего лишь придаток пульта управления; все его внимание устремлено на то, чтобы не обгонять слоистые облака, держаться среди них, слиться с ними.

Джер умирно сохранял одну из двух форм, дозволенных Индикаторам. Он ввел данные в Маскировочный блок, и опускающийся корабль медленно преобразовался в мощное кучевое облако. Враждебная планета не подавала никаких признаков жизни. Илг засек источник атомной энергии и сообщил данные Пиду. Пилот изменил курс. Он достиг нижних облаков, всего лишь в миле от поверхности планеты. Теперь корабль принял облик пухленького кудрявого кучевого облачка.

Но сигнала тревоги не было. Неведомая судьба двадцати предыдущих экспедиций все еще не была разгадана.

Пока Пид маневрировал над атомной электростанцией, сумерки окутали лик планеты. Избегая окрестных зданий, корабль парил над лесным массивом.

Тьма сгустилась, и одинокая луна зеленой планеты скрылась за облачной вуалью. Одно облачко опускалось ниже и ниже... и приземлилось.

— Живо, все из корабля! — крикнул Пид, отсоединяясь от пульта управления. Он принял ту из форм Пилота, что наиболее пригодна для бега, и пулей выскочил из люка. Джер и Илг

помчались за ним. В нятидесяти метрах от корабля они остановились и замерли в ожидании.

Внутри корабля замкнулась некая цепь. Корабль бесшумно содрогнулся и стал таять на глазах. Пластмасса растворялась в воздухе, металл съеживался. Вскоре корабль превратился в грудку хлама, но процесс все еще продолжался. Крупные обломки разбивались на мелкие, а мелкие дробились снова и снова.

Глядя на самоуничтожение корабля, Пид ощутил внезапную беспомощность. Он был Пилотом, происходил из касты Пилотов. Пилотами были его отец, и отец отца, и все предки — еще в те туманные времена, когда на Гломе были созданы первые космические корабли. Все свое детство он провел среди кораблей: все зрелые годы пилотировал их.

Теперь, лишенный корабля, он был наг и беспомощен в чуждом мире. Через несколько минут там, где опустился корабль, остался лишь холмик пыли. Ночной ветер развеял эту пыль по лесу, и тогда уж совсем ничего не осталось.

Они ждали. Но ничего не случилось. Вдыхал ветерок, поскрипывали деревья. Трещали белки, хлопотали в своих гнездах птицы. С мягким стуком упал желудь.

Глубоко, с облегчением вздохнув, Пид уселся. Двадцать первая экспедиция Глома приземлилась благополучно.

Все равно до утра нельзя было ничего предпринять; поэтому Пид начал разрабатывать план. Они высадились совсем близко от атомной электростанции, так близко, что это была просто дерзость. Теперь придется подойти еще ближе. Так или иначе, одному из них надо пробраться в помещение реактора, чтобы привести в действие Сместитель.

Трудно. Но Пид не сомневался в успехе. В конце концов, жители Глома — мастера по части изобретательности.

«Мастера-то мастера, — подумал он горько, — а вот радиоактивных элементов страшно не хватает». То была еще

одна причина, по которой экспедиция считалась такой важной. На подвластных Глому планетах почти не осталось радиоактивного горючего.

Глом растратил свои запасы радиоактивных веществ еще на заре истории, осваивая соседние миры и заселяя те из них, что были пригодны для жизни. Но колонизация едва поспевала за все растущей рождаемостью. Глому постоянно нужны были новые и новые миры.

Нужен был и этот мир, недавно открытый одной из разведывательных экспедиций. Он годился решительно во всех отношениях, но был слишком уж отдаленным. Не хватало горючего, чтобы снарядить военно-космическую флотилию.

К счастью, существовал и другой путь к цели. Еще лучший. Когда-то, в глубокой древности, ученые Глома создали Сместитель. То был подлинный триумф Техники Тожественности. Он позволял осуществлять мгновенное перемещение массы между двумя точками, определенным образом связанными между собой.

Один — стационарный — конец установки находился на единственной атомной энергостанции Глома. Второй конец надо было поместить рядом с любым источником ядерной энергии и привести в действие. Отведенная энергия протекала между обоими концами и дважды видоизменялась.

Тогда благодаря чудесам Техники Тожественности гломы могли перешагивать с планеты на планету, могли обрушивать ее чудовищной, все затопляющей волной.

Это делалось совсем просто. Тем не менее двадцати экспедициям не удалось установить Сместитель на земном конце.

Что помешало им — никто не знал. Ни один корабль не вернулся на Глом, чтобы рассказать об этом.

Перед рассветом, приняв окраску местных растений, они крадучись пробирались сквозь леса. Сместители слабо пульсировали, чуя близость ядерной энергии.

Мимо стрелой промчалось крохотное четвероногое существо. У Джера тотчас появились четыре ноги и удлиненное обтекаемое тельце, и он бросился вдогонку.

— Джери, вернись немедленно, — взыв Пид, отбрасывая всякую осторожность.

Джер догнал зверька и повалил на землю. Он старался загрызть добычу, но позабыл обзавестись зубами. Зверек вырвался и исчез в подлеске. Джер отрастил комплект зубов и напряг мускулы для прыжка.

Джери-индикатор неохотно обернулся. В молчании он вприскок вернулся к Пиду.

— Я был голоден, — сказал он.

— Нет, не был, — неумолимо ответил Пид.

— Был, — пробормотал Джер, корчась от смущения. Пид вспомнил слова Командующего. В Джере, безусловно, таятся Охотничьи наклонности. Надо будет следить за ним в оба.

— Ничего подобного больше не повторится, — сказал Пид. — Помни, Экзотические формы еще не разрешены. Будь доволен той формой, для которой ты рожден. — Джер кивнул и снова слился с подлеском. Они продолжили путь.

С опушки атомная электростанция была хорошо видна. Пид замаскировался под кустарник, а Джер превратился в старое бревно. Ильг после недолгого колебания принял облик молодого дубка.

Станция представляла собой невысокое длинное здание, обнесенное металлическим забором. В заборе были ворота, а у ворот стояли часовые.

«Первая задача, — подумал Пид. — Как проникнуть в ворота?» Он стал прикидывать нути и способы.

По обрывочным сведениям, извлеченным из отчетов разведывательных экспедиций, Пид знал, что в некоторых отношениях раса людей походила на гломов. У них, как и у гломов,

имелась ручные животные, дома, дети, культура. Обитатели планеты были искусны в механике, как и гломы.

Однако между двумя расами существовали невероятные различия. Людям была дана постоянная и неизменная форма, как камням или деревьям. А чтобы хоть чем-то компенсировать такое однообразие, их планета изобиловала фантастическим множеством родов, видов и пород. Это было совершенно непохоже на Глом, где животный мир исчерпывался всего лишь восемью различными формами.

Совершенно ясно, что люди наловчились вылавливать непрошенных гостей, подумал Пид. Жаль, что он не знает, из-за чего провалились прежние экспедиции. Это намного упростило бы дело.

Мимо на двух неправдоподобно негнущихся ногах проковылял Человек. В каждом его движении чувствовалась угловатость. Он торопливо миновал гломов, не заметив их.

— Придумал, — сказал Джер, когда странное существо скрылось из виду.

— Я притворюсь Человеком, пройду через ворота в зал ректора и активирую Сместитель.

— Ты не умеешь говорить на их языке, — напомнил Пид.

— Я и не стану ничего говорить. Я на них и внимания-то не обращаю. Вот так. — Джер быстро принял облик человека.

— Недурно, — одобрил Пид.

Джер сделал несколько пробных шагов, подражая трясучей походке Человека.

— Но боюсь, ничего не выйдет, — продолжал Пид.

— Это же вполне логично, — возразил Джер.

— Я знаю. Поэтому-то прежние экспедиции наверняка прибегли к такому способу. И ни одна из них не вернулась.

Спорить было трудно. Джер снова перелился в форму бревна.

— Как же быть? — спросил он.

— Дай мне подумать, — ответил Пид.

Мимо проковыляло существо, которое передвигалось не на двух ногах, а на четырех. Пид узнал его: то была Собака, друг Человека. Он пристально наблюдал за ней.

Собака неторопливо направилась к воротам, опустив морду. Никто ее не остановил; она миновала ворота и улеглась на траве.

— Гм, — сказал Пид.

Они следили за собакой не отрываясь. Один из Людей, проходя мимо, прикоснулся к ее голове. Собака высунула язык и перевернулась на спину.

— Я тоже так могу, — возбужденно сказал Джер. Он уже переливался в форму собаки.

— Нет, погоди, — сказал Пид. — Остаток дня мы потратим на то, чтобы хорошенько все обдумать. Дело слишком важное, нельзя бросаться в него очертя голову.

Джер угрюмо подчинился.

— Пошли, пора возвращаться, — сказал Пид.

В сопровождении Джера он двинулся было в глубь леса, но вдруг вспомнил об Ильге.

— Ильг! — тихо позвал он.

Никто не откликнулся.

— Ильг!

— Что? Ах да! — произнес дубок и слился с кустарником. — Прошу прощения. Вы что-то сказали?

— Мы возвращаемся, — повторил Пид. — Ты случайно не Мыслил?

— О нет, — заверил его Ильг. — Просто отдыхал.

Пид примирился с таким объяснением. Забот и без того хватало.

Скрытые в лесной чаще, они весь остаток дня обсуждали этот вопрос. Были, по-видимому, лишь две возможности — Человек или Собака. Дерево не могло пройти за ворота — это

было не в характере Деревьев. Никто не мог проскользнуть незамеченным.

Расхаживать под видом Человека казалось слишком рискованным. Порешили, что утром Джер сделает вылазку в образе Собаки.

— А теперь поспите, — сказал Пид.

Оба члена экипажа послушно расплющились, мгновенно став бесформенными. Но Пид не мог заснуть.

Все казалось слишком уж простым. Почему так плохо охранялась атомная электростанция? Должны же были Люди хоть что-нибудь выведать у экспедиций, перехваченных ими в прошлом. Неужто они убивали, не задавая никаких вопросов?

Никогда не угадаешь, как поступит существо из чужого мира. Может быть, открытые ворота просто ловушка? Он устало вытек в удобную позу на бугорчатой земле, но тут же поспешно привел себя в порядок. Он опустился до Бесформия.

«Удобство не имеет ничего общего с долгом», — напомнил он себе и решительно принял форму Пилота.

Однако форма Пилота не была создана для сна на сырой, неровной почве. Пид провел ночь беспокойно, думая о кораблях и сожалея, что не летит.

Утром Пид проснулся усталый и в дурном расположении духа. Он растолкал Джера.

— Надо приниматься за дело, — сказал он. Джер весело излился в вертикальное положение.

— Давай, Ильг! — сердито позвал Пид, оглядываясь вокруг. — Просыпайся.

Ответа не последовало.

— Ильг! — окликнул он.

Ответа по-прежнему не было.

— Помоги поискать его, — сказал Пид Джеру. — Он должен быть где-то поблизости.

Вдвоем они осмотрели каждый куст, каждое дерево и бревно в окрестности. Но ничто из них не было Ильгом.

Пид ощутил, как его сковывает холодом испуг. Что могло случиться с Радистом?

— Быть может, он решил пройти за ворота на свой страх и риск? — предложил Джер.

Пид обдумал эту гипотезу и счел ее невероятной. Ильг никогда не проявлял инициативы. Он всегда довольствовался тем, что выполнял чужие приказы. Они выжидали. Но вот настал полдень, а Ильга все еще не было.

— Больше ждать нельзя, — объявил Пид, и оба двинулись по лесу. Пид ломал себе голову, действительно ли Ильг пытался пройти за ворота на свой страх и риск. В таких тихонях зачастую кроется безрассудная храбрость.

Но ничто не говорило о том, что попытка Ильга удалась. Приходилось думать, что Радист погиб или захвачен в плен Людьми. Значит, Сместитель придется активировать вдвоем. А Пид по-прежнему не знал, что случилось с остальными экспедициями.

На опушке леса Джер превратился в копию Собаки. Пид придиричливо оглядел его.

— Поменьше хвоста, — сказал он.

Джер укоротил хвост.

— Побольше ушей.

Джер удлинил уши.

— Теперь подравняй их. — Он посмотрел, что получилось. Насколько он мог судить, Джер стал совершенством от кончика хвоста до мокрого черного носа.

— Желаю удачи, — сказал Пид.

— Благодарю. — Джер осторожно вышел из леса, передвигаясь дергающейся поступью Собак и Людей.

У ворот его окликнул часовой. Пид затапал дыхание.

Джер прошел мимо Человека, игнорируя его. Человек двинулся было к Джеру, и тот припустился бегом.

Пид приготовил две крепкие ноги, готовясь стремительно броситься в атаку, если Джера схватят.

Но часовой вернулся к воротам. Джер немедленно перестал бежать и спокойно побрел к главному входу. Со вздохом облегчения Пид ликвидировал ноги. Но главный вход был закрыт! Пид надеялся, что Индикатор не сделает попытки открыть его. Это было не в повадках Собак.

К Джеру подбежала другая Собака. Он поиятился от нее. Собака подошла совсем близко и обнюхала Джера. Тот ответил тем же. Потом обе собаки побежали за угол.

«Это остроумно, — подумал Пид. — Сзади непременно отыщется какая-нибудь дверь».

Он взглянул на заходящее солнце. Как только Сместитель будет активирован, сюда хлынут армии Глома. Пока Люди опомнятся, здесь уже будут войска с Глома — не меньше миллиона. И это только начало.

День медленно угасал, но ничто не происходило.

Пид не спускал глаз с фасада здания; он нервничал. Если у Джера все благополучно, дело не должно так затягиваться.

Он ждал до поздней ночи. Люди входили в здание и выходили из него, Собаки лаяли у ворот. Но Джер не появлялся. Джер попался. Илэг исчез. Пид остался один. И он все еще не знал, что произошло.

К утру Пиду охватило безысходное отчаяние. Он понял, что двадцать первая экспедиция Глома на этой планете находится на грани полного провала. Теперь все зависит только от него.

Он решил совершить дерзкую вылазку в облике Человека. Больше ничего не оставалось.

Он видел, как большими партиями прибывают рабочие и проходят в ворота. Пид раздумывал, что лучше: смешаться с толпой или выждать, пока суматоха уляжется. Он решил

воспользоваться сутолокой и стал отливаться в форму Человека. По лесу, мимо его укрытия, прошла Собака.

— Привет, — сказала Собака.

То был Джер!

— Что случилось? — спросил Пид с облегчением. — Почему ты так задержался? Трудно войти?

— Не знаю, — ответил Джер, виляя хвостом. — Я не пробовал.

Пид онемел.

— Я охотился, — благодушно пояснил Джер. — Эта форма, знаете ли, идеально подходит для Охоты. Я вышел через задние ворота вместе с другой Собакой.

— Но экспедиция... твой долг...

— Я передумал, — заявил Джер. — Вы знаете, Пилот, я никогда не хотел быть Индикатором.

— Но ты ведь родился Индикатором!

— Это верно, — сказал Джер, — но мне от этого не легче. Я всегда хотел быть Охотником.

Пид трясло от злости.

— Нельзя, — сказал он очень медленно, как объяснял бы гламу-ребенку. — Форма Охотника для тебя запретна.

— Ну, не здесь, здесь-то не запретна, — возразил Джер, по-прежнему виляя хвостом.

— Чтоб я этого больше не слышал, — сердито сказал Пид. — Отправляйся на электростанцию и установи свой Сместитель. Я постараюсь забыть все, что ты плел.

— Не пойду, — ответил Джер. — Мне здесь гламы ни к чему. Они все погубят.

— Он прав, — произнес кряжистый дуб.

— Ильг! — ахнул Пид. — Где ты?

Зашевелились ветви.

— Да здесь, — сказал Ильг. — Я все Размышлял.

— Но ведь... твоя каста...

— Пилот, — печально сказал Джер, — проснитесь! Большинство народа на Гломе несчастно. Лишь обычай вынуждает нас принимать кастовую форму наших предков.

— Пилот, — заметил Ильг, — все гломы рождаются бесформенными!

— А поскольку гломы рождаются бесформенными, все они должны иметь Свободу Формы, — подхватил Джер.

— Вот именно, — сказал Ильг. — Но ему этого не понять. А теперь извините меня. Я хочу подумать. — И дуб умолк.

Пид невесело засмеялся.

— Люди вас перебьют, — сказал он. — Точно так же, как они истребили другие экспедиции.

— Никто из гломов не был убит, — сообщил Джер. — Все наши экспедиции находятся здесь.

— Живы?

— Разумеется. Люди даже не подозревают о нашем существовании. Собака, с которой я охотился, — это глом из девятнадцатой экспедиции. Нас здесь сотни, Пилот. Нам здесь нравится.

Пид пытался все это усвоить. Он всегда знал, что низшим кастам недостает формового самосознания. Но это уж... это просто абсурдно! Так вот в чем таилась опасность этой планеты — в свободе!

— Присоединяйтесь к нам, Пилот, — предложил Джер. — Здесь настоящий рай. Знаете, сколько на этой планете всяких разновидностей? Неисчислимое множество! Здесь есть формы на все случаи жизни!

Пид покачал головой. На его случай жизни формы нет. Он — Пилот. Но ведь Люди ничего не знают о присутствии гломов. Подобраться к реактору до смешного легко.

— Всеми вами займется Верховный суд Глома, — прорычал он и обернулся Собакой. — Я сам устанавливаю Сместитель.

Мгновение он изучал себя, потом ощерился на Джера и вприпрыжку направился к воротам.

Люди у ворот даже не взглянули на него. Он проскользнул в центральную дверь здания вслед за каким-то Человеком и понесся по коридору.

В сумке тела пульсировал и подрагивал Сместитель, увлекая Пила к залу реактора.

Он опрометью взлетел по какой-то лестнице, промчался по другому коридору. За углом послышались шаги, и Пид инстинктивно почувствовал, что Собакам запрещено находиться внутри здания.

В отчаянии он огляделся, ища, куда бы спрятаться, но коридор был гладок и пуст. Только с потолка свисали светильники.

Пид подпрыгнул и приклеился к потолку. Он принял форму светильника и от души надеялся, что Человек не станет выяснять, отчего он не зажжен.

Люди пробежали мимо.

Пид превратился в копию Человека и поспешил к цели. Надо подойти поближе.

В коридоре появился еще один человек. Он пристально посмотрел на Пиду, попытался что-то сказать и внезапно пустился наутек.

Пид не знал, что насторожило Человека, но тоже побегал со всех ног. Сместитель в сумке дрожал и бился, показывая, что критическая дистанция почти достигнута.

Неожиданно мозг пронзило ужасающее сомнение. Все экспедиции дезертировали! Все гламы до единого! Он чуть-чуть замедлил бег.

Свобода Формы... какое странное понятие. Тревожащее понятие. «Это, несомненно, козни Самого Бесформия», — сказал он себе и бросился вперед. Коридор заканчивался гигантской запертой дверью. Пид уставился на нее. В дальнем конце коридора загромыхали шаги, послышались крики Людей.

Где же он ошибся? Как его выследили? Он быстро осмотрел себя, провел пальцами по лицу.

Он забыл отформовать черты лица.

В отчаянии он дернул дверь. Потом вынул из сумки крохотный Сместитель, но нульсация была еще недостаточно сильной. Надо подойти к реактору ближе.

Он осмотрел дверь. Между ней и полом была узенькая щель. Пид быстро стал бесформенным и протек под дверь, с трудом протиснув за собой Сместитель.

С внутренней стороны на двери был засов. Пид задвинул его и огляделся по сторонам, надеясь отыскать что-нибудь, чем можно забаррикадировать дверь. Комнатка была малюсенькая. С одной стороны — свинцовая дверь, ведущая к реактору. С другой стороны — оконце. Вот и все.

Пид бросил взгляд на Сместитель. Пульсация была сильной. Наконец-то он у цели. Здесь Сместитель может работать, черпая энергию от реактора и преобразуя ее. Нужно только привести его в действие. Однако они дезертировали, все до единого. Пид колебался. Все гломы рождаются бесформенными. Это правда. Дети гломов аморфны, пока не подрастут настолько, что можно преподать им кастовую форму предков. Но Свобода Формы?..

Пид взвешивал возможности. Без помехи принимать любую форму, какую только захочет! На этой райской планете он может осуществить любое честолюбивое желание, стать чем угодно, делать что угодно. Он вовсе не будет одинок. И другие гломы наслаждаются здесь преимуществами Свободы Формы.

Люди взламывали дверь. Пид все еще был в нерешительности. Как поступить? Свобода...

Но не для него, подумал он с горечью. Легко стать Охотником или Мыслителем. А он — Пилот. Пилотирование — его жизнь, его страсть. Как же он будет им заниматься здесь?

Конечно, у Людей есть корабли. Можно превратиться в Человека, отыскать корабль...

Нет, никак. Легко стать Деревом или Собакой. Никогда не удастся ему выдать себя за Человека. Дверь трещала под непрерывными ударами. Пид подошел к окну, чтобы в последний раз окинуть взглядом планету, прежде чем привести в действие Сместитель. Он выглянул — и чуть не лишился чувств, так он был потрясен.

Так это действительно правда? А он-то не вполне понимал, что имел в виду Джер, когда говорил, что на этой планете есть все виды жизни, все формы, способные удовлетворить любое желание! Даже его желание!

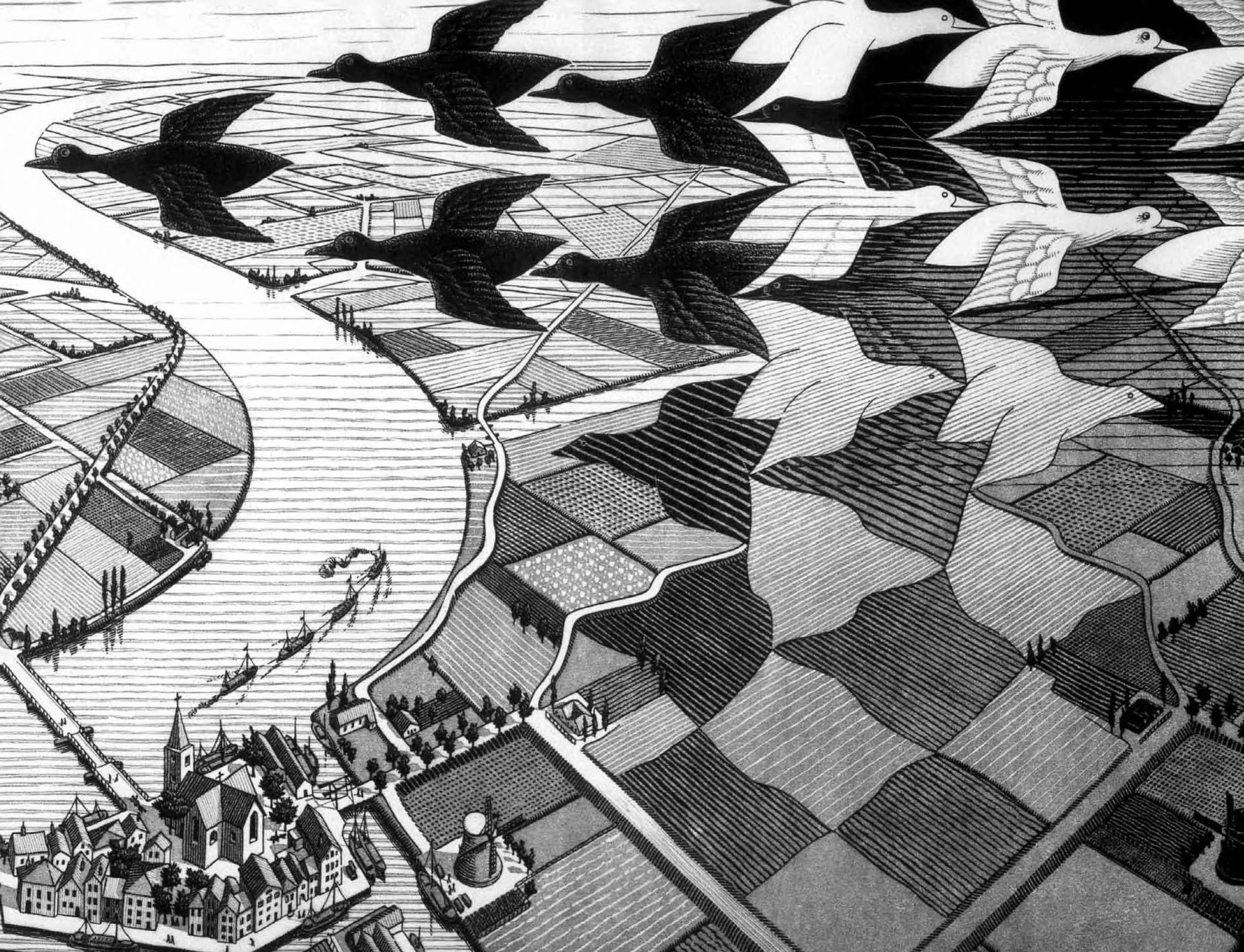
Страстное желание всей Касты Пилотов, желание еще более заветное, чем Пилотирование.

Он взглянул еще раз, потом швырнул Сместитель на пол, разбив его вдребезги.

Дверь поддалась, и в тот же миг он вылетел в окно. Люди метнулись к окну. Они выглянули наружу, но так и не поняли, что видят.

За окном взмыла вверх большая белая птица. Она взмахивала крыльями — неуклюже, но с возрастающей силой, стремясь догнать улетающую птичью стаю.

Демоны

Проходя по Второй авеню, Артур Гаммет решил, что денек выдался пригожий, по-настоящему весенний — не слишком холодный, но свежий и бодрящий. Идеальный день для заключения страховых договоров, сказал он себе. На углу Девятой стрит он сошел с тротуара.

И исчез.

— Видали? — спросил мясника подручный. Оба стояли в дверях мясной лавки, празднично глядя на прохожих.

— Что «видали»? — отозвался тучный краснолицый мясник.

— Вон того малого в пальто. Он исчез.

— Просто свернул на Девятую, — буркнул мясник, — ну и что с того?

Подручный мясника не заметил, чтобы Артур сворачивал на Девятую или пересекал Вторую. Он видел, как тот мгновенно пропал. Но какой смысл упорствовать? Скажешь хозяину: «Вы ошибаетесь», а дальше что? Может статься, парень в пальто и вправду свернул на Девятую. Куда еще он мог деться? Однако Артура Гаммета уже не было в Нью-Йорке. Он пропал без следа.

Совсем в другом месте, может быть, даже не на Земле, существо, именующее себя Нельзевулом, уставилось на пя-

тиугольник. Внутри пятиугольника возникло нечто отнюдь не входящее в его расчеты. Гневным взглядом сверлил Нельзевул это «нечто», да и было отчего выйти из себя. Долгие годы он выискивал магические формулы, экспериментировал с травами и эликсирами, штудировал лучшие книги по магии и ведовству. Все, что усвоил, он вложил в одно титаническое усилие, и что же получилось? Явился не тот демон.

Разумеется, здесь возможны всяческие неполадки. Взять хотя бы руку, отрубленную у мертвеца: вовсе не исключено, что труп принадлежал самоубийце, — разве можно верить даже лучшим из торговцев? А может быть, одна из линий, образующих стороны пятиугольника, проведена чуть-чуть криво — это ведь очень важно. Или слова заклинания произнесены не в должном порядке. Одна фальшивая нота — и все погребло!

Так или иначе, сделанного не вернешь. Вельзевул прислонился к исполинской бутылке илечом, покрытым красной чешуей, и почесал другое плечо кинжалообразным ногтем. Как всегда в минуты замешательства, усеянный колючками хвост нерешительно постукивал по полу.

Но какого-то демона он все же изловил.

Правда, создание, заключенное внутри иятиугольника, ничуть не походило ни на одного из известных демонов. Взять хотя бы эти болтающиеся складки серой плоти... Впрочем, все исторические сведения славятся своей неточностью. Как бы там ни выглядело сверхъестественное существо, придется ему раскошелиться. В чем, в чем, а в этом он уверен. Нельзевул поудобнее скрестил копыта и стал ждать, когда чудное существо заговорит.

Артур Гаммет был слишком ошеломлен, чтобы разговаривать. Только что он шел в страховую контору, никого не трогал, наслаждался чудесным воздухом раннего весеннего утра. Он ступил на мостовую на перекрестке Второй и Девятой — и... внезапно очутился здесь. Непонятно, где именно.

PARK
TURN LEFT
ON
82ND ST.

John's

SKINZRA

Чуть покачиваясь, он стал вглядываться в густой туман, застилающий комнату, и различил огромное чудище в красной чешуе; чудище сидело на корточках. Рядом с ним возвышалось что-то вроде бутылки — прозрачное сооружение высотой добрых три метра. У чудища был усыпанный шипами хвост — им оно теперь почесывало голову — и поросячьи глазки, которые уставились на Артура. Тот пытался поспешно отступить назад, но ему удалось сделать лишь один шаг. Он заметил, что стоит внутри очерченной мелом фигуры и по неведомой причине не может перешагнуть через белые линии.

— Ну вот, — заметило красное страшилище, нарушив наконец молчание, — теперь-то ты попался.

Оно проговорило совсем другие слова, звуки которых были совершенно незнакомы Артуру. Однако каким-то образом он понял смысл сказанного. То была не телепатия: словно Артур автоматически, без напряжения переводил с чужого языка.

— По правде говоря, я немножко разочарован, — продолжал Нельзевул, не дождавшись ответа от демона, плененного в пятиугольнике. — Во всех легендах говорится, что демоны — это устрашающие создания ияти метров росту, крылатые, с крохотными головами, и будто в груди у них дыра, из которой извергаются струи холодной воды.

Артур Гаммет стянул с себя пальто: оно бесформенным промокшим комом упало ему под ноги. В голове мелькнула смутная мысль, что идея извержения холодных струй не так уж плоха. Комната напоминала раскаленную печь. Его серый костюм из твида успел уже превратиться в сырую измятую мешанину из материи и пота.

Вместе с этой мыслью пришла примиренность с красным чудищем, с проведенными мелом линиями, которых не переступишь, с жаркой комнатой — словом, решительно со всем.

Раньше он замечал, что в книгах, журналах и кинофильмах герой, попавший в необычное положение, всегда произносит:

«Ущипните меня, наяву такого не бывает!» или: «Боже, мне снится сон, либо я напился, либо сошел с ума». Артур вовсе не собирался изрекать столь явную бессмыслицу. Впервые, он был убежден, что огромное красное чудище этого не оценит, во-вторых, знал, что не спит, не пьян и не сошел с ума. В лексиконе Артура Гаммета отсутствовали нужные слова, но он понимал: сон — это одно, а то, что он сейчас видит, — совершенно другое.

— Что-то я не слышал, чтобы в легендах упоминалось об умении сдирать с себя кожу, — задумчиво пробормотал Нельзевул, глядя на пальто, валяющееся у ног Артура. — Занятно.

— Это ошибка, — твердо ответил Артур. Опыт работы страховым агентом сослужил ему сейчас хорошую службу. Артуру приходилось сталкиваться со всякими людьми и разбираться во всевозможных запутанных ситуациях. Очевидно, чудище пыталось вызвать демона. Не по своей вине оно наткнулось на Артура Гаммета и находится под впечатлением, будто Артур и есть демон. Ошибку следует исправить как можно скорее.

— Я страховой агент, — заявил он.

Чудище покачало огромной рогатой головой. Оно хлестало себя по бокам, с неприятным свистом рассекая воздух.

— Твоя потусторонняя деятельность нисколько меня не интересует, — зарычал Нельзевул. — В сущности, мне даже безразлично, к какой породе демонов ты относишься.

— Но я же объясняю вам, что я не ...

— Ничего не выйдет! — прорычал Нельзевул, подойдя к самому краю пятиугольника и свирепо сверкая глазами. — Я знаю, что ты демон. И мне нужен крутяк.

— Крутяк? Что-то я не ...

— Я все ваши демонские увертки насквозь вижу, — заявил Нельзевул, успокаиваясь с видимым усилием. — Я знаю, так же как и ты, что демон, вызванный заклинанием, должен исполнить одно желание заклинателя. Я тебя вызвал, и мне нужен крутяк. Десять тысяч фунтов крутяка.

— Крутяк ... — растерянно начал Артур, стараясь держаться в самом дальнем углу иятиугольника, подальше от чудища, которое ожесточенно размахивало хвостом.

— Крутяк, или шамар, или волхолово, или фон-дерпшик. Это все одно и то же.

«Да ведь оно говорит о деньгах», — вдруг дошло до Артура. Жаргонные словечки были незнакомы, но интонацию, с какой они выговаривались, ни с чем не спутаешь. Крутяком, несомненно, называется то, что служит местной валютой.

— Десять тысяч фунтов не так уж много, — продолжал Нельзевул с хитрой ухмылочкой. — Во всяком случае, для тебя. Ты должен радоваться, что я не из тех кретинов, кто кланчит бессмертия.

Артур обрадовался.

— А если я не соглашусь? — спросил он.

— В таком случае, — ответил Нельзевул, и ухмылка его сменилась хмурой гримасой, — мне придется заколдовать тебя. Заключить в эту бутыль.

Артур покосился на прозрачную зеленую махину, возвышающуюся над головой Нельзевула. Широкая у основания бутыль постепенно сужалась кверху. Если только чудище способно затолкать Артура внутрь, он никогда в жизни не протиснется обратно через узкое горлышко. А что чудище способно, в этом Артур не сомневался.

— Ну же, — сказал Нельзевул, снова расплываясь в ухмылке, еще более хитрой, чем раньше, — нет никакого смысла становиться в позу героя. Что для тебя десять тысяч фунтов

старого, доброго фон-дерпшика? Меня они осчастливят, а ты это сделаешь одним мановением руки.

Он умолк, и его улыбка стала заискивающей.

— Знаешь, — продолжал он тихо, — ведь я потратил на это уйму времени. Прочитал массу книг, извел кучу шамара. — Внезапно хвост его хлестнул по полу, словно пуля, рикошетом отскочившая от гранита. — Не пытайся обвести меня вокруг пальца! — взревел он.

Артур обнаружил, что магическая сила меловых линий распространяется, по меньшей мере, на высоту его роста. Он осторожно прислонился к невидимой стене, и, установив, что она выдерживает тяжесть, комфортабельно оперся на нее.

Десять тысяч фунтов крутяка, размышлял он. Очевидно, это чудище — волшебник из бог весть какой страны. Быть может, с другой планеты. Своими заклинаниями оно пыталось вызвать демона, исполняющего любые желания, а вызвало его, Артура Гаммета. Теперь оно чего-то хочет от него и в случае неповиновения угрожает бутылкой. Все это страшно нелогично, но Артур Гаммет заподозрил, что колдуны по большей части народ алогичный.

— Я постараюсь достать тебе крутяк, — промямлил Артур, почувствовав, что надо сказать хоть слово. — Но мне надо вернуться за ним в... э-э... преисподию. Весь этот вздор с мановением руки вышел из моды.

— Ладио, — согласилось чудище, стоя на краю иятиугольника и плотоядно поглядывая на Артура. — Я тебе доверяю. Но помни, я могу тебя вызвать в любое время. Ты никуда не денешься, сам понимаешь, так что лучше и не пытайся. Между прочим, меня зовут Нельзевул.

— А Вельзевул вам случайно не родственник?

— Это мой прадед, — ответил Нельзевул, подозрительно косясь на Артура. — Он был военным. К сожалению, он... — Нельзевул оборвал себя на полуслове и метнул на Артура

злобный взгляд. — Впрочем, вам, демонам, все это известно! Сгинь! И принеси крутяк.

Артур Гаммет исчез.

Он материализовался на углу Второй авеню и Девятой стрит — там же, где исчез. Пальто валялось у его ног, одежда была пропитана потом. Он пошатнулся — ведь в тот миг, когда Нельзевул его отпустил, он опирался на магическую силовую стену, — но удержал равновесие, поднял с земли пальто и поспешил домой. К счастью, народу вокруг было не много.

Две женщины с хозяйственными сумками, ахнув, быстро зашагали прочь. Какой-то щеголевато одетый господин моргнул раз пять-шесть, сделал шаг в его сторону, словно намереваясь что-то спросить, передумал и торопливо пошел к Восьмой стрит. Остальные то ли не заметили Артура, то ли им было наплевать.

Придя в свою двухкомнатную квартиру, Артур сделал слабую попытку забыть все происшедшее, как забывают дурной сон. Это не удалось, и он стал перебирать в уме свои возможности.

Он мог бы достать крутяк. То есть не исключено, что мог бы, если бы выяснил, что это такое. Вещество, которое Нельзевул считает ценным, может оказаться чем угодно. Свинцом, например, или железом. Но даже в этом случае Артур, живущий на скромный доход, совершенно вылетит в трубу.

Он мог бы заявить в полицию. И попасть в сумасшедший дом. Не годится.

Наконец, можно не доставать крутяк — и провести остаток дней в бутылке. Тоже не годится.

Остается одно — ждать, пока Нельзевул не вызовет его снова, и тогда уж выяснить, что такое крутяк. А вдруг окажется, что это обыкновенный навоз? Артур может взять его на дядюшкиной ферме в Нью-Джерси, но пусть уж Нельзевул сам позаботится о доставке.

Артур Гаммет позвонил в контору и сообщил, что болен и проболит еще несколько дней. После этого он приготовил на кухоньке обильный завтрак, в глубине души гордясь своим аппетитом. Не каждый способен умять такую порцию, если ему лезть в бутылку. Он привел все в порядок и переоделся в плавки. Часы показывали половину пятого пополудни. Артур растянулся на кровати и стал ждать. Около половины десятого он исчез.

— Опять переменил кожу, — заметил Нельзевул. — Где же крутяк? — нетерпеливо подергивая хвостом, он забегал вокруг пятиугольника.

— У меня за спиной его нет, — ответил Артур, поворачиваясь так, чтобы снова стать лицом к Нельзевулу. — Мне нужна дополнительная информация. — Он принял непринужденную позу, опершись о невидимую стену, излучаемую меловыми линиями. — И ваше обещание, что, как только я отдам крутяк, вы оставите меня в покое.

— Конечно, — с радостью согласился Нельзевул. — Так или иначе, я имею право выразить только одно желание. Вот что, давай-ка я поклянусь великой клятвой Сатаны. Она, знаешь ли, абсолютно нерушима.

— Сатаны?

— Это один из первых наших президентов, — пояснил Нельзевул с благоговейным видом. — У него служил мой прадед Вельзевул. К несчастью... Впрочем, ты все и так знаешь.

Нельзевул произнес великую клятву Сатаны, и она оказалась необычайно внушительной. Когда он умолк, голубые клубы тумана в комнате окаймились красными полосами, а контуры гигантской бутылки зловеще заколыхались в тусклом освещении. Даже в своей более чем легкой одежде Артур обливался потом. Он пожалел, что не родился холодильным демоном.

— Вот так, — заключил Нельзевул, распрямляясь во весь рост посреди комнаты и обвивая хвостом запястье. Глаза его

мерцали странным огнем — отблеском воспоминаний о былой славе. — Так какая тебе нужна информация? — осведомился Нельзевуд, вышагивая взад и вперед около пятиугольника и волоча за собой хвост.

— Опиши мне этот крутяк.

— Ну, он такой тяжелый, не очень твердый ...

— Быть может, свинец?

— ... и желтый.

Золото ...

— Гм, — пробормотал Артур, внимательно разглядывая бутыл. — А он никогда не бывает серым, а? Или темно-коричневым?

— Нет. Он всегда желтый. Иногда с красноватым отливом.

Все-таки золото. Артур стал задумчиво созерцать чешуйчатое чудовище, которое с плохо скрытым нетерпением расхаживало по комнате. Десять тысяч фунтов золота. Это обойдется в ... Нет, лучше над этим не задумываться. Немыслимо.

— Мне понадобится некоторое время, — сказал Артур. — Ает шестьдесят-семьдесят. Давайте вот как условимся: я сообщу вам сразу же, когда ...

Нельзевуд прервал его раскатом гомерического хохота. Очевидно, Артур пощекотал его остаточное чувство юмора, ибо Нельзевуд, обхватив колени передними лапами, повизгивал от веселья.

— Ает шестьдесят-семьдесят! — проревел, захлебываясь, Нельзевуд, и задрожала бутыл, и даже стороны пятиугольника как будто заколебались. — Я дам тебе минут шестьдесят-семьдесят! Иначе — крышка!

— Минуточку, — проговорил Артур из дальнего угла пятиугольника. — Мне понадобится чуть-чуть ... Погодите! — У него только что мелькнула спасительная мысль. То была, несомненно, лучшая мысль в его жизни. Больше того, это была его собственная мысль.

— Мне нужна точная формула заклинания, при помощи которого вы меня вызываете, — заявил Артур. — Я должен удостовериться в центральной конторе, что все в порядке.

Чудище пришло в неистовство и принялось сыпать проклятиями. Воздух почернел, и в нем появились красные разводы; в тон голосу Нельзевула сочувственно зазвенела бутылка, а сама комната, казалось, пошла кругом. Однако Артур Гаммет твердо стоял на своем. Он терпеливо, раз семь или восемь, объяснял, что заточать его в бутылку бесполезно — тогда уж Нельзевул наверняка не получит золота.

Все, что от того требуется, — это формула, и она, безусловно, не...

Наконец Артур добился формулы.

— И чтобы у меня без штучек! — прогремел на прощание Нельзевул, обеими руками и хвостом указывая на бутылку. Артур слабо кивнул и вновь очутился в своей комнате.

Следующие несколько дней прошли в бешеных поисках по всему Нью-Йорку. Некоторые из ингредиентов магической формулы было легко отыскать, например веточку омелы в цветочном магазине, а также серу. Хуже обстояло с могильной землей и с левым крылом летучей мыши. По-настоящему в тупик Артура поставила рука, отрубленная у убитого. В конце концов бедняге удалось добыть и ее в специализированном магазине, обслуживающем студентов-медиков. Продавец уверял, будто покойник, которому принадлежала рука, погиб насильственной смертью. Артур подозревал, что продавец безответственно поддакивает ему, считая требование покупателя просто-напросто блажью, но тут уж ничего нельзя было поделать.

В числе прочих ингредиентов он приобрел большую стеклянную бутылку, и поразительно дешево. Все же у жителей Нью-Йорка есть кое-какие преимущества, заключил Артур. Не существует ничего — буквально ничего, — что не продавалось бы за деньги.

Через три дня все необходимые материалы были закуплены, и в полночь на третьи сутки он разложил их на полу в своей квартире. В окно светила луна во второй фазе; насчет лунной фазы магическая формула не давала ясных инструкций. Казалось, все на мази. Артур очертил пятиугольник, зажег свечи, воскурил благовония и затянул слова заклинания. Он надеялся, что, пунктуально следуя полученным указаниям, ухитрится заколдовать Нельзевула. Его единственным желанием будет, чтобы Нельзевул оставил его в покое отныне и навсегда.

План казался безупречным.

Он приступил к заклинаниям; по комнате голубой дымкой расплылся туман, и вскоре Артур увидел нечто, вырастающее в центре пятиугольника.

— Нельзевул! — воскликнул он.

Одиакто то был не Нельзевул. Когда Артур кончил читать заклинание, существо внутри пятиугольника достигло без малого пяти метров в высоту. Ему пришлось склониться почти до полу, чтобы уместиться под потолком комнаты Артура. То было создание ужасающего вида, крылатое, с крохотной головой и с дырой в груди. Артур Гаммет вызвал не того демона.

— Что все это значит? — удивился демон и выбросил из груди струю холодной воды. Вода илснула о невидимые стены пятиугольника и скатилась на пол. Должно быть, у демона сработал обычный рефлекс: в комнате Артура и так царила приятная прохлада.

— Я хочу, чтобы ты исполнил мое единственное желание, — отчеканил Артур.

Демон был голубого цвета и невероятно худой: вместо крыльев торчали рудиментарные отростки. Прежде чем ответить, он два раза похлопал ими себя по костлявой груди.

— Я не знаю, кто ты такой и как тебе удалось поймать меня, — сказал демон, — но это хитроумно. Это, бесспорно, хитроумно.

— Не будем болтать попусту, — нервно ответил Артур, про себя соображая, когда именно вздумается Нельзевулу вызвать его снова. — Мне нужно десять тысяч фунтов золота. Известного также под названиями крутяк, волхолово и фондерпшик.

«С минуты на минуту, подумал он, могу оказаться в бутылке».

— Ну, — пробормотал холодильный демон, — ты, кажется, исходишь из ложной предпосылки, будто я...

MURANO GLASS

— Даю тебе двадцать четыре часа ...

— Я не богат, — сообщил холодильный демон. — Я всего лишь мелкий делец. Но, может быть, если ты дашь мне срок ...

— Иначе — крышка, — докоичил Артур. Он указал на большую бутылку, стоящую в углу, и тут же понял, что в ней никак не поместится пятиметровый холодильный демон.

— Когда я вызову тебя в следующий раз, бутылка будет достаточно велика, — прибавил Артур. — Я не думал, что ты окажешься таким рослым.

— У нас есть легенды о таинственных исчезновениях, — раздумывал демон вслух. Так вот что тогда случается! Преисподняя ... Впрочем, вряд ли мне кто-нибудь поверит.

— Принеси крутяк, — распорядился Артур. — Сгинь!

И холодильного демона не стало.

Артур Гаммет знал, что медлить больше суток нельзя. Возможно, и это слишком много, ибо никому неизвестно, когда же Нельзевул решит, что время истекло. И уж вовсе не известно, что предпримет багрово-чешуйчатая тварь, если будет разочарована в третий раз. К концу дня Артур заметил, что судорожно сжимает трубу парового отопления. Много ли она поможет против заклинаний?! Просто приятно ухватиться за что-нибудь основательное.

Артур подумал, что стыдно приставать к холодильному демону и злоупотреблять его возможностями. Совершенно ясно, что это не настоящий демон — не более настоящий, чем сам Артур. Что ж, он никогда не засадит голубого демона в бутылку. Все равно это не поможет, если желание Нельзевула не осуществится.

Наконец Артур снова пробормотал слова заклинания.

— Ты бы сделал пятиугольник пошире, — попросил холодильный демон, съеживаясь в неудобной позе внутри магической зоны. — Мне не хватает места для ...

— Сгинь, — воскликнул Артур и лихорадочно стер пятиугольник. Он очертил его заново, используя на этот раз площадь всей комнаты. Он оттащил на кухню бутыл (все ту же, поскольку пятиметровой не нашлось), забрался в стенной шкаф и повторил формулу с самого начала. Снова навис густой, колыхающийся синий туман.

— Ты только не горячись, — заговорил в нятиугольнике холодильный демон. — Фон-дерпшика еще нет. Заминка вышла. Сейчас я тебе все объясню. — Он похлопал крыльями, чтобы развеять туман. Рядом с ним стояла бутылка высотой в три метра. Внутри, позеленевший от ярости, сидел Нельзевул. Он что-то кричал, но крышка была плотно завинчена и ни один звук не проникал наружу.

— Выписал формулу в библиотеке, — пояснил демон. — Чуть не ошалел, когда она подействовала. Всегда, знаешь ли, был трезвым дельцом. Не признаю всей этой сверхъестественной мути. Однако надо смотреть фактам в лицо. Как бы там ни было, я заколдовал вон того демона. — Он ткнул костлявой рукой в сторону бутылки. — Но он ни за что не хочет раскошелиться. Вот я и заключил его в бутылку.

Холодильный демон испустил глубокий вздох облегчения, заметив улыбку Артура. Она была равносильна отсрочке смертного приговора.

— Мне в общем-то бутылка ни к чему, — продолжал холодильный демон, — у меня жена и трое детишек. Ты ведь знаешь, как это бывает. У нас сейчас кризис в страховом деле и все такое; я не наберу десять тысяч фунтов крутяка, даже если мне дадут в подмогу целую армию. Но как только я уговорю вон того демона...

— О крутяке не беспокойся, — прервал его Артур. — Возьми только этого демона себе. Храни его хорошенько. Разумеется, в упаковке.

— Я это сделаю, — заверил синекрылый страховой агент. — Что же касается крутяка ...

— Да бог с ним, — сердечно отозвался Артур. В конце концов, страховые агенты должны стоять друг за друга. — А ты тоже занимаешься пожарами и кражами?

— Я больше по несчастным случаям, — ответил страховой агент. — Но знаешь, я вот все думаю...

Внутри бутылки ярился, бушевал и сыпал ужасными проклятиями Нельзевул, а два страховых агента безмятежно обсуждали тонкости своей профессии.

Специалист

ФОТОННЫЙ шторм разразился без предварительного предупреждения, обрушился на Корабль из-за плеяды красных звезд-гигантов. Глаз едва успел с помощью Передатчика подать второй и последний сигнал тревоги, как шторм уж бушевал повсюду.

Для Передатчика это был третий дальний перелет и первый в жизни шторм световых лучей. Когда Корабль заметно отклонился от курса, принял на себя удар фронта волны и чудовищно накренился, Передатчик перепугался не на шутку. Однако страх тотчас рассеялся, уступив место сильнейшему возбуждению.

«Чего бояться, — подумал Передатчик, — разве не готовили меня как раз к таким аварийным ситуациям?»

Когда налетел шторм, Передатчик беседовал с Питателем, но сразу же резко оборвал разговор. Он надеялся, что Питатель благополучно выпутается. Жаль юнца — это его первый дальний рейс.

Нитевидные проволоочки, составляющие большую часть тела Передатчика, были протянуты по всему Кораблю. Передатчик быстро поджал их под себя — все, кроме тех, что связывали его с Глазом, Двигателем и Стенками. Теперь все зависело от них. Пока не уляжется шторм, остальным членам Команды придется рассчитывать только на свои силы.

Глаз расилюшил по Стенке свое дисковидное тело и высунул наружу один из органов зренья. Остальные он сложил и, чтобы сосредоточиться, втянул их внутрь.

Пользуясь органом зренья Глаза, Передатчик вел наблюдение за штормом. Чисто зрительные восприятия Глаза он переводил в команды для Двигателя, который направлял Корабль наперерез волнам. Почти одновременно Передатчик увязывал команды по курсу со скоростью; это делалось для Стенок, чтобы те увеличили жесткость и лучше противостояли ударам.

Действия координировались быстро и уверенно: Глаз измерял силу волн. Передатчик сообщал информацию Двигателю и Стенкам. Двигатель вел Корабль вперед в очередную волну, а Стенки смыкались еще теснее, чтобы припять удар.

Увлечшись стремительной, слаженной общей работой, Передатчик и думать забыл о собственных страхах. Думать было некогда. В качестве корабельной системы связи он должен был с рекордной быстротой переводить и передавать сигналы, координируя информацию и командуя действиями.

Спустя каких-нибудь несколько минут шторм утих.

— Отлично, — сказал Передатчик. — Посмотрим, есть ли повреждения. — Во время шторма нити его спутались, но теперь он распутал их и протянул по всему Кораблю, включив каждого члена Команды в свою цепь. — Двигатель!

— Самочувствие превосходное, — отозвался Двигатель. Во время шторма он активизировал челюсти-замедлители, умеряя атомные взрывы в своем чреве. Никакой буре не удалось бы застигнуть врасилох столь опытного астронавта, как Двигатель.

— Стенки!

Стенки рапортовали поочередно, и это заняло уйму времени. Их было более тысячи — тонких прямоугольников, составляющих оболочку Корабля. Во время шторма они, ес-

тественно, укрепляли стыки, повывисив тем самым упругость всего Корабля. Однако в одной или двух появились глубокие вмятины.

Доктор сообщил, что он цел и невредим. Он состоял в основном из рук и во время шторма цеплялся за какой-то Аккумулятор. Теперь он снял со своей головы нить, тянущуюся от Передатчика, отключился таким образом от цепи и занялся изрешеченными Стенками.

— Давайте-ка побыстрее, — сказал Передатчик, не забывая, что предстоит еще определить местонахождение Корабля. Он предоставил слово четырём Аккумуляторам. — Ну, как вы там? — спросил он.

Ответа не было. Аккумуляторы сладко спали. Во время шторма их рецепторы были открыты, и теперь все четверо раздувались от избытка энергии. Передатчик подергал своими ниточками, но Аккумуляторы не шелохнулись.

— Пусти-ка меня, — вызвался Питатель.

Бедняга не сразу догадался прикрепить к Стенке своими всасывающимн трубками и успел-таки хлебнуть лиха, но петушился ничуть не меньше чем всегда. Из всех членов Команды Питатель был единственным, кто никогда не нуждался в услугах Доктора: его тело регенерировало самостоятельно.

Он торопливо пересек пол на своих щупальцах — их было около двенадцати — и лягнул ближайший Аккумулятор. Огромный конус, напоминающий гигантскую копилку, приоткрыл было один глаз, но тут же закрыл его снова. Питатель вторично лягнул Аккумулятор, на этот раз вовсе безрезультатно. Тогда он дотянулся до предохранительного клапана, расположенного в верхней части Аккумулятора, и выпустил часть запаса энергии.

— Сейчас же прекрати, — буркнул Аккумулятор.

— А ты проснись и рапортуй по всей форме.

Аккумуляторы раздраженно заявили, что они вполне здоровы и что любому дураку это ясно. На время шторма их пригвоздили к полу монтажные болты.

Остальная часть проверки прошла быстро. Мыслитель был здоров и бодр, а Глаз восторженно расхваливал красоты шторма. Произошел только один несчастный случай.

Погиб Ускоритель. Двухногий, он не был так устойчив, как остальные члены Команды. Шторм застал его посреди пола, швырнул на Стенку, которая к тому моменту успела резко увеличить свою жесткость, и переломал ему какие-то жизненно важные кости. Теперь даже Доктор был бессилен помочь.

Некоторое время все молчали. Гибель какой-то части Корабля — дело не шуточное. Корабль — это единое целое, состоящее исключительно из членов Команды. Утрата одного из них — удар по всей Команде.

Особенно серьезно обстояло дело именно сейчас. Корабль только-только доставил груз в порт, отделенный от Центра Галактики несколькими тысячами световых лет. После шторма координаты Корабля были совершенно неизвестны.

Глаз подполз к одной из Стенок и выставил орган зрения наружу. Стенки пропустили его и тотчас сомкнулись снова. Высунувшись из Корабля, орган зрения удлинился настолько, чтобы обозревать всю звездную сферу. Картина была сообщена Передатчику, который доложил о ней Мыслителю.

Мыслитель — гигантская бесформенная глыба протоплазмы — лежал в углу каюты. В нем хранилась память всех его предков-космопроходцев. Он рассмотрел полученную картину, мгновенно сравнил ее с массой других, запечатленных в его клетках, и сообщил:

— В пределах досягаемости нет ни одной планеты, входящей в Галактическое Содружество.

Передатчик машинально перевел каждому сообщение, которого опасались больше всего на свете.

С помощью Мыслителя Глаз определил, что Корабль отклонился от курса на несколько сот световых лет и находится на окраине Галактики.

Каждый член Команды хорошо понимал, что это означает.

Без Ускорителя, который разгоняет Корабль до скорости, во много раз превышающей световую, им никогда не вернуться домой. Обратный перелет без Ускорителя продлится дольше, чем жизнь каждого из них.

— Нам остается избрать одну из двух возможных линий поведения. Первая: пользуясь атомной энергией Двигателя, направить Корабль к ближайшей галактической планете. Это займет приблизительно двести световых лет. Возможно, Двигатель и доживет до конца пути, но остальные наверняка не доживут. Вторая: найти в зоне нашего местонахождения примитивную планету, населенную потенциальными Ускорителями. Выбрать одного из них и обучить, чтобы он разгонял наш Корабль на пути к галактической территории.

Изложив все варианты, отысканные в памяти предков, Мыслитель умолк.

После быстро проведенного голосования оказалось, что все склоняются в пользу второго предложения Мыслителя. Да и выбора-то по правде говоря, не было. Только второй вариант оставлял хоть какую-то надежду на возвращение домой.

— Хорошо, — сказал Мыслитель. — А теперь поедим. Полагаю, все мы это заслужили.

Тело погибшего Ускорителя сбросили в пасть Двигателя, который тут же проглотил его и преобразовал атомы в энергию.

Из всех членов Команды только Двигатель питался атомной энергией.

Чтобы накормить остальных, Питатель поспешно подзарядился от ближайшего Аккумулятора. После этого он преобразовал находящиеся внутри него питательные вещества

в продукты, которые потребляли другие члены Команды. Химия тела у Питателя непрестанно изменялась, перерождалась, адаптировалась, приготавливая различные виды питания.

Глаз употреблял в пищу только сложные цепочки молекул хлорофилла. Изготовив для него такие цепочки, Питатель скормил Передатчику углеводороды, а стенкам — хлористые соединения. Для Доктора он воспроизвел точную копию богатых кремнием плодов, к которым тот привык на родине.

Наконец трапеза окончилась, и Корабль снова был приведен в порядок. В углу сном праведников спали Аккумуляторы.

Глаз расширял свое поле зрения, насколько мог, настраивая главный зрительный орган на высокочувствительную телескопическую рецепцию. Даже в столь чрезвычайных обстоятельствах Глаз не устоял перед искушением и начал сочинять стихи. Он объявил во всеуслышание, что работает над новой эпической поэмой «Периферическое свечение». Поскольку никто не желал выслушать эту поэму, Глаз ввел ее в Мыслителя, который сберегал в памяти решительно все, хорошее и плохое, истинное и ложное.

Двигатель никогда не спал. По горло поливший энергией, полученной из праха Ускорителя, он вел Корабль вперед со скоростью, в несколько раз превышающей скорость света.

Стенки спорили, кто из них во время последнего отпуска был пьянее всех.

Передатчик решил расположиться поудобнее. Он отцепился от Стенок, и его круглое тельце повисло в воздухе, подвешенное на сети пересекающихся нитей.

На мгновение он вспомнил об Ускорителе. Странно — ведь все они дружили с Ускорителем, а теперь сразу о нем позабыли. Дело тут отнюдь не в черствости, а в том, что Корабль — это единое целое. Об утрате одного из членов скорбят, но при этом главное — чтобы не нарушилось единство.

Корабль пронёсся мимо солнц галактической окраины.

Мыслитель рассчитал, что вероятность отыскать иланету Ускорителей составляет примерно четыре к пяти, и проложил спиральный маршрут поисков. Неделю спустя им повстречалась иланета первобытных Стенок. На бреющем полете можно было увидеть, как эти толстокожие прямоугольники греются на солнце, лазают по горам, смыкаются в тоненькие, но широкие плоскости, чтобы их подхватил легкий ветерок.

Все корабельные Стенки тяжело вздыхали, охваченные острой тоской по родине. До чего же похоже на их родную иланету!

Со Стенками вновь открытой иланеты еще не вступала в контакт ни одна галактическая экспедиция, и они не подозревали о своем великом предназначении — влиться в обширное Содружество Галактики.

Спиральный маршрут проходил мимо множества миров — и мертвых, и слишком юных для возникновения жизни. Повстречали иланету Передатчиков. Паутина линии связи раскинулась здесь чуть ли не на половину континента.

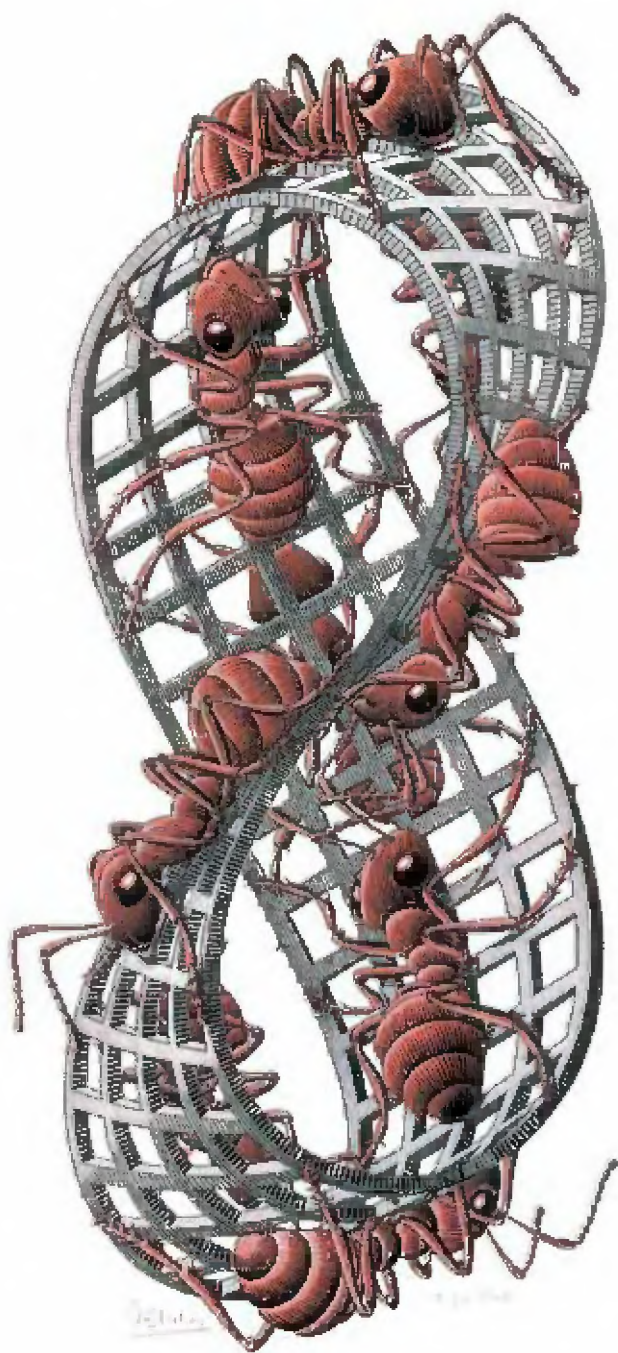
Передатчик жадно рассматривал иланету, прибегнув к помощи Глаза. Его охватила жалость к самому себе. Вспомнился дом, семья, друзья. Вспомнилось и дерево, которое он собирался купить, когда вернется.

На какое-то мгновение Передатчик удивился: что делает он в заброшенном уголке Галактики, и к тому же в качестве корабельного прибора?

Однако он стряхнул с себя минутную слабость. Обязательно найдется иланета Ускорителей — надо только поискать как следует.

По крайней мере он на это надеялся.

Корабль стремительно несся по неисследованной окраине, мимо длинной вереницы бесилодных миров. Но вот

на пути попала целая россыпь планет, населенных первобытными Двигателями, которые плавали в радиоактивном океане.

— Какая богатая территория, — обратился Питатель к Передатчику, — Галактике следовало бы выслать сюда отряд контактеров.

— Возможно, после нашего возвращения так и поступят, — ответил Передатчик.

Они были очень дружны между собой — их связывало чувство еще более теплое, чем всеобъемлющая дружба членов Команды. Дело не только в том, что оба были младшими членами Команды, хотя их взаимная привязанность объяснялась и этим. Оба выполняли сходные функции — вот где коренилось родство душ. Передатчик переводил информацию, Питатель преобразовывал пищу. Они и внешне-то были схожи. Передатчик представлял собой центральное ядро с расходящимися во все стороны нитями, Питатель — центральное ядро с расходящимися во все стороны трубочками.

Передатчик считал, что после него наиболее сознательное существо на Корабле — это Питатель. По-настоящему Передатчик никогда не понимал, как протекают сознательные процессы у некоторых членов Команды.

Еще солнца, еще и планеты. Двигатель начал перегреваться. Как правило, он применяется только при старте и посадке, а также при точном маневрировании внутри планетной системы. Теперь же в течение многих недель он работал непрерывно со сверхсветовой и досветовой скоростью. Начинало сказываться напряжение.

С помощью Доктора Питатель привел в действие систему охлаждения Двигателя. Грубое средство, но приходилось довольствоваться малым. Перестроив атомы азота, кислорода и водорода, Питатель создал охлаждающую жидкость. Доктор порекомендовал Двигателю длительный отдых. Он предупре-

дил, что бравый ветеран не протянет и недели при таком напряжении.

Поиски продолжались, но настроение Команды постепенно падало. Все понимали, что в Галактике Ускорители встречаются редко, не то что расплодившиеся Стенки и Двигатели.

От межзвездной пыли на Стенках появились оспины. Стенки жаловались, что по приезде домой разорятся, так как им необходимо будет пройти полный курс лечения в косметическом салоне. Передатчик заверил их, что все расходы примет на себя фирма.

Даже Глаз налился кровью, оттого что непрерывно тарасился в пространство.

Подлетели еще к одной планете. Сообщили ее характеристики Мыслителю, который надолго задумался над ними.

Спустились поближе — так, что можно было различить отдельные предметы.

Ускорители! Примитивные Ускорители!

Стремительно развернулись назад, в космос, строить дальнейшие планы. Питатель приготовил двадцать три опьяняющих напитка, чтобы отпраздновать событие.

Корабль на трое суток вышел из строя.

— Ну как, все готовы? — еле слышно спросил Передатчик на четвертые сутки. Он мучился: с похмелья горели все нервные окончания.

Ну и хватил же он лешку! У него сохранилось смутное воспоминание о том, как он обнимал Двигателя и приглашал по возвращении поселиться на одном дереве.

Сейчас Передатчик содрогался при одной мысли об этом. Остальные члены Команды чувствовали себя не лучше. Стенки пропускали воздух — они слишком ослабли, чтобы сомкнуться как следует. Доктор валялся без чувств.

Хуже всех пришлось Питателю. Поскольку его система приспособлялась к любому горючему, кроме атомного, он

отведал все им же приготовленные зелья, в том числе неустойчивый иод, чистый кислород и взрывчатый сложный эфир. Вид у него был весьма жалкий. Трубочки, обычно красивого цвета морской воды, покрылись оранжевыми подтеками. Его пищеварительный тракт работал вовсю, очищаясь от всевозможной гадости, и Питатель маялся поносом.

Трезвыми остались только Мыслитель и Двигатель.

Мыслитель пить не любил — свойство необычное для астронавта, но характерное для Мыслителя, а Двигатель не умел.

Все прислушались к поразительным сообщениям, которые без запинки выкладывал Мыслитель. Рассмотрев поверхность планеты при помощи Глаза, Мыслитель обнаружил там металлические сооружения. Он выдвинул устрашающую гипотезу, будто Ускорители на этой планете создали у себя механическую цивилизацию.

— Так не бывает, — категорически заявили три Стенки, и большинство Команды с ними согласилось. Весь металл, по их мнению, или был запрятан глубоко под землей, или валялся в виде ничего не стоящих ржавых обломков.

— Не хочешь ли ты сказать, будто они делают из металла вещи? — осведомился Передатчик. — Прямо из обыкновенного мертвого металла? А что из него можно сделать?

— Ничего нельзя сделать, — решительно сказал Питатель. — Такие изделия беспрерывно ломались бы. Ведь металл не чувствует, когда его разрушает усталостный износ.

Однако Мыслитель оказался прав. Глаз увеличил изображение, и каждый увидел, что Ускорители понаделали из неодушевленного металла большие укрытия, экипажи и прочие предметы.

Причину столь странного направления цивилизации трудно было установить сразу, но ясно было, что это недоброе предзнаменование. Однако, как бы там ни было, самое

страшное осталось позади. Планета Ускорителей найдена. Предстояла лишь сравнительно легкая задача — уговорить одного из туземцев.

Едва ли это будет так уж сложно. Передатчик знал, что даже среди примитивных народов священные принципы Галактики — сотрудничество и взаимопомощь — нерушимы.

Команда решила не совершать посадки в густонаселенном районе. Разумеется, нет причин опасаться недружелюбной встречи, но установить связь с этими существами как с племенем — дело отряда контактеров. Команде же нужен только один индивид. Поэтому они выбрали почти необитаемый земельный массив и совершили посадку, едва эту часть планеты окутала ночь.

Почти сразу же удалось обнаружить одиночного Ускорителя.

Глаз адаптировался, чтобы видеть в темноте, и все стали следить за движениями Ускорителя. Через некоторое время тот улегся возле костра. Мыслитель разъяснил, что это распространенный среди Ускорителей обычай отдыха.

Перед самым рассветом Стенки расступились, а Питатель, Передатчик и Доктор вышли из Корабля.

Питатель ринулся вперед и похлопал туземца по плечу. Вслед за ним протянул линию связи и Передатчик.

Ускоритель раскрыл органы зрения, моргнул ими и сделал странное движение органом, предназначенным для поглощения еды. После этого он вскочил на ноги и пустился бежать.

Три члена Команды были ошеломлены. Ускоритель даже не дал себе труда выяснить, чего хотят от него трое инопланетян!

Передатчик быстро удлинил какую-то нить и на расстоянии пятнадцати метров ухватил Ускорителя за конечность. Ускоритель упал.

— Обращайтесь с ним поласковее, — посоветовал Питатель. — Возможно, его испугал наш вид. — У него даже все

трубки затряслись от смеха при мысли, что Ускорителя, наделенного множеством органов, одного из самых чудных существ в Галактике, может испугать чей-то обланк.

Вокруг упавшего Ускорителя засуетились Питатель и Доктор, подняли его и перенесли на Корабль.

Стенки снова сомкнулись. Ускорителя выпустили из цепкого захвата и приготовились к переговорам.

Едва освободясь, Ускоритель вскочил на ноги и метнулся к тому месту, где только что сомкнулись Стенки. Он неистово забарабанил в них верхними конечностями, отверстие для поглощения еды у него дрожало.

— Перестань, — возмутилась Стенка. Она напряжинилась, и Ускоритель рухнул на пол. Мгновенно вскочив, он снова кинулся вперед.

— Остановите его, — распорядился Передатчик. — Он может ушибиться.

Один из Аккумуляторов проснулся ровно настолько, чтобы подкатиться под ноги Ускорителю. Ускоритель упал, снова поднялся и помчался вдоль Корабля.

Линии Передатчика тянулись и по передней части Корабля, так что он перехватил Ускорителя на самом носу. Ускоритель стал отдирать нити, и Передатчик поспешно отпустил его.

— Подключи его к системе связи! — вскричал Питатель. — Быть может, удастся воздействовать на него убеждением!

Передатчик протянул к голове Ускорителя нить и замахал ею, подавая понятный всей Галактике знак установления связи. Однако Ускоритель вел себя поистине странно: он продолжал увертываться, отчаянно размахивая куском металла, который держал в руке.

— Как вы думаете, что он намерен делать с этой штукой? — спросил Питатель. Ускоритель атаковал борт Корабля, заколотив металлом по одной из Стенок. Стенка инстинктивно ожесточилась, и металл звякнул об пол.

— Оставьте его в покое, — сказал Передатчик. — Дайте ему время утихомириться.

Передатчик посовещался с Мыслителем, но они так и не решили, что делать с Ускорителем. Тот никак не шел на установление связи. Каждый раз, когда Передатчик протягивал ему свою нить, Ускоритель выказывал все признаки неборимого ужаса. До поры до времени дело зашло в тупик.

Предложение отыскать на этой планете другого Ускорителя Мыслитель тут же отверг. Он считал, что поведение Ускорителя типично и, если обратиться к другому, результат не изменится. Кроме того, первый контакт с планетой — прерогатива отряда контактеров.

Если они не найдут общего языка с этим Ускорителем, то на данной планете уже не свяжутся с другим.

— Мне кажется, я понял, в чем беда, — заявил Глаз. Он вскарабкался на Аккумулятор, как на трибуну. — Здешние Ускорители создали механическую цивилизацию. Но каким способом? Вообразите только, они разработали свои пальцы, как доктор, и научились изменять форму металлов. Они пользовались своими органами зрения, как я. Вероятно, развивали и бесчисленное множество прочих органов. — Он сделал эффектную паузу. — Здешние Ускорители утратили специализацию!

По этому поводу спорили несколько часов. Стенки утверждали, что разумное существо без специализации немыслимо. В Галактике таких нет. Однако факты были налицо — города Ускорителей, их экипажи... Этот Ускоритель, как и остальные, по-видимому, умел многое.

Он умел делать все, только не ускорять!

Частично эту несообразность объяснил Мыслитель.

— Данная планета не первобытна. Она сравнительно древняя и должна была бы вступить в Содружество много тысячелетий назад. Поскольку этого не произошло, местные

Ускорители несправедливо лишились прав, принадлежавших им от рождения. Они даровиты, их специальность — ускорение, но ускорять им было нечего. В итоге, естественно, их культура развивалась патологически. Что это за культура, мы можем только догадываться. Однако, если исходить из имеющихся данных, есть все основания полагать, что местные Ускорители ... неконтактны.

Мыслителю была свойственна манера самые поразительные заявления делать самым невозмутимым тоном.

— Вполне возможно, — продолжал непреклонный Мыслитель, — что местные Ускорители не пожелают иметь с нами ничего общего. В таком случае вероятность того, что мы найдем другую планету Ускорителей, составляет приблизительно один к двумстам восьмидесяти трем.

— Нельзя с уверенностью утверждать, что он не станет сотрудничать, пока мы не добились контакта с ним, — заметил Передатчик. Ему было крайне трудно поверить, что разумное существо способно отказаться от добровольного сотрудничества.

— А как это сделать? — спросил Питатель.

Разработали план действий. Доктор медленно подошел к Ускорителю; тот попятился. Тем временем Передатчик просунул нить сквозь Стенку наружу, протянул вдоль Корабля и снова втянул внутрь, как раз позади Ускорителя.

Пятясь, Ускоритель уперся спиной в Стенку, и Передатчик ввел нить в его голову, во впадину связи, расположенную в центре мозга.

Ускоритель без чувств рухнул на пол.

Когда ускоритель пришел в себя, Питатель и Доктор держали его за руки и за ноги, иначе он оборвал бы линию связи. Тем временем Передатчик, пользуясь своим искусством, изучал язык Ускорителя.

Задача оказалась не слишком сложной. Все языки Ускорителей принадлежали к одной и той же группе, и этот случай

не был исключением. Передатчику удалось уловить на поверхности коры достаточно мыслей, чтобы представить себе строй чуждой речи.

Он попытался наладить общение с Ускорителем.

Ускоритель хранил молчание.

— По-моему, он нуждается в пище, — сказал Питатель. Все вспомнили, что Ускоритель находится на борту Корабля почти двое суток. Питатель изготовил одно из стандартных блюд, любимых Ускорителями, и подал его чужаку.

— О господи! Бифштекс! — воскликнул Ускоритель.

По переговорным цеиям Передатчика вся Команда испустила радостный клич. Ускоритель произнес первые слова!

Передатчик проанализировал слова и покопался в памяти.

Он знал сотни две языков Ускорителей, а простейших диалектов — еще больше. Передатчик установил, что Ускоритель разговаривает на смешении двух наречий.

Насытившись, Ускоритель огляделся по сторонам.

Передатчик перехватил его мысли и разнес их по всей Команде. Ускоритель воспринимал окружающее как-то необычно.

Корабль казался ему буйством красок. По Стенкам пробегали волны. Прямо перед ним находилось нечто вроде гигантского черно-зеленого паука, чья паутина опутала весь Корабль и протянулась к головам остальных невиданных существ. Глаз почудился ему странным зверьком без меха — существом, которое находилось где-то на полиуте между освеженным кроликом и яичным желтком (что это за диковинки, никто на Корабле не знал).

Передатчика покорила новая точка зрения, которую он обнаружил в мозгу Ускорителя. Никогда до сих пор не видел он мира в таком свете. Теперь, когда Ускоритель это заметил, Передатчик не мог не признать, что у Глаза и вправду смешная внешность. Попытались войти в контакт.

— Что вы за создания такие, черт вас возьми? — спросил Ускоритель; он заметно успокоился к исходу вторых суток. — Зачем вы схватили меня? Или я просто свихнулся?

— Нет, — успокоил его Передатчик, — твоя психика вполне нормальна. Перед тобой торговый Корабль Галактики. Штурмом нас занесло в сторону, а наш Ускоритель погиб.

— Допустим, но при чем тут я?

— Нам бы хотелось, чтобы ты присоединился к нашей команде, — ответил Передатчик, — и стал новым Ускорителем.

Ускорителю растолковали обстановку, и он задумался. В мыслях Ускорителя Передатчик улавливал внутреннюю борьбу. Тот никак не мог решить, наяву ли все с ним происходит или нет. Наконец Ускоритель пришел к выводу, что он не сошел с ума.

— Слушайте, братцы, — сказал он, — я не знаю, кто вы такие и в чем тут дело, но мне пора отсюда убираться. У меня кончается увольнительная, и если я не появлюсь в самое ближайшее время, мне не миновать дисциплинарного взыскания.

Передатчик попросил Ускорителя пояснить, что такое «дисциплинарное взыскание», и послал полученную информацию Мыслителю.

«Эти Ускорители заняты склокой» — таково было заключение Мыслителя.

— Но зачем? — спросил Передатчик. В мыслях он с грустью допустил, что Мыслитель, очевидно, прав: Ускоритель не выказывал особенного стремления сотрудничать.

— С удовольствием выручил бы вас, ребята, — продолжал Ускоритель, — но откуда вы взяли, что я могу придать скорость такому огромному агрегату? Да ведь чтобы только только сдвинуть ваш Корабль с места, нужен целый танковый дивизион.

— Одобряете ли вы войны? — спросил по предложению Мыслителя Передатчик.

— Никто не любит войну — особенно те, кому приходится проливать кровь.

— Зачем же вы воюете?

Органом приема пищи Ускоритель скорчил какую-то мину, которую Глаз зафиксировал и передал Мыслителю. «Одно из двух: или ты убьешь, или тебя убьют. А вам, друзья, известно, что такое война?»

— У нас нет войн, — отчеканил Передатчик.

— Счастливые, — горько сказал Ускоритель. — А у нас есть. И много.

— Конечно, — подхватил Передатчик. К этому времени он успел получить у Мыслителя исчерпывающее объяснение. — А хотел бы ты с ними покончить?

— Конечно.

— Тогда лети с нами. Стань Ускорителем.

Ускоритель встал и подошел к Аккумулятору. Усевшись на него, Ускоритель сжал кулаки.

— Какого черта ты тут мелешь? Как я могу прекратить все войны? — осведомился он. — Даже если бы я обратился к самым важным шишкам и сказал...

— Этого не нужно, — прервал его Передатчик. — Достаточно отправиться с нами в путь. Доставишь нас на базу. Галактика вышлет на вашу планету отряд контактеров. Тогда войнам придет конец.

— Черта с два, — ответил Ускоритель. — Вы, миляги, значит, застряли здесь? Ну и прекрасно. Никаким чудищам не удастся завладеть Землей.

Ошеломленный Передатчик пытался проникнуть в ход мыслей собеседника. Неужели Ускоритель его не понял? Или он сказал что-нибудь невпопад?

— Я думал, ты хочешь прекратить войны, — заметил он.

— Ну, ясно, хочу. Но не хочу, чтобы нас заставляли их прекратить. Я не предатель. Лучше уж буду воевать.

— Никто вас не заставит. Вы просто прекратите самн, потому что не будет необходимости воевать.

— А ты знаешь, почему мы воюем?

— Само собой разумеется.

— Неужто? Интересно послушать.

— Вы, Ускорители, слишком долго были отделены от основного потока Галактики, — объяснил Передатчик. — У вас есть специальность — ускорение, но вам нечего ускорять. Поэтому у вас нет настоящего дела. Вы играете вещами — металлами, неодушевленными предметами, — но не находите в этом подлинного удовлетворения. Лишенные Истинного призвания, вы воюете просто от тоски. Как только вы займете свое место в Галактическом Содружестве — и, смею вас уверить, это почетное место, — ваши войны прекратятся. К чему воевать — ведь это противоестественное занятие, когда можно ускорять? Кроме того, исчезнет ваша механическая цивилизация, поскольку нужды в ней уже не будет.

Ускоритель покачал головой — жест, который Передатчик истолковал как признак растерянности.

— А что это такое — ускорение?

Передатчик попытался растолковать как можно яснее, но, поскольку ускорение не входило в его компетенцию, у него самого было лишь общее представление о предмете.

— Ты хочешь сказать, что этим и должен заниматься каждый житель Земли?

— Безусловно, — подтвердил Передатчик. — Это ваша великая профессия.

На несколько минут Ускоритель задумался.

— По-моему, тебе нужен врач-психиатр или что-нибудь в этом роде. Никогда в жизни я не мог бы это сделать. Я начинающий архитектор. К тому же... ну, да это трудно объяснить.

Однако Передатчик уже восприимчиво воспринял возражение Ускорителя, в мыслях которого появилась особь женского пола. Да

не одна, а две или три. Притом Передатчик уловил ощущение одиночества, отчужденности.

Ускоритель был преисполнен сомнений.

Он боялся.

— Когда мы попадем в Галактику, — сказал Передатчик, горячо надеясь, что нашел нужные доводы, — ты познакомишься с другими Ускорителями. И с Ускорительницами. Вы, Ускорители, все похожи друг на друга, так что ты с ними непременно подружишься. А что касается одиночества на Корабле, так здесь его просто не существует. Ты еще не понял, в чем суть Содружества. В Содружестве никто не чувствует себя одиноким.

Ускоритель надолго задумался над идеей существования внеземных Ускорителей. Передатчик силился понять, почему эта идея настолько поразила его собеседника. Галактика кишит Ускорителями, Питателями, Передатчиками и многими другими видами разумных существ в бесконечных вариантах и повторениях.

— Все же не верится, что кто-нибудь способен покончить со всеми войнами, — пробормотал Ускоритель. — Откуда мне знать, что это не ложь?

У Передатчика появилось такое ощущение, словно его ударили в самое ядро. Должно быть, Мыслитель был прав, утверждая, что эти Ускорители не станут сотрудничать. Значит, деятельность Передатчика прекратится? Значит, он вместе со своей Командой проведет остаток жизни в космосе только из-за тупости горстки Ускорителей?

Однако даже эти горькие мысли не приглушили чувства жалости к Ускорителю.

«Какой ужас, — думал Передатчик. — Вечно сомневаться, не решаться, никому не верить. Если эти Ускорители не займут подходящего им места в Галактике, кончится тем, что они истребят друг друга. Им давным-давно пора вступить в Содружество».

— Как мне убедить тебя? — воскликнул Передатчик.

В отчаянии он подключил Ускорителя ко всем ценам. Он открыл Ускорителю грубоватую покладистость Двигателя, бесшабашный нрав Стенок; показал ему поэтические склонности Глаза и дерзкое добродушие Питателя. Он распахнул настежь собственный мозг и продемонстрировал Ускорителю свою родную планету, семью и дерево, которое мечтал приобрести по возвращении.

Он развернул перед Ускорителем картины, которые показали историю каждого из представителей разных планет. У них были разные моральные понятия, но всех их объединяли узы Галактического Содружества.

Ускоритель созерцал все это, никак не реагируя. Немного погодя он покачал головой. Ответ был выражен жестом — неуверенным, смутным, но явно отрицательным.

Передатчик приказал Стенкам открыться. Те повиновались, и Ускоритель ошарашенно уставился в образовавшийся проем.

— Ты свободен, — сказал Передатчик. — Отключи только линию связи и ступай.

— А как же вы?

— Поищем другую планету Ускорителей.

— Какую? Марс? Венеру?

— Не знаем. Остается только надеяться, что поблизости есть другая.

Ускоритель посмотрел в проем — и перевел взгляд на Команду. Он колебался, и лицо его ясно отражало внутреннюю борьбу.

— Все, что вы мне показали, — правда?

Отвечать не пришлось.

— Ладно, — внезапно заявил Ускоритель, — поеду. Я, конечно, круглый дурак, но я поеду. Если вы так говорите, значит, так оно и есть.

Передачик видел, что мучительные колебания, которых стоило Ускорителю согласие, лишили его ощущения реальности происходящего. Он действовал, как во сне, когда решения принимаются легко и беспечно.

— Осталось лишь маленькое затрудненьце, — прибавил Ускоритель с истерическим легкомыслием. — Ребята, будь я проклят, если умею ускорять. Вы, кажется, уиоминали о сверхсветовой? Да я не дам и мили в час.

— Да нет же, уверяю тебя, ты умеешь ускорять, — убеждал его Передачик, сам не вполне веря в то, что говорит. Он хорошо знал, на что способны Ускорители, но этот...

— Ты только попробуй.

— Обязательно, — согласился Ускоритель. — Во всяком случае, тогда я уж наверняка проснусь.

Пока Корабль готовили к старту, Ускоритель разговаривал сам с собой.

— Странно, — бормотал Ускоритель. — Я-то думал, что туристский поход — лучший отдых, а в результате у меня появились кошмары!

Двигатель поднял Корабль в воздух. Стенки сомкнулись еще раньше, а теперь Глаз направлял Корабль прочь от планеты.

— Мы вышли из зоны притяжения, — сообщил Передачик. Прислушиваясь к Ускорителю, он молил судьбу пощадить разум этого бедняги. — Сейчас Глаз и Мыслитель зададут курс, я передам тебе, а ты ускоряй в заданном направлении.

— Ты сумасшедший, — пролепетал Ускоритель. — Ты ошибся планетой. И вообще, хорошо бы вы исчезли, кошмарные видения.

— Ты теперь участник Содружества, — возразил доведенный до отчаяния Передачик. — Вот тебе курс. Ускоряй!

Какое-то мгновение Ускоритель бездействовал. Он медленно стряхивал с себя оцепенение, начиная сознавать, что

все это ему не приснилось. Он ощутил Содружество. Он ощутил спаянность Глаза с Мыслителем, Мыслителя с Передатчиком, Передатчика с Ускорителем, всех четверых со Стенками, с остальными членами Команды — всех со всеми.

— Что это такое? — растерянно спросил Ускоритель. Он проникался единством Корабля, безмерной теплотой, близостью, достигаемой только в Содружестве.

Он стал ускорять.

Ничего не получилось.

— Попробуй еще разок, — взмолился Передатчик.

Ускоритель заглянул себе в душу. Ему открылся бездонный колодец сомнения и страха. Смотрясь в него, как в зеркало, он видел лишь искаженное ужасом лицо.

Мыслитель осветил ему этот колодец.

Ускорители веками не расставались с сомнением и страхом. Ускорители воевали из страха, убивали из сомнения.

Но на дне колодца ... там скрывалась тайна ускорения!

Человек, Специалист, Ускоритель — теперь он целиком волился в Команду, растворился в ней и как бы обнял Мыслителя и Передатчика за плечи.

Внезапно Корабль рванулся вперед с восьмикратной световой скоростью. И эта скорость все возрастала.

Ритуал

Акиенобоб вприпрыжку приблизился к хижине Старейшего Песнопевца и принялся отплясывать Танец Важного Сообщения, аккомпанируя себе ритмичным постукиванием хвоста по земле.

В дверях тут же появился Старейший Песнопевец и принял позу напряженного внимания: руки сложены на груди, хвост обвит вокруг плеч.

— Прибыл корабль богов, — параспев проговорил Акиенобоб, выплясывая приличествующий случаю танец.

— В самом деле? — откликнулся Старейший Песнопевец, одобрительно косясь па сложные па. Вот она, пристойная мапера! Не то что расхлябанные, упрощенные движения, которые предписывает Альгонова ересь.

— Из божественного и неподдельного металла! — захлебнулся восторгом Акиенобоб.

— Хвала богам, — церемонно ответил Старейший Песнопевец, скрывая охватившее его возбуждение. — Наконец-то! Боги возвратились! Созови общину.

Акиенобоб отправился на сельскую площадь и исполнил там Танец Сборища. Тем временем Старейший Песнопевец воскурил щепотку священного благовония, оттер хвост песком и, очистясь таким образом от скверны, поспешил возглавить приветственные пляски.

Корабль богов — огромный цилиндр из почерневшего, изъязвленного металла — лежал в небольшой долине. Селяне, собравшись на почтительном расстоянии, выстроились в символическую фигуру «Общий Привет Всем Богам».

Корабль богов разверзся, и оттуда, шатаясь, с трудом выбрались два бога.

Старейший Песнопевец тотчас же признал их по облику. В Великую Книгу о богах, написанную почти иять тысячелетий назад, были занесены сведения о всевозможных разновидностях божеств. Там описывались боги большие и боги малые, боги крылатые и боги о копытах, боги одиорукие, двурукие и трехрукие, боги с шуиальцами, чешуйчатые боги и множество иных обличий, какие благоугодно принимать богам.

Каждую разновидность полагалось приветствовать по особому, специально ей предназначенному приветственному обряду, ибо так было начертано в Великой Книге о Богах.

Старейший Песнопевец тотчас же приметил, что перед ним двуногие, двурукие, бесхвостые боги. Он поспешно перестроил своих соплеменников в подобающую фигуру.

К нему вприпрыжку подошел Глат, прозванный Младшим Песнопевцем.

— С чего начнем? — учтиво прокашлял он.

Старейший Песнопевец пронзил его укоризненным взглядом.

— С Танца Разрешения на Посадку, — ответил он, с достоинством произнося древние, утратившие смысл слова.

— Разве? — Глат почесал хвостом шею. Это был жест явного пренебрежения. — По заветам Альгоны — прежде всего пиршество.

Старейший Песнопевец отвернулся, жестом выразив несогласие. Покуда бразды правления у него в руках, он не пойдет ни на какие компромиссы с ересью Альгоны — учением, созданным всего каких-нибудь три тысячи лет назад.

Младший Песнопевец Глат вернулся на свое место в строю танцоров. «Смехотворно, — думал он, — что вот такая консервативная развалина, как Старейший Песнопевец, устанавливает порядки танцев. Совершеннейшая нелепица — ведь было же доказано...»

А два бога пытались двигаться! Покачиваясь, балансировали они на тонких ногах. Один зашатался и уиал ничком. Другой помог ему встать, после чего упал сам. Медленно, с усилием поднялся он на ноги. Боги удивительно напоминали простых смертных.

— Они выразили в танце свое расположение! — воскликнул Старейший Песнопевец. — Приступайте же к Танцу Разрешения на Посадку.

Туземцы плясали, колотя хвостами о землю, кашлем и лаем выражая свое ликование. Затем в строгом соответствии с церемониалом богов водрузили на носилки из ветвей священного дерева и понесли на Священный Курган.

— Давайте обсудим все как следует, — предложил Глат, поравнявшись со Старейшим Песнопевцем. — Поскольку за тысячи лет это первый случай пришествия каких бы то ни было богов, то, несомненно, разумно было бы прибегнуть к обрядам Альгоны. Просто на всякий случай.

— Нет, — решительно отказался Старейший Песнопевец, энергично перебирая шестью ногами. — Все подобающие обряды приведены в древних книгах ритуалов.

— Я знаю, — настаивал Глат, — но ведь ничего страшного не случится...

— Никогда, — твердо заявил Старейший Песнопевец. — Для каждого бога есть свой Танец Разрешения на Посадку. Затем идет Танец Подтверждения Астродрома, Танец Таможенного Досмотра, Танец Разгрузки и Танец Медицинского Освидетельствования. — Старейший Песнопевец выговаривал таинственные древние названия отчетливо и внушительно, с благоговением. — Тогда и только тогда можно начинать пиршество.

На носилках, сделанных из ветвей, два бога стонали и вяло шевелили руками. Глат знал: боги исполняют Танец Подражания боли и мукам смертных, подтверждая свое родство с теми, кто им поклоинется.

Все было так, как и должно быть, — так, как начертано в Книге Последнего Пришествия. Тем не менее Глата поразило совершенство, с каким боги копируют чувства простых смертных. Глядя на них, можно было подумать, будто они и вправду умирают от голода и жажды.

Глат улыбнулся своим мыслям. Всем известно, что боги не ощущают ни голода, ни жажды.

— Поймите же, — обратился Глат к Старейшему Песнопевцу. — Для нас важно избежать той роковой ошибки, какую допустили наши пращуры в Дни космических полетов. Так ли я говорю?

— Разумеется, — ответил Старейший Песнопевец, почтительно склоняя голову перед ритуальным названием Золотого века. Пять тысячелетий назад их илемя находилось на вершине богатства и благоденствия и боги часто посещали его. Однако, как гласит легенда, в один прекрасный день кто-то допустил ошибку в ритуале и племя было предано Забвению. С тех пор посещения богов прекратились раз и навсегда.

— Если боги одобряют наши обряды, — сказал Старейший Песнопевец, — то снимут с нас Забвение. Тогда явятся и другие боги, как бывало в старину.

— Вот именно. А ведь Альгона был последним, кто воочию видел бога. Уж он-то, наверное, знает, что говорит, предписывая начинать с пиршества, а церемонии оставлять напоследок.

— Учение Альгоны — пагубная ересь, — возразил Старейшин Песнопевец.

И Младший Песнопевец в сотый раз задумался, не пора ли сбросить маску лицемерия, не приказать ли общине без промедления приступить к Обряду Воды и к Пиршеству. Ведь многие были тайными приверженцами Альгоны.

Но нет, пока не время, ибо власть Старейшего Песнопевца все еще слишком сильна. Да и момент неподходя-

щий. Надо подождать, думал Глат, нужно знамение самих богов.

А боги по-прежнему возлежали на носилках, радуя глаз верующих дивным танцем-конвульсией — подражанием жажде и мукам простых смертных.

Богов усадили на вершине Священного Кургана, и Старейший Песнопевец самолично возглавил Танец Подтверждения Астродрома. В окрестные селения послали гонцов с наказом созвать всех взрослых жителей на ритуальные пляски.

В самом селении женщины начали готовиться к Пиршеству. Некоторые из них нустились от радости в пляс, ибо разве не сказано в Писаниях, что вновь появятся боги, и тогда наступит конец Забвению, и к каждому придет богатство и благоденствие, как в Дни космических полетов?

На кургане один из богов простерся ниц. Другой с трудом принял сидячее положение и искусно подрагивающим пальцем указывал на свой рот.

— Это знак благоволения! — вскричал Старейший Песнопевец.

Глат кивнул, не прекращая пляски, в то время как по складкам его кожи градом струился пот. Старейший Песнопевец был одаренным толкователем. С этим нельзя не согласиться.

Но вот сидящий бог стиснул одной рукой горло, отчаянно жестикулируя другой.

— Быстрее! — прохрипел Старейший Песнопевец; он чутко ловил малейшее движение богов.

Теперь бог что-то кричал ужасающим, надтреснутым голосом. Он кричал, указывая себе на горло, и снова кричал, уподобляясь страждущему смертному.

Все шло в строгом соответствии с Танцем Богов, как он описан в Книге Последнего Пришествия.

Как раз в этот миг на площадь перед курганом ворвалась ватага молодежи из соседнего селения и сменила хозяев в танце. На время Младший Песнопевец мог выйти из круга. Переводя дух, он подошел к Старейшему Песнопевцу.

— Вы будете исполнять все танцы? — спросил он.

— Конечно. — Старейший Песнопевец не спускал глаз с плясунов, ибо на этот раз ошибки нельзя было допустить. Это последний случай обелить себя перед богами и вернуть себе добрую славу в их глазах.

— Пляски будут продолжаться ровно восемь дней, — непреклонно сказал Старейший Песнопевец. — Если произойдет хоть малейшая ошибка, начнем все снова.

— По словам Альгоны, прежде всего надо торопиться с Обрядом Воды, — возразил Глат, — а затем...

— Вернись в круг! — отрезал Старейший Песнопевец, жестом выразив крайнее возмущение. — Ты слышал, как боги кашляли в знак одобрения. Так и только так удастся нам снять древнее заклятие.

Младший Песнопевец отвернулся. Ах, если бы его воля! В древние времена, когда боги то и дело уходили и возвращались, обычай Старейшего Песнопевца был правильным обычаем. Глат вспомнил, как описывается приход корабля богов в Книге Последнего Пришествия.

Начался Обряд Разрешения на Посадку (в те дни это еще не называлось ни плясками, ни танцами).

Боги протанцевали Танец Страдания и Боли.

Затем был проделан Обряд Подтверждения Астродрома.

В ответ боги исполнили Танец Голода и Жажды — точь-в-точь так, как сейчас.

Затем последовали Обряды Таможенного Досмотра, Разгрузки и Медицинского Освидетельствования. Все время, пока длились обряды, богам не давали ни еды, ни питья — таково было одно из предписаний ритуала.

Когда со всеми обрядами было покончено, один из богов по неведомой причине притворился мертвым. Другой отнес его обратно на небесный корабль, и боги покинули планету, чтобы больше никогда не возвратиться.

Вскоре после этого началось Забвение.

Однако не существует и двух древних писаний, толкующих причины Забвения одинаково. Некоторые утверждают, что богов оскорбило несовершенное исполнение какого-то танца. Другие, как Альгона, пишут, что надо начинать с пиршества и возлияний, а потом уж переходить к обрядам.

Альгону почитали далеко не все. В конце концов, ведь богам неведомы ни голод, ни жажда. С какой же стати пиршество должно предшествовать обрядам?

Глат свято верил в учение Альгоны и уповал, что в один прекрасный день выяснит истинную причину Забвения.

Внезапно танец прервался. Глат поспешил взглянуть, что же произошло.

Какой-то глупец оставил подле Священного Кургана простую кувшин с водой. Один из богов подполз к кувшину. Руки бога готовились схватить недостойный предмет.

Старейший Песнопевец чуть ли не вырвал из рук бога кувшин, поспешно унес его прочь, а все племя испустило вздох облегчения. Какое кощунство — оставить поблизости от бога обыкновенную, неочищенную, неосвященную воду, да еще в ничтожном сосуде без росписи. Да прикоснись к ней бог — и его праведный гнев испепелит все селение.

Бог разгневался. Он прокричал что-то, перстом указывая на оскорбительный сосуд. Затем указал на второго бога, который все еще был погружен в небесный экстаз и лежал лицом вниз. Он указал на свое горло, на пересохшие, растрескавшиеся губы и опять на кувшин с водой. Он сделал два неуверенных шага и упал. Бог заилакал.

— Живо! — крикнул Младший Песнопевец. — Начинайте Танец Взаимовыгодного Торгового Соглашения!

Только его находчивость и спасла положение. Танцующие подожгли священные ветки и, кружась волчком, принялись размахивать ими перед ликами богов. Боги раскашлялись и тяжело задышали в знак одобрения.

— Ну и хитер же ты на выдумку, — ворчливо признал Старейший Песнопевец. — И как только тебе пришел на ум этот танец?

— У него самое таинственное название, — объяснил Глат. — Я знал, что сейчас нужно действовать решительно.

— Что ж, молодец, — похвалил Старейший Песнопевец и вернулся к своим обязанностям в танце.

С довольной улыбкой Глат обвил хвостом талию. Вовремя поданная команда оказалась удачным ходом.

Теперь надо поразмыслить над тем, как бы лучше выполнить обряды Альгоны.

Боги возлежали на земле, кашля и ловя ртом воздух, словно умирающие. Младший Песнопевец решил подождать более удобного случая.

Весь день плясали Танец Взаимовыгодного Торгового Соглашения, и боги тоже принимали в нем участие. Поклониться им приходили жители отдаленных селений, и боги, задыхаясь, выражали свое милостивое расположение.

К концу танца один из богов чрезвычайно медленно поднялся на ноги. Он уиал на колени, с преувеличенным пафосом подражая движениям смертного, который ослаб до предела.

— Он вещает, — прошептал Старейший Песнопевец, и все смолкло.

Бог простер руки. Старейший Песнопевец кивнул.

— Он сулит нам хороший урожай, — пояснил Старейший Песнопевец.

Бог стиснул кулаки, но тут же разжал их, охваченный приступом кашля.

— Он сочувствует нашей жажде и бедности, — наставительно произнес Старейший Песнопевец.

Бог снова указал себе на горло — таким горестным жестом, что кто-то из поселян разрыдался.

— Он желает, чтобы мы повторили танцы сначала, — разъяснил Старейший Песнопевец. — Давайте же, становитесь в первую позицию.

— Его жест означает вовсе не то, — дерзко заявил Глат, решив, что час настал.

Все воззрились на него, потрясенные, в гробовом молчании.

— Богу угоден Обряд Воды, — сказал Глат.

По рядам танцующих пробежал вздох. Обряд Воды составлял часть еретического учения Альгоны, которое Старейший Песнопевец неустанно предавал анафеме. Впрочем, с другой стороны, Старейший Песнопевец уже в преклонных годах. Быть может, Глат, Младший Песнопевец...

— Не допущу! — взвизгнул Старейший Песнопевец. — Обряд Воды следует за пиршеством, которое начинается после всех плясок. Только таким путем избавимся мы от Забвения!

— Необходимо предложить богам воды! — прогремел Младший Песнопевец.

Оба взглянули на богов — не подадут ли те знамение, но боги молча следили за ними усталыми, налитыми кровью глазами.

Но вот один из богов кашлянул.

— Знамение! — вскричал Глат, прежде чем Старейший Песнопевец успел перетолковать этот кашель в свою пользу.

Старейший Песнопевец пытался спорить, но тщетно. Ведь поселяне слышали бога собственными ушами.

В очищенных от скверны, красиво расписанных кувшинах принесли воду, и плясуны встали в позы, подходящие обряду. Боги взирали на них, тихо переговариваясь на языке божием.

— Ну! — скомандовал Младший Песнопевец.

На курган внесли кувшин с водой. Один из богов потянулся к кувшину. Другой оттолкнул его и сам схватился за кувшин.

По толпе прокатился взволнованный гул.

Первый бог слабо ударил второго и завладел водой. Второй отнял кувшин и поднес ко рту. Тогда первый сделал выпад, и кувшин с водой покатился по склону кургана.

— Я предостерегал тебя! — возопил Старейший Песнопевец.

— Они отвергли воду, как и следовало ожидать. Убери ее скорее, пока мы не обречены на гибель!

Двое схватили кувшины и умчались с ними прочь. Боги взвыли, но тут же умолкли.

По приказу Старейшего Песнопевца тотчас начался Танец Таможенного Досмотра. Снова зажгли священные ветви и оведали ими богов, как веерами. Боги слабо прокашляли одобрение. Один попытался сползти с кургана, но упал ничком. Другой лежал недвижимо.

Так лежали боги долгое время, не подавая знамений. Младший Песнопевец стоял в хвосте цепочки танцующих. Почему, вопрошал он себя снова и снова, почему отступились от него боги?

Неужели Альгона заблуждается?

Но ведь боги отвергли воду.

У Альгоны черным по белому написано, что единственный способ снять таинственное проклятие Забвения — это без промедления принести в дар богам еду и питье. Быть может, богам пришлось дожидаться слишком долго?

«Пути богов неисповедимы, — печально думал Глат. — Теперь случай упущен навеки. С тем же успехом можно было разделять веру Старейшего Песнопевца».

И он уныло поплелся в круг танцующих.

Старейший Песнопевец повелел начать пляски сначала и продолжать их четыре дня и четыре ночи. Потом, если богам будет угодно, в их славу будет устроено пиршество.

Боги не подавали знамений. Они лежали на священном кургане, распростершись во весь рост, и время от времени подергивали конечностями, изображая смертных, которых одолевает усталость, отчаянная жажда.

Это были очень могущественные бога. Иначе разве могли бы они столь искусно подражать смертным?

А к утру случилось следующее: невзирая даже на то, что Старейший Песнопевец отменил Танец Хорошей Погоды, облака на небе стали сгущаться. Громадые и черные, они за-слонили утреннее солнце.

— Пройдет стороной, — предрек Старейший Песнопевец, отплясывая Танец Отречения от Дождя.

Однако тучи разверзлись, и полился дождь. Боги медленно зашевелились, оборотили лица к небу.

— Тащите доски! — кричал Старейший Песнопевец. — Принесите навес! Боги предадут дождь проклятию: ведь до окончания обрядов ни одна капля не смеет коснуться тел божиих!

Глат же, сообразив, что представился еще один благоприятный случай, возразил:

— Нет! Этот дождь наслали сами боги!

— Уведите юного еретика! — пронзительно взвизгнула Старейший Песнопевец. — Давайте сюда навес!

Плясуны оттащили Глата в сторонку и принялись сооружать над богами шатер, чтобы укрыть их от дождя. Старейший Песнопевец собственноручно покрывал шатер крышей, работая споро и благоговейно.

Под внезапно хлынувшим ливнем боги не шевелились — они лежали, широко раскрыв рты. Когда же они увидели, как Старейший Песнопевец возводит над ними крышу, то попытались встать.

Старейший Песнопевец торопился: он знал, что своим недостойным присутствием оскверняет заповедный курган.

Боги переглянулись. Один из них медленно встал на колени. Другой протянул ему обе руки и помог подняться на ноги.

Бог стоял, раскачиваясь, как пьяный, сжимая руку возлежащего бога. И вдруг обеими руками с яростью толкнул Старейшего Песнопевца в грудь.

Старейший Песнопевец потерял равновесие и закувыркался по Священному Кургану, нелепо дрыгая ногами в воздухе. Бог сорвал с навеса крышу и помог встать другому богу.

— Знамение! — вскричал Младший Песнопевец, вырываясь из удерживающих его рук. — Знамение!

Никто не мог этого отрицать. Теперь оба бога стояли, запрокинув головы, подставив рты под струи дождя.

— Начинайте пиршество! — рявкнул Глат. — Такова воля богов!

Нлясуны колебались. Впасть в ересь Альгоны — это серьезный шаг, который стоило бы хорошенько обдумать.

Однако теперь, когда всем стал распоряжаться Младший Песнопевец, приходилось рискнуть.

Оказалось, Альгона был прав. Боги выражали свое одобрение воистину по-божески: запихивали яства в рот огромными кусками — какое изумительное подражание смертным! — и поглощали напитки с таким усердием, будто и впрямь умирали от жажды.

Глат сожалел лишь о том, что не знает божьего языка, ибо больше всего на свете ему хотелось узнать, каковы же были истинные причины Забвения.

Жертва из космоса

Замерев от восхищения, Хэдвелл разглядывал планету — чудесный мир зеленых равнин, красных гор и не знающих покоя серо-голубых морей. Аппаратура его корабля быстро собрала информацию и пришла к выводу, что на этой планете человек будет чувствовать себя замечательно. Хэдвелл набрал программу посадки и раскрыл записную книжку.

Он был писателем, автором «Белых теней в поясе астероидов», «Саги о космических даях», «Приключений межпланетного бродяги» и «Териры — планеты тайн».

«Новая планета простирается подо мной, — записал Хэдвелл, — манящая и таинственная, вызов моему воображению. Что найду на ней я, межзвездный скиталец? Какие странные тайны скрывает ее пышный зеленый покров? Что ждет меня? Опасность? Любовь? Исполнение желаний? Найдет ли на ней покой усталый искатель приключений?»

Ричард Хэдвелл — высокий, худощавый, рыжеволосый молодой человек — унаследовал от отца солидное состояние и вложил его в космическую шхуну класса СС. Путешествуя в этом потрепанном корабле вот уже шесть лет, он писал восторженные книги о местах, где ему довелось побывать. Но восторг этот был фальшивым, потому что чужие планеты щедро одарили его лишь разочарованием.

Как оказалось, аборигены повсюду на удивление тупы и поразительно уродливы. Питаются они какой-то дрянью, а в общении просто невыносимы. Тем не менее Хэдвелл писал о романтических приключениях и не терял надежды когда-нибудь пережить написанное наяву.

На этой прекрасной тропической планете городов не оказалось. Корабль уже садился неподалеку от деревушки, где стояли крытые соломой хижины.

«Может, здесь я найду то, что искал?» — подумал Хэдвелл, когда корабль начал резкое торможение.

В тот день на рассвете Катага вместе с дочерью Меле перешел реку по сплетенному из лиан мостку, направляясь к Зубчатой Горе собирать цветки фрага. Нигде на Игати фраг не цветет столь обильно, как у подножия Зубчатой Горы. Да и может ли быть иначе, ведь это священная гора Фангукари, улыбающегося бога.

Ближе к полудню к ним присоединился Бруг, юноша с туповатой физиономией, которого редко интересовало что-либо, кроме собственной персоны.

Высокую и стройную Меле не оставляло предчувствие, что должно случиться нечто очень важное. Она работала словно во сне, двигаясь медленно и мечтательно, а ее длинные черные волосы развеивал ветер. Знакомые предметы виделись с удивительной ясностью и казались наполненными новым смыслом. Она бросила взгляд на деревню — кучку крошечных хижин по ту сторону реки — и с любопытством посмотрела дальше, на Вершину, где совершались все игатийские свадьбы, и виднеющееся за ней нежно расцвеченное море.

Меле слыла прелестнейшей девушкой на Игати, что признавал даже старый жрец. Она мечтала о жизни, наполненной захватывающими приключениями, но дни в деревне сменялись с удручающей монотонностью, и ей оставалось лишь собирать цветки фрага под горячими лучами двух

солнц. Меле вовсе не считала такое положение дел справедливым.

Ее отец работал энергично, что-то напевая себе под нос. Он знал, что цветки эти скоро перебродят в большом чане, жрец Ааг пробормочет над напитком необходимые молитвы и прольет малую толику перед изображением Фангукари. И когда с формальностями будет покончено, вся деревня, включая собак, приступит к грандиозной попойке.

От таких мыслей работа шла веселее. Между делом Катага принялся обдумывать тонкий и опасный илан, который в случае успеха сильно поднял бы его престиж. Подобные размышления тоже были приятны.

Брог выпрямился, вытер лицо концом набедренной повязки и взглянул на небо — не собирается ли дождь.

— Эй! — крикнул он.

Катага и Меле тоже посмотрели на небо.

— Туда! — взвизгнул Брог. — Туда смотрите! — Прямо над их головами медленно снижалось серебристое иятнышко, окруженное сполохами красного и зеленого иламени. Оно росло на глазах, превращаясь в сверкающий шар.

— Пророчество! — благоговейно прошептал Катага. — Наконец-то... после стольких столетий ожидания!

— Скорее в деревню! — воскликнула Меле.

— Подождите, — остановил их Брог. Его лицо стало пугливым от смущения, он нервно ковырял землю пальцем ноги. — Я первый его увидел, верно ведь?

— Ты — кто же еще? — нетерпеливо подтвердила Меле.

— А раз я его первым увидел, — продолжил Брог, — и тем самым сослужил деревне важную службу, как по-вашему... достаточно ли этого...

Брог хотел того, о чем мечтал каждый игатиец, ради чего работал и о чем молился, и ради чего люди поумнее, вроде Катаги, задумывали хитроумные иланы. Но произносить жела-

емое вслух считалось неприличным. Впрочем, Меле и Катага все поняли.

— Как ты считаешь? — спросил Катага дочь.

— Полагаю, он заслуживает кое-чего.

Брог возбужденно потер руки.

— Послушай, Меле... ты не сделаешь это сама?

— Но окончательное решение должен принять жрец, — напомнила Меле.

— Пожалуйста! — взмолился Брог. — А вдруг Ааг решит, будто я не готов? Прошу тебя, Катага! Сделай это сам!

Катага посмотрел на застывшее лицо Меле и вздохнул.

— Прости, Брог. Будь мы с тобой одии... Но Меле всегда очень строго соблюдала обычаи. Пусть решает жрец.

Брог огорченно кивнул. Тем временем сверкающий шар опустился еще ниже, направляясь к ровной долине возле деревни. Трое игатийцев подхватили мешки с цветками флага и заторопились домой.

Когда они дошли до переброшенного через бурную реку подвесного мостика, Катага пронютил вперед Брома, затем Меле. Потом двинулся следом, вынув небольшой кинжал, спрятанный до поры до времени в набедренной повязке.

Как он и ожидал, Меле и Брог не стали оборачиваться — все их внимание уходило на то, чтобы удержать равновесие на этой шаткой, раскачивающейся конструкции. Дойдя до середины мостика, Катага провел пальцами по главному канату и нащупал небольшой разрыв, обнаруженный несколько дней назад. Он быстро полоснул по нему ножом и ощутил, как разошлись волокна. Еще надрез-другой, и канат не выдержит веса человека.

Пока достаточно. Весьма довольный собой, Катага суиул кинжал обратно в набедренную повязку и стал догонять Меле и Брома.

Новость всполошила деревню. Вест о великом событии передавалась из уст в уста, и перед святилищем Инструмен-

та качались импровизированные танцы. Но тут же прекратились, едва из храма Фангукари, прихрамывая, вышел старый жрец.

За долгие годы службы лицо высокого тощего Лага приобрело сходство с благосклонно улыбающимся изображением божества, которому он поклонялся. Его лысую голову венчала украшенная перьями корона жреческой касты. Он тяжело опирался на священный черный жезл.

Его тут же окружила толпа. Рядом со жрецом, с надеждой потирая руки, но не решаясь настаивать на награде, стоял Брог.

— Народ мой, — сказал Лаг, — древнее пророчество Игати свершилось. Как и предсказывала легенда, с небес спустился огромный сверкающий шар. Внутри его, как повествует легенда, окажется существо, похожее на нас, и то будет посланец Фангукари.

Все закивали, не сводя с Лага восхищенных глаз.

— Посланник совершит множество добрых дел — таких, которых еще не видывал никто. И когда он закончит и потребует отдыха, его будет ждать заслуженная награда.

Голос Лага упал до вдохновенного шепота.

— Этой наградой станет то, к чему стремится каждый игатец, о чем мечтает, о чем молится. Им станет последний дар, который Фангукари шлет тем, кто хорошо служит ему и деревне.

Жрец повернулся к Брогу.

— Ты, Брог, — сказал он, — был первым, кто увидел посланца. Ты хорошо послужил деревне.

Жрец воздел руки.

— Друзья! Считаете ли вы, что Брог должен получить награду, которой жаждет?

Большинство согласилось с тем, что должен. Но тут с недовольным видом вперед выступил богатый купец Васси.

— Это несправедливо, — сказал он. — Мы все работаем для этого долгие годы и делаем богатые жертвования храму. Брог сделал недостаточно даже для того, чтобы заслужить саму награду. К тому же он низкого происхождения.

— Твои доводы сильны, — согласился жрец. Брог громко простонал. — Но, — продолжил он, — щедрость Фангукари простирается не только на благородных. Даже самый ничтожный может на нее надеяться. И если Брог не будет достойно вознагражден, то не потеряют ли надежду остальные?

Люди одобрительно зашумели, а глаза Брога увлажнились от благодарности.

— На колени, Брог, — велел жрец, и лицо его словно осветилось любовью и добротой.

Брог опустился на колени. Толпа затаила дыхание. Лаг замахнулся массивным жезлом и изо всех сил обрушил его на череп Брога. То был хороший удар, нанесенный опытной рукой. Брог рухнул, дернулся и замер. Выражение счастья на его лице не поддавалось описанию.

— Как это было прекрасно, — завистливо пробормотал Катага.

Меле сжала руку отца.

— Не волнуйся, папа. Настанет день, и ты тоже получишь свою награду.

— Надеюсь, — ответил Катага. — Но как я могу быть в этом уверен? Вспомни Рии. Не жил еще другой столь же добрый и набожный человек. Бедный старик всю жизнь работал и молил Бога о насильственной смерти. О любой насильственной смерти! И что же? Он skoичался во сне! Разве такой смерти он был достоин?

— Всегда можно найти одно-другое исключение.

— Могу назвать хоть дюжину других.

— Постарайся не беспокоиться об этом, отец. Я знаю, что твоя смерть будет прекрасна, как у Брога.

— Да, да ... Но если подумать, то Бруг умер так просто. — Глаза Катаги вспыхнули. — Мне хотелось бы чего-нибудь по-настоящему великого, мучительного, сложного и восхитительного. Вроде того, что ожидает посланца.

Меле отвернулась.

— Ты слишком многого хочешь, папа.

— Верно, верно, — пробормотал Катага. — Ладно, когда-нибудь ...

И он еле заметно улыбнулся. То будет великий день! Умный и смелый человек берет судьбу в свои руки и устраивает себе насильственную смерть, а не влачит дни в покорном ожидании, пока про него вспомнит слабоумный жрец. Называйте это ересью, обзывайте как угодно, но внутренний голос подсказывал Катаге, что человек имеет право умереть столь мучительно и такой смертью, какой пожелает сам ... если сумеет завершить задуманное.

Он вспомнил о надрезанном канате, и на душе у него потеплело. Какая удача, что он так и не научился плавать!

— Пойдем, — позвала Меле. — Пора приветствовать посланника.

И они зашагали вслед за остальными к долине, где сел сверкающий шар.

Ричард Хэдвелл откинулся на потертую спинку пилотского кресла и вытер со лба пот. Из корабля только что вышли последние туземцы, и он все еще слышал, как они смеялись и пели, возвращаясь в деревню в вечерних сумерках. Кабина пропахла цветами, медом и вином, и ему все еще чудился отражающийся от серых металлических стен гул барабанов.

Он улыбнулся, о чем-то вспомнив, достал записную книжку и, выбрав ручку, записал:

«Прекрасна Игати, с ее могучими горами и бурными горными потоками, пляжами из черного песка, пышными джунглями и могучими цветущими деревьями в лесах».

Неплохо, подумал Хэдвелл. Сосредоточенно сжав губы, он продолжил:

«Местные жители — симпатичные гуманоиды с коричневатой кожей, гибкие и ловкие. Они приветствовали меня цветами и танцами, выказав много знаков радости и дружбы. Я легко выучил под гипнозом их язык, и скоро буду чувствовать себя здесь как дома. Они добродушный и веселый народ, вежливый и учтивый, и беззаботно живут, почти не отрываясь от матери-природы. Какой урок они преподают тебе, Цивилизованный Человек!

Быстро проникаешься симпатией и к НИМ, и к Фангукари, их благосклонному божеству. Остается лишь надеяться на то, что Цивилизованный Человек, злой гений буйства и разрушений, не доберется сюда и не совратит этот народ с пути радостной уверенности».

Хэдвелл выбрал ручку с более тонким пером и записал:

«Есть здесь девушка по имени Меле, которая...» — Он вычеркнул строчку и написал: «Черноволосая девушка по имени Меле, несравненная красавица, подошла близко ко мне и заглянула в самую глубину моих глаз...»

Он вычеркнул и это.

Нахмурившись, он попробовал еще несколько вариантов:

«Ее ясные карие глаза обещали такую радость...»

«Ее алый ротик слегка трепетал, когда я...»

«Хотя ее нежная ручка задержалась в моей руке лишь на мгновение...»

Он смял страницу. Это эффект няти месяцев вынужденного воздержания, решил он. Лучше вернуться к основной теме, а Меле оставить на потом.

Он написал:

«Есть немало способов, при помощи которых благожелательный наблюдатель может помочь этому народу. Но моя

охватывает сильное искушение не делать абсолютно ничего из опасения разрушить их культуру».

Закрыв киижку, Хэдвелл посмотрел в иллюминатор на отдаленную деревню, где сейчас горели факелы. Потом снова раскрыл киижку.

«Одиako их культура производит впечатление сильной и гибкой. Кое-какая помощь пойдет им только на пользу. И я им охотно помогу».

Он захлопнул киижку и убрал ручки.

На следующий день Хэдвелл принялся за добрые дела. Он обнаружил, что многие игатийцы страдают от болезней, переносимых москитами. Тщательно подобрав антибиотики, он сумел излечить почти всех — кроме самых запущенных случаев. Затем посоветовал осушить стоячие пруды, где размножались москиты.

Когда он пользовал больных, его сопровождала Меле. Прекрасная игатийка быстро освоила простейшие навыки ухода за больными, и Хэдвелл нашел, что ее помощь просто неоценима.

Вскоре в деревне позабыли обо всех серьезных болезнях. Хэдвелл завел привычку проводить дни на солнечном склоне холма неподалеку от Игати, где он отдыхал и работал над книгой.

Настал день, когда Лаг собрал жителей деревни для обсуждения важного вопроса.

— Друзья, — начал старейший жрец, — друг наш Хэдвелл свершил для деревни великие благодеяния. Он вылечил наших больных, и теперь они могут жить дальше, дожидаясь дара Фангукари. Но Хэдвелл устал и отдыхает, лежа на солнце. Он ждет награды, ради которой явился к нам.

— Будет справедливо, — сказал куиец Васси, — если посланец получит заслуженную награду. Пусть жрец возьмет жезл и...

— Зачем же так скупиться? — возразил Джаили, ученик жреца. — Разве посланец Фангукари не заслужил смерти по-лучше? Он достоин большего, чем жалкий удар жезла! Гораздо большего!

— Ты прав, — подумав, признал Васси. — А раз так, то не загнать ли ему под ногти отравленные шипы?

— Может, такая смерть достаточно хороша для купца, — заметил каменотес Тгара, — но не для Хэдвелла. Он заслуживает смерти, достойной вождя! Я вот что придумал. Надо его связать, развести под пятками медленный огонь и постепенно...

— Погодите, — вмешался Ааг. — Посланник заслужил смерть Адепта. И поэтому его следует осторожно и крепко взять, отнести к ближайшему большому муравейнику и закопать в нем по самую шею.

Раздались крики одобрения.

— И все время, пока он будет кричать, — добавил Тгара, — мы будем бить в старинные ритуальные барабаны.

— И танцевать в его честь, — сказал Васси.

— И пить за него сколько влезет, — добавил Катага.

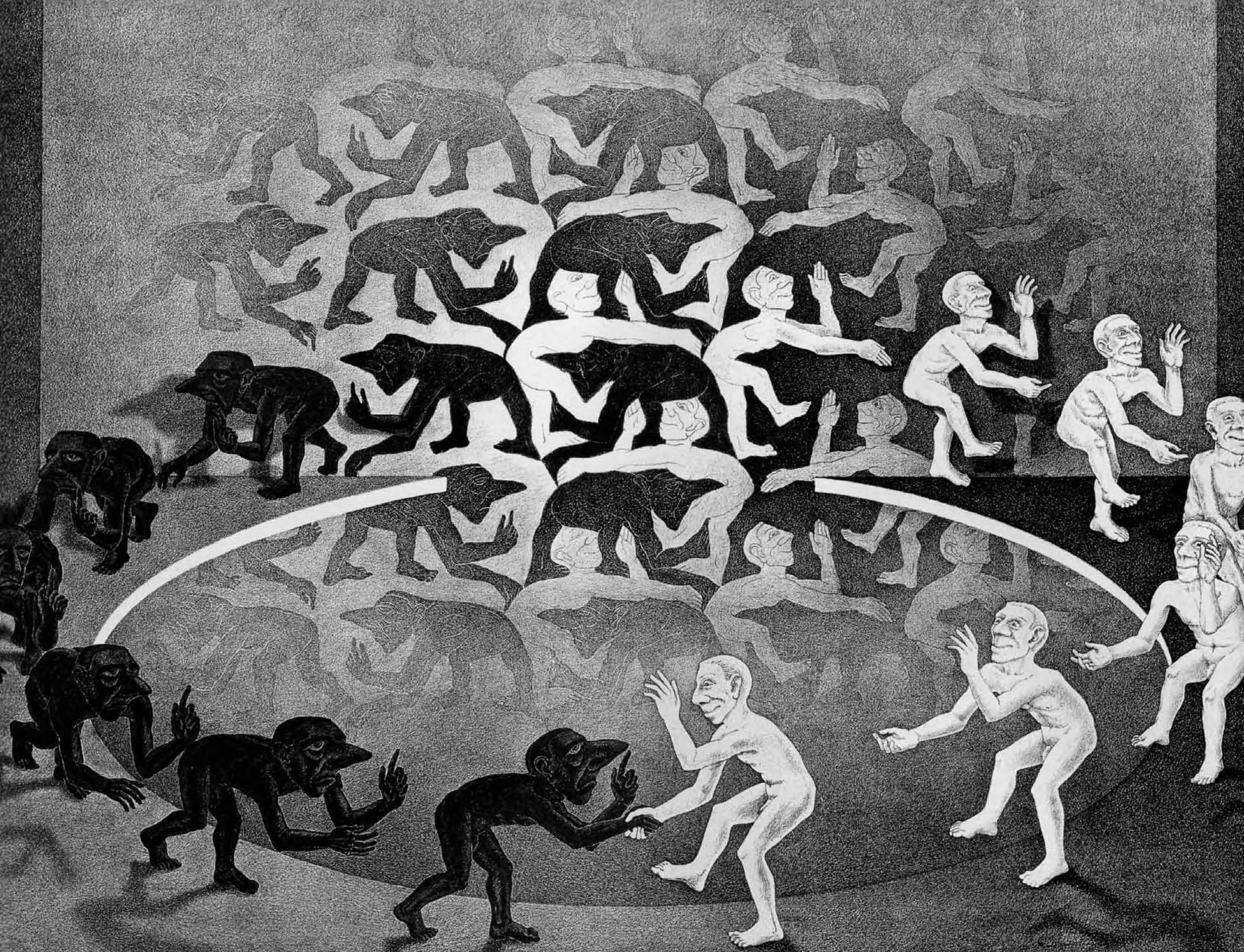
Все согласились, что это будет великолепная смерть.

Итак, детали были обговорены и время назначено. Деревню охватил религиозный экстаз. Хижины украсили цветами — все, кроме Храма Инструмента, который обычай запрещал украшать. Женщины смеялись и пели, подготавливая поминки. И лишь Меле непоинтно почему охватила печаль. Опустив голову, она прошла через всю деревню и начала медленно подниматься на холм к Хэдвеллу.

Раздевшись до пояса, Хэдвелл нежился под лучами двух солнц.

— Привет, Меле, — сказал он. — Я слышал барабаны. Что-то намечается?

— Будет праздник, — ответила Меле, присаживаясь рядом.

— Чудесно. Если я загляну, возражений не будет?

Меле посмотрела на него и медленно кивнула. Посланец вел себя строго в соответствии со старинным ритуалом, согласно которому человек делал вид, будто собственные поминки не имеют к нему никакого отношения. У ее соплеменников на такое обычно не хватало духу. Но посланец Фангукари, конечно же, способен соблюдать обычаи строже всех остальных.

— Скоро начнется?

— Через час.

Еще совсем недавно она разговаривала с ним свободно и откровенно, но теперь у нее было тяжело на сердце, а она не понимала причины. Меле робко взглянула на его непривычно яркую одежду и рыжие волосы.

— Приятная новость, — пробормотал Хэдвелл. — Да, очень приятная... — сказал он еще тише.

Полуприкрыв глаза, он любовался прекрасной игатийкой, строгими линиями ее шеи и плеч, черными прямыми волосами и почти физически ощущал исходящий от нее аромат трав. Хэдвелл нервно сорвал травинку.

— Меле, — выдавил он, — я... — Слова замерли у него на губах. Охваченная внезапным порывом, Меле бросилась в его объятия. — О Меле!

— Хэдвелл! — воскликнула она, прильнув к нему, но тут же резко отстранилась и посмотрела на него с тревогой.

— Что с тобой, милочка? — спросил Хэдвелл.

— Хэдвелл, можешь ли ты еще хоть что-нибудь сделать для деревни? Что угодно. Мой народ будет тебе очень благодарен.

— Конечно, могу. Но куда торопиться? Сперва неплохо и отдохнуть.

— Нет! Прошу тебя! — взмолилась Меле. — Помнишь, ты говорил об оросительных канавах? Ты можешь приняться за них прямо сейчас?

— Ну, если ты просишь... Но...

— О мой дорогой!

Меле вскочила. Хэдвелл протянул к ней руки, но она увернулась.

— Некогда! Я должна как можно скорее передать эту новость всей деревне!

Она убежала, а Хэдвеллу осталось лишь удивляться странным нравам туземцев и особенно туземок.

Примчавшись в деревню, Меле нашла жреца в храме, где тот молился о ниспослании ему мудрости. Она быстро рассказала ему о новых планах божьего посланца.

Старый жрец медленно кивнул.

— Церемонию придется отложить. Но скажи мне, дочь моя, почему именно ты сообщила мне новость?

Покраснев, Меле промолчала.

Жрец улыбнулся, но его лицо тут же снова стало суровым.

— Понимаю. Но прислушайся к моим словам, девочка, — не позволяй любви отвлечь тебя от великой мудрости Фангукари и от соблюдения наших древних обычаев.

— У меня и в мыслях такого не было! Я просто почувствовала, что смерть Адепта для Хэдвелла недостаточно хороша. Он заслуживает большего! Он заслуживает... Ультимата!

— Вот уже шестьсот лет ни один человек не оказался достоин Ультимата, — сказал Лаг. — Никто — с тех самых пор, как герой и полубог В'Ктат спас игатийцев от жутких хуэльв.

— Но у Хэдвелла душа героя! — воскликнула Меле. — Дай ему время, пусть старается! Он докажет!

— Может, и так, — задумчиво отозвался жрец. — Это стало бы величайшим событием для нашей деревни... Но подумай, Меле, ведь на это может уйти вся его жизнь!

— А разве не стоит подождать такого? — спросила она.

Старый жрец стиснул жезл и задумчиво нахмурил лоб.

— Может, ты и права, — медленно произнес он. — Да, наверное, права. — Он неожиданно выпрямился и пристально посмотрел на Меле. — Но скажи мне правду, Меле. Ты действительно желаешь сохранить его для Ультимата? Или всего лишь для себя?

— Он должен умереть такой смертью, какой достоин, — произнесла она безмятежно и отвела взгляд в сторону.

— Хотел бы я знать, — сказал старик, — что таится в твоём сердце. Мне кажется, ты в опасной близости к ереси, Меле. Ты, которая всегда была в вопросах веры одной из самых достойных.

Меле уже собралась ответить, но тут в храм ворвался купец Васси.

— Скорее! — закричал он. — Иглаи нарушил табу!

Толстый веселый фермер умер ужасной смертью. Он шел, как обычно, от своей хижины к центру деревни мимо старого дерева-колючки, и оно неожиданно рухнуло прямо на него. Колючки пронзили его насквозь. Очевидцы рассказывали, что, прежде чем испустить дух, он стонал и корчился целый час.

Но умер он с улыбкой на лице.

Жрец всмотрелся в толпу, окружившую тело Иглаи. Некоторые украдкой улыбались, прикрывая рты руками. Лаг подошел к дереву и присмотрелся. По окружности ствола были заметны слабые следы пилы, замазанные глиной. Жрец обернулся к толпе.

— Иглаи часто видели возле этого дерева? — спросил он.

— Чаще и не бывает, — ответил другой фермер. — Почитай, каждый день под ним обедал.

Теперь многие заулыбались открыто, гордясь проделкой Иглаи и обмениваясь шуточками.

— А я-то все гадал, чем ему это дерево приглянулось?

— А он не любил есть в компании. Говорил, что в одиночку в него больше влазит.

— Ха!

— А сам потихонечку поднимал.

— Считаю, несколько месяцев ухлопал. Дерево-то твердое.

— Да, котелок у него варил.

— Дайте мне сказать! Он был всего лишь фермер, и никто не назвал бы его набожным. Но помер он славной смертью.

— Послушайте, добрые люди! — крикнул Ааг. — Иглаи совершил кощунство! Только священник имеет право даровать кому-либо насильственную смерть!

— А какое жрецу дело до того, чего он не видел? — пробормотал кто-то.

— Подумаешь, кощунство, — добавил другой. — Иглаи устроил себе великолепную смерть. Вот что важно.

Старый жрец опечаленно отвернулся. Сделанного не вернешь. Если бы он вовремя поймал Иглаи, то фермеру бы не поздоровилось. Иглаи никогда бы не осмелился повторить попытку и умер бы, скорее всего, тихо и мирно у себя в постели в преклонном возрасте. Но сейчас уже слишком поздно. Иглаи ухватил свою смерть за хвост и на ее крыльях уже, наверное, добрался до Рукечанги. А просить бога наказать Иглаи после смерти бесполезно, потому что этот хитрец и на том свете выкрутится.

— Неужели никто из вас не видел, как Иглаи поднимал дерево? — спросил Ааг.

Если кто и видел, все равно не признается. Ааг знал, что все они друг друга покрывают. Несмотря на все проповеди, которыми он пичкал жителей деревни с самого раннего детства, они упорно пытались перехитрить жрецов.

И когда только до них дойдет, что незаконная смерть никогда не принесет такого удовлетворения, как смерть заслуженная, заработанная и обставленная священными церемониями?

Он вздохнул. Временами жизнь становится так тяжела.

Через неделю Хэдвелл записал в дневнике:

«Такого народа, как эти игатийцы, я еще не встречал. Сейчас я живу с ними, вместе с ними ем и пью, наблюдаю их обряды. Я знаю и понимаю их. И правда об этом народе просто поразительна, если не сказать больше.

Невероятно, но игатийцы не знают, что такое война! Только представь это, Цивилизованный Человек! Никогда за всю свою историю они не воевали. Они даже не понимают, что это такое. Приведу пример.

Как-то я попытался объяснить суть войны Катаге, отцу несравненной Меле. Он почесал голову и спросил:

— Говоришь, это когда много одних людей убивают еще больше других людей? Это и есть война?

— Часть ее, — ответил я. — Когда тысячи одних убивают тысячи других.

— В таком случае, — заметил Катага, — многие умрут одновременно и одной смертью?

— Верно, — согласился я.

Он долго раздумывал, потом повернулся ко мне и сказал:

— Плохо, когда много людей умирает в одно время и одинаково. Никакого удовольствия. Каждый должен умереть своей собственной смертью.

Оцени, Цивилизованный Человек, невероятную наивность такого ответа. Но все же подумай и о несомненной правде, которая кроется под этой наивностью. Правде, которую неплохо бы осознать всем.

Более того, эти люди не ссорятся между собой, у них нет ни кровной вражды, ни преступлений из ревности, ни убийств.

И вот к какому выводу я пришел: этот народ не знает насильственной смерти — за исключением, разумеется, несчастных случаев.

Как жаль, что они происходят здесь столь часто и почти всегда со смертельным исходом. Но я приписываю это дикости

окружающей природы и беспечному характеру этих людей. Ни одно из таких происшествий не остается без внимания. Жрец, с которым у меня установились неилохие отношения, удручен их частотой и постоянно предупреждает народ, призывая его к осторожности.

Он хороший человек.

А теперь запишу самую свежую, самую чудесную новость. (Хэдвелл глуповато ухмыльнулся, немного помедлил и снова склонился над дневником.) Меле согласилась стать моей женой! Церемония начнется, как только я закончу эти записи. Празднества уже начались, и к пирушке все готово. Я самый счастливый человек на свете, потому что Меле — красивейшая из девушек. А также и самая необычная.

Она очень заботится о других. Возможно, даже слишком. Она все время настаивала, чтобы я продолжал что-нибудь делать для деревни. И я многое сделал. Я закончил для них оросительную систему, научил выращивать несколько быстрорастущих съедобных растений, показал основы обработки металлов и многое другое — слишком долго перечислять. А она хотела, чтобы я делал еще и еще.

Но с меня хватит. У меня есть право на отдых. Хочу провести долгий томный медовый месяц, а потом годик поваляться на солнышке, заканчивая книгу.

Меле никак не может этого понять и упорно твердит, что я должен продолжать работать. И еще она говорит о какой-то церемонии, связанной с „Ультиматом“ (если я правильно перевел это слово).

Но я сделал достаточно. Я отказываюсь работать — как минимум ближайший год или два.

Церемония „Ультимат“ начнется сразу после нашей свадьбы. Полагаю, это какая-то высокая почеть, которой этот простой народ желает меня одарить. И я на нее согласился.

Наверное, будет очень интересно».

Все жители деревни, возглавляемые старым жрецом, направились к Вершине, где совершались все игатийские свадьбы. Мужчины украсили себя церемониальными перьями, а женщины надели ожерелья из ракушек и разноцветных камешков. Четверо дюжих мужчин в середине процессии тащили какую-то странную конструкцию. Хэдвеллу удалось бросить на нее лишь мимолетный взгляд, но он знал, что ее после торжественной церемонии вынесли из ничем не украшенной хижины с крышей, крытой черной соломой, — какого-то храма.

На шатком плетеном мостике процессия вытянулась цепочкой. Замыкавший шествие Катага еле заметно улыбнулся и снова украдкой провел ножом по надрезанному канату.

Вершина оказалась узким выступом черной скалы, нависающим над морем. Хэдвелл и Меле стали на краю, лицом к жрецу. Едва Лаг воздел руки, все затаили дыхание.

— О великий Фангукари! — воскликнул жрец. — Возлюби этого человека Хэдвелла, посланца своего, явившегося к нам с небес в сверкающем шаре и свершившего для Игати столько, сколько не делал еще никто. И возлюби дочь свою, Меле. Научи ее любить память о своем муже — и оставаться преданной вере своего племени.

При этих словах жрец многозначительно посмотрел на Меле. И Меле, высоко подняв голову, ответила ему тем же.

— И объявляю я вас, — произнес жрец, — мужем и женой.

Хэдвелл заключил жену в объятия и поцеловал. Люди радостно закричали. Катага лукаво ухмыльнулся.

— А теперь, — сказал жрец, постаравшись придать голосу как можно больше радушия, — я хочу сообщить тебе приятное известие, Хэдвелл. Великое известие!

— Вот как? — отозвался Хэдвелл, неохотно отпуская законную супругу.

— Мы оценили твои дела, — сказал Лаг, — и нашли, что ты достоин ... Ультимата!

— Что ж, спасибо, — сказал Хэдвелл.

Жрец взмахнул рукой. Четверо вынесли тот самый странный предмет. Только теперь Хэдвелл смог разглядеть, что это платформа размером с большую кровать, изготовленная из какого-то древнего на вид дерева. К ней были приделаны всевозможные клинья, крюки, заостренные раковины и острые шипы. Имелись и пока пустые чаши, и многочисленные приспособления странной формы, о назначении которых Хэдвелл так и не смог догадаться.

— Вот уже шесть веков, — сказал Лаг, — Инструмент не выносили из Храма. Шесть веков со времен героя-бога В'Ктата, в одиночку спасшего народ Игати от упничтожения. И вынесли его ради тебя, Хэдвелл.

— Нет, я не достоин подобной чести, — сказал Хэдвелл.

Толпа одобрительно загудела, оценив его скромность.

— Поверь мне, — искренне произнес Лаг, — ты достоин. Принимаешь ли ты Ультимат, Хэдвелл?

Хэдвелл взглянул на Меле, но не смог поймать выражение ее прекрасного лица. Потом перевел взгляд на жреца. Лицо Лага было бесстрастным. Толпа хранила гробовое молчание. Хэдвелл посмотрел на Инструмент. Чем-то он ему не понравился. В его голове начало зарождаться сомнение.

Может, он неправильно оценил этих людей? В некие древние времена Инструмент явно использовали для пыток. Эти клинья и крючки ... Но для чего предназначены остальные детали? Напряженно размышляя, Хэдвелл постарался представить — и содрогнулся. Толпа перед ним сбилась в плотную массу. За спиной узкий выступ скалы и трехсотметровый обрыв. Хэдвелл снова посмотрел на Меле.

Выражение любви и преданности на ее лице было несомненным.

Взглянув на жителей деревни, он увидел, как они за него переживают. Да что он, собственно, разволновался? Разве могут они причинить ему зло после всего, что он для них сделал?

Наверняка Инструмент имел чисто символическое применение.

— Я принимаю Ультимат, — сказал Хэдвелл жрецу.

Толпа завопила, и ее восторженный рев эхом разнесся по горам. Его тут же обступили, улыбались, пожимали руки.

— Церемония свершится сразу же, — объявил жрец. — В деревне, перед статуей Фангукари.

Все тут же направлись обратно. Впереди шел жрец, а Хэдвелл с женой в середине. Меле с самого начала так и не произнесла ни слова.

Все молча прошли по качающемуся мостику. На другом берегу туземцы еще плотнее обступили Хэдвелла, что вызвало у него легкий приступ клаустрофобии. «Не будь я убежден в их природной доброте, — подумал Хэдвелл, — обязательно бы встревожился».

Впереди показались деревня и алтарь Фангукари. Жрец торопливо направлся к алтарю.

Неожиданно раздался вопль. Все обернулись и помчались к мостику.

На берегу Хэдвелл увидел, что произошло. Катага шел последним, и, когда он добрался до середины, центральный канат неожиданно оборвался. Катага успел ухватиться за обрывок более тонкого каната, но продержался недолго. Все увидели, как его руки ослабели, разжались и он упал в реку.

Хэдвелл застыл, потрясенный увиденным. Ясно, словно в кошмарном сне, он видел, как летит вниз Катага с храброй улыбкой на губах, как бурлит вода, покрывая белой пеной острые камни. Беднягу ждала верная и жуткая смерть.

— Он умеет плавать? — спросил Хэдвелл жену.

— Нет, — ответила Меле. — Он отказался учиться. Ах, отец! Как ты мог!

Бешеный поток пугал Хэдвелла даже больше, чем пуста космоса. Но отец его жены в опасности. Надо действовать.

И он бросился вниз головой в ледяную воду. Катага почти потерял сознание, когда до него добрался Хэдвелл, так что ему повезло и игатиец не стал сопротивляться, когда Хэдвелл схватил его за волосы и отчаянно устремился к ближайшему берегу. Близкому, но недостижимому. Поток уносил их вдаль, то окуная с головой, то вышвыривая на поверхность. Отчаянным усилием Хэдвелл ухитрился избежать торчавших из-под воды скал. Но впереди виднелись новые.

Туземцы с криками бежали вдоль берега. Быстро теряя силы, Хэдвелл снова устремился к берегу. Его ударило о подводный камень, и пальцы, вцепившиеся в волосы Катаги, начали слабеть. Игатиец немного пришел в себя и стал сопротивляться.

— Не сдавайся, старина, — выдохнул Хэдвелл.

Мимо проносился берег. Их протащило всего метрах в трех, потом отнесло снова.

Вложив остаток сил в последнее отчаянное усилие, он ухватился за нависшую над водой ветку и сумел продержаться, борясь с бешеным потоком, пока туземцы со жрецом во главе не вытащили их на берег.

Их отнесли в деревню. Отдышавшись, Хэдвелл повернулся к Катаге и слабо улыбнулся.

— Еле вывернулись, старина, — сказал он.

— Подлец! — процедил Катага, плюнул на Хэдвелла и шагал прочь.

Спаситель уставился ему вслед, недоуменно почесывая затылок.

— Должно быть, головой обо что-то стукнулся, — заметил он. — Ну, так что там с Ультиматом?

Туземцы угрожающе надвинулись на него.

— Ишь, Ультимата ему захотелось!

— Какова скотина!

— Вытащил бедного Катагу из воды, и еще наглости хватает...

— Своему же тестю полез жизнь спасать!

— Такая свинья, — подвел итог купец Васси, — даже и мечтать о смерти права не имеет, будь он проклят!

Хэввеллу показалось, что все они внезапно сошли с ума. Он немного неуверенно поднялся и обратился к жрецу.

— Что это с ними?

Лаг пристально вгляделся в него преисполненным скорби взором, сжал губы так, что они побелели, и промолчал.

— Разве церемонии не будет? — уныло спросил Хэввелл.

— Ты действительно заслужил ее, — ответил жрец. — Если кто и заслуживал Ультимата, так это ты, Хэввелл. На мой взгляд, ты должен был получить свое, хотя бы просто из справедливости. Но сейчас речь идет о чем-то большем, чем абстрактная справедливость. Это принципы милосердия и сострадания, которые дороги Фангукари. Если исходить из них, то ты, Хэввелл, совершил ужасный и бесчеловечный поступок, вытащив из реки несчастного Катагу. Боюсь, простить тебя невозможно.

Хэввелл потерял дар речи. Очевидно, существовал запрет спасать упавших в воду. Да откуда же ему было о нем знать? И неужели такая мелочь способна перевесить все, что он для них сделал?

— Но хоть какой-то церемонии я достоин? — взмолился он. — Я люблю ваш народ, я хочу жить с вами. Наверняка можно что-то сделать.

Глаза старого жреца затуманились от сострадания. Он крепче ухватил жезл и начал его поднимать.

Но его остановил рев возмущенной толпы.

— Тут я бессилен, — признался жрец. — Покни нас, фальшивый посланец. Покинь нас, о Хэдвелл, ты не заслуживаешь даже смерти!

— Ну и ладно! — рявкиул Хэдвелл, внезапно разозлившись. — Черт с вами, грязные дикари. Ноги моей здесь больше не будет, хоть на коленях просите. Ты со мной, Меле?

Девушка нерешительно заморгала, посмотрела на Хэдвелла, потом на жреца. Наступила мертвая тишина.

— Помни о своем отце, Меле, — негромко произнес Лаг. — Помни о вере своего народа.

Меле гордо задрала маленький подбородок.

— Я знаю, каков мой долг, — заявила она. — Пойдем, дорогой Рнчард.

— Вот и хорошо, — отозвался Хэдвелл и зашагал вместе с Меле к кораблю.

Старый жрец с отчаянием смотрел им вслед.

— Меле! — крикнул он дрогнувшим голосом.

Но Меле не обернулась. Лаг увидел, как она вошла в корабль. Захлопнулся люк.

Через несколько минут серебристую сферу окутало красное и голубое пламя. Шар поднялся, набрал скорость, превратился в пятнышко и исчез.

По щекам смотревшего в небо жреца катились слезы.

Несколько часов спустя Хэдвелл сказал:

— Дорогая, я отвезу тебя на Землю, свою родную планету. Тебе там понравится.

— Знаю, что понравится, — прошептала Меле, глядя в пламинатор на сверкающие точки звезд.

Где-то среди них был и ее дом, потерянный для нее навсегда. Она уже затосковала по нему, но другого выбора не было.

По крайней мере, для нее. Женщина всегда идет вслед за мужчиной, которого любит. И женщина, любящая горячо и искренне, никогда не потеряет веры в своего мужа.

А Меле верила в Хэдвелла.

* * *

Она нащупала укрытый в ее одежде крошечный кинжал в ножнах. Кончик его был смазан ядом, вызывающим особо мучительную и медленную смерть. Это была ее семейная реликвия, которой можно было воспользоваться лишь тогда, когда поблизости нет жреца, и только ради того, кого любишь больше всего.

— Нечего терять время даром, — сказал Хэдвелл. — С твоей помощью я совершу великие дела. Ты будешь гордиться мною, мпая.

Меле знала, что он говорит искренне. Когда-нибудь, подумала она, Хэдвелл искунит грех, который он совершил по отношению к ее отцу. Он обязательно совершит нечто великое. Быть может, сегодня, а может, завтра или в следующем году. И тогда она подарит ему самое большое сокровище, которым женщина может одарить мужчину.

Мучительную смерть.

Академия

Инструкция к пользованию измерителем вменяемости «Кэгилл-томас», серия ДМ-14 (модель с ручным управлением).

«Производственная компания „Кэгилл-томас“ рада познакомить вас с новейшим измерителем вменяемости. Этот прекрасный, надежный прибор настолько малогабаритен, что превосходно вписывается в интерьер любой спальни, кухни, кабинета, а во всем остальном он является точной копией стационарного измерителя „К-Т“, применяемого в большинстве учреждений, на общественном транспорте, в местах отдыха и развлечений и т. п. Фирма не пожалела усилий, чтобы снабдить вас наилучшим из всех возможных измерителей по самой низкой из всех возможных цен.

1) Действие. В правом нижнем углу прибора находится выключатель. Переведите его в позицию „включен“ и выждите несколько секунд, пока прибор не нагреется. Затем переведите выключатель из позиции „включен“ в позицию „работа“. Выждите еще несколько секунд, затем снимайте показания.

2) Отсчет показаний. На передней части прибора, над выключателем, имеется прозрачное окошко со шкалой, отградуированной от единицы до десяти. Цифра, на которую указывает

черная стрелка, характеризует ваше психическое состояние, сравнивая его с современной статистической нормой.

3) Цифры 0—3. В вашей модели, как и во всех измерителях вменяемости, за нуль принимается теоретически идеальное психическое состояние. Любая цифра выше нуля считается отклонением от нормы. Однако нуль — это не действительная, а скорее статистическая категория. Для нашей цивилизации диапазон вменяемости колеблется от нуля до трех. Всякое показание прибора в этих пределах считается нормальным.

4) Цифры 4—7. Эти цифры соответствуют допустимому пределу отклонения от нормы. Лица, зарегистрированные в данной зоне шкалы, должны немедленно явиться на консультацию к терапевту.

5) Цифры 8—10. Лицо, получающее показания свыше 7, считается потенциально опасным для окружающих. У него почти наверняка запущенный невроз или даже психоз. По закону такой гражданин обязан встать на учет и в течение испытательного срока снизить показания до цифры меньше семи. (Длительность испытательного срока определяется законодательством каждого штата.) Если это не удастся, гражданин обязан подвергнуться хирургическому изменению личности или добровольно пройти курс лечения в Академии.

6) Цифра 10. Под цифрой „десять“ на шкалу прибора нанесена красная черта. Если стрелка переходит за эту черту, не может быть и речи об обычных платных терапевтических методах лечения. Такой гражданин обязан безотлагательно подвергнуться хирургическому изменению личности или немедленно пройти терапевтический курс лечения в Академии.

Предостережение:

А. Измеритель вменяемости — не диагностическая машина. Не пытайтесь самостоятельно решать вопрос о своем здоровье. Цифры от 0 до 10 не свидетельствуют о характере заболеваний — неврозе, психозе и т. п., а только говорят об их

интенсивности. Шкала интенсивности характеризует лишь потенциальную способность данного индивидуума причинить вред социальному порядку. Невротик определенного типа может оказаться потенциально опаснее психотика, что и регистрирует любой измеритель вменяемости. Для дальнейшего диагностирования обращайтесь к терапевту.

Б. Показания от нуля до десяти являются приближенными. Для получения показаний с точностью до 10^{30} пользуйтесь стационарной моделью.

В. Помните: вменяемость отдельной личности — дело каждого из нас. После периода великих мировых войн мы шагнули далеко вперед — исключительно из-за того, что положили в основу нашей цивилизации концепции социального душевного здоровья, индивидуальной ответственности и сохранения status quo. Поэтому, если ваш показатель выше трех, обращайтесь за медицинской помощью. Если он выше семи, вы обязаны получить медицинскую помощь. Если вы перешагнули за десять, не дождайтесь разоблачения и ареста. Ради спасения цивилизации отдайтесь добровольно в руки властей.

С наилучшими пожеланиями, компания „Кэпилл-томас“.

Мистер Фирмен понимал, что после завтрака надо тотчас же идти на работу. При сложившихся обстоятельствах всякую задержку могли истолковать в неблагоприятном смысле. Он даже надел скромную серую шляпу, поправил галстук, двинулся к двери и взялся было за дверную ручку, но решил дожидаться почты.

Недовольный собой, он отошел от двери и принялся расхаживать по комнате. Ведь он знал, что будет дожидаться почты; зачем же прикидываться, будто собираешься уходить? Неужто нельзя быть честным с самим собой, даже сейчас, когда так важна собственная честность?

Черный спаниель Спид, свернувшийся на кушетке, с любопытством посмотрел на него. Фирмен потрепал пса по голове,

потянулся за сигаретой, но передумал. Он опять потрепал Спида, и пес лениво зевнул.

Фирмен передвинул лампу, которую вовсе не нужно было передвигать, вздрогнул без всякой причины и снова принялся расхаживать по комнате.

Он неохотно признался себе, что у него нет настроения выходить из квартиры, — по правде говоря, он даже боится выйти, хотя ему ничто не угрожало. Он попытался убедить себя, что сегодня всего лишь обычный день, такой же, как вчерашний и позавчерашний. Ведь если человек в это поверит, по-настоящему поверит, события будут отодвигаться в бесконечность и с ним ничего не случится.

Кстати, почему сегодня обязательно должно что-то случиться? У него ведь еще не коичплся испытательный срок.

Ему послышался какой-то шум возле наружной двери, и он поспешно открыл ее. Он ошибся, почта еще не пришла. Однако домовладелица тоже открыла дверь — ее квартира находилась на этой же площадке — и поглядела на него бесцветным недружелюбным взглядом.

Фирмен закрыл дверь и обнаружил, что у него дрожат руки. Он решил, что не мешает проверить. Он вошел в спальню, но там хлопотал рободворецкий, выметавший горстку пыли на середину комнаты. Кровать Фирмена была уже застелена; кровать жены нечего было стелить, так как там почти неделю никто не спал.

— Мне уйти, сэр? — спросил рободворецкий.

Фирмен ответил не сразу. Он предпочитал проверяться в одиночестве. Разумеется, рободворецкий не человек. Строго говоря, механизмы — предметы неодушевленные, однако казалось, что этот робот наделен каким-то подобием души. Как бы то ни было, неважно, останется он или уйдет, потому что в схеме всех личных роботов встроены измерители вменяемости. Этого требовал закон.

— Как хочешь, — сказал наконец Фирмен.

Рободворецкий всосал в себя горстку пыли и бесшумно выкатился из комнаты.

Фирмен подошел к прибору, включил его и привел в действие. Он угрюмо следил за тем, как черная стрелка медленно ползла мимо двойки и тройки — нормы, мимо шестерки и семерки — отклонений, — к 8,2, где в конце концов замерла.

На одну десятую выше, чем вчера. На одну десятую ближе к красной черте.

Фирмен рывком выключил прибор и закурил сигарету. Он вышел из спальни медленно и устало, словно было не утро, а конец рабочего дня.

— Почта, сэр, — плавно подкатившись к нему, возгласил рободворецкий. Фирмен выхватил из протянутой руки робота пачку писем и просмотрел их.

— От нее ничего, — невольно вырвалось у него.

— Мне очень жаль, сэр, — быстро откликнулся рободворецкий.

— Тебе жаль? — Фирмен с любопытством взглянул на механизм. — Почему?

— Я, естественно, заинтересован в вашем благополучии, сэр, — заявил рободворецкий. — Так же как и Спид, в меру своего понимания. Письмо от миссис Фирмен способствовало бы подъему вашего морального состояния. Нам жаль, что оно не пришло.

Спид тихо гавкнул и склонил морду набок. Сочувствие машины, жалость животного, подумал Фирмен. И все-таки он был благодарен обоим.

— Я ее ни в чем не виню, — сказал он. — Нельзя было полагать, что она станет терпеть меня вечно. — Он выждал, надеясь, что робот посулит ему возвращение жены и скорое выздоровление. Однако рободворецкий молча стоял возле Спида, который тем временем успел снова заснуть.

Фирмен еще раз просмотрел корреспонденцию. Там было несколько счетов, какое-то объявление и маленький негнущийся конверт. На нем значился обратный адрес Академии, поэтому Фирмен торопливо вскрыл его.

Внутри конверта была открытка с надписью:

«Дорогой мистер Фирмен, Ваше прошение о приеме рассмотрено и удовлетворено. Мы будем рады принять Вас в любое время. С благодарностью, дирекция».

Фирмен покосился на открытку. У него в мыслях не было добиваться приема в Академию. Ни к чему в мире душа у него не лежала меньше.

— Это жена придумала? — спросил он.

— Не знаю, сэр, — отозвался рободворецкий. Фирмен повертел в руках открытку. Он, конечно, всегда имел смутное представление о том, что существует Академия. О ней невозможно было не знать, так как она оказывала влияние на все сферы жизни. На самом же деле об этом важнейшем учреждении он знал очень мало — на редкость мало.

— Что такое Академия? — спросил он.

— Большое и приземистое серое здание, — ответил рободворецкий. — Расположено в юго-западной части города. До него можно добраться самыми различными видами общественного транспорта.

— Но что она собой представляет?

— Государственная лечебница, — пояснил рободворецкий, — доступная каждому, кто изъявит желание письменно или устно. Более того, Академия существует как место добровольного пребывания всех людей, у которых показания измерителя превышают десять, — на выбор, взамен хирургического изменения личности.

Фирмен в изнеможении вздохнул.

— Все это мне известно. Но какова ее система? Что там за лечение?

— Не знаю, сэр, — сказал рободворецкий.

— Какой процент выздоравливающих?

— Сто процентов, — без запинки ответил рободворецкий.

Фирмен припомнил нечто, показавшееся ему странным.

— Постой-ка, — сказал он. — Из Академии никто не возвращается. Так ведь?

— Нет никаких сведений о лицах, которые вышли бы из Академии, после того как очутились в ее стенах, — ответил рободворецкий.

— Почему?

— Не знаю, сэр.

Фирмен смял открытку и бросил в пепельницу. Все это было весьма странно. Академия так хорошо известна, все с ней так свыклись, что никому и в голову не приходит расспрашивать. В его воображении это место всегда рисовалось каким-то расплывчатым пятном, далеким и нереальным. То было заведение, в которое отправляешься, перевалив за цифру «десять», так как не хочешь подвергаться лоботомии, топэктомии и прочим операциям, ведущим к необратимой утрате личности. Но, разумеется, стараешься не думать о том, что можешь перевалить за десять, так как самая эта мысль не что иное, как признание своей душевной неуравновешенности, и потому не размышляешь о том, какой выбор тебе предоставят, если это случится.

Впервые в жизни Фирмен пришел к выводу, что ему не нравится вся система. Придется навести кое-какие справки. Почему из Академии никто не выходит? Почему так мало известно о тамошних методах лечения, если они действительно эффективны на сто процентов?

— Пожалуй, пойду на работу, — сказал Фирмен. — Приготовь мне что-нибудь на ужин.

— Слушаю, сэр. Всего хорошего, сэр.

Спид вскочил с кушетки и проводил его до двери.

Фирмен опустился на колени и погладил лоснящуюся черную голову.

— Нет, парень, ты оставайся дома. Сегодня не придется зарывать в землю кости.

— Спид никогда не зарывает костей, — вмешался рободворецкий.

— Это верно.

Нынешние собаки, так же как их хозяева, не испытывают неуверенности в завтрашнем дне. Ныиче никто не прячет костей.

— Пока.

Он прошмыгнул мимо хозяйской двери и выскочил на улицу.

Фирмен опоздал на работу почти на двадцать минут. Войдя в двери, он позабыл предъявить обследующему механику удостоверение о прохождении испытательного срока. Гигантский стационарный измеритель вменяемости обследовал Фирмена, стрелка скакнула выше семи, зажглись красные сигнальные лампы. Резкий металлический голос из громкоговорителя прогремел: «Сэр! Сэр! Ваше отклонение от нормы вышло за пределы безопасности! Вам следует безотлагательно обратиться к врачу!»

Фирмен быстро выхватил из бумажника испытательное удостоверение. Однако и после этого машина продолжала добрых десять секунд упрямо рывкать на него. Все в холле нялили на него глаза. Мальчишки-рассыльные застыли, довольные, что оказались свидетелями скандала. Бизнесмены и конторские девушки начали перешептываться, а два полисмента из Охраны вменяемости многозначительно переглянулись. Рубашка Фирмена пропиталась потом и прилипла к спине. Он подавил желание броситься вон и подошел к лифту. Лифт был почти полон, и Фирмен не мог заставить себя войти.

Он взбежал по лестнице на второй этаж и вызвал лифт. К тому времени как Фирмен попал в агентство Моргана, ему

удалось овладеть собой. Он показал удостоверение измерителю вменяемости, стоящему у самой двери, платком вытер с лица пот и прошел внутрь.

В агентстве все уже знали о происшествии. Это было видно по общему молчанию, по тому, как отворачивались все лица. Фирмен быстрым шагом прошел в свой кабинет, закрыл дверь и повесил шляпу.

Он уселся за письменный стол, все еще слегка взбудораженный, исполненный негодования против измерителя вменяемости. Если бы только можно было расколотить эти проклятые штуки! Вечно суют нос в чужие дела, оглушительно гудят прямо в уши, выводят из равновесия...

Тут Фирмен поспешно оборвал собственную мысль. В измерителях нет ничего плохого. Мысль о них как о сознательных преследователях — одно из проявлений паранойи и, возможно, симптом его, Фирмена, нынешнего патологического состояния. Измерители — это всего лишь орудия человеческой воли. Общество в целом, напомнил он себе, нуждается в защите от личности, точно так же как человеческое тело нуждается в защите от дисфункции любой из его частей.

При самой нежной привязанности к своему желчному пузырю ты без сожаления пожертвуешь им, если он способен причинить вред всему организму.

Фирмен смутно сознавал шаткость подобной аналогии, но решил не думать над этим. Надо побольше узнать об Академии.

Закурив сигарету, он набрал номер Терапевтической справочной службы.

— Чем я могу вам помочь, сэр? — откликнулся приятный женский голос.

— Мне бы хотелось получить кое-какую информацию относительно Академии, — сказал Фирмен, чувствуя себя немного не в своей тарелке.

Академия пользовалась такой известностью, так прочно вросла в повседневную жизнь, что его слова были равнозначны вопросу, какое в стране правительство.

— Академия помещается...

— Я знаю, где она помещается, — прервал Фирмен. — Мне бы хотелось выяснить, какие лечебные процедуры там назначают больным.

— Такой информацией мы не располагаем, сэр, — после паузы ответила женщина.

— Нет? А я полагал, что все данные о платной терапии доступны широкой публике.

— Практически так оно и есть, — медленно проговорила женщина. — Но Академия — это не платная лечебница в общепринятом смысле слова. Там действительно взимают плату, однако, с другой стороны, туда принимают больных и на благотворительных началах, совершенно бесплатно. Кроме того, Академию отчасти субсидирует правительство.

Фирмен стряхнул пепел с сигареты и нетерпеливо возразил:

— Мне казалось, что все правительственные начинания известны широкой публике.

— Как правило, известны. За исключением тех случаев, когда подобная осведомленность может оказаться вредной для широкой публики.

— Значит, подобная осведомленность об Академии оказалась бы вредной? — торжествуя воскликнул Фирмен, чувствуя, что наконец-то добрался до сути дела.

— Ах, что вы, сэр! — От изумления голос женщины стал пронзительным. — Я вовсе не это имела в виду! Я просто излагала вам общие правила об отказе в информации. Академия, хотя она и предусмотрена законом, в известной степени оказалась поставленной над законом. Такое правовое положение объясняется тем, что Академия добилась стопроцентного излечения.

— Где я могу увидеть хоть одного излеченного? — спросил Фирмен. — Насколько я понимаю, никто из них никогда не выходил из Академии.

Тут-то они и попались, думал Фирмен, ожидая ответа. Ему показалось, будто в трубке послышался какой-то шепот. Внезапно над ухом раздался мужской голос, громкий и звучный.

— Говорит начальник отдела. У вас возникли затруднения?

Услышав энергичный голос невидимого собеседника, Фирмен едва не выронил трубку. Ощущение торжества развеялось, и он пожалел о том, что позвонил сюда. Однако он принудил себя добавить:

— Мне нужна кое-какая информация об Академии.

— Местонахождение...

— Да нет же! Я имею в виду действительную информацию! — с отчаянием сказал Фирмен.

— С какой целью вы желаете получить эту информацию? — спросил начальник отдела, и в его голосе внезапно зазвучали вкрадчивые, почти гипнотические нотки опытного терапевта.

— Для осведомления, — не задумываясь ответил Фирмен. — Поскольку Академия — это вариант лечения, доступный мне в любое время, я хотел бы узнать о ней побольше, чтобы сделать правильный выбор.

— Весьма правдоподобно, — заметил начальник отдела. — Однако взвесьте. Нужны ли вам полезные, деловые сведения? Такне, что будут способствовать вашему единению с обществом? Или ваша просьба продиктована праздным любопытством, поскольку вы подвержены беспокойству и другим, еще более серьезным комплексам?

— Я спрашиваю, потому что...

— Как ваша фамилия? — неожиданно спросил начальник отдела.

Фирмен промолчал.

— Каков уровень вашей вменяемости?

Фирмен по-прежнему молчал. Он старался понять, засечен ли уже номер его телефона, и склонялся к мысли, что уже засечен.

— Вы сомневаетесь в том, что Академия приносит неизмеримую пользу?

— Нет.

— Вы сомневаетесь в том, что Академия способствует сохранению status quo?

— Нет.

— Тогда в чем же дело? Почему вы отказываетесь назвать свою фамилию и уровень вменяемости? Почему испытываете необходимость в более полной информации?

— Благодарю вас, — пробормотал Фирмен и повесил трубку. Он сообразил, что телефонный звонок был роковой ошибкой. То был поступок восьмерочника, а не нормального человека. Начальник отдела, обладая профессионально развитым восприятием, сразу понял это. Разумеется, начальник отдела не станет давать такую информацию восьмерочнику. Фирмен знал; что тот, кто надеется когда-либо вернуться к статистической норме, должен куда тщательнее следить за своими поступками, анализировать их, отдавать себе в них отчет.

Он все еще сидел у телефона, когда послышался стук; дверь отворилась, и вошел его начальник, мистер Морган. Это был высокий человек, богатырского сложения, с круглым, сытым лицом. Он остановился перед столом Фирмена, барабанил пальцами по пресс-папье и глядя смущенно, как пойманный вор.

— Мне уже доложили об инциденте внизу, — сказал он, не глядя на Фирмена и энергично постукивая пальцами.

— Минутная слабость, — автоматически ответил Фирмен. — Вообще-то мой уровень начинает улучшаться.

Говоря это, он не смел взглянуть Моргану в глаза. Оба напряженно уставились в противоположные углы комнаты. Наконец их взгляды скрестились.

— Послушайте, Фирмен, я стараюсь не вмешиваться в чужие дела, — заговорил Моргая, садясь на уголок стола Фирмена. — Но черт побери, дружище, вмеяемость — это вопрос, который затрагивает всех. Все мы под Богом ходим. — Эта мысль, казалось, укрепила Моргана в его убеждении. Разгорячившись, он подался к собеседнику. — Вы знаете, на мне лежит ответственность за множество сотрудников. За последний год вы третий раз находитесь на испытании. — Он заколебался. — Как это началось?

Фирмен покачал головой.

— Не знаю, мистер Морган. Жил себе поменьку, тихо и спокойно — и вдруг стрелка полезла вверх.

Подумав, мистер Морган тоже покачал головой.

— Не может быть, чтобы так сразу, ни с того ни с сего. Вы проверяли мозговую ткань?

— Меня заверили, что никаких органических изменений нет.

— Лечились?

— Чего только не перепробовал, — сказал Фирмен. — Электротерапия, психоанализ, метод Смита, школа Раннеса, Девиа-мысль, дифференциация...

— И что вам сказали? — спросил Морган.

Фирмен вспомнил нескончаемую вереницу терапевтов, к которым он обращался. Его обследовали со всех точек зрения, разработанных психологией. Его усыпляли наркотиками, подвергали шоку и обследовали, обследовали... Однако все бурные усилия сводились к одному...

— Не разобрались.

— Неужели они вовсе ничего не могли сказать?

— Во всяком случае немного. Врожденное беспокойство, глубоко скрытые комплексы, неспособность внутренне

принять status quo. Все сходятся на том, что я негибкий тип. На меня не подействовала даже реконструкция личности.

— А как прогноз?

— Не слишком благоприятен.

Морган встал и принялся расхаживать по кабинету, заложив руки за спину.

— Фирмен, я думаю, это вопрос вашего внутреннего отношения к миру. Действительно ли вы хотите стать винтиком в нашем слаженном механизме?

— Я испробовал все...

— Конечно. Но хотели ли вы измениться? Приобщение! — воскликнул Морган и стукнул о ладонь кулаком, будто припечатал это слово. — Хотите ли вы приобщиться?

— Едва ли, — ответил Фирмен с искренним сожалением.

— Взять хоть меня, — серьезно сказал Морган, широко расставив ноги перед столом Фирмена. — Десять лет назад это агентство было вдвое больше нынешнего и продолжало расти! Я работал как одержимый, увеличивал фонды, умножал ценные бумаги, вкладывал капитал, расширял дело и делал деньги, деньги и снова деньги.

— И что же случилось?

— Неизбежное. Стрелка подпрыгнула с двух и трех десятых до семи с гаком. Я встал на дурной путь.

— Закон не воспрещает делать деньги, — заметил Фирмен.

— Безусловно. Но существует психологический закон против тех, кто делает их слишком много. Современное общество к таким вещам не приспособлено. Из расы вытравили почти всю жажду конкуренции, всю агрессивность. В конце концов скоро будет сто лет, как установлен status quo. Все это время не было ни новых изобретений, ни войн, ни существенных изменений. Психология нормализует человечество, искореняя безрассудные элементы. Так вот, с моими склонностями

и способностями это было все равно что... все равно что играть с младенцем в теннис. Меня невозможно было удержать.

Лицо Моргана покраснело, дыхание стало прерывистым. Он овладел собой и продолжал более ровным тоном:

— Понятно, мои поступки были продиктованы патологическими причинами. Жаждой власти, чрезмерным конкурентным азартом. Я прошел Подстановочную терапию.

Фирмен заметил:

— Не вижу ничего ненормального в желании расширить свое дело.

— Боже правый, дружище, да неужели вы ничего не смыслите в Социальной вменяемости, в Ответственности и Укладе стабильного общества? Я был на пути к обогащению. Разбогатев, я мог бы основать финансовую империю. Все вполне законно, понимаете ли, но ненормально. И кто знает, до чего бы я докатился? Быть может, в конечном итоге — до косвенного контроля над правительством. Я бы захотел изменить психологическую политику в соответствии со своими аномалиями. Представляете, к чему бы это привело?

— И вы приспособились, — сказал Фирмен.

— Я мог выбрать между Хирургией мозга, Академией и Приспособлением. К счастью, я нашел выход своим склонностям в спортивной борьбе. Я облагородил свои эгоистические комплексы, направив их на благо человечества. Однако вот к чему я клоню, Фирмен. Ведь я приближался к красной черте. Но я приспособился, прежде чем оказалось слишком поздно.

— Я бы с радостью приспособился, — ответил Фирмен, — если бы знал, что со мной происходит. Беда в том, что диагноз неизвестен.

Морган долго молчал, что-то обдумывая. Наконец он сказал:

— Мне кажется, вам нужен отдых, Фирмен.

— Отдых? — Фирмен мгновенно насторожился. — Вы хотите сказать, что я уволен?

— Нет, разумеется, нет. Я хочу быть справедливым и поступать как порядочный человек. Но у меня здесь хозяйство. — Неопределенный жест Моргана означал — агентство, здание, город. — Безумие подкрадывается незаметно. На этой неделе у нескольких наших сотрудников уровень повысился.

— И очаг инфекции — это я.

— Мы должны подчиняться правилам, — сказал Морган, распрямляясь перед столом Фирмена. — Жалованье вам будет поступать до тех пор, пока ... пока вы не примете какое-либо решение.

— Спасибо, — сухо произнес Фирмен.

Он встал и надел шляпу.

Морган положил руку ему на илечо.

— Вы не задумывались об Академии? — негромко спросил он. — Я хочу сказать, если больше ничего не поможет.

— Раз и навсегда — нет! — ответил Фирмен, заглянув прямо в маленькие голубые глазки Моргана. Морган отвернулся.

— У вас, по-моему, необъяснимое предубеждение против Академии. Откуда оно? Ведь вы знаете, как организовано наше общество. Вы же не думаете, что в нем дозволит что-нибудь идущее вразрез с общим благом?

— Едва ли, — согласился Фирмен. — Но почему об Академии так мало известно?

Они прошли сквозь анфиладу безмолвных кабинетов. Никто из людей, с которыми Фирмен был так давно знаком, не оторвался от работы.

Морган открыл дверь и сказал:

— Вам все известно об Академии.

— Мне не известно, как там лечат.

— А все ли вы знаете об остальных видах лечения? Можете ли рассказать о Подстановочной терапии? О психоанализе? Или о Редукции О'Гилви?

— Нет. Но у меня есть общее представление об их воздействии.

— Оно есть у всех, — торжествующе подхватил Морган, но тут же понизил голос. — В том-то и загвоздка. Очевидно, Академия не дает такой информации, потому что это нанесло бы вред самой терапии. Но здесь нет ничего странного, не так ли?

Фирмен обдумывал эту мысль, следуя за Морганом в холл.

— Готов согласиться, — сказал он. — Но объясните, почему из Академии никто никогда не выходит? Не поражает ли вас это зловещее обстоятельство?

— Никоим образом. Вы очень странно смотрите на вещи. — Разговаривая, Морган нажал кнопку и вызвал лифт. — Будто стараетесь открыть тайну там, где ее и в помине нет. Я могу допустить, что их метод терапии требует пребывания пациента в стенах Академии. В изменении окружающей среды нет ничего странного. Это делается сплошь да рядом.

— Если это правда, почему бы им так и не сказать?

— Факты говорят сами за себя.

— А где же доказательства стопроцентного излечения? — спросил Фирмен.

В этот момент прибыл лифт, и Фирмен вошел в него. Морган сказал:

— Доказательство в том, что они это утверждают. Терапевты не лгут. Они не способны на ложь, Фирмен!

Морган хотел было сказать что-то еще, но дверцы лифта захлопнулись. Лифт устремился вниз, и Фирмен с содроганием осознал, что лишился работы.

Странное это ощущение — остаться без работы. Идти было некуда. Частенько он ненавидел свою работу. Бывало, по

утрам он стонал при мысли о том, что предстоит провести еще один день на службе. Но теперь, оказавшись не у дел, он понял, как важна была для него работа, она придавала ему солидность и уверенность в себе. «Человек — ничто, — думал он, — если ему нечего делать».

Он бесцельно обходил квартал за кварталом, пытаясь поразмыслить. Однако он был неспособен сосредоточиться. Мысли упорно ускользали, увертывались от него; мимолетными наплывами их вытесняло лицо жены. Но даже о ней он не мог толком подумать, потому что на него давил большой город — городские лица, звуки, запахи.

Единственный план действия, который пришел ему в голову, был невыполним. «Беги, — подсказывали смятенные чувства. — Беги туда, где тебя никогда не разыщут. Скройся!»

Но Фирмен знал, что это не выход. Бегство явилось бы чистейшим уходом от действительности и доказательством отклонения от нормы. В самом деле, откуда бы он сбежал? Из самого здорового, наиболее совершенного общества, когда-либо созданного человеком. Только безумец способен бежать отсюда.

Фирмен стал замечать встречных. Они казались счастливыми, исполненными нового духа Ответственности и Социальной вменяемости, готовыми пожертвовать былыми страстями во имя новой эры покоя. Это славный мир, чертовски славный мир. Отчего Фирмен не может в нем ужиться?

Нет, может. За многие недели у Фирмена впервые забрезжила вера в себя, и он решил, что как-то приспособится.

Если бы только знать как.

После многочасового гуляния Фирмен обнаружил, что голоден.

Он зашел в первый подвернувшийся ресторанчик. Зал был переполнен рабочими: Фирмен забрел почти к самым докам.

Он сел у стойки и заглянул в меню, повторяя себе, что необходимо все обдумать. Надо должным образом оценить свои поступки, тщательно взвесить...

— Эй, мистер!

Он поднял глаза. На него свирепо уставился лысый, заросший щетиной буфетчик.

— Что?

— Убирайтесь-ка подобру-поздорову.

— Что случилось? — спросил Фирмен, стараясь подавить внезапно охвативший его панический страх.

— Мы тут психов не обслуживаем, — сказал буфетчик. Он ткнул пальцем в сторону настенного прибора, который регистрировал состояние каждого посетителя. Черная стрелка забралась чуть повыше девяти. — Убирайтесь вон.

Фирмен бросил взгляд на других людей у стойки. Они сидели в ряд, одетые в одинаковые коричневые спецовки из грубого холста. Кепки были надвинуты на брови, и каждый, казалось, был всецело погружен в чтение газеты.

— У меня испытательное...

— Убирайтесь, — повторил буфетчик. — По закону я не обязан обслуживать всяких девятчиков. Это беспокоит клиентов. Ну же, пошевеливайтесь.

Рабочие по-прежнему сидели чинным рядом, недвижно, не глядя в сторону Фирмена. Фирмен почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. У него появился внезапный импульс — вдребезги разбить лысый, лоснящийся череп буфетчика, врезаться с ножом мясника в рядок прислушивающихся людей, окропить грязные стены их кровью, крушить, убивать. Но агрессивность — реакция нежелательная и, безусловно, патологичная. Он преодолел нездоровый импульс и вышел на улицу.

Фирмен продолжал прогулку, борясь с желанием пуститься наутек: он ожидал, когда же логика подскажет ему, что делать

дальше. Однако мысли все больше путались, и, когда наступили сумерки, Фирмен готов был свалиться от изнеможения.

Стоя на узенькой, заваленной гниющим мусором улочке в районе трущоб, в окне второго этажа он заметил вывеску, сделанную от руки: «Дж. Дж. Флинн, терапевт-психолог. Может быть, мне удастся вам помочь». При мысли о всех высокооплачиваемых специалистах, к которым он обращался, Фирмен криво усмехнулся. Он пошел было прочь, но повернул и поднялся по лестнице, ведущей в приемную Флинна. Опять он был недоволен собой. Увидев вывеску, он в тот же миг понял, что пойдет к этому врачу. Неужели он никогда не перестанет лукавить с самим собой?

Кабинет Флинна был тесен и плохо освещен. Со стен облупилась краска, в комнате застоялся запах немытого тела. Флинн сидел за деревянным неполированным нисьменным столом и читал приключенческий журнальчик. Он был маленького роста, средних лет и уже начинал лысеть. Он курил трубку.

Фирмен собирался начать с самого начала, но неожиданно для себя выпалил:

— Послушайте, у меня страшные неприятности. Я потерял работу, от меня ушла жена, я испробовал все существующие методы терапии. Что вы можете сделать?

Флинн вынул изо рта трубку и взглянул на Фирмена. Он осмотрел его костюм, шляпу, туфли, как бы прикидывая их стоимость, затем спросил:

— А что сказали другие врачи?

— Их слова сводились к тому, что мне не на что надеяться.

— Конечно, так они и говорят, — подхватил Флинн, быстро произнося слова высоким и четким голосом. — Эти модные молодчики слишком легко сдаются. Однако надежда есть всегда. Разум — странная и сложная штука, друг мой, и то и дело...

Флинн неожиданно умолк и печально, иронически ухмылялся:

— Ах, да какой в этом толк? У вас уже появился обреченный взор, никуда не денешься. — Он выколотил трубку и устремил отсутствующий взгляд в потолок. — Вот что, я для вас ничего не могу сделать. Вы это знаете, и я это знаю. Зачем вы сюда пришли?

— Надо полагать, в поисках чуда, — ответил Фирмен, устало опускаясь на деревянный стул.

— Многие ищут, — словоохотливо сказал Флинн. — Видно, мой кабинет — самое подходящее место для поисков, не правда ли? Вы посещали фешенебельные приемные модных специалистов. Помощи там не получили. Поэтому уместно и пристойно, если захудалый терапевт добьется того, что не удалось знаменитостям. Что-то вроде поэтической справедливости.

— Вот-вот, — одобрил Фирмен со слабой улыбкой. — Поэтической справедливости.

— Я не так уж бездарен, — заверил его Флинн, набивая трубку табаком из потрепанного зеленого кисета. — Но истина кроется в том, что чудеса стоят денег, всегда стоили и всегда будут стоить. Если вам не могли помочь светила, то я и подавно не могу.

— Спасибо за правду, — сказал Фирмен, но не сделал никакой попытки встать.

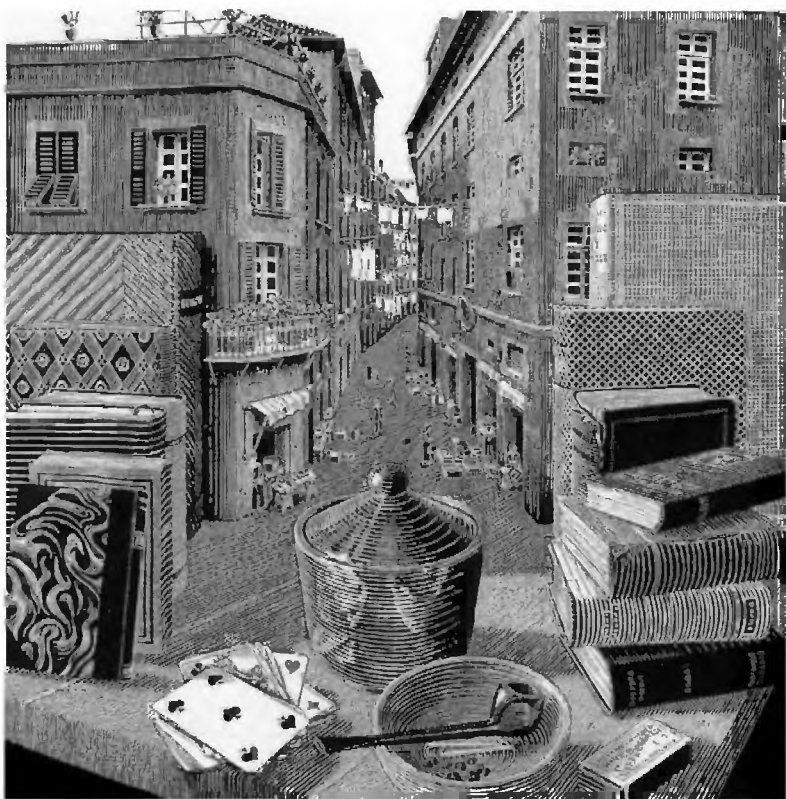
— Но долгу терапевта, — медленно произнес Флинн, — напоминаю вам, что Академия открыта в любое время дня.

— Как же можно туда обращаться? — спросил Фирмен. — Ведь я о ней ничего не знаю.

— Никто не знает, — ответил Флинн. — Тем не менее я слышал, что там излечивают решительно всех.

— Смерть — тоже излечение.

— Но нецелесообразное. Кроме того, уж очень оно противоречит духу времени. При таком варианте Академией должны были быправлять невменяемые, а как раз им-то это и запрещено.

— Тогда почему же оттуда никто не выходит?

— Не спрашивайте меня, — сказал Флинн. — Может быть, никто не хочет оттуда выходить. — Он затаился. — Вам нужен совет? О'кей. Деньги есть?

— Найду, — осторожно ответил Фирмен.

— Отлично. Мне не полагается этого говорить, но... Бросьте искать лекарства! Найдите домой. Отправьте рободворецкого за двухмесячным запасом продуктов. Спрячьтесь до поры до времени.

— Спрятаться? Зачем?

Флинн метнул на него бешеный взгляд.

— Затем, что вы изводите себя, пытаетесь вернуться к норме, и добиваетесь только ухудшения. Такие случаи я наблюдал сотнями. Перестаньте думать о вменяемости и невменяемости. Отлежитесь спокойненько месяц-другой, отдохайте, читайте, толстейте. Тогда и посмотрим, как у вас пойдут дела.

— Знаете, — сказал Фирмен, — по-моему, вы правы. Я в этом уверен! Но не уверен, можно ли возвращаться домой. Сегодня я кое-куда звонил... У меня есть деньги. Не могли бы вы спрятать меня здесь, у вас? Спрячьте, пожалуйста!

Флинн встал и боязливо выглянул из окна на улицу.

— Я и так наговорил слишком много. Будь я помоложе... нет, не могу! Я дал вам безумный совет! Я не могу вдобавок совершить безумный поступок!

— Извините, — сказал Фирмен. — Мне не следовало вас просить. Но я и вправду очень вам благодарен. Честное слово.

Он встал.

— Сколько я вам должен?

— Ничего вы не должны, — ответил Флинн. — Желаю вам поправиться.

— Спасибо.

Фирмен поспешно спустился по лестнице и подождал такси. Через двадцать минут он был дома.

Когда Фирмен подходил к своей квартире, на лестничной площадке было до странности тихо. У хозяйки дверь была закрыта, но у него создалось впечатление, что дверь закрылась перед самым его приходом и хозяйка притаилась за ней, прижав ухо к тонкому слою дерева. Он ускорил шаг и вошел в квартиру.

В квартире тоже было тихо. Фирмен пошел на кухню. Рободворецкий стоял у плиты, а Спид свернулся клубком в углу.

— Добро пожаловать, сэр, — приветствовал Фирмена рободворецкий. — Не угодно ли присесть, а я подам ужин.

Фирмен сел, продолжая строить дальнейшие планы. Надо продумать массу деталей, но в главном Флинн прав. Спрятаться — это именно то, что нужно. Исчезнуть с глаз долой.

— Завтра утром тебе первым делом надо будет сходить за покупками, — сказал Фирмен рободворецкому.

— Слушаю, сэр, — ответил рободворецкий, ставя перед ним тарелку с супом.

— Нам понадобится уйма продуктов. Хлеб, мясо... Нет, лучше покупай консервы.

— Какого рода консервы? — спросил рободворецкий.

— Любого, лишь бы они составили полноценный рацион. И сигареты, не забудь про сигареты! Дай мне, пожалуйста, соли.

Рободворецкий стоял у плиты не двигаясь, а Спид тихонько заскулил.

— Рободворецкий! Пожалуйста, соли.

— Мне очень жаль, сэр, — сказал рободворецкий.

— Что значит — тебе жаль? Подай мне соль.

— Я больше не могу вам повиноваться.

— Почему?

— Только что вы перешли красную черту, сэр. Вы теперь десяточник.

Какое-то мгновение Фирмен бессмысленно смотрел на рободворецкого. Потом бросился в спальню и включил измеритель. Черная стрелка медленно подползла к красной черте, дрогнула и решительно перевалила за нее.

Он стал десяточником.

Но это неважно, убеждал он себя. В конце концов, количество не перешло в новое качество. Не превратился же он внезапно в чудовище. Он все объяснит рободворецкому, убедит...

Фирмен опростелся выскочил из спальни.

— Рободворецкий! Выслушай меня...

Он услышал, как хлопнула входная дверь. Рободворецкий ушел.

Фирмен побрел в столовую-гостиную и сел на кушетку. Естественно, рободворецкий ушел. Роботы оборудованы встроенными приборами для контроля душевного состояния. Если их хозяева перешагивают за красную черту, роботы автоматически возвращаются на завод. Ни один десятичник не может распоряжаться сложным механизмом.

Однако еще не все пропало. В доме есть еда. Он ограничит себя жесткой нормой. Со Спидом будет не так одиноко. Может быть, ему и потребуется всего-то несколько дней.

— Спид!

В квартире не слышалось ни звука.

— Поди сюда, псина.

По-прежнему ни звука.

Фирмен методически обыскал всю квартиру, но пса нигде не было. Он, наверное, ушел вместе с рободворецким.

В одиночестве Фирмен пошел на кухню и выпил три стакана воды. Он взглянул на ужин, приготовленный рободворецким, и принялся было хохотать, но тут же опомнился.

Надо сматываться, да поживее. Нельзя терять ни минуты. Если поспешить, то, может, что-нибудь и выйдет. Куда-нибудь, в любое место. Теперь каждая секунда на счету.

Однако он все стоял на кухне, тупо уставясь в пол и дивясь, почему его покинул пес.

В дверь постучали.

— Мистер Фирмен!

— Нет, — сказал Фирмен.

— Мистер Фирмен, вы должны немедленно съехать.

Это была домовладелица. Фирмен открыл ей дверь.

— Съехать? Куда?

— Это меня не касается. Но вам нельзя здесь больше оставаться, мистер Фирмен. Вы должны съехать.

Фирмен вернулся в комнату за шляпой, надел ее, огляделся по сторонам и вышел. Дверь он оставил открытой.

На улице его поджидали двое. В темноте трудно было разглядеть их лица.

— Куда вы хотите отправиться? — спросил один из них.

— А куда можно?

— На Хирургию или в Академию.

— Тогда в Академию.

Они усадили его в машину и быстро отъехали. Фирмен откинулся на спинку сиденья, слишком измученный, чтобы о чем-то думать. Он чувствовал на лице прохладный ветерок, да и легкое покачивание машины было приятно. Однако поездка казалась нескончаемо долгой.

— Приехали, — сказал наконец один из сопровождающих.

Они остановили машину и ввели Фирмена в комнату, где не было мебели.

Лишь в центре стоял письменный стол с дощечкой «Дежурный по приему». Навалившись на стол, там сладко похрапывал какой-то человек.

Один из конвоиров Фирмена громко кашлянул. Дежурный тотчас вскочил, выпрямился и стал протирать глаза. Он нацепил очки и сонно посмотрел на вошедших.

— Который? — спросил он.

Два конвоира указали на Фирмена.

— Ладио. — Дежурный потянулся, раскинув тощие руки, потом открыл большой черный блокнот. Он набросал несколько слов, вырвал листок и вручил конвоирам Фирмена. Те сразу ушли.

Дежурный нажал некую кнопку и энергично почесал в затылке.

— Сегодня полнолуние, — сказал он Фирмену с видимым удовлетворением.

— Что? — переспросил Фирмен.

— Полнолуние. Таких, как ты, больше всего привозят в полнолуние, во всяком случае, мне так кажется. Я подумываю написать на эту тему диссертацию.

— Больше всего? Чего больше? — опять переспросил Фирмен, который еще не пришел в себя, попав в стены Академии.

— Не будь таким тупицей, — строго сказал дежурный. — Во время полнолуния к нам поступает больше всего десятичников. Не думаю, чтобы здесь существовала какая-то корреляционная зависимость, но... ага, вот и охранник.

На ходу завязывая галстук, к столу подошел охранник в форме.

— Отведи его в 312-аА, — сказал дежурный.

Когда Фирмен пошел к двери вслед за охранником, дежурный снял очки и снова повалился на стол.

Охранник вел Фирмена по запутанной сети коридоров с частыми дверями. Коридоры, казалось, возникали сами по себе, так как от них под всевозможными углами шли ответвления, а некоторые отрезки изгибались и петляли, как улицы древних городов. Но пути Фирмен заметил, что двери не были пронумерованы в последовательном порядке. Он прошел 3112, потом 25Р, потом 14. И был уверен, что мимо номера 888 проходил трижды.

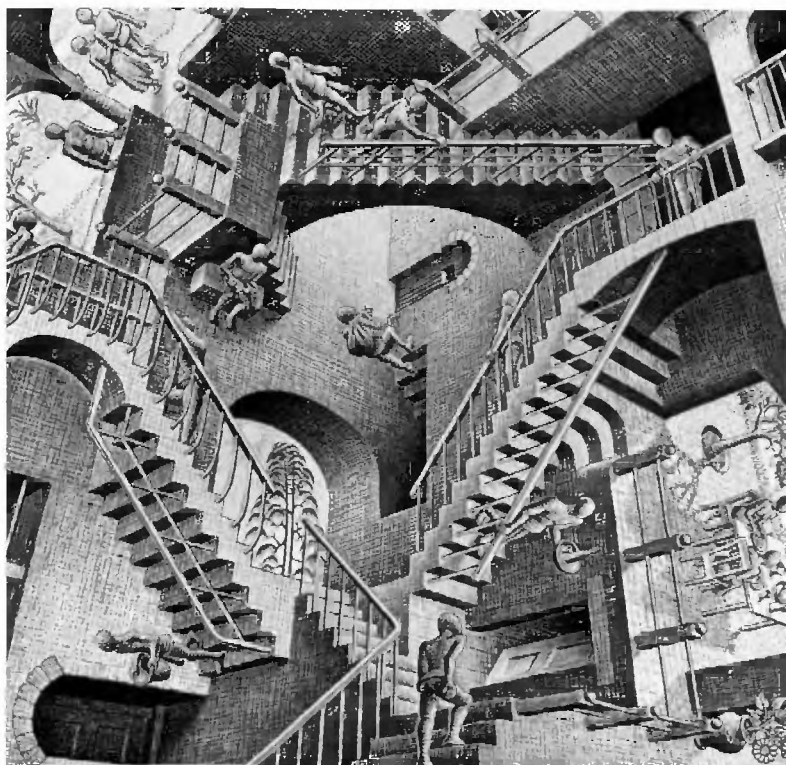
— Как вы здесь не заблудитесь? — спросил он охранника.

— Это моя работа, — ответил тот не без учтивости.

— Особой системы тут не видно, — заметил Фирмен.

— Ее и не может быть, — сказал охранник почти доверительным тоном. — Ведь здесь по проекту намечалось гораздо меньше палат, но после началась лихорадка. Больные, больные, каждый день все новые больные, и ни намека на передышку. Так что пришлось разбить палаты на меньшие и проделать новые коридоры.

— Но как же врачи находят своих пациентов? — спросил Фирмен.

Они подошли к 312-аА. Не отвечая, охранник отнер дверь, а когда Фирмен переступил порог, закрыл ее и запер на ключ.

Палата была очень мала. Там стояли кушетка, кресло и шкафчик; эта немудреная мебель занимала всю клетушку.

Почти сразу Фирмен услышал за дверью голоса. Мужской голос сказал: «Согласен, пусть кофе. В кафетерии через полчаса». В замке повернулся ключ, и Фирмен не расслышал ответа. Внезапно раздался взрыв смеха.

Низкий мужской голос произнес:

— Ну да, и еще сотню, и тогда нам придется в поисках мест лезть под землю!

Дверь отворилась, и в палату, все еще слегка улыбаясь, вошел бородач в белом пиджаке. При виде Фирмена лицо его приняло профессиональное выражение.

— Прилягте, пожалуйста, на кушетку, — сказал он вежливо, но с несомненной властью.

Фирмен ни единым жестом не показал, что собирается повиноваться.

— Раз уж я здесь, — сказал он, — может быть, вы мне объясните, что все это значит?

Бородач принялся отпирать шкафчик. Он бросил на Фирмена усталый, но в то же время насмешливый взгляд и поднял брови.

— Я не лектор, а врач, — ответил он.

— Я понимаю. Но ведь...

— Да-да, — сказал врач, беспомощно пожимая плечами. — Я знаю. Вы вправе спросить и все такое. Ей-богу, вам должны были это разъяснить до того, как вы сюда попали. Это просто не моя работа.

Фирмен продолжал стоять. Врач сказал:

— Будьте умницей, ложитесь на кушетку, и я вам все расскажу.

Он снова отвернулся к шкафчику.

У Фирмена мелькнула мысль — не попытаться ли скрутить врача, но он тут же сообразил, что, должно быть, до него об этом думали тысячи десяточников. Наверняка существуют какие-то меры предосторожности. Он улегся на кушетку.

— Академия, — заговорил врач, не переставая копошиться в шкафчике, — это закономерное порождение нашей эпохи. Чтобы понять ее, надо сначала понять свой век. — Врач выдержал драматическую паузу и со смаком продолжал: — Вменяемость! Однако с вменяемостью, особенно с социальной вменяемостью, неразрывно связано чудовищное напряжение. Как легко повредиться в уме! И, единожды повредившись, че-

ловек начинает переоценивать ценности, у него появляются странные надежды, идеи, теории, потребность действия. Все это само по себе может и не быть патологией, но в результате неизбежно вредит обществу, ибо сдвиг в каком бы то ни было направлении опасен для стабильного общества. Ныне, после тысячелетий кровопролития, мы поставили перед собой цель — защитить общество от патологической личности. Поэтому каждая личность должна избегать тех умственных построений, тех безмолвных решений, которые делают ее потенциально опасной, грозят переменами. Подобное стремление к стабильности, являющейся нашим идеалом, требует чуть ли не сверхчеловеческой силы и решимости. Если в вас нет этих качеств, вы кончите здесь.

— Мне все же не ясно... — начал Фирмен, но врач его перебил:

— Отсюда очевидна необходимость Академии. На сегодняшний день по-настоящему гарантирует вменяемость лишь хирургическая операция мозга. Однако человеку неприятна даже мысль об этом — только дьявол мог предложить такой выбор. Государственная хирургия мозга приводит к гибели первоначальной личности, а это самая страшная смерть. Академия старается ослабить напряжение, предлагает другую альтернативу.

— Но что это за альтернатива? Почему вы скрываете?

— Откровенно говоря, большинство предпочитает оставаться в неведении. — Врач запер шкафчик, но Фирмену не было видно, какие инструменты он оттуда достал. — Поверьте мне, ваша реакция нетипична. Вы предпочитаете думать о нас как о мрачной, таинственной, грозной силе. Это из-за вашего безумия. Здравомыслящие люди считают нас панацеей, приятно-гуманным избавлением от жестокой определенности. Они верят в нас, как в Бога. — Врач тихонько хмыкнул. — Большинству людей мы представляемся раем.

— Почему же вы храните свои методы в тайне?

— Откровенно говоря, — ласково ответила врач, — даже райские методы лучше не рассматривать слишком пристально.

— Значит, все это обман? — воскликнул Фирмен, пытаясь сесть. — Вы хотите меня убить!

— Ни в коем случае, — заверил врач и мягким движением заставил его лечь.

— Так что же вы собираетесь делать?

— Увидите.

— А почему отсюда никто не возвращается?

— Не желают, — ответил врач.

Прежде чем Фирмен успел шевельнуться, врач ловко всадила ему в руку иглу шприца и впрыснула теплую жидкость.

— И помните, — сказал он, — надо защищать общество от личности.

— Да, — сквозь дремоту отозвался Фирмен, — но кто защищает личность от общества?

Очертания предметов в палате расплылись, и, хотя врач что-то ответил, Фирмен не расслышал слов — знал только, что они мудры, уместны и очень истинны.

Придя в себя, он заметил, что стоит на огромной равнине. Выходило солнце. В тусклом свете к ногам Фирмена льнули клочья тумана, а трава под ногами была мокрой и упругой.

Фирмен вяло удивился, увидев, что рядом, по правую руку от него, стоит жена. Слева к его ноге прижался чуть дрожащий Спид. Удивление быстро развеялось, потому что перед битвой здесь, возле хозяина, и полагалось быть жене и псу.

Впереди движущийся туман распался на отдельные фигурки, и Фирмен узнал их, когда они приблизились.

То были враги! Процессию возглавлял рободворецкий; в полутьме он мерцал зловещим нечеловеческим блеском. Там был и Морган, который, обращаясь к начальнику отдела,

истерически вопла, что Фирмен должен умереть; а запуганный Флинн, бедняга, прятал лицо, но надвигался на него. Там была и домовладелица, которая пронзительно кричала: «Нет ему жилья!» А за ней шли врачи, дежурные, охранники, а за ними шагали миллионы в грубых рабочих спецовках; кепки у них были надвинуты на глаза, газеты скатаны в тугую трубочку.

Фирмен подобрался в ожидании решительного боя с врагами, которые его предали. Однако в мозгу шевельнулось сомнение. Наяву ли все это?

Внезапно он с отвращением увидел как бы со стороны свое одурманенное наркотиками тело, лежащее в нумерованной палате Академии, в то время как дух его невесть где сражается с тенями.

Я вполне нормален! В минуту полного просветления Фирмен понял, что надо бежать. Не его удел — бороться с призрачным противником. Надо вернуться в настоящий мир. Status quo не будет длиться вечно. Что же станет с человечеством, из которого вытравили силу, инициативу, индивидуальность?

Из Академии никто не выходит? А вот он выйдет! Фирмен попытался вырваться из-под власти наркотического бреда, он почти ощущал, как ворочается на кушетке его никому не нужное тело, как он стонет, заставляя себя встать...

Но призрачная жена схватила его за руку и указала вдаль. Призрачный пес зарычал на надвигающегося противника.

Мгновение было безвозвратно упущено, хотя Фирмен этого так никогда и не понял. Он позабыл о своем решении вырваться, позабыл о земле, позабыл о правде, и капли росы окропили его ноги, когда он ринулся в жестокую схватку с врагом.

Город — мечта, да ноги из плоти

Кармоди никогда всерьез не думал уезжать из Нью-Йорка.

И почему он все-таки уехал — непонятно. Прирожденный горожанин, он давно свыкся с неудобствами жизни в крупном центре. В его уютной квартирке на 290 этаже, оборудованной по последней моде «Звездолет», стояли двойные герметичные рамы и фильтрующие воздухозаборники, которые отключались, когда общий показатель загрязнений атмосферы поднимался до 999,8. Кислородно-азотная рециркуляционная система, безусловно, не блистала новизной, но была надежной. Устройство для очистки воды безнадежно устарело, спору нет, но, в конце концов, кто пьет воду?

Даже с шумом, непрерывным и вездесущим, Кармоди свыкся, так как знал, что спасения нет, ибо древнее искусство звукоизоляции давно утрачено. Таков уж удел горожанина — вечно слушать бульканье в трубах, ссоры и музыку соседей. Однако и эту пытку можно облегчить, самому производя аналогичные звуки.

Конечно, кое-какие опасности подстерегали ежедневно по пути на работу; но скорее мнимые, чем реальные. Загнанные в угол снайперы продолжали свои тщетные протесты с крыш, и время от времени им удавалось подстрелить какого-нибудь ротозея-приезжего. Как правило, все же они безбоянно мазали.

Повсеместное ношение легких пуленепробиваемых поддевок вырвало, образно выражаясь, у несчастных снайперов жало, а неукоснительное соблюдение запрета на покупку пушек окончательно поставило на них крест.

Таким образом, ни один из этих факторов не мог вызвать неожиданного решения Кармоди покинуть Нью-Йорк — по общему мнению, самый увлекательный город в мире. Взыграли пасторальные фантазии, не иначе. Либо случайный порыв. Либо просто из вредности.

В общем, как-то раз Кармоди развернул «Дейли таймс-ньюс» и заметил рекламу образцового города в Нью-Джерси.

«Приезжайте жить в Бельведер — в город, который о вас позаботится», — приглашала газета. Далее шли утопические обещания, которые нет нужды приводить здесь.

— Черт побери! — сказал Кармоди. — Приеду.

Так он и сделал.

Дорога вышла на опрятную зеленую равнину. Кармоди вылез из машины и огляделся. В полумили впереди он увидел городок; скромный дорожный знак гласил: «Бельведер».

Ностроен Бельведер был не в традиционно-американской манере — с кольцом бензоколонок, щупальцами бутербродных, каймой мотелей и защитным панцирем свалок, — а скорее наподобие раскинутых на холмах итальянских городков, что поднимаются сразу, без преамбул.

Кармоди это пришлось по душе. Он двинулся вперед и вскоре вошел в город.

Бельведер казался сердечным и доброжелательным, щедро предлагал свои улицы, откровенно распахивая широкие витрины. Проходя по городу, Кармоди открывал для себя все новые и новые прелести. Например, площадь, похожую на Римскую, только поменьше размером. Посреди площади был фонтан с мраморной скульптурой мальчика и дельфина; из пасти дельфина истекала струйка чистой воды.

— Надеюсь, вам нравится? — раздался голос из-за левого плеча.

— Очень мило, — согласился Кармоди.

— Я сам все сделал и установил, — сообщил голос. — Убежден, что фонтан, несмотря на архаичность замысла, эстетически функционален. А площадь в целом, вместе со скамейками и тенистыми каштанами, точная копия площади в Болонье. Меня не сдерживал страх выглядеть старомодным. Истинный художник использует все необходимые средства, будь они тысячелетней давности или новоявленные.

— Полностью с вами согласен, — сказал Кармоди. — Позвольте представиться. Я — Эдвард Кармоди.

И с улыбкой повернулся.

Но за левым илечом никого не оказалось, как, впрочем, и за правым. На площади вообще никого не было.

— Прошу прощения, — произнес голос. — Я не хотел вас удивлять. Я думал, вы знаете.

— Что я знаю? — спросил Кармоди.

— Ну, про меня.

— Выходит, не знаю. Кто вы? Откуда говорите?

— Я голос Города, — сказал голос. — Иными словами, с вами говорит сам Бельведер, истинный и подлинный.

— Неужели? — язвительно поинтересовался Кармоди. И сам себе ответил: — Да, очевидно. Что ж, город так город. Большое дело.

Он отвернулся от фонтана и прогулочным шагом пошел по площади, словно разговаривал с городами каждый день и сыт этим по горло. Он бродил по улицам и проспектам, заглядывал в витрины, рассматривал здания, а у одной статуи даже остановился, но не надолго.

— Ну как? — спросил чуть погодя голос Бельведера.

— Что как? — тут же отозвался Кармоди.

— Как я вам нравлюсь?

— Нормально, — ответил Кармоди.

— Всего лишь нормально? Это все?

— Послушай, — рассудительно произнес Кармоди, — город есть город. Увидишь один, считай, что видел все.

— Неправда! — обиженно воскликнул Бельведер. — Я значительно отличаюсь от других городов! Я уникален!

— Неужто? — презрительно фыркнул Кармоди. — Мне ты представляешься просто кучей разнородных частей. У тебя итальянская площадь, несколько типично греческих зданий, ряд готических сооружений, нью-йоркский многоквартирный дом в старом стиле, калифорнийская бутербродная и бог весть что еще. Где тут уникальность?

— Уникальна сама комбинация, рождающая исполненное смысла единое целое, — ответил Город. — Составные части, даже из прошлых эпох, вовсе не анахронизмы, каждая символизирует определенный уклад и как таковая вполне уместна в тщательно продуманном образе жизни. Не угодило ли немного кофе и, может быть, бутерброд или свежие фрукты?

— Пожалуй, кофе, — сказал Кармоди.

Он позволил Бельведеру провести себя за угол к кафе, расположенному прямо на улице. Кафе как две капли воды походило на салун времен Веселых девяностых, от механического пианино до канделябров из граненого стекла. Как и все остальное в городе, оно было безукоризненно чистым, но совершенно безлюдным.

— Приятная атмосфера, вы не находите? — спросил Бельведер.

— Сойдет, — бросил Кармоди. — На любителя.

На столик перед Кармоди опустился поднос из нержавеющей стали, на котором стояла чашка пенящегося кофе «капучин». Кармоди сделал глоток.

— Хороший кофе? — поинтересовался Бельведер.

CAFETERIA

— Да, весьма.

— Я горжусь своим кофе, — тихо промолвил Город. — И своей стряпней. Не угодно ли чего-нибудь отведать? Омлет, например, или суфле?

— Ничего, — отрезал Кармоди. Он откинулся на спинку кресла и вздохнул. — Значит, ты образцовый город?

— Да, имею честь быть образцовым, — чопорно ответил Бельведер. — Причем самой последней и, убежден, лучшей модели. Меня создала объединенная исследовательская группа из Иеля и Чикагского университета на субсидии Рокфеллеровского фонда. Детальной разработкой занимались в основном в Массачусетском технологическом, хотя отдельные проблемы решали в Принстоне и в корпорации «РЭНД». Строительство вел «Дженерал электрик», а финансировали Форд, фонд Карнеги и еще некоторые организации, пожелавшие остаться неизвестными.

— Алюбопытная у тебя история, — с оскорбительной небрежностью промолвил Кармоди. — А там, через дорогу, не готический ли собор?

— Видоизмененный романский, — сообщил Город, — рассчитанный на все вероисповедания. Вместимость триста человек.

— Не сказал бы, что много — для такого-то домищи!

— Строго в соответствии с замыслом. Моей целью было добиться сочетания внушительности с уютом.

— А где, между прочим, жители этого города? — спросил Кармоди.

— Они все ушли, — скорбно произнес Бельведер. — Они покинули меня.

— Почему?

После короткой паузы Город ответил:

— В отношениях между мной и населением произошел досадный сбой. Точнее, даже недоразумение. Пожалуй, следует

сказать, целый ряд недоразумений. Подозреваю, и подстрекатели сыграли свою роль.

— Но что именно произошло?

— Не знаю, — признался Город. — Честно, не знаю. Все просто ушли в один прекрасный день. Только представьте!.. Но я уверен — они вернутся.

— Сомнительно, — обронил Кармоди.

— Я убежден, — сказал Бельведер. — И кстати, почему вам не остаться здесь, мистер Кармоди?

— Да я, собственно, не задумывался.

— А вы подумайте. Вообразите — самый современный город в мире целиком в вашем распоряжении!

— Заманчиво, — кивнул Кармоди.

— Так решайтесь, хуже не будет, — уговаривал Бельведер.

— Ну хорошо, я согласен, — сказал Кармоди. Его заинтересовал город Бельведер. И все же он чувствовал тревогу. Хотелось знать — почему ушли отсюда жители?

По настоянию Бельведера Кармоди провел ночь в гостинице «Георг V», в роскошном номере для новобрачных. Город подавал завтрак на веранде и сопровождал трапезу квартетом Гайдна. Утренний воздух был великолепен; если бы Бельведер не предупредил его, Кармоди никогда бы не подумал, что он кондиционированный.

Позавтракав, Кармоди откинулся на спинку кресла и предался созерцанию западного района Бельведера — ласкающей взор мешанины из китайских пагод, вьетнамских мостиков, японских каналов, зеленого бирманского холма, калифорнийской автостоянки, норманнской башни и прочих красот.

— Отличный открывается вид! — одобрил он.

— Я рад, что вам нравится, — отозвался Город. — Над проблемой стиля бились с первого дня моего зарождения. Некоторые настаивали на согласованности, требовали гармоничных

форм, сливающихся в гармоничное целое. Но образцовые города почти все такие — однообразно скучные творения одного человека или одной группы людей. Настоящие города — другие.

— Да ведь ты и сам, в определенном смысле, ненастоящий? — спросил Кармоди.

— Разумеется! Но я не пытаюсь это скрыть. Я — не какой-нибудь фальшивый «город будущего» или псевдофлорентийский ублюдок. От меня требуется практичность и функциональность, но в то же время и оригинальность.

— Ну что ж, Бельведер, на мой взгляд, ты неилох, — заявил Кармоди во внезапном приступе благодушия. — А скажи, все образцовые города разговаривают подобно тебе?

— Конечно, нет. До сих пор ни один город, образцовый или какой-нибудь другой, не произнес ни слова. Но жителям это не нравится — город кажется слишком большим, слишком властным, слишком отчужденным. Потому меня и снабдили искусственным разумом и голосом для его выражения.

— Понимаю, — проговорил Кармоди.

— Дело в том, что искусственный разум одухотворяет меня, а это очень важно в наш век обезличивания. Разум позволяет мне быть чутким, творчески отвечать на запросы жителей. Мы можем договориться — горожане и я. Путем постоянного и осмысленного диалога мы можем выработать динамичную, гибкую, воистину жизнеспособную городскую среду. И можем улучшать друг друга, не утрачивая в значительной мере своей индивидуальности.

— Чудесно, — сказал Кармоди. — Беда только, что тебе не с кем вести диалог.

— Это единственный изъян, — признался Город. — Но сейчас у меня есть вы.

— Верно, — согласился Кармоди, недоумевая, почему слова Города прозвучали для него не очень приятно.

— А у вас, естественно, есть я, — продолжил Бельведер. — Отношениям всегда следует быть взаимными. Теперь, дорогой Кармоди, позвольте показать вам некоторые мои достопримечательности. А потом займемся вашим поселением и упорядочением.

— Моим... чем?

— Я неудачно выразился, — извинился Город. — Есть такой научный термин. Но вы понимаете, безусловно, что взаимные отношения накладывают обязательства на обе заинтересованные стороны. Иначе и быть не может, так ведь?

— Если только стороны не занимают позицию невмешательства, — заметил Кармоди.

— Нам это ни к чему, — сказал Бельведер. — Невмешательство подразумевает отмирание чувств и неминуемо приводит к отчуждению. А теперь, пожалуйста, пройдите сюда...

Кармоди последовал приглашению и увидел все великолепие Бельведера. Он посетил электростанцию, очистные сооружения и предприятия легкой промышленности, осмотрел детский парк, музей и картинную галерею, концертный зал и театр, боулинг, бильярдную, картинговые треки и кинотеатр. Он устал и не прочь был отдохнуть. Но Город во что бы то ни стало хотел показать себя, и Кармоди пришлось любоваться пятиэтажным зданием «Америкэн экспресс», поругальской синагогой, статуей Ричарда Бакминстера Фуулера, автобусной станцией «Грейдхаунд» и иными достопримечательностями.

Наконец турне завершилось. Кармоди пришел к выводу, что красота заключена в глазах зрителя, ну и малая ее часть — в ногах.

— Самое время немного перекусить, а? — заметил Город.

— Чудесно, — сказал Кармоди.

Его провели в модный французский ресторан, где он начал с *potage au petit pois* и закончил *petits fours*.

— А теперь маленький ломтик сыра бри? — предложил Город.

— Нет, спасибо, — отказался Кармоди. — Я сыт. Честно говоря, я прямо лопаюсь.

— Но сыр не отягощает желудок. Может, кусочек отменного камамбера?

— Уже просто не полезет.

— Рекомендую фрукты — очень освежает нёбо.

— Если здесь и надо что-то освежать, то только не мое нёбо.

— Ну, по крайней мере яблоко, грушу, кисть винограда?

— Спасибо, нет.

— Пару вишеноч?

— Нет! Нет!

— Обед без фруктов нельзя считать полноценным.

— А я считаю, — заявил Кармоди.

— Многие важные витамины содержатся только во фруктах.

— Значит, перебьюсь без них.

— Ну хоть половинку апельсина? Я сам почищу... Цитрусовые совсем не калорийны.

— Я не могу больше есть.

— Не съедите даже дольки? Если я выберу косточки?

— Определенно, нет.

— Вы бы сняли груз с моей души, — проникновенно сказал Город. — В меня заложена тяга к завершенности, а что за обед без фруктов?

— Нет! И еще раз нет!

— Хорошо-хорошо, только не волнуйтесь, — успокоил Город. — Не нравится, что я подаю, не надо.

— Отчего же, нравится.

— А если вам так нравится, почему не поесть фруктов?

— Довольно, — произнес Кармоди. — Дай мне винограда.

— Я ничего не хочу вам навязывать.

— Ты ничего и не навязываешь. Дай, пожалуйста.

— Вы твердо решили?

— Дай винограда! — заорал Кармоди.

— Аадно, берите, — сказал Город. И подал великолепную гроздь муската. Кармоди съел все. Виноград был отличный.

— Прошу прощения, — произнес Бельведер. — Что вы делаете?

Кармоди выпрямился и открыл глаза.

— Вздремнул немного... Что-то не так?

— Что может быть «не так» при столь здоровом естественном занятии?

— Благодарю, — сказал Кармоди и вновь закрыл глаза.

— Но зачем же дремать в кресле?

— Потому что я — в кресле и уже наполовину сплю.

— Заработаете растяжение мышц спины, — предупредил Город.

— Плевать, — буркнул Кармоди, не открывая глаз.

— Почему бы не лечь спать со всеми удобствами, на диване?

— Мне вполне удобно здесь, в кресле.

— Так только кажется. Человек анатомически не приспособлен спать в сидячем состоянии.

— А я вот приспособлен!

— Нет. Попробуйте уснуть на диване.

— Мне по душе кресло.

— Но диван лучше. Пожалуйста, попробуйте, Кармоди.

Кармоди!

— А?.. Что?.. — вскинулся Кармоди, проснувшись.

— Я совершенно уверен, что вам следует отдыхать на диване.

— Ну хорошо! — Кармоди с видимым усилием заставил себя подняться. — Где этот диван?

Город вывел его из ресторана, направил вниз по улице, заставил повернуть и войти в здание с табличкой «Дремотная». В помещении стояло с дюжину диванов. Кармоди направился к ближайшему.

— Не советую, — сказал Город. — Он продавлен.

— Ерунда, — отмахнулся Кармоди. — Как-нибудь устроюсь.

— Неудобная поза вредит осанке.

— Боже милостивый! — воскликнул Кармоди, вставая и с дивана. — Какой ты мне порекомендуешь?

— Вот тот, сзади, — сказал Город. — Он здесь самый большой и упругий. Мягкость матраса установлена научным путем. Подушки...

— Ааааа, хорошо, отлично, — сказал Кармоди и лег на указанный диван.

— Может быть, включить музыку?

— Не стоит беспокоиться.

— Как угодно. Тогда я потушу свет.

— Прекрасно.

— Одеяло не желаете? Я, разумеется, регулирую температуру, но у засыпающих часто создается субъективное ощущение прохлады.

— Неважно! Оставь меня в покое!

— Хорошо, — сказал Город. — Я ведь, собственно, не для себя стараюсь. Аично я никогда не сплю.

— Да, извини, — произнес Кармоди.

— Ничего, не утруждайте себя извинениями...

Наступила тишина. Потом Кармоди сел.

— Что случилось? — спросил Город.

— Не могу заснуть, — пожаловался Кармоди.

— Попробуйте закрыть глаза и сознательно расслабить каждую мышцу тела, начиная от большого пальца и...

— Не могу заснуть! — заорал Кармоди.

— Вы, наверное, с самого начала не очень-то хотели спать, — предположил Город. — По крайней мере закройте глаза и постарайтесь немного отдохнуть.

— Нет! — заявил Кармоди. — Сна ни в одном глазу. А в отыхе я не нуждаюсь.

— Упрямец! — сказал Город. — Поступайте как хотите. Я сделал все что мог.

— Да-а-а! — протянул Кармоди, встал и вышел из «Дремотной».

Кармоди стоял на маленьком горбатом мостике и смотрел на голубую лагуну.

— Это точная копия моста Риалто в Венеции, — сообщила Город. — Уменьшенная, разумеется.

— Знаю, — отозвался Кармоди, — я прочитал табличку.

— Очаровательно, правда?

— Недурно, — сказал Кармоди, закуривая сигарету.

— Вы много курите, — заметил Город.

— Угу. Что-то тянет.

— Как ваш медицинский советник должен предупредить, что связь между курением и раком легких убедительно доказана.

— Знаю.

— Если бы вы перешли на трубку, вероятность заболевания была бы меньше.

— Я не люблю трубку.

— В таком случае, сигару?

— И сигары не люблю.

Кармоди закурил другую сигарету.

— Это ваша третья сигарета за пять минут, — заметил Город.

— Черт побери, я буду курить столько, сколько захочу! — закричал Кармоди.

— Конечно-конечно! — заверил Город. — Я пытался объяснить вам ради вашего же здоровья. Неужели вы хотите, что бы я молча смотрел, как вы себя губите?

- Да, хочу, — сказал Кармоди.
- Не могу поверить, что вы говорите серьезно. Здесь вступает в силу этический императив. Человек в принципе может действовать против своих интересов; в машине такая порочность недопустима.
- Отстань от меня, — угрюмо бросил Кармоди. — Прекрати мною понукать.
- Понукать? Мой дорогой Кармоди, разве я к чему-то вас принуждал? Разве я не ограничивался советами?
- Ну, пожалуй. Но слишком много болтаешь.
- Очевидно, этого все же недостаточно, — сказал Город. — Судя по тому, что я получаю в ответ.
- Ты слишком много болтаешь, — повторил Кармоди и закурил сигарету.
- Четвертая сигарета за нять минут.
- Кармоди открыл рот, чтобы выкрикнуть оскорбление. Затем передумал и пошел прочь.
- А что это? — спросил Кармоди.
- Автомат для продажи конфет, — сообщил ему Город.
- Совершенно непохоже.
- Однако это так. Я взял модифицированный проект Саринена для силосной башни, миниатюризировал его, сам собой, и...
- Все равно не похоже. Как им пользоваться?
- Очень просто. Нажмите на красную кнопку. Теперь подождите. Опустите вниз один из рычагов в ряду «А». И нажмите на зеленую кнопку. Пожалуйста!
- В руку Кармоди скользнула большая конфета.
- Хм, — сказал Кармоди. Он развернул конфету и надкусил ее... — Это настоящая конфета или копия?
- Настоящая. Столько дел, что самому заняться недосуг, пришлось обратиться к субподрядчику.
- Хм, — сказал Кармоди и выронил обертку.

— Вот с таким пренебрежительным отношением я всегда и сталкиваюсь.

— Подумаешь, бумажка! — Кармоди повернулся и посмотрел на обертку, лежащую на безукоризненно чистом тротуаре.

— Конечно, бумажка, — сказал Город. — Но умножьте ее на сто тысяч жителей, и что получится?

— Сто тысяч бумажек, — тут же отозвался Кармоди.

— Ничего смешного не нахожу, — отрезал Город. — Вы бы не захотели жить среди этих бумажек, можете не сомневаться. Первым бы прибежали жаловаться, что улицы завалены мусором. Ну а где ваш вклад в борьбу за чистоту? Хотя бы за собой вы убираете? Конечно, нет! Это вы предоставляете мне — а я и так должен выполнять все функции Города, днем и ночью, без выходных.

Кармоди нагнулся, чтобы подобрать обертку. Но едва протянул к ней руку, как из ближайшей водосточной решетки выскочила металлическая клешня, схватила бумажку и исчезла.

— Ладно, — сказал Город. — Я привык убирать за другими. Мне все время приходится это делать...

— Гм, — пробормотал Кармоди.

— ...не ожидая благодарности.

— Я благодарен, благодарен! — заверпл Кармоди.

— Вовсе и нет.

— Ну хорошо, может быть, и нет. Что мне прикажешь говорить?

— Лично мне ничего не надо, — сказал Город. — Будем считать инцидент исчерпанным.

— Достаточно? — спросил Город после ужина.

— О, вполне, — ответил Кармоди.

— Не очень-то много вы съели.

— Я поел, сколько хотел. Все было очень вкусно.

— Ну а раз так, то почему бы не съесть еще?

— Больше некуда.

— Если бы вы не испортили аппетит конфетой...

— Черт побери, конфета не испортила мне аппетит!

Я просто...

— Вы опять закуриваете, — заметил Город.

— Ага, — подтвердил Кармоди.

— А нельзя ли потерпеть еще немного?

— Послушай, — резко начал Кармоди, — какого черта ты...

— Нам надо серьезно потолковать, — поспешно вставил Город. — Вы не задумывались, на что будете жить?

— Пока у меня не было времени задуматься над этим.

— Ну а я уже подумал. Хорошо, если бы вы стали врачом.

— Врачом? Но сперва нужно закончить курс колледжа, потом медицинскую школу, потом...

— Я все могу устроить.

— Не привлекает.

— Так ... Право?

— Ни за что!

— Инженер? Прекрасная профессия!

— Не для меня.

— Кем же вы хотите быть?

— Летчиком! — запальчиво воскликнул Кармоди.

— О, бросьте...

— Я серьезно!

— У меня даже аэродрома нет.

— Тогда я стану летчиком где-нибудь в другом месте.

— Вы говорите так нарочно, назло мне!

— Вовсе нет, — сказал Кармоди. — Я хочу быть летчиком, честно хочу. Я всегда хотел быть летчиком. Это моя мечта.

Настунила тишина. После долгого молчания Город произнес:

— Дело ваше.

Голос прозвучал холодно, как сама смерть.

— Куда это вы идете?

— Гулять, — ответил Кармоди.

— В полдесятого вечера?

— Ну. А что?

— Мне-то казалось, вы устали.

— Я успел отдохнуть.

— Понятно. Мне-то казалось, что вы посидите, и мы хорошенько потолкуем.

— А может, потолкуем, когда я вернусь?

— Аадно, не имеет значения, — горько произнес Город.

— Аадно, к черту прогулку, — горько произнес Кармоди и сел.

— Я уже не хочу, — сказал Город. — Идите, гуляйте на здоровье.

— Спокойной ночи, — произнес Кармоди.

— Прошу прощения?

— Я сказал «спокойной ночи».

— Вы собираетесь спать?

— Разумеется.

— Спать? Прямо сейчас?

— А почему бы и нет?

— Да так... — промолвил Город. — Вы забыли умыться.

— А-а... действительно. Ничего, утром умоюсь.

— Вы давно не принимали ванну?

— Да, очень давно. Утром приму.

— Разве у вас не улучшится самочувствие, если вы примете ванну сейчас?

— Нет.

— Даже если я сам наберу воды?

— Нет, черт побери! Нет! Я хочу спать!

— Постунайте как знаете, — сказал Город. — Не умывайтесь, не учитесь, неправильно питайтесь. Но тогда не пейяйте на меня.

— Пенять? За что?

— За все что угодно, — ответил Город.

— Ну а именно? Что ты имеешь в виду?

— Неважно.

— Зачем же ты вообще об этом заговорил?

— Исключительно ради вас.

— Понимаю.

— Мне-то все равно, моетесь вы или нет.

— Ясно.

— Когда относишься к делу равнодушно, — продолжал Город, — со всей ответственностью, очень неприятно выслушивать брань в свой адрес.

— Этого не было.

— Сейчас не было. А раньше днем было.

— Ну... погорячился.

— Все из-за курения.

— Ты опять за свое!

— Аадно, не буду, — сказал Город. — Дымите, как труба.

Мне-то что?

— Вот-вот! — Кармоди закурил.

— Но я оказался несостоятельным, — посетовал Город.

— Нет-нет, — заверил Кармоди. — Не надо так говорить.

Пожалуйста.

— Забудем об этом, — произнес Город.

— Хорошо.

— Иногда я чересчур рьяно берусь за дело.

— Да уж.

— Все это очень тяжело — и особенно потому, что я прав.

Я прав, вы же знаете.

— Знаю, — сказал Кармоди. — Ты прав, ты прав, ты всегда прав. Прав-прав-прав-прав...

— Не надо перевозбуждаться, — остановил Город. — Хотите выпить стакан молока?

— Нет.

— Точно не хотите?

Кармоди закрыл лицо руками. Ему было не по себе. Он чувствовал себя крайне виноватым, слабым, грязным, нездоровым и неряшливым. Он чувствовал себя глубоко испорченным человеком, и более того, навеки обреченным на такое состояние, если только он не изменится, приспособится, исправится...

Но Кармоди и не пытался сделать что-нибудь подобное. Он поднялся на ноги, расправил плечи и решительно зашагал прочь от римской площади и венецианского мостика.

— Куда вы? — спросил Город. — Что случилось?

Ноджав губы, Кармоди молча шествовал мимо детского парка и здания «Америкэн экспресс».

— Что я сделал плохого? — воскликнул Город. — Что? Скажите мне просто, что?!

Храня молчание, Кармоди миновал французский ресторанчик и португальскую синагогу и вышел наконец на опрятную зеленую равнину, что окружала Бельведер.

— Неблагодарный! — закричал ему вслед Город. — Ты такой же, как все остальные! Вы, люди, вообще склочные создания, никогда не бываете довольны.

Кармоди сел в машину и завел двигатель.

— С другой стороны, — задумчиво произнес Бельведер, — вы никогда не выражаете и своего недовольства... Мораль, полагаю, в том, что Городу необходимо запастись терпением.

Кармоди выехал на шоссе и взял путь на Нью-Йорк.

— Счастливой поездки! — закричал на прощанье Бельведер. — Не волнуйтесь обо мне, я буду вас ждать!

Кармоди с силой надал на педаль газа. Он предпочел бы не слышать последней фразы.

Призрак V

Грегор припал к дверному глазку.

— Читает вывеску, — оповестил он.

— Дай-ка гляну, — не выдержал Арнольд.

Грегор оттолкнул своего компаньона.

— Сейчас постучит... Нет, передумал. Уходит.

Арнольд вернулся к письменному столу и очередному паянсу. Вытянутая сухошавая физиономия Грегора стойко маячила у дверного глазка. Глазок компаньоны врезали сами, со скуки, месяца три спустя после того, как на паях основали фирму и сняли помещение под контору. С тех пор «АААПОПС» (Астронавтическому антиэнтропийному агентству по оздоровлению природной среды) не перепало ни единого заказа, даром что в телефонном справочнике фирма значилась первой по счету. Глобальное оздоровление природной среды — давний, почтенный промысел — успели полностью монополизировать две крупные корпорации. Это обстоятельство сковывало руки маленькой новой фирме, возглавляемой двумя молодыми людьми — обладателями искрометных идей и (в избытке) неоилаченного лабораторного оборудования.

— Возвращается, — зашипел Грегор. — Ну же, прикинься, будто ты важная птица и дел у тебя невпроворот!

Арнольд смел карты в ящик стола и только успел застегнуть последнюю пуговицу белого лабораторного халата, как в дверь постучали.

Посетителем оказался лысый коротышка, не примечательный ничем, кроме изнуренного вида. Он с сомнением разглядывал компаньонов.

— Природную среду на планетах оздоравливаете?

— Оздоровляем, сэр. — Грегор отложил в сторону кипу бумаг и пожал влажную руку посетителя. — Я Ричард Грегор. А вот мой компаньон, доктор Фрэнк Арнольд.

Впечатляюще вырыженный в белый халат и темные очки в роговой оправе, Арнольд рассеянно кивнул и тут же принялся вновь разглядывать на просвет старые пробирки, где давным-давно выпал осадок.

— Прошу, садитесь, мистер... э-э...

— Фернгром.

— Мистер Фернгром. Надеюсь, мы в силах справиться с любым вашим поручением, — радушно сказал Грегор. — Мы осуществляем контроль флоры и фауны, очищаем атмосферу, доводим питьевую воду до кондиции, стерилизуем почву, проводим испытания на стабильность, регулируем вулканическую деятельность и землетрясения — словом, принимаем все меры, чтобы планета стала пригодна для жизни.

Фернгром по-прежнему пребывал в сомнении.

— Буду говорить начистоту. У меня на руках застряла сложная планета.

— К сложностям нам не привыкать, — самоуверенно кивнул Грегор.

— Я агент по продаже недвижимости, — пояснил Фернгром. — Знаете, там купишь планету, тут ее перепродашь — глядишь, все довольны и каждому что-нибудь да перепало. Вообще-то я занимаюсь бросовыми планетами, тамошнюю среду

пускай оздоравливают сами покупатели. Но несколько месяцев назад мне по случаю подвернулась планетка высшего сорта — прямо-таки выхватил из-под носа у крупных воротил.

Фернгром горестно отер пот со лба.

— Прекрасное местечко, — продолжал он уже без всякого энтузиазма. — Среднегодовая температура илюс двадцать пять градусов. Планета гористая, но с плодородной почвой. Водопады, радуги, все честь честью. Причем никакого тебе животного мира.

— Идеально, — одобрил Грегор. — А микроорганизмы есть?

— Не опасные.

— Так чем же вам не угодил планета?

Фернгром замялся.

— Да вы о ней, наверное, слышали. В официальном каталоге она значится под индексом ПКХ V. Но все называют ее просто Призрак V.

Грегор приподнял бровь. «Призрак» — странное прозвище для планеты, но доводилось слышать и похлестче. В конце концов, надо же как-то именовать новые миры. Ведь в пределах досягаемости звездолетов кишмя кишат светила в сопровождении бесчисленных планет, причем многие заселены или пригодны к заселению. И масса людей из цивилизованного сектора космоса стремится колонизировать такие миры. Религиозные секты, политические меньшинства, философские общины и, наконец, просто пионеры космоса рвутся начать новую жизнь.

— Не припомню, — признался Грегор.

Фернгром конфузливо заерзал на стуле.

— Мне бы послушаться жены. Так нет же — полез в большой бизнес. Уплатил за Призрак вдесятеро против обычных своих цен, а он возьми да и застрянь мертвым капиталом.

— Да что же с ним неладио? — не выдержал Грегор.

— Похоже, там водится нечистая сила! — набравшись духу, выпалил Фернгром.

Оказывается, наспех произведя радиолокационное обследование планеты, Фернгром незамедлительно сдал ее в аренду фермерскому объединению с Дижона VI. На Призраке V высадился передовой отряд квартирьеров в составе восьмерых мужчин; суток не прошло, как оттуда начали поступать бредовые радиопеши о демонах, вампирах, вурдалаках и прочей враждебной людям нечисти.

К тому времени, как за злополучной восьмеркой прибыл звездолет, в живых не осталось ни одного квартирьера. Протокол судебно-медицинского вскрытия констатировал, что рваные раны, порезы и кровоподтеки на трупах могли быть причинены кем угодно, даже демонами, вампирами, вурдалаками и динозаврами, буде таковые существуют в природе.

За недобросовестное оздоровление природной среды Фернгрима арестовали. Фермеры расторгли с ним договор на аренду. Но Фернгром изловчился сдать планету солнцепоклонникам с Опала II. Солицепоклонники проявили осмотрительность. Отправили необходимое снаряжение, но сопровождать его поручили лишь троим, которые заодно должны были разведать обстановку. Эти трое разбили лагерь, распаковали вещички и провозгласили Призрак V сущим раем. Они радировали на родную планету: «Вылетайте скорее», — как вдруг раздался истошный вой, и рация умолкла.

На Призрак V вылетел патрульный корабль; его экипаж захоронил три изувеченных трупа и ровно через пять минут покинул планету.

— Это меня доконало, — сознался Фернгром. — Теперь с Призраком никто ни за какие деньги не хочет связываться. Сажать там корабли звездолетчики наотрез отказываются. А я до сих пор не знаю, в чем беда.

Он глубоко вздохнул и посмотрел на Грегора:

— Вам и карты в руки, если возьметесь.

Извинившись, Грегор и Арнольд вышли в переднюю. Арнольд торжествующе гикнул:

— Есть работенка!

— М-да, — процедил Грегор, — зато какая!

— Мы ведь и хотели поопаснее, — сказал Арнольд. — Расщелкаем этот орешек — и все: считай, закрепились на исходных рубежах, не говоря уж о том, что нам положен процент от прибыли.

— Ты, видно, забываешь, — возразил Грегор, — что на иланету-то отправляюсь я. А у тебя всего и забот — сидеть дома да осмысливать готовенькую информацию.

— Мы ведь так и договорились, — напомнил Арнольд. — Я ведаю научно-исследовательской стороной предприятия, а ты расхлебываешь неприятности. Забыл?

Грегор ничего не забыл. Так повелось с самого детства: он лезет в пекло, а Арнольд сидит дома да объясняет, почему и впредь надо лезть в пекло.

— Не нравится мне это, — сказал он.

— Ты что, веришь в привидения?

— Конечно, нет.

— А со всем остальным мы справимся. Кто не рискует, тот не выигрывает.

Грегор пожал плечами. Компаньоны вернулись к Фернгрому.

В полчаса сформулировали условия: добрая доля в прибылях от эксплуатации планеты — на случай успеха; пункт о неустойке — на случай неудачи.

Грегор проводил Фернгрома до двери.

— А кстати, сэр, как вы догадались обратиться именно к нам? — спросил он.

— Больше никто не брался, — ответил Фернгром, чрезвычайно довольный собой. — Всего наилучшего.

Спустя три дня Грегор на грузовом звездолете-развалюхе уже направлялся к Призраку V. В пути он коротал время за чтением докладов о двух попытках колонизации странной иланеты и изучением самых разных свидетельств о сверхъестественных явлениях.

Легче от этого не становилось. На Призраке V не было обнаружено никаких следов животной жизни. А доказательств существования сверхъестественных тварей вообще не найдено во всей Галактике.

Все это Грегор хорошенько обдумал, а затем, покуда корабль совершал витки вокруг Призрака V, проверил свое оружие. Он захватил с собой целый арсенал, достаточный, чтобы развязать форменную войну и победить в ней.

Если только будет в кого палить...

Грузовое судно зависло в нескольких тысячах футов над манящей зеленой поверхностью иланеты, причем сократить расстояние хоть на йоту капитан отказался наотрез. На парашютах Грегор сбросил свой багаж туда, где были разбиты два предыдущих лагеря, после чего пожал руку капитану и спрыгнул с парашютом сам.

Совершив «приземление», он поглядел вверх. Грузовое судно улепетывало в космос с такой быстротой, словно за ним по пятам гнались все фурии ада.

Грегор остался на Призраке V один-одинешенек.

Проверив, как перенесло спуск оборудование, он дал Арнольду радиogramму о благополучном прибытии. Потом, с бластером наизготовку, обошел лагерь солнцепоклонников.

Те собирались обосноваться у подножия горы, возле кристально чистого озера. Аучших сборных домиков нельзя было и желать. Их не коснулась непогода — Призрак V отличался благословенно ровным климатом. Однако выглядели домики на редкость сиротливо.

Один из них Грегор обследовал с особой тщательностью. По ящикам комодов было аккуратно разложено белье, на стенах висели картины, одно окно было даже задернуто шторой. В углу комнаты приткнулся раскрытый сундук с игрушками, припасенными для детишек: те должны были прибыть с основной партией переселенцев.

На полу валялись водяной пистолет, волчок и пакет со стеклянными шариками.

Близился вечер, Грегор перетащил в облюбованный домик все свое снаряжение и занялся подготовкой к ночлегу. Задействовал систему охраны — даже таракан не мог проскочить сквозь экран, не вызвав сигнала тревоги. Включил радарную установку для охраны подступов к домику. Распаковав свой арсенал, уложил под рукой крупнокалиберные пистолеты, а бластер прицепил к поясу.

Только тогда, успокоенный, Грегор не тороясь поужинал.

Между тем вечер сменился ночью. Теилую сонную местность окутала тьма. Легкий ветерок взъерошил поверхность озерца и зашелестел в высокой траве. Как нельзя более мирное зрелище. Грегор пришел к выводу, что переселенцы были истериками.

Скорее всего они сами, впад в беспричинную панику, перебили друг друга.

Последний раз проверив систему охраны, Грегор швырнул одежду на стул, погасил свет и забрался в постель. В комнату заглядывали звезды, здесь они светили ярче, чем над Землей Луна. Под подушкой лежал бластер. Все в мире было прекрасно. Только Грегор задремал, как почувствовал, что в комнате не один.

Немыслимо. Ведь сигнализация охранной системы не срабатывала. Да и радиолокатор гудит по-прежнему мирно.

И все же каждый нерв в теле до предела натянут... Грегор выхватил бластер и огляделся по сторонам. В углу комнаты кто-то чужой.

Ломать голову над тем, как он сюда попал, было некогда. Грегор направил бластер в незнакомца и тихим решительным голосом произнес:

— Так, а теперь — руки вверх. Незнакомец не шелохнулся. Палец Грегора напрягся на спуске, но тут же расслабился.

Грегор узнал незнакомца: это же его собственная одежда, брошенная на стул, искаженная звездным светом и его, Грегора, воображением.

Он оскалил зубы в усмешке и опустил бластер. Груда одежды чуть приметно зашевелилась. Ощущая легкое дуновение ветерка от окна, Грегор не переставал ухмыляться.

Но вот груда одежды поднялась со стула, потянулась и целеустремленно зашагала к Грегору.

Оцепенев, он смотрел, как надвигается на него бестелесная одежда. Когда она достигла середины комнаты и к Грегору потянулись пустые рукава, он принялся палить.

И все палил и палил, ибо лоскуты и лохмотья тоже норовили вцепиться в него, будто обрели самостоятельную жизнь. Тлеющие клочки ткани пытались облепить лицо, ремень норовил обвиться вокруг ног. Пришлось все испепелить; только тогда атака прекратилась.

Когда сражение окончилось, Грегор зажег все до единого светильники. Он сварил кофе и вылил в кофейник чуть ли не целую бутылку бренди. Каким-то образом он устоял против искушения — не разнес вдребезги бесполезную систему охраны. Зато связался по рации со своим компаньоном.

— Весьма занятно, — сказал Арнольд, после того как Грегор ввел его в курс событий. — Одушевление! Право же, в высшей степени занятно.

— Я вот и надеялся, вдруг это тебя позабавит, — с горечью откликнулся Грегор. После изрядной дозы бренди он чувствовал себя покинутым и ущемленным.

— Больше ничего не случилось?

— Пока нет.

— Ну, береги себя. Появилась тут у меня одна идея. Надо только сделать кое-какие расчеты. Между прочим, тут один сумасшедший букмекер принимает ставки против тебя — пять к одному.

— Быть того не может!

— Честное слово. Я поставил.

— За меня играл или против? — встрепепулся Грегор.

— Конечно, за тебя, — возмутился Арнольд. — Ведь мы же, кажется, компаньоны?

Они дали отбой, и Грегор вскипятил второй кофейник. Спать ночью он все равно не собирался. Одно утешение — Арнольд все же поставил на него. Правда, Арнольд вечно ставит не на ту лошадку.

Уже при свете дня Грегор с грехом пополам на несколько часов забылся в беспокойном сне. Проснулся он вскоре после полудня, оделся с головы до ног во все новенькое и пошел обыскивать лагерь солнцепоклонников.

К вечеру он кое-что обнаружил. На стене одного из сборных домиков было наспех нацарапано слово «Тгасклит». Т-г-а-с-к-л-и-т. Для Грегора слово это было всего лишь пустым сочетанием нелепых звуков, но он тотчас же сообщил о нем Арнольду.

Затем внимательнейшим образом обшарил свой домик, включил все освещение, задействовал систему охраны и перезарядил бластер.

Казалось бы, все в порядке. Грегор с сожалением проводил глазами заходящее солнце, уповая на то, что доживет до восхода. Потом устроился в уютном кресле и решил поразмыслить.

Итак, животной жизни на планете нет, так же как нет ни ходячих растений, ни разумных минералов, ни исполинских мозгов, обитающих где-нибудь в тверди Призрака V. Нет

даже луны, где могло бы притаиться подобное существо. А в привидения Грегор не верил. Он знал, что при кропотливом исследовании все сверхъестественные явления сводятся к событиям сугубо естественным. А уж если не сводятся, те сами собой прекращаются. Какой призрак решит топтаться на месте и, стало быть, лезть на глаза неверующему? Как только в замке появляется ученый с кинокамерой и магнитофоном, привидение удаляется на покой.

Значит, остается другой вариант. Предположим, кому-то приглянулась планета, но этот «кто-то» не расположен иллатить назначенную Фернгромом цену. Разве не может этот «кто-то» затаиться здесь, на облюбованной им планете, и дабы сбить цену, запугивать и убивать переселенцев?

Получается логично. Можно даже объяснить поведение одежды. Статическое электричество...

Перед Грегором воздвиглась какая-то фигура. Как и вчера, система охраны не сработала.

Грегор медленно поднял взгляд. Некто, стоящий перед ним, достигал десяти футов в высоту и походил на человека, но только с крокодильей головой. Туловище у него имело малиновый окрас с поперечными вишневыми полосами. В лапе чудище сжимало здоровенную коричневую жестянку.

— Привет, — поздоровалось оно.

— Привет, — сказал Грегор, сглотнув слюпу.

Бластер лежит на столе, всего в каких-то двух футах. Интересно, перейдет ли чуднще в нападение, если потянутся за бластером?

— Как тебя звать? — спросил Грегор со спокойствием, возможным разве только в состоянии сильнейшего шока.

— Я Хват — Раковая Шейка, — представилось чудище. — Хватаю всякие вещи.

— Как интересно! — рука Грегора поползла в сторону бластера.

— Хватаю вещи, именуемые Ричард Грегор, — весело и бесхитростно продолжало чудище, — и поедаю обычно в шоколадном соусе.

Чудище протянуло Грегору жестянку, и тот прочел на этикетке: «Шоколад „Смига“ — превосходный соус к Грегорам, Арнольдам и Флиннам». Пальцы Грегора сомкнулись на бластере.

Он уточнил:

— Так ты меня съесть намерен?

— Безусловно, — заверил Хват.

Но Грегор успел завладеть оружием. Он оттянул предохранитель и открыл огонь. Прошив грудь Хвата, заряд опалил пол, стены, а заодно и брови Грегора.

— Меня так не проймешь, — пояснил Хват, — чересчур я высокий.

Бластер выпал из пальцев. Хват склонился над Грегором...

— Сегодня я тебя не съем, — предупредил он.

— Не съешь? — выдавил из себя Грегор.

— Нет. Съесть тебя я имею право только завтра, первого мая. Таковы условия. А сейчас я просто зашел попросить тебя об одной услуге.

— Какой именно?

Хват заискивающе улыбнулся.

— Будь умником, полакомься хотя бы пятком яблок, ладно? Яблоки придают такой дивный привкус мясу!

С этими словами полосатое чудище исчезло. Дрожащими руками Грегор включил рацию и обо всем рассказал Арнольду.

— Гм, — откликнулся тот, — Хват — Раковая Шейка, вон оно что! По-моему, это решающее доказательство. Все сходится.

— Да что сходится-то? Что здесь творится?

— Сначала сделай-ка все так, как я прошу. Мне надо самому толком убедиться.

Повинуясь инструкциям Арнольда, Грегор распаковал лабораторное оборудование, извлек всевозможные пробирки, реторты и реактивы. Он смешивал, сливал и переливал, как было велено, а под конец поставил смесь на огонь.

— Есть, — сказал он, вернувшись к рации, — а теперь объясни-ка, что здесь происходит.

— Пожалуйста. Отыскал я в словаре твой «тгасклит». В опалианском. Слово это означает «многозубый призрак». Солицепоклонники-то родом с Опала. Тебе это ни о чем не говорит?

— Их поубивал отечественный призрак, — не без ехидства ответил Грегор. — Должно быть, прокатился зайцем в их же звездолете. Вероятно, над ним тяготело проклятие, и...

— Успокойся, — перебил Арнольд. — Призраки тут ни при чем. Раствор пока не закипел?

— Нет.

— Скажешь, когда закипит. Так вот, вернемся к ожившей одежде. Тебе она ни о чем не напоминает?

Грегор призадумался.

— Разве что о детстве... — проговорил он. — Да нет, это же курам на смех.

— Ну-ка, выкладывай, — настаивал Арнольд.

— Мальчишкой я избегал оставлять одежду на стуле. В темноте она вечно напоминала мне то чужого человека, то дракона, то еще какую-нибудь пакость. В детстве, наверное, каждый такое испытывал. Но ведь этим не объяснишь...

— Еще как объяснишь! Вспомнил теперь Хвата — Раковую Шейку?

— Нет. А с чего бы я его теперь вспомнил?

— Да с того, что ты же его и выдумал! Помнишь? Нам было лет по восемь-девять — тебе, мне и Джимми Флинну. Мы выдумали самое жуткое чудище, какое только могли представить: чудище было наше персональное, желало слопать только тебя, меня или Джимми и непременно под шоколадным соусом. Однако право на это оно имело исключительно по первым числам каждого месяца, когда мы приносили домой школьные отметки. Избавиться от чуднща можно было только одним способом: произнеся волшебное слово.

Тут Грегор действительно вспомнил и удивился, как бесследно все улетучивается из памяти. Сколько ночей напролет не смыкал он глаз в ожидании Хвата! По сравнению с тогдашними ночными страхами илхые отметки казались сущей чепухой.

— Кипит раствор? — спросил Арнольд.

— Да, — послушно бросив взгляд на реторту, сказал Грегор.

— Какого он цвета?

— Зеленовато-синего. Собственно, скорее в синеву, чем ...

— Все правильно. Можешь выливать. Нужно будет поставить еще кое-какие опыты, но в общем-то орешек мы раскусили.

— То есть как раскусили? Может, все-таки объяснишь толком?

— Да это же проще простого. Животная жизнь на планете отсутствует. Отсутствуют и привидения — по крайней мере настолько могущественные, что способны перебить отряд вооруженных мужчин. Сама собою напрашивается мысль о галлюцинациях, вот я и стал выяснять, что же могло их вызвать. Оказывается, многое. Помимо земных наркотиков, в «Каталоге инопланетных редкоземельных элементов» перечислено свыше десятка галлюциногенных газов. Есть там и депрессанты, и стимуляторы; едва вдохнешь — сразуобразишь себя

гением, червем или орлом. А этот, судя по твоему описанию, соответствует газу, который в каталоге фигурирует как лонгстед-42. Тяжелый, прозрачный газ без запаха, физиологически безвреден. Стимулирует воображение.

— Значит, по-твоему, я жертва галлюцинаций? Да уверяю тебя...

— Не так все просто, — прервал его Арнольд. — Лонгстед-42 воздействует непосредственно на подсознание. Он растормаживает самые острые подсознательные страхи, оживляет все то, чего ты в детстве панически боялся и что с тех пор в себе подавлял. Одушевляет страхи. Вот это ты и видел.

— А на самом деле там ничего и нет? — переспросил Грегор.

— Никаких физических тел. Но галлюцинации достаточно реальны для того, кто их ощущает.

Грегор потянулся за непочатой бутылкой бренди. Такую новость следовало обмыть.

— Оздоровить Призрак V нетрудно, — уверенно продолжал Арнольд. — Без особых хлопот переведем лонгстед-42 в связанное состояние. А там — богатство!

Грегор предложил было тост, как вдруг его пронизала холодящая душу мысль:

— Если это всего лишь галлюцинация, то что же случилось с переселенцами?

Арнольд ненадолго умолк.

— Допустим, — сказал он наконец, — у лонгстеда есть тенденция стимулировать мортидо — волю к смерти. Переселенцы скорее всего посходили с ума. Поубивали друг друга.

— И никто не уцелел?

— Конечно, а что тебя удивляет? Последние из выживших покончили с собой или же скончались от увечий. Да ты о том меньше всего тревожся. Я без промедления фрахтую

корабль и вылетаю для проведения опытов. Успокойся. Через денек-другой вывезу тебя оттуда.

Грегор дал отбой. На ночь он позволил себе допить бутылку бренди. Разве ему не причитается? Тайна Призрака V раскрыта, компаньонов ждет богатство. Скоро и Грегор в состоянии будет нанимать людей, пускай высаживаются на неведомых планетах, а уж он берется инструктировать их по радно.

Назавтра он проснулся поздно, с тяжелой головой. Корабль Арнольда еще не прибыл; Грегор упаковал оборудование и уселся в ожидании. К вечеру корабля все не было. Грегор посидел на пороге, полюбовался закатом, потом вошел в домик и приготовил себе ужин.

На душе все еще было тяжело из-за неразгаданной тайны переселенцев, но Грегор решил попусту не волноваться. Наверняка отыщется убедительное объяснение.

После ужина он прилег на койку и только смежил веки, как услышал деликатное покашливание.

— Привет, — поздоровался Хват — Раковая Шейка.

Персональная, глубоко интимная галлюцинация вернулась с гастрономическими намерениями!

— Привет, дружище, — радостно откликнулся Грегор, не испытав даже тени страха или тревоги.

— Яблочками-то подкормился?

— Ох, извини. Упустил из виду.

— Ну, не беда. — Хват старательно скрывал свое разочарование. — Я прихватил шоколадный соус. — Он взболтнул жестянку.

Грегор расплылся в улыбке.

— Иди гуляй, — сказал он. — Я ведь знаю, ты всего-на-всего плод моего воображения. Причинить мне вред ты бессилен.

— Да я и не собираюсь причинять тебе вред, — утешил Хват. — Я тебя просто-напросто съем.

Он приблизился. Грегор сохранял на лице улыбку и не двигался, хотя Хват на этот раз выглядел уж слишком плотоядно. Хват склонился над койкой и для начала куснул Грегора за руку. Вскочив с койки, Грегор осмотрел якобы укушенную руку. На руке остались следы зубов. Из ранки сочилась кровь... запаправдашня... его, Грегора, кровь.

Кусал же кто-то колонистов, терзал их, рвал в клочья и потрошил.

Тут же Грегору вспомнился виденный однажды сеанс гипноза. Гипнотизер внушил испытуемому, что прижжет ему руку горячей сигаретой, а прикоснулся кончиком карандаша. За считанные секунды на руке у испытуемого зловещим багровым пятном вздулся волдырь: испытуемый уверовал, будто пострадал от ожога. Если твое подсознание считает тебя мертвым, значит, ты покойник. Если оно страдает от укусов — укусы налицо.

Грегор в Хвата не верит.

Зато верит его подсознание.

Грегор шмыгнул было к двери. Хват преградил ему дорогу, стиснул в мощных лапах и приник к шее.

Волшебное слово! Но какое же?

— Альфойсто! — выкрикнул Грегор.

— Не то слово, — сказал Хват. — Пожалуйста, не дергайся.

— Регнастикио!

— Нетушки. Перестань лягаться, и все пройдет, не будет боль...

— Вуоршпельхапилио!

Хват истошно заорал от боли и выпустил жертву. Высоко подпрыгнув, он растворился в воздухе.

Грегор бессильно плюхнулся на ближайший стул. Чудом спасся. Ведь был на волосок от гибели! Ну и дурацкая смерть выпала бы ему на долю! Это же надо — чтобы тебя прикончи-

ло собственное воображение! Хорошо еще, слово вспомнил. Теперь лишь бы Арнольд поторапливался...

Послышался сдавленный ехидный смешок.

Он исходил из мглы полуотворенного стенного шкафа и пробудил почти забытое воспоминание. Грегору девять лет. Тенепопятам — его личный Тенепопятам, тварь тощая, мерзкая, диковинная — прячется в дверных проемах, ночует под кроватью, нападает только в темноте.

— Погаси свет, — распорядился Тенепопятам.

— И не подумаю, — заявил Грегор, выхватив бластер.

Пока горит свет, Тенепопятам не опасен.

— Добром говорю, погаси, не то хуже будет!

— Нет!

— Ах, так? Иген, Миген, Диген!

В комнату прошмыгнули три тварюшкн. Они стремительно накинлись на электролампочки и принялись с жадностью грызть стекло.

В комнате заметно потемнело.

Грегор стал палить по тварюшкам. Но они были так проворны, что увертывались, а лампочки разлетались вдребезги.

Тут только Грегор понял, что натворил. Не могли ведь тварюшки погасить свет! Неодушевленные предметы воображению неподвластны. Грегор вообразил, будто в комнате темнеет, и... Собственноручно перебил все лампочки! Подвело собственное разрушительное подсознание.

Тут-то Тенепопятам почуял волю. Перепрыгивая из тени в тень, он подбирался к Грегору.

Бластер не поможет. Грегор отчаянно пытался подобрать волшебное слово... и с ужасом вспомнил, что Тенепопятам никаким волшебным словом не проймешь.

Грегор все иятился, а Тенепонятам все наступал, но вот путь к отступлению преградил сундук. Тенепопятам горой навис над Грегором, тот съежился, зажмурил глаза.

И тут рука его наткнулась на какой-то холодный предмет. Оказывается, Грегор прижался к сундуку с игрушками, а в руке сжимал теперь водяной пистолет.

Грегор подиал его. Тенепопятам отпрянул, опасливо косясь на оружие.

Грегор метнулся к крану и зарядил пистолет водой. Потом направил в чудище смертоносную струю.

Взвыв в предсмертной муке, Тенепопятам исчез.

С натянутой улыбкой Грегор сунул пистолет за пояс.

Против воображаемого чудища водяной пистолет — самое подходящее оружие.

Перед рассветом произвел посадку звездолет, откуда вылез Арнольд. Не теряя времени, он приступил к своим опытам. К полудню все было завершено, и элемент удалось четко идентифицировать как лонгстед-42. Арнольд с Грегором поспешно уложили вещички и стартовали с планеты.

Едва очутившись в открытом космосе, Грегор поделился с компаньоном недавними впечатлениями.

— Сурово, — тихонько, но сочувственно произнес Арнольд.

Теперь, благополучно распрощавшись с Призраком V, Грегор в состоянии был улыбнуться скромной улыбкой героя.

— Могло быть и хуже, — заявил он.

— Уж куда хуже?

— Представь, что туда затесался бы Джимми Флинн. Вот кто действительно умел выдумывать страшилищ. Ворчучело помнишь?

— Помню только, что из-за него по ночам меня преследовали кошмары, — ответил Арнольд.

Звездолет несся к Земле. Арнольд набрасывал заметки для будущей научной статьи «Инстинкт смерти на Призраке V: роль истерии, массовых галлюцинаций и стимуляции подсознательного в возникновении физиологических изменений».

Затем он отправился в кабину управления — задать курс автопилоту.

Грегор рухнул на койку, преисполненный решимости наконец-то отоспаться. Только он задремал, как в каюту со смертельно бледным от страха лицом ворвался Арнольд.

— Мне кажется, в кабине управления кто-то есть, — пролепетал он.

Грегор сел на койке.

— Никого там не может быть. Мы ведь оторвались...

Из кабины управления донесся рык.

— Боже! — ахиул Арнольд. — Все ясно. После посадки я не стал задривать воздушный шлюз. Мы по-прежнему дышим воздухом Призрака V!

А на пороге незапертой каюты возник серый исполин, чья шкура была испещрена красными крапинками. Исполин был наделен неисчислимым множеством рук, ног, щупалец, когтей и клыков да еще двумя крылышками в придачу. Страшилище медленно надвигалось, постанывая и бормоча что-то н неодобрительное.

Оба признали в нем Ворчучело.

Грегор рванулся вперед и перед носом у страшилища захлопнул дверцу.

— Здесь нам ничто не грозит, — пропыхтел он. — Дверь герметизирована. Но как мы станем управлять звездолетом?

— А никак, — ответил Арнольд. — Доверимся автопилоту... пока не надумаем, как прогнать эту образину.

Однако сквозь дверь стал просачиваться легкий дымок.

— Это еще что? — воскликнул Арнольд почти в панике.

Грегор насупился.

— Неужто не помнишь? Ворчучело проникает в любое помещение. Против него запоры бессильны.

— Да я о нем все позабыл начисто, — признался Арнольд. — Он что, глотает людей?

— Нет. Насколько я помню, только изжевывает в кашицу.

Дымок сгущался, принимая очертания исполинской серой фигуры Ворчучела. Друзья отступили в соседнюю камеру и заперан за собой следующую дверь. Несколько секунд не прошло, как дым просочился и туда.

— Какая нелепость, — заметил Арнольд, кусая губы. — Дать себя затравить вымышленному чудовищу... Стой-ка! Водяной пистолет еще при тебе?

— Да, но...

— Давай сюда!

Арнольд поспешно зарядил пистолет водой из анкерка. Тем временем Ворчучело вновь успело материализоваться и тянулось к друзьям, недовольно постанывая. Арнольд окропил его струйкой воды.

Ворчучело по-прежнему наступало.

— Вспомни! — воскликнул Грегор. — Никто никогда не останавливал Ворчучело водяным пистолетом.

Отступили в следующую каюту и захлопнули за собой дверь. Теперь друзей отделял от ледящего космического вакуума только кубрик.

— Нельзя ли как-нибудь профильтровать воздух? — поинтересовался Грегор.

— Чужеродные примеси и так потихоньку уходят вместе с отработанным воздухом, но действие лонгстеда длится часов двадцать.

— А нет ли противоядия?

— Никакого.

Ворчучело снова материализовалось, снова проделывало это, отнюдь не молча и уж совсем не любезно.

— Как же его изгнать? — волновался Арнольд. — Есть же какой-то способ! Волшебное слово? Или деревянный меч?

Теперь покачал головой Грегор.

— Я все-все вспомнил, — ответил он скорбно.

— И чем же его можно пронять?

— Его не одолеешь ни водяным пистолетом, ни пугачом, ни рогаткой, ни хлопушкой, ни бенгальскими огнями, ни дымовой пашкой, — словом, детский арсенал исключен. Ворчучело абсолютно неистребимо.

— Ох уж этот Флинн и его неугомонная фантазия! Так как же все-таки избавиться от Ворчучела?

— Я же говорю — никак. Оно должно уйти по доброй воле.

А Ворчучело успело вырасти во весь свой гигантский рост. Грегор с Арнольдом шарахнулись в кубрик и захлопнули за собой последнюю дверь.

— Думай же, Грегор, — взмолился Арнольд. — Ни один мальчишка не станет выдумывать чудище, не предусмотрев от него хоть какой-то защиты!

— Ворчучело не прикончишь, — твердил свое Грегор.

Вновь начинало явственно вырисовываться красно-красчатое чудище. Грегор перебирал в памяти все свои полночные страхи.

И тут (еще чуть-чуть — и стало бы поздно) все ожило в памяти.

Управляемый автопилотом корабль мчался к Земле. Ворчучело чувствовало себя на борту полновластным хозяином. Оно вышагивало взад-вперед по пустынным коридорам, просачивалось сквозь стальные переборки в каюты и грузовые отсеки, стеноло, ворчало и ругалось последними словами, не находя себе ни единой жертвы.

Звездолет достиг Солнечной системы и автоматически вышел на окололунную орбиту.

Грегор осторожно глянул в щелочку, готовый в случае необходимости мгновенно снова нырнуть в укрытие. Однако зловещего шарканья ног не было слышно, и ни под дверцей, ни сквозь переборки не просачивался оголодавший туман.

— Все спокойно, — крикнул он Арнольду. — Ворчучела как не бывало.

Друзья прибегли к самому верному средству против ночных страхов — забрались с головой под одеяла.

— Говорил же я, что водяной пистолет тут ни к чему, — сказал Грегор.

Арнольд одарил его кривой усмешкой и спрятал пистолет в карман.

— Все равно, оставляю на память. Если женюсь да если у меня родится сын, это ему будет первый подарок.

— Нет уж, своему я припасу кое-что получше, — возразил Грегор и с нежностью похлопал по одеялу. — Вот она — самая надежная защита: одеяло над головой.

Рейс молочного фургона

— Такой случай больше не представится, — сказал Арнольд.

— Миллионные прибыли, небольшие начальные вложения, быстрая окупаемость. Ты меня слышишь?

Ричард Грегор устало кивнул. В конторе «АААПОПС» (Астронавтического антиэнтропийного агентства по оздоровлению природной среды) медленно и томительно тянулся день, неотличимый от вереницы остальных дней. Грегор раскладывал пасьянс. Его компаньон Арнольд сидел за письменным столом, закинув ноги на пачку неоплаченных счетов.

За стеклянными дверями скользили тени; это шли мимо люди, направляясь в «Марс-сталь», «Неоримские новшества», «Альфа-дьюара продукция» и другие конторы, расположенные на том же этаже.

В пыльном помещении службы «АААПОПС» по-прежнему царили тишина и занустение.

— Чего мы ждем? — громко спросил Арнольд. — Беремся мы за это дело или нет?

— Это не по нашей части, — ответил Грегор. — Ведь мы специалисты по безопасности планет. Ты что, забыл?

— Никому не нужна эта безопасность, — парировал Арнольд.

К несчастью, он говорил правду.

После успешного очищения Призрака V от воображаемых чудовищ служба «АААПОПС» пережила период кратковременного подъема. Однако вскоре космическая экспансия приостановилась. Ауди занялись увеличением прибылей, возведением городов, распаиванием полей, прокладкой дорог.

Когда-нибудь движение возобновится. Пока есть что осваивать, человечество будет осваивать новые миры. Но сейчас дела шли из рук вон плохо.

— Надо учитывать перспективы, — сказал Арнольд. — Живут все эти люди на светлых, солнечных новых планетах. Им нужны домашние животные, которых привезем им с родины... — он выдержал драматическую паузу, — мы с тобой.

— У нас нет оборудования для перевозки скота, — возразил Грегор.

— У нас есть звездолет. Что тебе еще нужно?

— Все. Главным образом знания и опыт. Перевозка живых тварей в космосе — работа в высшей степени деликатная. Это работа для специалистов. Что ты сделаешь, если между Землей и Омегой IV корова свалится от ящура?

Арнольд авторитетно заявил:

— Мы будем перевозить лишь выносливые, устойчивые породы. Проведем медицинский осмотр. И прежде чем животные взойдут на борт, я собственноручно продезинфицирую корабль.

— Ну вот что, мечтатель, — озлился Грегор, — приготовься к удару. В нашем секторе космоса всеми перевозками животных ведаёт концерн «Тригейл». Конкурентов он не терпит, и потому конкурентов у него нет. Как ты собираешься его обойти?

— Будем брать дешевле.

— И сдохнем с голоду.

— Мы и так подышаем с голоду.

— Лучше голодать, чем «случайно» на месте назначения получить пробоину от одного из буксиров «Тригейла». Или обнаружить в пути, что кто-то заполнил водяные баки керосином. И вовсе не наполнил кислородных баллонов.

— Ну и воображение у тебя! — нервно проговорил Арнольд.

— То, что ты считаешь плодом моего воображения, уже не раз случалось в действительности. В этой сфере «Тригейл» хочет быть единственным, и он им остается. «По несчастной случайности», если хочешь, зловещий каламбур.

В этот момент отворилась дверь. Арнольд одним махом убрал со стола ноги, а Грегор сбросил карты в ящик стола.

Посетитель, судя по коренастой фигуре, непропорционально маленькой голове и бледно-зеленой коже, не был жителем Земли. Он уверенно подошел прямо к Арнольду.

— Прибудут в центральный пакгауз «Тригейл» через три дня, — сказал посетитель.

— Так быстро, мистер Венс? — отозвался Арнольд.

— Да. Смагов надо транспортировать с особой осторожностью, а квилов доставил еще несколько дней назад.

— Отлично. Это мой компаньон, — сказал Арнольд, оборачиваясь к Грегору, который хлопал глазами от изумления.

— Счастлив познакомиться. — Венс крепко стиснул руку Грегора. — Восхищаюсь вами, ребята. Свободная инициатива, конкуренция — я в это верю. Вам известен маршрут?

— Все записано, — ответил Арнольд. — Мой компаньон готов стартовать в любую минуту.

— Я сразу же отправлюсь на Вермойн II и буду там вас ожидать. Всего хорошего.

Он повернулся и вышел.

Грегор медленно спросил:

— Арнольд, что ты там вытворяешь?

— Наживаю состояние нам обоим, вот что я вытворяю, — ядовито ответил Арнольд.

— Перевозкой скота?

— Да.

— На территории «Тригейла»?

— Да.

— Покажи-ка контракт.

Арнольд извлек документы. Там значилось, что Межиланетная очистительная (и транспортная) служба «АААПОПС» обязуется доставить пять смагов, пять фиргелей и десять квиллов в систему звезды Вермойн. Товар надлежит погрузить в центральном пакгаузе «Тригейла» и сдать в главном пакгаузе Вермойна II. Службе «АААПОПС» предоставляется также право по своему усмотрению соорудить собственный пакгауз.

Вышеуказанных животных следует доставить живыми, невредимыми, здоровыми, бодрыми, способными к размножению и так далее. Были пункты, предусматривающие огромные неустойки в случае утери животных, доставки их не живыми, не здоровыми, не способными к размножению и так далее.

Документ звучал как соглашение о временном перемирии между двумя враждующими державами.

— Ты вправду подписал этот смертный приговор? — недоверчиво спросил Грегор.

— Ясное дело. Тебе всего и работы-то — погрузить этих тварей, забросить на Вермойн и там скинуть.

— Мне? А что же будешь делать ты?

— Я останусь здесь и обеспечу тебе поддержку, — ответил Арнольд.

— Поддерживай меня на борту корабля.

— Нет-нет, это невозможно. При виде квила меня выворачивает наизнанку.

— Точно такое же ощущение вызывает у меня вид этого договора. Давай-ка для разнообразия поручим дело тебе.

— Но ведь я веду научно-исследовательскую работу, — возразил Арнольд, с лица которого градом катился пот. — Мы с тобой так условились. Разве ты забыл?

Грегор не забыл. Он вздохнул и беспомощно пожал плечами.

Компаньоны принялись немедленно приводить в порядок корабль. Трюм состоял из трех отсеков — по количеству пород. Все животные дышали кислородом и были жизнеспособны при семидесяти по Фаренгейту, так что здесь никакие проблемы не возникали. На корабль погрузили нужные корма.

Через три дня, когда все как будто было готово, Арнольд решил проводить Грегора до центрального пакгауза фирмы «Тригейл».

На пути до «Тригейла» ничего не произошло, но Грегор не без трепета приземлился на посадочной платформе. Слишком много рассказов ходило про этот концерн, чтобы можно было чувствовать себя в его цитадели как дома. Грегор принял всяческие меры предосторожности. Топливом и всеми необходимыми припасами он обзавелся на Аупа-станции и не собирался впускать служащих «Тригейла» на борт корабля.

Однако если сотрудников станции и тревожил вид старого, потрепанного звездолета, они это удачно скрывали. Два трактора втащили корабль на погрузочную платформу и втиснули его между двумя ложенными тригейловскими экспресс-фрагтовиками.

Оставив Арнольда следить за погрузкой, Грегор ушел подписывать декларации. Вкрадчивый чиновник «Тригейла» подал ему документы и с интересом смотрел на Грегора, пока тот изучал их.

— Смагов грузите, а? — вежливо спросил чиновник.

— Да, — ответил Грегор, ломая голову, как же выглядят эти смаги.

— И квиллов, и фиргелей в придачу, — задумчиво продолжал чиновник. — Всех вместе. Вы очень храбрый человек, мистер Грегор.

— Кто, я? Почему?

— Знаете старую поговорку: «Если едешь со смагами, не забудь прихватить увеличительное стекло».

— Нет, я такой поговорки не слышал.

Чиновник дружелюбно усмехнулся и пожал руку Грегору.

— После такого рейса вы сами будете складывать послоницы. Желаю большой удачи, мистер Грегор. Разумеется, неофициально.

Грегор слабо улыбнулся в ответ. Он вернулся на погрузочную платформу. Смаги, фиргели и квилы были на борту, размещенные по своим отсекам. Арнольд включил подачу воздуха, проверил температуру и задал всем суточный рацион.

— Ну, тебе пора, — весело сказал Арнольд.

— Действительно, пора, — согласился Грегор без особого энтузиазма. Он вскарабкался на борт, не обращая внимания на толпу хихикающих зевак.

Корабль отбуксировали на взлетную полосу; вскоре Грегор был уже в космосе и держал курс на пакгауз, обращающийся на орбите вокруг Вермойна II.

В первый день космического рейса работы всегда хватает. Грегор проверил приборы, потом осмотрел баки, резервуары, трубопровод и электропроводку. Он хотел убедиться, что старт не вызвал никаких повреждений. Затем он решил взглянуть на груз. Пора было выяснить, на что похожи эти звери.

В правом переднем отсеке находились квилы. Они напоминали гигантские снежные шары. Грегор знал, что квилы дают драгоценную шерсть, за которую повсюду илатят бешеные деньги.

Животные, очевидно, не привыкли к невесомости, потому что их пища осталась нетропутой. Они неуклюже илавали

вдоль стен и потолка, и жалобно блеяли, и просились на твердую почву.

С фиргелями все обстояло благополучно. То были большие гладкокожие ящерицы, назначения которых в сельском хозяйстве Грегор не мог себе представить. Они пребывали в спячке и должны были спать до конца рейса.

Пять смагов радостно залаяли при его появлении. Эти ласковые травоядные млекопитающие явно наслаждались состоянием невесомости.

Удовлетворенный, Грегор вернулся в кабину управления. Рейс начался хорошо. «Тригейл» к нему не придирался, а животные в пути чувствовали себя превосходно.

В конце концов, может быть, это занятие и впрямь не более опасно, чем рейс молочного фургона, подумал Грегор.

Проверив работу рации и переключателей управления, он завел будильник и улегся спать.

Восемь часов спустя он проснулся. Сон не освежил его, голова раскалывалась от боли. У кожи был отвратительный привкус слизи. Грегор с трудом сосредоточил внимание на пульте с приборами.

Эффект консервированного воздуха, решил он и радировал Арнольду, что все в порядке. Однако посреди разговора оказалось, что он с трудом поднимает веки.

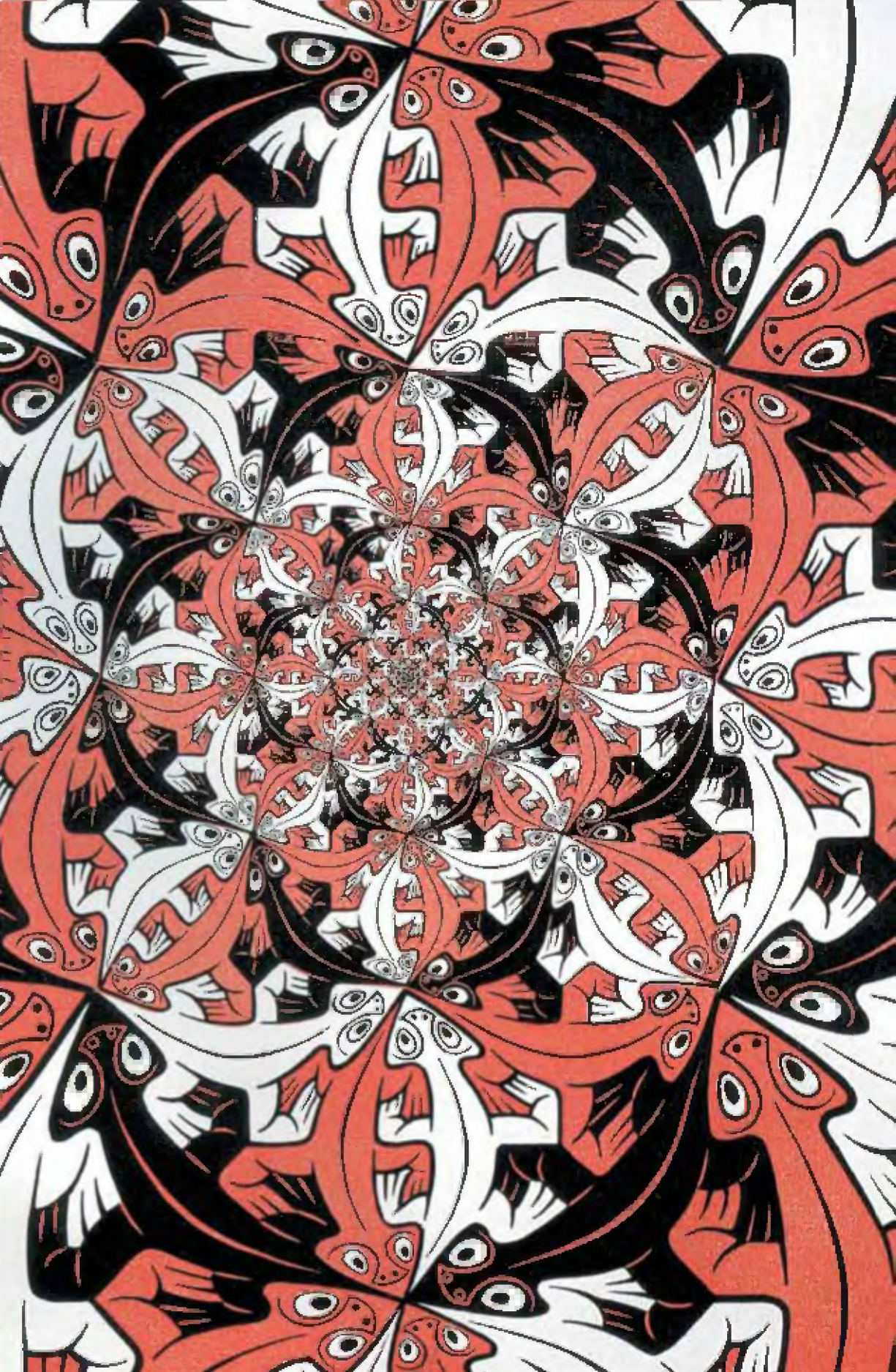
— Кончаю, — сказал он, сладко зевнув. — Душно здесь. Пойду вздремну.

— Душно? — переспросил Арнольд; по радио его голос казался далеким-далеким. — Не должно быть. Циркуляторы воздуха ...

Грегор обнаружил, что приборы пьяно покачиваются перед ним и расплываются, теряя очертания. Он облокотился на пульт и закрыл глаза.

— Грегор!

— Ммм...

— ГРЕГОР! Проверь содержание кислорода!

Грегор пальцем приоткрыл один глаз ровно на столько времени, чтобы бросить взгляд на шкалу. Он несказанно развесялся, увидев, что концентрация углекислого газа достигла небывалого уровня.

— Кислорода нет, — сообщил он Арнольду. — Вот пропуск и все улажу.

— Это вредительство! — взревел Арнольд. — Проснись, Грегор!

Неимоверным усилием Грегор подался вперед и открыл аварийный кран воздухообеспечения. Поток чистого кислорода отрезвил его. Он встал, неуверенно покачиваясь, и илеснул водой себе в лицо.

— А животные! — вопил Арнольд. — Посмотри, как там животные!

Грегор включил вспомогательную систему проветривания во всех трех отсеках и помчался по коридору.

Фиргели были живы и не вышли из спячки.

Смаги, очевидно, не заметили никакой разницы в составе атмосферы.

Два квила потеряли было сознание, но теперь быстро приходили в себя. В отсеке квиллов Грегор понял наконец, что случилось.

Никакого вредительства не было. В стенах и потолке вентиляторы, по которым циркулировал воздух на корабле, оказались забитыми квилей шерстью. Клочья шерсти реяли в неподвижном воздухе, напоминая снегопад при замедленной съемке.

— Конечно, конечно, — сказал Арнольд, когда Грегор сообщил о случившемся. — Разве я не предупреждал тебя, что квиллов необходимо стричь дважды в неделю? Ты, наверное, забыл. Вот что сказано в книге: «Квилы — *Queelis Tropicalis* — мелкие тонкорупные млекопитающие, находятся

в отдаленном родстве с овцами Земли. Родина квилов — Тенсис V, однако их успешно разводят и на других планетах с высоким тяготением. Одежда, сотканная из шерсти квилов, огнеупорна, непроницаема для укуса насекомых, не поддается гниению и практически вечно благодаря значительному содержанию металла в шерсти. Квилов необходимо стричь дважды в неделю. Размножаются фемишем».

— Никакого вредительства, — прокомментировал Грегор.

— Никакого вредительства, но тебе бы лучше постричь квилов, — ответил Арнольд.

Грегор дал отбой, нашел в сумке с инструментами ножницы для жести и пошел обрабатывать квилов. Однако режущие кромки тотчас же притупились от металлической шерсти. Квилов, скорее всего, надо было стричь специальными ножницами из какого-нибудь твердого сплава.

Он кое-как собрал летающую шерсть и снова прочистил вентиляторы.

Осмотрев все в последний раз, он пошел ужинать.

В рагу плавала маслянистая металлическая шерсть квилов.

Он лег спать с чувством отвращения.

Проснувшись, он удостоверился, что старый, кряхтящий корабль все еще держит правильный курс. Главный привод работал хорошо, и будущее представилось Грегору в розовом свете, особенно после того, как оказалось, что фиргелн все еще спят, а смаги ведут себя прилично.

Однако, осматривая квилов, Грегор увидел, что с момента погрузки они не съели ни крошки. Дело становилось серьезным. Он связался с Арнольдом, чтобы посоветоваться.

— Очень просто, — сказал Арнольд, перелистав несколько справочников. — У квилов отсутствуют горловые мускулы. Чтобы пища проходила вниз по пищеводу, им необходима сила тяготения. Но при невесомости нет и тяготения, так что пища не поступает в желудок.

Действительно просто. Одна из тех мелочей, что на Земле не предусмотреть. В космосе же, при искусственных условиях, даже самый простой вопрос превращается в сложнейшую проблему.

— Тебе придется придать кораблю вращение, чтобы создать для них хоть какую-то силу тяжести, — сказал Арнольд.

Грегор быстро произвел в уме некоторые вычисления.

— На это уйдет уйма энергии.

— Тогда, как сказано в книге, ты можешь заталкивать в них пищу рукой. Скатываешь пищу во влажный комок, погружаешь руку по локоть и ...

Грегор прервал связь и включил боковые сопла. Он широко расставил ноги и с тревогой стал ждать, что же будет.

Квилы накинудись на корм с непринужденностью, которая привела бы в восторг любого квиловода.

Придется теперь заправиться горючим в космическом пакгаузе у Вермойна II. Издержки сильно взлетят, потому что во вновь освоенных планетных системах горючее очень дорого. Но все же прибыль будет достаточно велика.

Он повернулся к своим обязанностям по кораблю. Звездолет медленно преодолевал неизмеримое пространство.

Снова наступило время кормежки. Грегор задал корм квилам и перешел к отсеку смагов. Он открыл дверь и позвал: «Подходи!»

Никто не подошел.

Отсек был пуст.

Грегор почувствовал какое-то странное ощущение под ложечкой. Это невозможно. Смагам уйти некуда. Они решили подшутить над ним и где-нибудь спрятались. Но в отсеке нигде было спрятаться пяти большим смагам.

Ощущение дрожи перешло в форменную тряску. Грегор вспомнил о неустойке в случае утери, повреждения и так далее и тому подобное.

— Эй, смаг! Выходи, смаг! — прокричал он.

Ответа не было.

Он внимательно осмотрел стены, потолок, дверь и вентиляторы — быть может, смагн ухитрились пролезть сквозь них.

Но смаги бесследно исчезли.

Вдруг он услышал какой-то шорох у себя под ногами. Посмотрев вниз, он заметил, как что-то прошмыгнуло мимо.

То был один из смагов, съездившийся до няти сантиметров в длину. Грегор нашел и остальных — они сбились в угол, все такие же крохотные.

Что говорил чиновник «Тригейла»? «Если едешь со смагами, не забудь увеличительное стекло».

У Грегора не было времени для того, чтобы впасть в полиоценное, добротное шоковое состояние. Он тщательно закрыл за собой дверь и метнулся к рации.

— Очень странно, — сказал Арнольд, когда связь была установлена.

— Съезжились, говоришь? Сейчас посмотрю. Угу... Ты не создавал искусственного тяготения, а? — Конечно, создавал. Чтобы накормить квилов.

— Напрасно, — упрекнул Арнольд. — Смаги привыкли к слабому тяготению.

— Откуда мне было знать?

— Испытывая необычное для них тяготение, они ссыхаются до микроскопических размеров, теряют сознание и гибнут.

— Но ты же сам велел мне создать искусственное тяготение.

— Да нет же! Я лишь мельком упомянул, что есть такой метод кормления квилов. Тебе же я рекомендовал кормить их из рук.

Грегор поборол почти непреодолимое желание сорвать рацию со стены. Он сказал:

— Арнольд, смаги привыкли к слабому тяготению. Так?

— Так.

— А квилы — к сильному. Ты знал это, когда подписывал контракт?

Арнольд судорожно глотнул, затем откашлялся.

— Видишь ли, мне действительно казалось, что это несколько затрудняет дело. Но это великолепно окупится.

— Конечно, если только сойдет с рук. Что мне теперь прикажешь делать?

— Снижай температуру, — самоуверенно ответил Арнольд. — Смаги стабилизируются при пуле градусов.

— А люди при пуле градусов замерзают, — заметил Грегор.

— Ааааа, передача окончена.

Грегор натянул на себя всю одежду, какую нашел, и включил систему охлаждения. Через час смаги вновь выросли до нормальных размеров.

Пока все шло неплохо. Он заглянул к квилам. Холод, казалось, подбодрил их. Они были живее, чем когда-либо, и блеяли, выпрашивая еду. Он скормил им очередной рацион. Съев сэндвич с ветчиной и шерстью, Грегор лег спать.

На другой день оказалось, что на корабле стало пятнадцать квиллов. Десять взрослых народили нятерых детенышей. Все пятнадцать были голодны.

Грегор накормил их. Он решил, что происшествие естественно, поскольку в одном помещении транспортируются и самцы, и самки. Это следовало предвидеть: надо было разделить животных не только по видам, но и по признакам пола.

Когда он вновь заглянул к квилам, их число увеличилось до тридцати восьми.

— Да. И не похоже, чтоб они собирались остановиться.

— Этого следовало ожидать.

— Почему? — озадаченно спросил Грегор.

— Я тебе говорил. Квилы размножаются феминизмом.

— Мне так и слышалось. А что это такое?

— То, что ты и слышишь, — раздраженно ответил Арнольд. — И как тебе только удалось окончить школу? Это партеногенез при температуре замерзания воды.

— Так оно и есть, — мрачно произнес Грегор. — Я поворачиваю корабль.

— Нельзя! Мы разоримся!

— При нынешних темпах размножения квилов мне скоро не останется места на корабле. Его придется вести квилу.

— Грегор, не поддавайся панике. Есть идеально простой выход.

— Я весь внимание.

— Увеличь давление и влажность воздуха. Тогда они остановятся.

— Может быть. А ты уверен, что смаги не превратятся в бабочек?

— Побочных явлений не будет.

Как бы то ни было, возвращаться на Землю не стоило. Корабль прошел уже половину пути. С тем же успехом можно избавиться от мерзких тварей и в пункте назначения.

Разве только спустить их всех за борт. Идея хоть и невыполнимая, но соблазнительная.

Грегор увеличил давление и влажность воздуха, и квилы перестали размножаться. Теперь их насчитывалось сорок семь, и большую часть времени Грегор тратил на то, чтобы очищать вентиляторы от шерсти. Замедленная сюрреалистическая метель бушевала в коридоре, в машинном зале, в баках с водой и у Грегора под рубашкой.

Он ел безвкусные продукты с шерстью, а на десерт — неизменный пирог с шерстью.

Ему мерещилось, будто он сам превращается в квила.

Но вот на горизонте появилось яркое иянтнышко. На переднем экране засияла звезда Вермойн. Через день он прибудет

на место, сдаст груз и тогда вернется в запыленную контору, к неоплаченным счетам и пасьянсу.

В тот вечер он откупорил бутылку вина, чтобы отпраздновать конец рейса. Вино смыло вкус шерсти во рту, и он улегся в постель с чувством легкого, приятного опьянения.

Однако заснуть он не мог. Температура неуклонно падала. Капли воды на стенах застывали в льдинки.

Придется включить отопление.

Дайте-ка сообразить. Если включить отопление, смаги съедятся. Разве только устранить тяготение. Но тогда сорок семь квилов объявят голодовку.

К черту квилов. В таком холоде невозможно управлять звездолетом.

Он вывел корабль из вращения и включил обогреватели. Целый час он ожидал, дрожа и постукивая ногами. Обогреватели бойко тянули энергию от двигателей, но тепла не давали.

Это было смехотворно. Он перевел их на предельную мощность.

Через час температура упала ниже нуля. Хотя Вермойн был виден, Грегор сомневался, доведется ли ему посадить корабль.

Не успел он развести на полу кабины костер, взяв для растопки самые легко воспламеняющиеся предметы на корабле, как вдруг ожила рация.

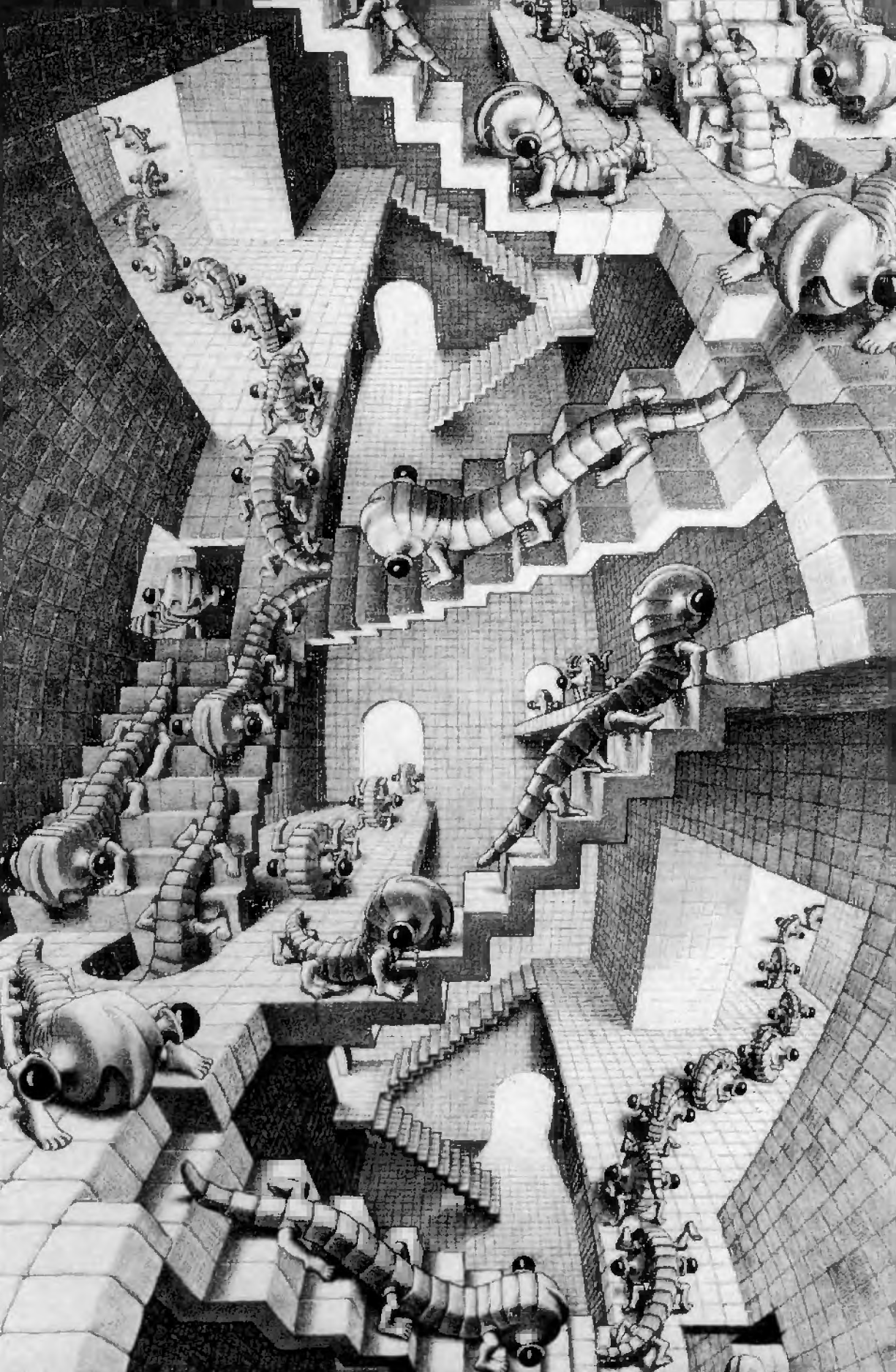
— Я вот что думаю, — сказал Арнольд. — Надеюсь, ты не слишком резко менял тяготение и давление?

— Какая разница? — рассеянно спросил Грегор.

— Это может дестабилизировать фиргелей. Резкие перепады температуры и давления выводят их из спячки. Ты бы лучше посмотрел.

Грегор засуетился. Он открыл дверь, ведущую в отсек фиргелей, заглянул внутрь и содрогнулся.

Фиргели, разумеется, бодрствовали. Они каркали.

Огромные ящерицы порхали по отсеку, покрытые изморозью. Из отсека вырвался поток ледяного воздуха. Грегор хлопнул дверь и поспешил к рации.

— Понятно, покрытые изморозью, — сказал Арнольд. — Фиргелн едут на Вермойн I. Жаркое местечко Вермойн I — очень близко к солнцу. Фиргели консервируют холод. Это самые лучшие во Вселенной портативные установки для кондиционирования воздуха.

— А почему ты не сказал мне этого раньше? — ехидно спросил Грегор.

— Тебя бы это расстроило. А как насчет смагов?

— На Вермойн II. Маленькая планетка, тяготение невелико.

— А квилы?

— Ясное дело, на Вермойн III.

— Идиот! — заорал Грегор. — Ты поручаешь мне такой груз и ждешь, что я стану им жонглировать? — Если бы в этот миг Арнольд находился на корабле, Грегор придушил бы его.

— Арнольд, — проговорил он очень медленно, — довольно идей, довольно планов. Ты обещаешь?

— Даладно, — примирительным тоном сказал Арнольд. — Не из-за чего так брюзжать.

Грегор дал отбой и принялся за работу, пытаясь согреть корабль. Ему удалось поднять температуру до двадцати семи градусов по Фаренгейту, а потом перегруженные обогреватели окончательно вышли из строя.

К этому времени планета Вермойн II была совсем рядом.

Грегор отшвырнул кусок дерева, который собирался сжечь, и взялся за иленку. Он перфорировал на иленке курс к Главному пакгаузу, обращающемуся по орбите вокруг Вермойна II, как вдруг услышал зловещий скрежет. В то же время стрелки десятка дисков и циферблатов остановились на нуле.

Он устало поплыл в машинный зал. Главный привод не работал, и не требовалось специального технического образования, чтобы понять почему.

В застоном воздухе машинного зала парила квилля шерсть. Она набилась в подшипники, в систему смазки, заклинила охлаждающие вентиляторы.

Для отполированных деталей двигателя металлическая шерсть оказалась сильнодействующим истирающим материалом. Удивительно, как еще привод продержался столько времени.

Грегор вернулся в кабину управления. Невозможно посадить корабль без главного привода. Придется чинить его в космосе, проедать прибыли. К счастью, звездолет приводится в движение соплами боковых реактивных двигателей. Ими еще можно маневрировать.

Вероятность успеха — один к одному, но еще не поздно установить контакт с искусственным спутником, который служит пакгаузом Вермойна.

— Говорит «АААПОПС», — объявил Грегор, выведя корабль на орбиту вокруг спутника. — Прошу разрешения на посадку.

Послышался треск статического разряда.

— Это корабль службы «АААПОПС», направляется на Вермойн II с Центрального пакгауза «Тригейл», — уточнил Грегор. — Бумаги в порядке.

Он повторил традиционный формальный запрос о разрешении на посадку и откинулся на спинку кресла.

Борьба была нелегкой, но все животные прибыли живыми, невредимыми, здоровыми, бодрыми и так далее и тому подобное. Служба «АААПОПС» заработала кругленькую сумму. Но сейчас Грегор мечтал лишь об одном: выбраться из корабля и влезть в горячую ванну. И всю остальную жизнь держаться подальше от квиллов, смагов и фиргелей. Он хотел...

— В разрешении на посадку отказано.

— Что-о?

— Очень жаль, но в настоящее время свободных мест нет. Если хотите, оставайтесь на орбите, мы постараемся принять вас месяца через три.

— Погодите! — взвыл Грегор. — Нельзя же так! У меня на исходе продукты, главный привод сгорел, и я не могу больше терпеть этих животных!

— Очень жаль.

— Вы не имеете права прогнать меня, — хрипло сказал Грегор. — Это общественный пакгауз. Вам придется...

— Общественный? Извините, сэр. Этот пакгауз принадлежит концерну «Тригейл».

Рация умолкла. Несколько минут Грегор не сводил с нее глаз.

«Тригейл»!

Вот почему они не придирались к нему на своем Центральном пакгаузе. Гораздо остроумнее отказать ему в посадке на пакгаузе Вермойна.

Самое обидное то, что они, вероятно, вправе так поступить.

Он не может приземлиться на планете.

Посадка звездолета без главного двигателя равносильна самоубийству.

А в солнечной системе Вермойна нет другого космического пакгауза.

Что ж, он доставил животных почти к самому пакгаузу. Мистер Венс, без сомнения, все поймет и оценит его добрые намерения.

Он связался с Венсом, находящимся на Вермойне II, и объяснил ему обстановку.

— Не в пакгаузе? — переспросил Венс.

— Всего лишь в пятидесяти милях от пакгауза.

— Нет, так не пойдет. Разумеется, я приму животных. Они мои. Но есть пункты, предусматривающие неустойку в случае неполноценной доставки.

— Но ведь вы не примените их, правда? — взмолился Грегор. — Мои намерения...

— Они меня не интересуют, — прервал его Венс. — Меня интересует предел прибыли и все такое. Нам, колонистам, всякая кроха годится.

И он дал отбой.

Обливаясь потом, хотя в помещении было холодно, Грегор вызвал Арнольда и сообщил ему новости.

— Это неэтично! — объявил Арнольд в неистовстве.

— Но законно.

— Я знаю, черт побери. Мне надо подумать.

— Придумай что-нибудь толковое, — сказал Грегор.

— Я свяжусь с тобой позднее.

После разговора Грегор несколько часов подряд кормил животных, вычесывал квилью шерсть из своих волос и жег мебель на палубе корабля. Когда зажужжала рация, он суеверно скрестил пальцы, прежде чем ответить.

— Арнольд?

— Нет, это Венс.

— Послушайте, мистер Венс, — сказал Грегор. — Если бы нам дали хоть маленькую отсрочку, мы могли бы покончить дело полюбовно. Я уверен...

— Э, вам удалось-таки меня объегорить, — огрызнулся Венс. — К тому же на совершенно законном основании. Я навел справки. Хитро сработано, сэр, весьма хитро. Я высылаю буксир за животными.

— Но пункт о неустойке...

— Естественно, не могу его применить.

Грегор устался на рацию. Хитро сработано? Что придумал Арнольд?

Он радировал Арнольду в контору.

— Говорит секретарь мистера Арнольда, — ответил ему юный девичий голосок. — Мистера Арнольда сегодня уже не будет.

— Не будет? Секретарь? Мне нужен Арнольд из «Асса». Я попал к другому Арнольду, не правда ли?

— Нет, сэр, это контора мистера Арнольда, из «АААПОПС». Вы хотите сделать заказ? У нас первоклассный пакгауз в системе Вермойна, на орбите вблизи Вермойна II. Мы транспортируем животных с планет легкого, среднего и высокого тяготения. Мистер Грегор лично руководит работами. Я полагаю, что вы найдете наши цены умеренными.

Так вот до чего додумался Арнольд — превратить корабль в пакгауз! По крайней мере на бумаге. А ведь контракт действительно предоставил им право соорудить пакгауз по своему усмотрению. Умно!

Но этот паршивец Арнольд не соображает, что от добра добра не ищут. Теперь он хочет заняться пакгаузным делом!

— Что вы сказали, сэр?

— Я сказал, что это говорит пакгауз. Примите радиограмму для мистера Арнольда.

— Слушаю, сэр.

— Передайте мистеру Арнольду, чтобы он аннулировал все заказы, — угрюмо произнес Грегор. — Его пакгауз возвращается домой что есть духу.

Лаксианский ключ

Ричард Грегор сидел за столом в пыльном кабинете фирмы «АААПОПС» (Астронавтическое антиэнтронийное агентство по оздоровлению природной среды) и раскладывал насьянс. В холле раздался шум и тонот, затем что-то унало. Дверь приоткрылась и Арнольд, партнер Грегора, заглянул внутрь.

— Я только что сделал нас богачами, — объявил он и, раскрыв дверь пошире, приказал:

— Тащите его сюда, нарни!

Четверо грузчиков, тяжело дыша, заволокли в кабинет черную квадратную машину размером с годовалого слоненка.

— Вот! — гордо сообщил Арнольд, после чего раслятился с грузчиками и, напустив на лицо мечтательное выражение, уселся в кресло напротив машины. Грегор не спеша отложил карты в сторону и с видом человека, которого ничем не удивишь, осмотрел приобретение со всех сторон.

— Сдаюсь, — наконец сказал он. — Что это такое?

— Это миллион долларов, — охотно ответил Арнольд. — Можешь считать, у нас в кармане.

— Допустим, но все же — что это такое?

— Бесплатный производитель, — с гордой улыбкой произнес Арнольд. — Сегодня утром я проходил мимо свалки старика Джо, той самой, где он держит всякий инопланетный

хлам, — и обнаружил там эту штуку. Сторговался, можно сказать, за бесценок. Джо даже не знал, что это и зачем.

— Я, положим, тоже не знаю, — заметил Грегор. — А ты?

Арнольд встал на четвереньки и ноньтался прочесть инструкцию, выгравированную на лицевой панели машины, в самом низу.

Не поднимая головы, он спросил:

— Ты слышал что-нибудь о планете Мелдж?

Грегор кивнул. Мелдж была маленькая, всеми забытая планета на северной окраине Галактики, довольно далеко от торговых маршрутов. Когда-то на иланете процветала могучая цивилизация, обязанная своим благополучием так называемой Старой науке Мелджа. Но технологические секреты Старой науки были давно утеряны, цивилизация почти угасла, и лишь изредка то на одной, то на другой планете находили какие-то непонятные механизмы, произведенные на заводах некогда великой промышленной державы.

— И ты полагаешь, что этот ящик имеет какое-то отношение к Старой науке? — спросил Грегор.

— Ну да. Это Мелджский Бесплатный Производитель. Можно поклясться, что во всей Галактике их осталось не больше няти.

— А что он производит?

— Откуда мне знать? — ответил Арнольд, поднимаясь с пола. — Дай-ка мне мелдж-английский словарь.

С видимым усилием сохраняя спокойствие, Грегор подошел к книжной полке.

— Ты и в правду не знаешь, что эта штуковина производит?

— Словарь давай. Спасибо. Какая тебе разница, что? Главное бесплатно. Машина берет энергию из воздуха, из космоса, с Солнца, откуда угодно, и нас это не касается. Ее не нужно ни заправлять, ни обслуживать, и работает она вечно.

Арнольд раскрыл словарь и принялся за перевод надписи на панели.

— Их ученые были не дураки, — проговорил он, записав в блокнот несколько предложений. — Производитель из ничего делает что-то, а что именно — не так уж важно. Мы всегда сможем это самое что-то продать, и сколько мы на этом ни заработаем — все будет нашей чистой прибылью.

Грегор посмотрел на своего партнера, и его печальное вытянутое лицо стало еще печальнее.

— Арнольд, — наконец произнес он, — я хотел бы кое-что тебе напомнить. Ты по специальности химик, я — эколог. И оба мы ничегошеньки не понимаем в машинах, тем более в сложных инопланетных машинах.

Не обращая на Грегора внимания, Арнольд повернул какую-то рукоятку. Производитель заурчал.

— И, кроме того, — продолжал Грегор, отойдя от машины подальше, — мы с тобой — агентство по оздоровлению среды. Забыл, что ли? И незачем нам связываться со всякими авантюрными...

Производитель часто закашлял.

— Я все перевел, — сообщил Арнольд. — Здесь написано: «Мелджский бесплатный производитель. Очередной триумф Ааботории Глоттена. Неразрушимый бездефектный производитель. Не требует энергетических затрат. Чтобы включить, нажмите кнопку номер один. Чтобы выключить — воспользуйтесь Ааксианским ключом. В случае обнаружения неисправности, пожалуйста, верните производитель в Ааботорию Глоттена».

— Ты, наверное, меня не понял, — возобновил атаку Грегор. — Мы с тобой...

— Прекрати! — перебил его Арнольд. — Когда эта машина заработает, нам с тобой работать будет уже не нужно. А вот и кнопка номер один.

В машине что-то звякнуло, послышалось ровное гудение. С минуту ничего не происходило.

— Возможно, ей надо прогреться, — озабоченно произнес Арнольд.

Вдруг из отверстия на лицевой панели посыпался серый порошок.

— Должно быть, побочный продукт, — пробормотал Арнольд. Прошло иятнадцать минут. Куча серого порошка продолжала расти.

— Что бы это могло быть? — не выдержал Грегор.

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Арнольд. — Надо произвести анализы.

С этими словами он набрал в пробирку порошка и направился к своему столу. Грегор остался у машины, задумчиво глядя на растущую серую кучу.

— Может быть, нам лучше выключить Производитель, пока мы не узнали, что это такое?

— Ни в коем случае! — отозвался Арнольд. — Что бы это ни было, оно стоит денег.

Он зажег горелку, наполнил пробирку дистиллированной водой и приступил к работе. Грегор только пожал плечами. Он давно уже привык к розовым мечтам своего друга. С того времени, когда они создали компанию «АААПОПС», Арнольд без устали искал легкий способ разбогатеть. Все его замыслы до сих пор оборачивались лишь хлопотами и неприятностями, гораздо более тягостными, чем та обычная работа, за которую бралась компания, но Арнольд быстро об этом забывал.

По крайней мере, думал Грегор, иногда получалось смешно. Он сел за свой стол и разложил новый пасьянс.

Следующие несколько часов в конторе стояла тишина. Производитель тихо гудел. Арнольд упорно работал. Добавлял реактивы, сливал, перемешивал, сверял результаты с таблицами в толстенных книгах. Грегор сходил за сэндвичами и кофе.

Поев, он стал нервно расхаживать вокруг машины, то и дело поглядывая на растущую кучу серого порошка. Производитель гудел заметно громче, и порошок сыпался уже широкой струей.

Час спустя Арнольд оторвался от работы и сообщил:

— Нам повезло! О будущем можно не беспокоиться.

— И что же это за порошок? — поинтересовался Грегор. Может быть, на сей раз удача и впрямь не обошла их стороной?

— Это тангриз!

— Тангриз?

— Совершенно верно.

— Не будешь ли ты так любезен и не объяснишь ли мне, зачем он нужен, этот чертов тангриз?

— Я думал, ты знаешь. Тангриз — это основной продукт питания мелджской расы. Каждый взрослый житель Мелджа потребляет несколько тонн тангриза ежегодно.

— Ты говоришь, это едят?

Грегор посмотрел на кучу порошка с уважением. Машина, которая производит еду двадцать четыре часа в сутки, может оказаться хорошим вложением капитала. Особенно если учесть, что ее эксплуатация ровным счетом ничего не стоит.

Арнольд уже листал телефонный справочник.

— Алло, Межзвездная Продуктовая Корпорация? Могу я говорить с президентом? Что? Тогда с вице-президентом. Это очень важно. Что? Аадно, слушайте. Я могу предложить вашей корпорации практически неограниченное количество тангриза. Это основной продукт питания на планете Мелдж. Что? Да, все правильно. Я знал, что это вас заинтересует. Что? Да, конечно, я подожду.

Он повернулся к Грегору.

— Эти корпорации ... Да, да, я слушаю. Да, сэр. Вы занимаетесь тангризмом? Замечательно ...

Грегор подошел поближе, стараясь расслышать, что говорят на другом конце линии.

— Наша цена? А что за цены сейчас на рынке? Ах, так ... Пять долларов за тонну, конечно, не слишком много, но я полагаю ... Что? Пять центов за тонну? Вы это серьезно?

Грегор отвернулся и устало опустился в кресло. Продолжение разговора его уже не интересовало.

— Да, да. Я понимаю. Простите, я не знал.

— Похоже, — сказал Арнольд, повесив трубку, — что на Земле много тангриза не продать. У нас здесь живут примерно нятдесять мелджан, но доставка груза в Северное полушарие съест всю прибыль.

Грегор озабоченно поглядел на машину. Она, похоже, вышла на режим, потому что тангриз валил из нее мощной струей. Серый порошок уже лежал по всей комнате толстым слоем.

— Не беспокойся, — попытался утешить Арнольд своего компаньона, — тангриз наверняка можно использовать как-нибудь еще.

Он вернулся к столу и сел за книги.

— Может, его пока выключить? — спросил Грегор.

— Ни в коем случае! Пусть работает. Он нам деньги делает.

Пока Арнольд копался в справочниках, Грегор попытался подойти к окну, но ходить по щиколотку в порошке оказалось очень неудобно.

К вечеру уровень порошка поднялся на два фута. Несколько авторучек и карандашей уже потонули в нем безвозвратно, и Грегор начал волноваться, выдержит ли пол.

Наконец Арнольд закрыл книгу и произнес:

— Есть еще одна возможность применения.

— Что ты имеешь в виду?

— Тангриз можно использовать как строительный материал. На воздухе через неделю-другую он затвердевает и ста-

новится прочным, как гранит. Мы прямо сейчас позвоним в какую-нибудь строительную компанию.

Грегор набрал номер строительной компании «Тоledo — Марс» и объяснил некоему мистеру О'Тулу, что они могут предоставить в его распоряжение неограниченное количество тангриза.

— Тангриз, говорите? Не очень-то он сейчас в ходу. На нем краска не держится. Но вообще-то, к вашему сведению, на какой-то планете живут психи, которые его едят. Почему бы вам...

— Мы предпочитаем продавать тангриз для строительных целей, — твердо сказал Грегор.

— Что ж, я думаю, мы можем его купить. Пригодится для чего-нибудь попроще и подешевле. Предлагаю, по пятнадцать за тонну.

— Пятнадцать долларов?

— Центов!

— Хорошо, мы сообщим вам о своем решении.

Арнольд, услышав сумму, принялся рассуждать:

— Предположим, наша машина будет выдавать тонн по десять в сутки. И так каждый день, год за годом... Сейчас прикинем... Выходит около пятисот пятидесяти долларов в год. Богачами мы не станем, но будет чем налоги платить.

— Однако мы не можем оставить машину здесь, — сказал Грегор, глядя на россыпи тангриза.

— Конечно, не можем. Найдем ей местечко где-нибудь за городом, и пусть себе работает. А тангриз будем забирать когда вздумается.

Грегор оиять позвонил О'Тулу и сообщил, что готов заключить сделку.

— Прекрасно, — ответил О'Тул. — Вы в курсе, где находятся наши заводы? Привозите в любое время.

— Нам привозить? Я считал, вы сами...

— При цене нятнадцать центов за тонну? Мы и так делаем вам одолжение, забирая у вас эту дрянь. Доставка за вами!

— Паршиво, — сказал Арнольд, когда Грегор положил трубку.

— Перевозка нам обойдется...

— ...гораздо больше, чем нятнадцать центов за тонну, — закончил Грегор. — Ты все-таки выключи эту штуку, пока мы не решим, что с ней делать.

Арнольд подобрался к Производителю.

— Сейчас посмотрим. Вот, нашел. «Чтобы выключить, воспользуйтесь Ааксианским ключом».

— Ну так и воспользуйся.

— Подожди минутку...

— Выключишь ты ее или нет? — закричал Грегор.

Арнольд выпрямился, виновато улыбаясь.

— Поди попробуй...

— А в чем проблема?

— В том, что у нас нет Ааксианского ключа.

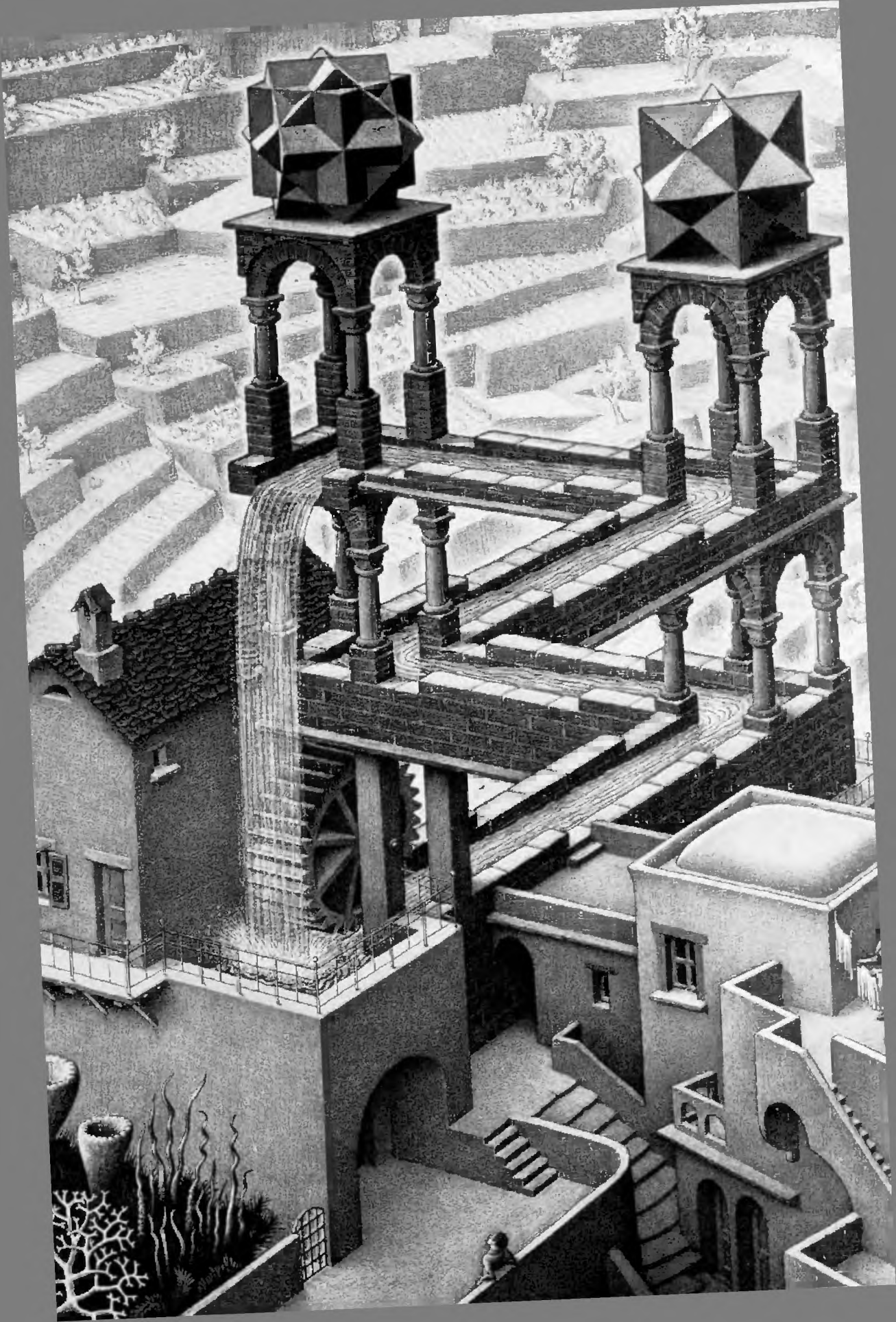
После лихорадочных переговоров с музеями, исследовательскими институтами и археологическими факультетами стало ясно, что никто Ааксианский ключ в глаза не видел и ничего о нем не слышал. В отчаянье Арнольд позвонил старому Джо на инопланетную свалку.

— Нет, у меня нет ключа, — услышал он в ответ. — А почему ты думаешь, я уступил тебе Производитель так дешево?

Партнеры молча уставились друг на друга. Мелджский бесплатный производитель, довольно урча, выплевывал новые и новые порции бесполезного порошка. Оба кресла и радиатор уже скрылись под серыми волиами, из-под которых теперь виднелись только столы, шкаф и сама машина.

— Вот тебе и безбедная жизнь, — в сердцах сказал Грегор.

— Аадно, что-нибудь придумаем...

Арнольд вернулся к своим книгам. Остаток вечера он провел в поисках иных способов применения тангриза. Чтобы совсем не утонуть в порошке, Грегору пришлось отгresti часть тангриза в холл.

Утром солище безуспешно пыталось заглянуть в их окна, покрытые серой пылью. Арнольд встал из-за стола и потянулся.

— Ничего не нашел? — спросил Грегор.

— Боюсь, ничего...

Грегор отправился за кофе. Когда он вернулся, Арнольд уже успел поругаться с домовладельцем и двумя здоровенными розовощекими полицейскими.

— Я требую, — орал домовладелец, — чтобы вы немедленно убрали отсюда эту дрянь!

— И, кроме того, — добавил один из полицейских, — существует запрет на использование промышленных установок в деловом районе.

— Это не промышленная установка, — попытался возразить Грегор. — Это Мелджский Бесплатный...

— А я сказал — установка! — отрезал полицейский. — И я приказываю немедленно остановить производство!

— В том-то все и дело, — вступил в разговор Арнольд, — что мы не можем ее выключить...

— Как это не можете? — подозрительно спросил полицейский. — Шутки со мной шутить? Я приказываю...

— Сэр, я клянусь...

— Слушай меня, остряк. Мы сюда вернемся через час. Или вы к этому времени ее выключаете и выносите отсюда этот мусор, или — за решетку!

И все трое удалились.

Грегор и Арнольд посмотрели друг на друга, потом усталились на Производитель. Порошок все прибывал.

— Черт бы их побрал! — не выдержал Арнольд. — Ведь должен быть какой-то выход!

— Спокойнее, — откликнулся Грегор, вытряхивая из волос серую пыль.

В эту минуту дверь открылась и вошел высокий человек в строгом синем костюме с каким-то сложным прибором в руках.

— Так это здесь! — удовлетворенно произнес он.

У Грегора блеснула надежда.

— У вас в руках Ааксианский ключ? — спросил он.

— Какой еще ключ? Это регистратор утечки. И, похоже, он привел меня к тому, что я искал, — строго ответил человек. — Меня зовут Гастерс.

Он смахнул пыль с подоконника, взглянул еще раз на свой регистратор и начал заполнять какой-то бланк.

— Что все это значит? — спросил Арнольд.

— Я из Энергетической компании, — ответил Гастерс. — Вчера, начиная с полудня, мы регистрируем огромную утечку энергии.

— И потому вы пришли к нам?

— Именно так. Ваша машина очень прожорлива. — Гастерс кончил писать, сложил бланк и спрятал его в карман. — Счет вам будет выслан.

С некоторым трудом он открыл дверь и, уже уходя, обернулся, чтобы еще раз поглядеть на Производитель.

— Должно быть, ваша машина делает нечто особо ценное, если вы можете позволить себе такой расход энергии. Платиновый порошок, верно?

Когда Гастерс ушел, Грегор с издевкой спросил у Арнольда:

— Значит, «не требует энергетических затрат»?

— Видишь ли, Грегор, — пряча глаза, ответил тот, — я не мог знать, что она будет хапать энергию из ближайшего источника.

— Вот именно, — продолжал издеваться Грегор, — «из воздуха, из космоса, от Солнца» — а заодно у ближайшей энергетической компании!

— Но базовый принцип...

— К черту базовый принцип! — взорвался Грегор. — Мы не можем отключить этот ящик! У нас нет этого проклятого Ааксианского ключа! Нет, и никто не знает, где его взять. Скоро мы будем по уши в этом проклятом тангризе, который нам даже вывезти не на чем. И вдобавок оказывается, что мы тратим энергии больше, чем сверхновая!

В дверь громко постучали, с лестницы слышались сердитые голоса. Арнольд напряженно думал, потом вдруг вскочил.

— Не все еще потеряно! — патетически воскликнул он. — Эта машина сделает нас богатыми!

Но Грегора не прельстили радужные обещания.

— Послушай, Арнольд, — сказал он. — Давай-ка лучше ее утопим. Или сбросим на солнце.

— С ума сошел? Срочно готовь наш корабль к отлету...

Следующие несколько дней вспоминались как дурной сон. За огромную плату наняли они людей, которые вынесли машину и очистили помещение от тангриза. Затем пришлось везти Производитель, из которого фонтаном бил серый порошок, через весь город до космопорта. А чего стоила погрузка в корабль! Но теперь все это было позади.

Производитель стоял в трюме корабля, постепенно заполняя его порошком, а корабль уносился из Солнечной системы.

— В этом есть своя логика, — рассуждал Арнольд. — На Земле тангриз никому не нужен. Следовательно, нечего и пытаться сбить его там. А вот на планете Мелдж...

— Не нравится мне все это, — ответил Грегор.

— И зря. Теперь-то мы не ошиблись. Вozить тангриз слишком дорого, поэтому мы берем машину и вместе с ней направляемся туда, где тангриз у нас с руками оторвут.

— А если и там он не нужен?

— Такого не может быть. Для мелджан тангриз — что для нас хлеб. Считай, что дело в шляпе.

Через две недели в иллюминаторе появился Мелдж. Тангриз к тому времени заполнил трюм доверху. Грегор с Арнольдом запечатали все люки. Нарастающее давление грозило разорвать корабль на куски. Пришлось выбрасывать тангриз тоннами, что требовало времени и, самое главное, большого расхода воздуха. Перед спуском на планету весь корабль был набит порошком, а кислорода оставалось чуть-чуть.

Сразу после посадки мелджанин в оранжевой форме поднялся на корабль оформить документы.

— Добро пожаловать! — приветствовал он землян. — Вы — редкие гости на нашей маленькой планете. Надолго к нам?

— Как получится, — ответил Арнольд. — Мы хотим установить с вами торговые отношения.

— О, это замечательно! — обрадовался чиновник. — Наша планета очень нуждается в свежих деловых контактах. Могу я поинтересоваться, что вы собираетесь нам предложить?

— Мы будем продавать тангриз. Это ваш собственный...

— Что продавать?

— Тангриз. У нас есть Бесплатный производитель, и мы...

— Очень сожалею, но вы должны немедленно покинуть планету, — строго сказал чиновник и нажал красную кнопку на маленьком приборчике, прикрепленном к запястью.

— У нас есть визы!

— А у нас есть законы. Вы должны отбыть незамедлительно и забрать с собой ваш Производитель.

— Послушайте, а как на вашей планете насчет свободы предпринимательства?

— Производство тангриза у нас запрещено.

Пока шел спор, на поле с грохотом въехали танки и расположились вокруг корабля. Мелджанин, иятясь, выбрался из кабины и торопливо спустился по трапу.

— Подождите! — в отчаянье закричал Грегор. — Если вы боитесь конкуренции, то примите Производитель от нас в подарок!

— Нет! — встрепенулся Арнольд.

— Да! Откапывайте его и берите. Отдайте его бедным.

На поле появилась еще одна колонна танков, в воздухе промелькнули боевые самолеты.

— Проваливайте сейчас же! — заорал чиновник. — Неужели вы рассчитываете продать здесь хоть крупинку тангриза? Оглянитесь вокруг!

Они оглянулись. Перед ними простиралось посадочное поле все в серой пыли. Поодаль стояли некрашенные серые здания, за ними тянулись унылые серые поля. Еще дальше виднелись невысокие серые горы.

Во все стороны, насколько хватал глаз, все было из того же серого тангриза.

— Вы хотите сказать, что вся планета ... — начал Грегор и осекся.

— Сами не видите, что ли? — сказал чиновник. — Здесь Старая наука возникла, здесь она развилась и угасла. Но всегда отыщутся недоучки, которые не могут пройти мимо старой машины, чтобы не сунуть в нее свой нос. А теперь проваливайте! Но если вдруг найдете Ааксианский ключ, то возвращайтесь и называйте любую цену.

Необходимая вещь

Ричард Грегор сидел за своим столом в пыльной конторе фирмы «АААПОПС» (Астронавтического антиэнтропийного агентства по оздоровлению природной среды), тупо уставившись на список, включающий ни много ни мало 2305 наименований. Он пытался вспомнить, что же еще тут упущено.

Антирадиационная мазь? Осветительная ракета для вакуума? Установка для очистки воды? Нет, все это уже есть.

Он зевнул и взглянул на часы. Арнольд, его компаньон, вот-вот должен вернуться. Еще утром он отправился заказать все эти 2305 предметов и проследить за их погрузкой на корабль. Через несколько часов точно по расписанию они стартуют для выполнения нового задания.

Но все ли он предусмотрел? Космический корабль — это остров на полном самообеспечении. Если на Деннете IV у тебя кончатся бобы, ты там не отправишься в лавку. А если, не дай бог, сгорит обшивка основного двигателя, никто не поспешит заменить ее. На борту должно быть все — и занасная обшивка, и инструмент для замены, и инструкция, как это сделать. Космос слишком велик, чтобы позволить себе роскошь спасательных операций. Аппаратура для экстракции кислорода... Сигареты... Да прямо универсальный магазин, а не ракета.

Грегор отбросил список, достал колоду потрепанных карт и разложил безнадежный пасьянс собственного изобретения.

Спустя несколько минут в контору небрежной походкой вошел Арнольд.

Грегор с подозрением посмотрел на компаньона. Когда маленький химик, сияя от счастья, начинал лихо подпрыгивать, это обычно означало, что «АААПОПС» ждут крупные неприятности.

— Ты все достал? — робко поинтересовался Грегор.

— В лучшем виде, — гордо заявил Арнольд.

— Старт назначен на ...

— Успокойся, будет полный порядок!

Он уселся на край стола.

— Я сегодня сэкономил кучу денег.

— Бог ты мой, — вздохнул Грегор. — Что ты еще натворил?

— Нет, ты только подумай, — торжественно произнес Арнольд. — Только подумай о тех деньгах, которые попусту тратятся на снаряжение самой обычной экспедиции. Мы упаковываем 2305 единиц снаряжения ради одного-единственного ничтожного шанса, что нам может понадобиться одна из них. Полезная нагрузка корабля снижена до предела, жизненное пространство стеснено, а эти вещи никогда не понадобятся!

— За исключением одного или двух случаев, когда они спасают нам жизнь.

— Я это учел. Я все тщательно изучил и нашел возможность существенно сократить список. Небольшое везение — и я отыскал ту единственную вещь, которая действительно нужна экспедиции. Необходимую вещь! Поехали на корабль, я ее тебе покажу.

Больше Грегор не смог вытянуть из него ни слова.

Всю долгую дорогу в космопорт Кеннеди Арнольд таинственно улыбался. Их корабль уже стоял на пусковой площадке, готовый к старту.

Арнольд торжествующе распахнул люк.

— Вот! — воскликнул он. — Смотри! Это панацея от всех возможных бед!

Грегор вошел внутрь. Он увидел большую фантастического вида машину с беспорядочно размещенными на корпусе циферблатами, лампочками и индикаторами.

— Что это?

— Не правда ли, красавица? — Арнольд нежно похлопал машину. — Я выудил ее у межпланетного старьевщика Джо практически за бесценок.

Грегору все стало ясно. Когда-то он сам имел дело со старьевщиком Джо, и каждый раз это приводило к печальным последствиям. Немыслимые машины Джо в самом деле работали, как — это другой вопрос.

— Ни с одной из машин Джо я не отправлюсь в космос, — твердо заявил Грегор. — Может быть, нам удастся продать ее на металлолом?

Он судорожно бросился разыскивать кувалду.

— погоди, — взмолился Арнольд. — Дай, я покажу ее в работе. Подумай сам. Мы в глубоком космосе. Выходит из строя основной двигатель. Мы обнаруживаем, что на третьей шестеренке открутилась и исчезла гайка. Что мы делаем?

— Мы берем новую гайку из числа 2305 предметов, которые взяли с собой на случай вот таких чрезвычайных обстоятельств, — сказал Грегор.

— В самом деле? Но ведь ты же не включил в список четырехдюймовую дюралевою гайку! — торжествующе вскричал Арнольд. — Я проверял. Что тогда?

— Не знаю. А что ты можешь предложить?

Арнольд подошел к машине, нажал кнопку и громко и отчетливо произнес:

— Дюралевая гайка, диаметр четыре дюйма.

Машина глухо зарокотала. Вспыхнули лампочки. Плавно отодвинулась панель, и глазам компаньонов представилась сверкающая, только что изготовленная гайка.

— Хм, — произнес Грегор без особого энтузиазма. — Итак, она делает гайки. А что еще?

Арнольд снова нажал на кнопку:

— Фунт свежих креветок.

Панель отодвинулась — внутри были креветки.

— Дал маху, следовало заказать очищенные, — заметил Арнольд. — Ну да ладно.

— Что еще она может делать? — спросил Грегор.

— А что бы ты хотел? Тигренка? Карбюратор? Двадцатипятиваттную лампочку? Жевательную резинку?

— Ты хочешь сказать — она может состряпать все что угодно?

— Все что ни пожелаешь! Попробуй сам.

Грегор попробовал и быстро произвел на свет одию за другим пинту питьевой воды, наручные часы и банку майонеза.

— Неилохо, — сказал он. — Но...

— Что «но»?

Грегор задумчиво покачал головой. Действительно — что? Просто по собственному опыту он знал, что эти новинки никогда не бывают столь надежны в работе, как кажется на первый взгляд.

— Транзистор серии e1324.

Машина глухо загудела, отодвинулась панель, и он увидел крохотный транзистор.

— Неилохо, — признался Грегор. — Что ты там делаешь?

— Чищу креветки, — ответил Арнольд.

Насладившись салатом из креветок, приятели вскоре получили разрешение на взлет, и через час их корабль был уже в космосе.

Они направлялись на Деннетт IV, планету средних размеров в созвездии Сикофакс. Деннетт был жаркой, влажной, плодородной планетой с одним-единственным серьезным недостатком — чрезмерным обилием дождей. Почти все время на Деннетте шел дождь, а когда его не было, собирались тучи. Компаньонам предстояло ограничить выпадение дождей. Основами регулирования климата они вполне овладели. Это были частые для многих миров трудности. Несколько суток — и все будет в порядке.

Путь не был отмечен никакими событиями. Впереди показался Деннетт. Арнольд выключил автопилот и повел корабль сквозь толщу облаков. Они спускались в километровом слое белесого тумана. Вскоре показались горные вершины, а еще через несколько минут корабль завис над скучной серой равниной.

— Странный цвет для ландшафта, — заметил Грегор.

Арнольд кивнул. Он привычно повел корабль по спирали, выровнял его, аккуратно опустил и, сбалансировав, выключил двигатель.

— Интересно, почему здесь нет растительности? — размышляя вслух Грегор.

Через мгновение они это узнали. Корабль на секунду замер, а затем провалился сквозь мнимую равнину и, пролетев несколько десятков метров, рухнул на поверхность.

«Равниной» оказался туман исключительной плотности, какого нигде, кроме Деннетта, не встретить.

Компаньоны быстро отстегнули ремни, тщательно ощупали себя и, убедившись в отсутствии увечий, приступили к осмотру корабля. Неожидаемое падение не принесло ничего хорошего их старенькой посудине. Радио и автопилот оказались напрочь выведенными из строя. Были покорежены

десять пластин в обшивке двигателя и, что хуже всего, полетели многие элементы в системе управления.

— Нам еще повезло, — заключил Арнольд.

— Да, — сказал Грегор, вглядываясь в туман. — Однако в следующий раз лучше садиться по приборам.

— Ты знаешь, отчасти я даже рад, что все так произошло. Теперь ты убедишься, как незаменим Конфигуратор. Ну что, приступим к работе?

Они составили список всех поврежденных частей.

Арнольд подошел к Конфигуратору и нажал на кнопку:

— Пластина обшивки двигателя, пять дюймов на пять, толщина полдюйма, сплав 342.

Конфигуратор быстро изготовил требуемое.

— Нам нужно десять штук, — сказал Грегор.

— Знаю, — ответил Арнольд и снова нажал на кнопку:

— Повторить.

Машина бездействовала.

— Наверное, надо ввести команду полиостью, — сказал Арнольд.

Он ударил кулаком по кнопке и произнес:

— Пластина обшивки двигателя, пять дюймов на пять, толщина полдюйма, сплав 342.

Конфигуратор не шелухнулся.

— Странно, — сказал Арнольд.

— Куда уж, — произнес Грегор, чувствуя, что внутри у него что-то обрывается.

Арнольд попробовал еще раз — безрезультатно. Он задумался, затем, снова ударив кулаком по кнопке, сказал:

— Пластиковая чашка.

Машина произвела чашку из ярко-голубого пластика.

— Еще одну, — сказал Арнольд.

Конфигуратор не откликнулся, и Арнольд попросил восковую свечу. Машина ее изготовила.

— Еще одну восковую свечу, — приказал Арнольд.

Машина не повиновалась.

— Интересно, — произнес Арнольд. — Мне следовало бы раньше подумать о такой возможности.

— Какой возможности?

— Очевидно, Конфигуратор может произвести все что угодно, но только в единственном числе.

Арнольд провел еще один эксперимент, заставив машину изготовить карандаш. Она это сделала, но только один раз.

— Прекрасно, — подытожил Грегор, — но нам нужны еще девять пластин. И для системы управления необходимы четыре идентичные детали. Что будем делать?

— Что-нибудь придумаем, — беззаботно ответил Арнольд.

За бортом корабля начинался дождь.

— Я могу найти поведению машины только одно объяснение, — говорил Арнольд несколько часов спустя. — Полагаю, здесь действует принцип наслаждения.

— Что? — встрепнулся Грегор. Он дремал, убаюканный мягким шелестом дождя.

— Эта машина обладает своего рода разумом, — продолжал Арнольд. — Получив стимулирующее воздействие, она переводит его на язык исполнительных команд и производит предмет в соответствии с заложенной в памяти программой.

— Производит, — согласился Грегор, — но только единожды!

— Да, но почему? Здесь ключ ко всей нашей проблеме. Я полагаю, мы столкнулись с фактором самоограничения, вызванного стремлением к наслаждению.

— Не понимаю.

— Послушай. Создатели машины не стали бы ограничивать возможности таким образом. Единственное объяснение, которое я нахожу, заключается в том, что при подобной

сложности машина приобретает почти человеческие черты. Машина получает определенное наслаждение от производства только новых предметов. Сотворив изделие, машина теряет к нему всякий интерес. С этой точки зрения всякое повторение — пустая трата времени.

— Более дурацких рассуждений я в жизни не слышал, — сказал Грегор. — Но допустим, ты прав. Что же нам все-таки теперь делать?

— Не знаю, — ответил Арнольд.

— Я так и думал.

В этот вечер Конфигуратор произвел им на ужин вполне приличный ростбиф. На десерт был яблочный пирог. Ужин заметно улучшил моральное состояние приятелей.

— Ну что ж, — задумчиво произнес Грегор, затягиваясь сигаретой марки «Конфигуратор». — Вот что мы должны попробовать. Сплав 342 — не единственный материал, из которого можно изготовить обшивку. Есть и другие сплавы, которые продержатся до нашего возвращения на Землю.

Вряд ли можно было хитростью заставить Конфигуратор изготовить пластину из какого-либо ферросплава. Компания приказала машине изготовить бронзовую пластину и получили ее. Однако после этого Конфигуратор отказал им как в медной, так и в оловянной пластинах. На алюминиевую пластину машина согласилась, так же как на пластины из кадмия, платины, золота и серебра. Пластина из вольфрама была уникальным изделием, удивительно, как Конфигуратор вообще смог ее отлить. Плутоний был отвергнут Грегором, и подходящие материалы стали постепенно истощаться. Арнольду пришла идея использовать сверхпрочную керамику. Наконец, последнюю пластину сделали из чистого цинка.

В общем, ночью приятели неплохо поработали и уже под утро смогли выпить за успех предприятия превосходный, хотя и несколько маслянистый херес марки «Конфигуратор».

На следующий день они смонтировали пластины. Кормовая часть корабля имела вид лоскутного одеяла.

— По-моему, очень даже неплохо! — восхитился Арнольд.

— Только бы они продержались до Земли, — судя по голосу, Грегор отнюдь не разделял энтузиазма своего компаньона. — Ну ладно, пора приниматься за систему управления.

Здесь возникла новая проблема. Были разбиты четыре абсолютно одинаковые детали — хрупкие, тончайшей работы платы из стекла и проволоки. Заменители исключались.

К полудню приятели чувствовали себя просто омерзительно.

— Есть какие-нибудь идеи? — спросил Грегор.

— Пока нет. Может, пообедаем?

Они решили, что салат из омаров будет очень кстати, и заказали его Конфигуратору. Тот недолго погудел и... ничего.

— Ну а сейчас в чем дело? — спросил Грегор.

— Вот этого-то я как раз и боялся, — ответил Арнольд.

— Боялся чего? Мы ведь еще не заказывали омаров.

— Но мы заказывали креветки. И те и другие относятся к ракообразным. Боюсь, что Конфигуратор разбирается в классах объектов.

— Ну что же, придется консервы, — со вздохом сказал Грегор.

Арнольд вяло улыбнулся.

— Видишь ли, — сказал он, — когда я купил Конфигуратор, то подумал, что нам больше не придется беспокоиться о еде. Дело в том, что...

— Как, консервов нет?!

— Нет.

Они вернулись к машине и заказали семгу, форель, тунца... Безрезультатно. С тем же успехом они попробовали получить свиную отбивную, баранью ножку и телятину.

— По-моему, Конфигуратор решил, что вчерашний рост-биф поставил точку на мясе всех млекопитающих, — сказал Арнольд.

— Это интересно. Если дело так пойдет дальше, мы сможем разработать новую теорию видов...

— Умирая голодной смертью, — добавил Грегор.

Он потребовал жареного цыпленка, и на этот раз Конфигуратор сработал без колебаний.

— Эврика! — воскликнул Арнольд.

— Черт! — выругался Грегор. — Надо было заказать индейку.

На планете Деннетт продолжался дождь. Вокруг залатанной хвостовой части корабля клубился туман.

Арнольд занялся какими-то манипуляциями с логарифмической линейкой, а Грегор, покончив с хересом, безуспешно пытался получить ящик виски.

Убедившись в бесплодности своих попыток, он принялся раскладывать пасьянс. После скудного ужина, состоявшего из остатков цыпленка, Арнольд наконец завершил расчеты.

— Это может действовать, — сказал он.

— Что именно?

— Принцип наслаждения!

Арнольд поднялся и принялся расхаживать взад и вперед.

— Раз эта машина обрела почти человеческие черты, у нее должны быть и способности к самообучению. Я думаю, мы сможем научить ее испытывать наслаждение от многократного производства одной и той же вещи, а именно элементов системы управления.

— Может, стоит и попробовать, — с надеждой отозвался Грегор.

Поздно вечером приятели начали переговоры с машиной. Арнольд настойчиво нашептывал ей о прелестях повторения. Грегор громко рассуждал об эстетическом наслаждении от

многократного производства таких шедевров, как элементы системы управления. Арнольд все шептал о трепете от бесконечного производства одних и тех же предметов. Снова и снова — все те же детали, все из того же материала, производимые с одной и той же скоростью. Экстаз! Грегор философствовал, сколь гармонично это соответствует облику и способностям машины. Он говорил, что повторение гораздо ближе к энтропии, которая с механической точки зрения само совершенство.

По непрерывному щелканью и миганию можно было судить, что Конфигуратор внимательно слушал. Когда на Деннетте забрезжил промозглый рассвет, Арнольд осторожно нажал на кнопку и дал команду изготовить пужную деталь. Конфигуратор явно колебался. Лампочки неопределенно мигали, стрелки индикаторов нерешительно держались.

Наконец послышался щелчок, панель отодвинулась, и оказался второй элемент системы управления.

— Ура! — закричал Грегор, хлопнув Арнольда по плечу.

Он поспешно нажал на кнопку и заказал еще одну деталь. Конфигуратор громко и выразительно загудел и... ничего не произвел.

Грегор сделал еще одну попытку, однако и на этот раз машина — уже без долгих колебаний — отказалась выполнить просьбу людей.

— Ну а сейчас в чем дело? — спросил Грегор.

— Все ясно, — грустно ответил Арнольд. — Он решил попробовать повторение только ради того, чтобы определить, не лишает ли себя чего-нибудь, не испытал его. Я думаю, что Конфигуратору повторение не понравилось.

— Машина, которая не любит повторения! — тяжело вздохнул Грегор. — Это так по-человечески...

— Как раз наоборот, — с тоской произнес Арнольд. — Это слишком по-человечески...

Время приближалось к ужину, и приятели решили выудить из Конфигуратора что-нибудь съестное. Получить овощной салат было довольно несложно, однако он оказался не слишком калорийным. Конфигуратор добавил буханку хлеба, но о пироге не могло быть и речи. Молочные продукты также исключались: накануне компаньоны заказывали сыр. Наконец, только через час, после многочисленных попыток и отказов, их усилия были вознаграждены фунтом бифштекса из китового мяса, — видно, Конфигуратор был не совсем уверен в его происхождении.

Сразу после ужина Грегор снова стал вполголоса напевать машине о радостях повторения. Конфигуратор мерно гудел, периодически мигал лампочками, показывая, что все же слушает.

Арнольд обложился справочниками и стал разрабатывать новый план. Спустя несколько часов он вдруг вскочил с радостным криком:

— Я знал, что его найду!

— Что найдешь? — живо поинтересовался Грегор.

— Заменитель системы управления!

Он сунул киигу буквально под нос Грегору.

— Смотри! Ученый на Ведньере II создал это нятдесять лет назад. Система по современным понятиям неуклюжа, но она неплохо действует и вполне подойдет для нашего корабля.

— Ага. А из чего она сделана? — спросил Грегор.

— В том-то вся и штука! Мы не можем ошибиться. Она сделана из особого иластика!

Арнольд быстро нажал на кнопку и прочитал описание системы управления.

Ничего не произошло.

— Ты должен изготовить систему управления типа Ведньер II, — закричал Арнольд. — Если ты этого не сделаешь, то нарушишь собственные принципы!

Он ударил по кнопке и еще раз отчетливо прочитал описание системы.

И на этот раз Конфигуратор не повиновался.

Тут Грегора осенило ужасное подозрение. Он быстро подошел к задней панели Конфигуратора и нашел там то, чего опасался.

Это было клеймо изготовителя. На нем было написано: КОНФИГУРАТОР, КЛАСС 3. ИЗГОТОВЛЕН ВЕДНЬЕРСКОЙ ЛАБОРАТОРИЕЙ. ВЕДНЬЕР II.

— Конечно, они уже использовали его для этих целей, — грустно констатировал Арнольд.

Грегор промолчал. Сказать было нечего.

Внутри на стенках корабля появились капли. На стальной пластине в хвостовом отсеке обнаружилась ржавчина.

Машина продолжала слушать увещевания о пользе повторения, но ничего не производила.

Снова возникла проблема обеда. Фрукты исключались из-за яблочного пирога. Не стоило и мечтать о мясе, рыбе, молочных продуктах, каше. В конце концов компаньонам удалось отведать лягушек, печеных кузнечиков, приготовленных по древнему книтайскому рецепту, и филе из игуаны. Однако после того, как с ящерицами, насекомыми и земноводными было покончено, приятели поняли, что пищи больше не будет.

И Арнольд, и Грегор чувствовали нечеловеческую усталость. Длинное лицо Грегора совсем вытянулось.

За бортом непрерывно лил дождь. Корабль все больше засасывало в хлипкую почву.

Но тут Грегора осенила еще одна идея. Он старался тщательно ее обдумать. Новая неудача могла повергнуть в непреодолимое уныние. Вероятность успеха была ничтожной, но упускать ее было нельзя.

Грегор медленно приблизился к Конфигуратору. Арнольд испугался неистового блеска в его глазах.

— Что ты собираешься делать?

— Я собираюсь дать этой штуке еще одну, последнюю команду, — хрипло ответил Грегор.

Дрожащей рукой он нажал на кнопку и что-то прошептал.

В первый момент ничего не произошло. Внезапно Арнольд закричал:

— Назад!

Машина затряслась и задрожала, лампочки мигали, стрелки индикаторов судорожно дергались.

— Что ты ей приказал? — спросил Арнольд.

— Я приказал ей воспроизвести себя!

Конфигуратор затрясся в конвульсиях и выпустил облако черного дыма. Нриятели закашлялись, судорожно глотая воздух.

Когда дым рассеялся, они увидели, что Конфигуратор стоит на месте, только краска на нем в нескольких местах потрескалась, а некоторые индикаторы бездействуют. Рядом с ним, сверкая каплями свежего масла, стоял еще один Конфигуратор.

— Ура! — закричал Арнольд. — Это спасение!

— Я сделал гораздо больше, — устало ответил Грегор. — Я обеспечил нам состояние.

Он повернулся к новому Конфигуратору, нажал на кнопку и прокричал:

— Воспроизведись!

Через неделю, завершив работу на Деннетте IV, Арнольд, Грегор и три Конфигуратора уже подлетали к космопорту Кеннеди. Как только они приземлились, Арнольд выскочил из корабля, быстро поймал такси и отправился сначала на Кэнэ-стрит, а затем в центр Нью-Йорка. Дела заняли немного времени, и уже через несколько часов он вернулся на корабль.

— Все в порядке, — сказал он Грегору. — Я поговорил с несколькими ювелирами. Без существенного влияния на рынок мы можем продать около двадцати больших камней.

После этого, думаю, надо, чтобы Конфигураторы занялись платиной, а затем... В чем дело?

Грегор мрачно смотрел на него.

— Ты ничего не замечаешь?

— А что? — Арнольд огляделся.

Там, где раньше стояли три Конфигуратора, сейчас их было уже четыре.

— Ты приказал им воспроизвести еще одного? — спросил Арнольд. — Ничего страшного. Теперь надо только приказать, чтобы они сделали по бриллианту.

— Ты все еще ничего не понял? — грустно воскликнул Грегор. — Смотри!

Он нажал на кнопку ближайшего Конфигуратора и сказал:

— Бриллиант.

Конфигуратор затрясся.

— Это все ты и твой проклятый принцип наслаждения, — устало проговорил Грегор.

Машина вновь завибрировала и произвела на свет... еще один КОНФИГУРАТОР!!!

Беличье колесо

— Лучшие земли в Галактике — погублены, — горестно простонал клиент, верзила семи футов ростом с интенсивно голубым цветом лица. Из отверстий, напоминающих смазочные, катились крупные слезы и падали на щеголеватую и, похоже, дорогую сорочку. В течение целых пятнадцати минут он невразумительно бормотал о постигшем его несчастье.

— Успокойтесь, сэр, — с участием промолвил Ричард Грегор, весь подобравшись на стуле. Он сидел за огромным старинным письменным столом из орехового дерева. — Астронавтическое антиэнтропийное агентство по оздоровлению природной среды, сокращенно «АААПОПС», с готовностью решит все ваши проблемы.

— Не объясните ли нам, сэр, характер ваших проблем, — в свою очередь учтиво справился Арнольд.

Клиента все еще переполняли эмоции. Наконец он осушил слезы огромным носовым платком и с надеждой посмотрел на компаньонов фирмы «АААПОПС».

— Разорение! — вскричал он. — Вот что меня ждет. Мои лучшие поля...

— Мы понимаем вас, сэр, — ободрил его Грегор, — но объясните, почему вас ждет разорение?

— В Биттер-лаге, на планете Сир, у меня есть ферма, — наконец, взяв себя в руки, начал рассказывать сириянин. — Я засеял зерновыми и другими культурами около восьмисот акров. И жду всходов в этом месяце. Но как только поля зазеленеют, проклятые крысы начисто сожрут всходы.

— Крысы? — удивился Арнольд.

— Да, так у нас называют этот вид грызунов семейства альфикс дрекс. — Слезы снова заставили беднягу полезть за платком. — В этом году настоящее крысиное нашествие. Мои поля кишат ими. Я перепробовал уже все средства, но эти твари плодятся быстрее, чем дышат. Сняв урожай, я стану богатым и хорошо заплачу, если вы избавите меня от этой дряни, джентльмены.

— Думаю, мы сможем вам помочь, — заверил его Арнольд. — Разумеется, предварительно необходимо познакомиться с обстановкой. Мы предпочитаем знать заранее, с чем придется иметь дело.

— То же самое я слышал и от других фирм. Но время не терпит, — с горечью промолвил сириянин. — Я вложил в землю весь свой капитал. Через пару недель появятся всходы, и все они тут же будут уничтожены крысами. Вы должны покончить с этой напастью до того, как зазеленеют поля, джентльмены.

Длинное худое лицо Грегора не выражало особой радости. Он был весьма консервативен в своих решениях и действиях, и ему не нравился такой подход. Из-за самоуверенности и бахвальства Арнольда их фирма почти всегда несла убытки, заключая практически невыполнимые контракты. Грегор сопротивлялся этому как мог. Но, видимо, без риска не обойтись, если затеваешь такое дело, как антиэнтропийное агентство, и не имеешь ни гроша в кармане. Однако в последнее время им везло, образовалась даже кое-какая прибыль, и Грегору не хотелось рисковать. Вот почему подозрительный блеск в глазах компаньона настораживал его.

Сам клиент не вызывал у Грегора недоверия, но кто знает, как все это может обернуться. Вдруг на самом деле крысы окажутся семифутовыми детинами с бластерами в руках. У фирмы «АААПОПС» уже бывали подобные непредвиденные сюрпризы.

— Вам раньше приходилось бороться с вредителями полей? — спросил он у сириянина.

— Конечно. Но то были случаи, не представляющие проблемы, например летучие висяки, ползущие скегли или гниль обыкновенная. Это привычные заботы фермера.

— А почему сейчас с крысами возникли проблемы?

— Откуда мне знать, — сердито буркнул сириянин. — Говорите прямо, хотите заработать или нет?

— Конечно, хотим, — поспешил согласиться Арнольд. — Мы готовы начать хоть сейчас...

— Нам с партнером сначала надо посоветоваться, — решительно вмешался Грегор и вытащил Арнольда в коридор.

Коротышка и толстяк Арнольд, как всегда, был полон энтузиазма. Его, дипломированного химика, интересовало абсолютно все. Он был напичкан самой невероятной информацией, почерпнутой из десятков научных и технических журналов, которые выписывал не без ущерба для бюджета фирмы.

Добытая таким образом информация не приносила практической пользы. Мало кого интересовало, зачем аборигены планеты Денеб-икс упорно ищут наилучший способ массового самоубийства или, например, почему в созвездии Дрея животный мир представлен только летающими видами.

Но если бы кому-нибудь захотелось узнать это, Арнольд охотно поделился бы информацией.

— Интересно, во что мы впускаемся на этот раз, — сказал Грегор другу. — Что это за семейство альфикс дрекс?

— Это вид грызунов, — тут же пояснил Арнольд. — Чуть поменьше наших земных крыс и не такие агрессивные. Они

питаются растительной пищей, живут на полях, в траве и в мелколесье. Как вид ничего особенного из себя не представляют.

— Гм. А если их там десятки миллионов?

— Тем лучше. Я говорю вполне серьезно, если бы клиент попросил нас доставлять ему каждую пятидесятую из упитанных крыс, я бы не взялся за это дело. Ведь тогда бы нам грозило потратить весь остаток жизни на поиски последних пяти или шести зверюг. Но, как я понял, от нас требуется вернуть популяцию крыс к обычной, «доэпидемической» численности. А этого мы вполне можем добиться, если оговорим все условия в контракте.

Грегор понимающе кивнул. У его компаньона хотя и очень редко, но все же появлялась деловая хватка.

— А мы сумеем вовремя справиться с ними? — все же переспросил он.

— Без всякого сомнения. Имеется несколько способов борьбы с грызунами. Организация — один из них, и неплохой. Или, например, система Турнье. Нам понадобится не более нескольких дней, чтобы уничтожить этих грызунов.

— Ааааа, — сказал Грегор, — в контракте надо уточнить, что мы будем заниматься только крысами семейства альфикс дрекс. Для полной ясности.

— Хорошо.

Они снова вернулись в контору. Незамедлительно был составлен договор, в котором фирма «АААПОПС» бралась за месяц истребить как можно большее число крыс на ферме заказчика. За каждый сэкономленный день компаньонам полагалось дополнительное вознаграждение, а в случае задержки — штраф за каждый просроченный день.

— Пока вы будете этим заниматься, — сказал сириянин, — я отправлюсь в отпуск. Вы действительно считаете, что удастся спасти урожай?

— Не беспокойтесь, — заверил его Арнольд. У нас есть оборудование для проведения морганизации и аппараты для обработки зараженных мест по системе Турнье. И тот и другой способы весьма эффективны.

— Я знаю, — ответил клиент, — я тоже пользовался ими. Но, возможно, я что-то не так делал. Всего вам хорошего и желаю удачи, джентльмены.

Грегор и Арнольд еще долго молча смотрели на закрывшуюся за клиентом дверь.

На следующий день, загрузив в корабль оборудование, кипы руководств, ядохимикаты, ловушки и прочую аппаратуру для уничтожения грызунов, друзья направились на планету Сир.

После четырех дней путешествия без каких-либо приключений они наконец увидели под собой зеленеющие поля планеты Сир и береговую линию Биттер-лага. Справившись по карте, определили место посадки.

Берни-спирит, ферма их клиента, была действительно прекрасным уголком: аккуратно распаханые поля и сочные луга, вековые деревья с густыми кронами, величественно чернеющие на фоне вечернего неба. А небольшой, но, очевидно, глубокий пруд поражал своей синевой.

Однако признаки запустения и нашествия крыс сразу бросались в глаза. Аужайки пестрели нятнами голой земли, листья деревьев, росших вокруг дома, казались увядшими и неухаживаемыми. Внутри дома на мебели и стенах повсюду виднелись следы крысиных зубов, изгрызенными оказались даже массивные потолочные балки.

— Да, не повезло бедняге, — посочувствовал клиенту Арнольд.

— Это нам не повезло, — поправил его Грегор.

Обход дома сопровождался неумолкающим писком невидимых грызунов, попрятавшихся в щелях и норах. Когда

Арнольд и Грегор приближались к дверям комнат, там сразу поднимался шум в панике разбегающихся тварей. Но друзьям так и не удалось увидеть ни одной крысы, паразиты успевали разбежаться до появления непрошенных гостей.

Наступил вечер, и уже не было смысла приступать к работе, однако Арнольд и Грегор расставили все виды ловушек, чтобы проверить, какие из них наиболее удачны против этих грызунов. Затем друзья достали спальные мешки и приготовились ко сну.

Арнольд умел засыпать в любых условиях, но для Грегора ночь выдалась малоприятной: целые полчища крыс проявляли невиданную активность. Было слышно, как они бегают по полу, натыкаются на ножки столов и стульев, грызут двери, прогуливаются по стенам. А едва Грегор задремал, тройка самых наглых зверьков оказалась у него на груди. Смахнув их рукой и поплотнее завернувшись в спальный мешок, он все же смог на несколько часов отключиться.

Утром компаньоны произвели осмотр ловушек и убедились, что все они пусты.

Несколько часов ушло на выгрузку из корабля, сборку и установку громоздкого оборудования Моргана. Пока Арнольд заканчивал последнюю пригонку деталей, Грегор извлек аппараты Турнье и опоясал дом электропроводами. Наконец друзья уселись и стали ждать массового истребления грызунов.

Наступил полдень. Прямо над их головами висело горячее маленькое солнце планеты Сир. Оборудование Моргана гудело и ворчало, словно разговаривало само с собой. Над проводами аппаратов Турнье то и дело вспыхивали синие разряды.

А больше ничего интересного не происходило.

Медленно тянулись долгие часы ожидания, Арнольд успел прочитать все руководства по борьбе с грызунами. Грегор вытащил колоду потрепанных карт и мрачно раскладывал

пасьянс. Оборудование работало и монотонно жужжало, как и было обещано в прилагаемой инструкции. А электро-энергии оно съедало столько, что хватило бы на освещение небольшого городка.

Однако в результате не появилось ни одного крысиного трупа.

К вечеру стало окончательно ясно, что этим крысам не страшны ни морганизация, ни турниризация. Пришло время ужинать и решать, что делать дальше.

— Как им удастся избежать опасности? — спросил озадаченный Грегор, сидя на стуле и держа в руках открытую банку саморазогревающихся мясных консервов.

— Мутация, — не задумываясь ответил Арнольд.

— Да, вполне возможно. Уникальный ум, адаптация... — Грегор механически жевал рубленое мясо. В кухне, где они сидели, слышалось беспрестанное царапанье коготков по полу, шорох тушек, трущихся о стены нор, но ни одной из крыс так и не удалось увидеть.

Арнольд снял упаковку с яблочного пирога.

— Произошла мутация, и притом потрясающе хитрая, черт побери! Нам надо во что бы то ни стало поймать хотя бы одну крысу, иначе не разобратся, с чем мы столкнулись.

Но поймать даже одну крысу оказалось ничуть не легче, чем уничтожить тысячу. Крысы не показывались, не попадались в крысоловку, обходили приманки, западни и одурманивающие наживки.

В полночь Арнольд решительно заявил:

— Это невероятно.

Грегор рассеянно кивнул. Он заканчивал установку нового типа ловушки — большого металлического ящика, зазывающего открытого с двух сторон; если сюда забредет какая-нибудь глупая крыса, то по сигналу от фотоэлемента дверцы молниеносно закроются.

— А теперь посмотрим, — закончив подготовку, удовлетворенно сказал Грегор.

Оставив ящик на ночь в кухне, они перешли в гостиную.

В половине третьего ночи дверцы ящика громко захлопнулись.

Арнольд и Грегор поспешили в кухню. В ящике слышен был шум, отчаянное царапанье и писк. Грегор зажег свет и поставил ящик стоймя. Хотя он знал, что ни одна крыса не сможет подняться по скользкой, отшлифованной стенке, он все-таки начал открывать верхнюю дверцу медленно, с большой осторожностью, дюйм за дюймом.

Писк усилился.

Оба комманданто с интересом заглядывали внутрь ловушки, надеясь наконец увидеть крысу в полиой форме побежденного врага с белым флагом в лапах. Но они не увидели ничего. Ящик был пуст.

— Она не могла убежать! — разочарованно воскликнул Арнольд.

— Или прогрызть металлический ящик ... Эй! Слышишь?

В ящике продолжались возня и писк, казалось, что крыса скребет лапами стенку ящика, отчаянно пытаясь выбраться наружу.

Грегор сунул руку в ящик и осторожно провел пальцами по стенкам.

— Ой! — вскрикнул он и быстро выдернул руку. На указательном пальце были видны два небольших следа от зубов.

Шум в ящике усилился.

— Кажется, мы поймали крысу-невидимку, — мрачно изрек Грегор.

Клиент с планеты Сир отдыхал в Катакинни-кластер, в отеле Маджестик. Потребовалось два часа, чтобы связаться с ним по межпланетному телефону.

Свой разговор Грегор начал с крика:

— Вы ни словом не упомянули, что ваши крысы невидимки!

— Неужели? — удивился сирянин. — Это досадная оплошность с моей стороны. Ну и что дальше?

— А то, что вы нарушили контракт, — орал Грегор.

— Ничуть. Мой адвокат, который случайно тоже отдыхает в одном отеле со мной, утверждает, что невидимость животных подпадает под определение естественного свойства защиты, как, например, изменение окраски, и упоминать об этом в контракте как о чем-то исключительном не требуется; кстати, в юридической практике судьи не принимают во внимание состояние невидимости, даже если есть возможность доказать, что оно имеет место. Судьи называют такой феномен «относительной видимостью». В общем, это никак не может считаться нарушением контракта.

От подобной наглости Грегор лишился дара речи.

— Нам, бедным фермерам, приходится защищать себя, вы же знаете, — продолжал меж тем сирянин. — Но я верю в вашу способность справиться с порученной работой. До свидания.

— Он-то сообразил, как защитить себя, черт побери, — проворчал Арнольд, кладя трубку. — Если нам удастся уничтожить это невидимое полчище крыс, он окажется в большом выигрыше. А если нет, просто возместит расходы, оштрафовав нас за невыполнение контракта.

— Невидимки они или нет, — упорствовал Грегор, — но организация должна сделать свое дело.

— Однако ничего не получилось, — возразил Арнольд.

— Я знаю. А почему не получилось? Почему не сработали ловушки? Или система Турнье?

— Потому что это крысы-невидимки.

— Какое это имеет значение? Крысиный нюх у них остался, правильно? Они же обыкновенные крысы, и сами сознают это. Думаешь, нет?

— Что ж, — промолвил Арнольд, — если их невидимость — следствие мутации, то их обоняние и другие чувства тоже могли претерпеть изменения.

Грегор сосредоточенно нахмурился.

— А изменение в их органах чувств потребует от нас соответствующих изменений в борьбе с ними. Нам прежде всего надо узнать, чем этот вид крысы отличается от других, нормальных грызунов.

— Кроме того, что он невидим глазу, — добавил Арнольд.

Но как можно проверить органы чувств невидимой крысы? Грегор решил начать с построения некоего лабиринта из лучших экземпляров мебели в доме фермера. По замыслу стенки лабиринта должны были ярко освещаться, когда мимо пробегала крыса. Таким образом предполагалось отслеживать маршруты передвижения грызунов.

Арнольд же экспериментировал с красителями в поисках такого, который вернул бы крысам их видимость. Одно из красящих веществ оказалось настолько сильным, что на несколько мгновений вернуло крысе ее естественный облик. Словно по взмаху волшебной палочки перед глазами возник экземпляр удивленно моргающего грызуна с подвижным чутким носом. Тварь с возмущительным равнодушием посмотрела на Арнольда и бесстрашно повернулась к нему хвостом. Затем уникально быстрый процесс обмена веществ поглотил краситель, и крыса снова исчезла из поля зрения. Грегору все-таки удалось, погнав по лабиринту, поймать десяток экземпляров крыс-невидимок, но те оказались крайне непослушными. Большинство из них не желали двигаться предложенным маршрутом, пренебрегали едой — только играли с нею, а попробовать решительно отказывались. Даже электрошок не действовал.

Однако в целом опыт дал кое-какие результаты. Он подтвердил полную непригодность для данного случая той аппаратуры, которую компаньоны привезли с собой.

Как и всякое громоздкое оборудование, системы Моргана и Турнье были рассчитаны на «нормальных» грызунов, которых можно завлечь в ловушку и истребить, руководствуясь их основными инстинктами: голодом и страхом. Только для таких животных и подходила эта аппаратура.

Все шло своим чередом, пока в популяции преобладал обычный вид грызунов. А как только животные стали меняться, потребовался и новый способ борьбы с ними. Крысы на этой ферме свыклись с тем, что они невидимки.

Отныне им не был присущ панический страх, ибо никто теперь их не преследовал. Исчезла необходимость спасаться бегством и набрасываться на пищу, они находили ее где угодно и когда угодно. Таким образом всегда были сыты. Их больше не прельщал аппетитный запах, или предмет необычной формы, или новый звук.

С помощью систем Моргана и Турнье можно уничтожать лишь отдельных крыс, которые не успели или не смогли адаптироваться к новому состоянию невидимости, это лишь заставляло всех остальных адаптироваться быстрее в новых условиях.

Что же произошло с извечными врагами крыс, призванными сохранять естественный баланс в природе? Чтобы узнать это, Арнольду и Грегору предстояло немедленно, в самом срочном порядке изучить фауну Биттер-лага.

Мало-помалу, факт за фактом они восстановили все, что, по-видимому, здесь произошло. На планете Сир у крыс были свои враги: летучие висюки, дрыги, древесные скурлы и оме-нюги.

Все эти невероятные твари не смогли, однако, в одиночку измениться. Прежде всего они принадлежали к миру видимых существ, для которых нюх — лишь вспомогательное средство, и хотя запах крыс весьма силен, их противник в охоте за пищей больше полагался на зрение и верил лишь глазам.

Поэтому вскоре вместо грызунов они стали пожирать себе подобных, оставив в покое невидимых животных.

Это позволило крысам плодиться и плодиться...

Так фирма «АААПОПС» оказалась неспособной остановить крысиное нашествие.

— Мы начали не с того конца, — спустя неделю, не давшую результатов, глубокомысленно заметил Грегор. — Прежде надо выяснить, почему крысы здесь стали невидимыми. Тогда мы сможем понять, как с ними справиться.

— Мутация, — упрямо стоял на своем Арнольд.

— Я не верю в это. Ни одно существо пока еще не стало невидимым в результате мутации. Почему это началось именно с крыс?

Арнольд пожал плечами.

— Вспомни хамелеона. Есть гусеницы, похожие на ветки деревьев, другие принимают окраску и форму листьев. У некоторых видов рыб естественная окраска настолько похожа на морское дно, что...

— Да, да, это всем известно, — нетерпеливо прервал его Грегор. — Это называется мимикрия в целях защиты. Но стать невидимыми...

— Некоторые виды медуз бывают настолько прозрачны, что сквозь них видно морское дно, а сами они как бы становятся невидимыми, — продолжал упорствовать Арнольд. — Быстрый полет колибри делает тоже почти невидимой маленькую птичку, а землеройка прячется так искусно, что почти никому не попадает на глаза. Все эти виды уже на пути к превращению в невидимок.

— Это ерунда. Природа наделила всех живых существ средствами защиты, но она никогда не давала преимущества лишь одному какому-то виду.

— Это смахивает на телеологию, — возразил Арнольд, — ты полагаешь, что у природы есть определенная цель во всем,

как у хорошего садовника. Я же утверждаю, что это слепой процесс усреднения. Конечно, в конце концов преобладает нечто среднее, но есть шанс и для крайностей. Природа, в конце концов, придет к проблеме невидимого.

— Это ты рассуждаешь с позиции телеологии и пытаешься убедить меня в том, что целью мимикрии в природе является желание быть невидимым.

— Так мне кажется. Вот подумай...

— К черту эти рассуждения, — устало сказал Грегор. — Я не совсем точно знаю, что такое телеология, но мы находимся здесь десять дней и за это время поймали около пятидесяти крыс из нескольких миллионов. И ни одна холера их не берет. Что будем делать дальше?

Они сидели молча, прислушиваясь к крику кружащего над полями висюка.

— Если бы этим глазастым охотникам за грызунами еще и мозги в придачу! — печально заметил Арнольд.

— Да, это охотники за видимой целью. Вот если бы они...

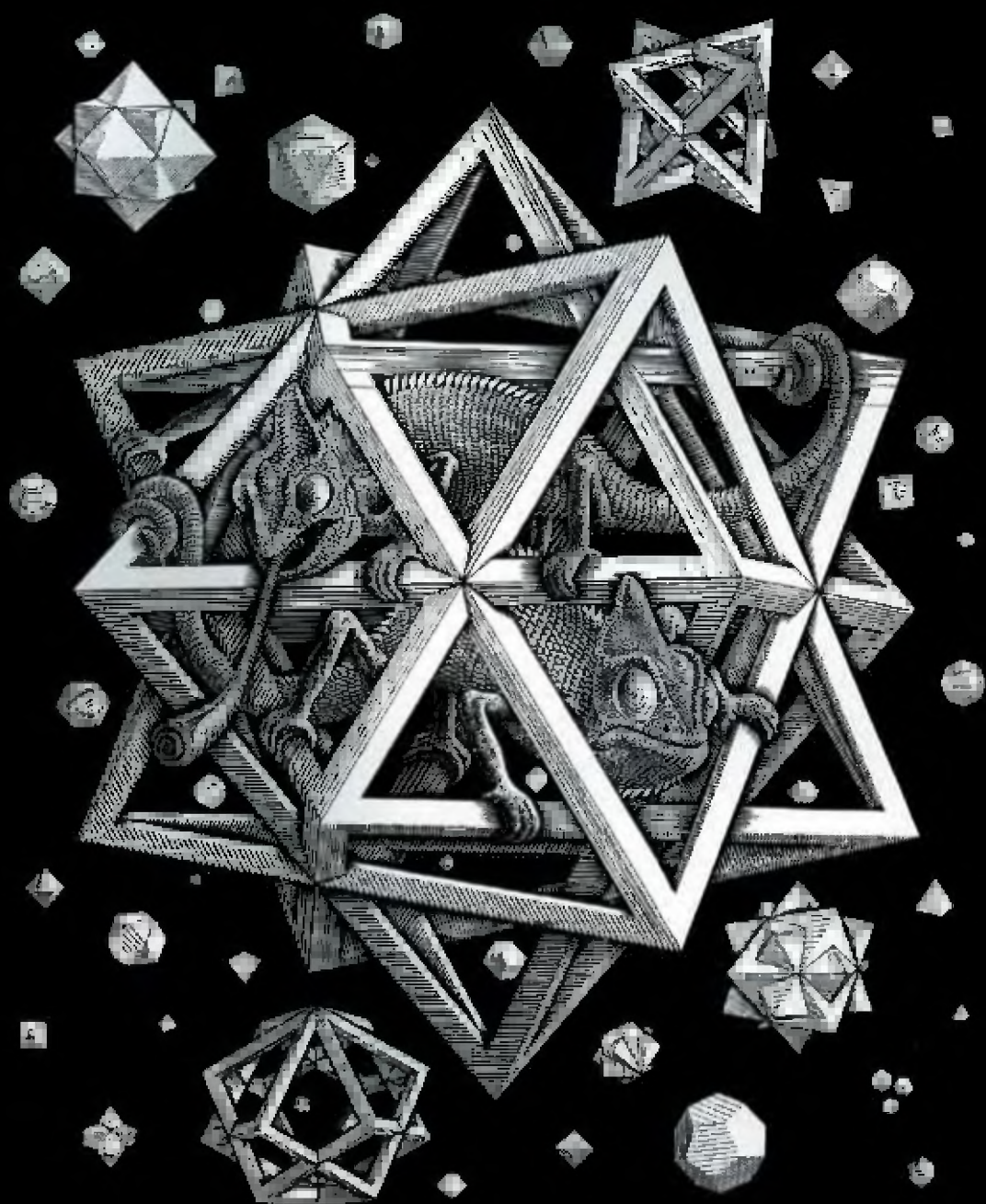
Грегор неожиданно умолк и уставился на Арнольда. Тот какое-то мгновение недоуменно смотрел на компаньона, а потом его мрачное лицо осветилось пониманием.

— Конечно! — воскликнул Арнольд.

Грегор бросился к телефону и вызвал Галактическую экспресс-службу по доставке грузов.

— Алло! Примите срочный заказ...

Экспресс-служба превзошла саму себя. Через два дня на илешиевой лужайке фермы Берни-спирит лежали доставленные с Земли десять небольших ящиков. Грегор и Арнольд перетаскали их в дом, а затем открыли первый. Из него с достоинством вышла большая, великолепная и гордая кошка с лосиящейся шерстью и желтыми бесовскими глазами. Это была специальная порода, выведенная на Земле, ее охотничий

инстинкт удалось обострить путем скрещивания с инопланетными разновидностями.

Кошка мрачно посмотрела на мужчин и принялась.

— Не надо питать особых надежд, — осторожно сказал Грегор, следя за тем, как животное пересекает комнату. — Она ведет себя не так, как нормальные кошки.

— Тсс, — прошипел Арнольд. — Не отвлекай ее.

Кошка остановилась и, чуть склонив набок голову, настороженно прислушивалась к писку и возне сотен невидимых крыс, без всякого страха пробежавших мимо нее. Кошка принялась и щурилась глазами.

— Ей здесь не нравится, — прошептал Грегор.

— А кому здесь может понравиться? — тоже шепотом ответил Арнольд.

Кошка сделала осторожный шаг. А подняв переднюю лапу для следующего, вдруг опустила ее.

— Она и не собирается охотиться, — разочарованно промолвил Грегор. — Может, лучше выписать сюда терьеров...

Но кошка внезапно прыгнула. Раздался отчаянный писк, похоже, она кого-то держала в лапах. Затем, сердито мяукнув, впилась зубами в невидимую плоть, и писк прекратился.

Зато он значительно усилился по всем углам. Кажется, крысы были в панике. И тогда Грегор, не колеблясь, выпустил еще четырех кошек, оставив пятерых про запас. На несколько минут комната превратилась в бойню. Другим пришлось покинуть ее: нервы могли не выдержать такого.

— Самое время отпраздновать, — сказал Арнольд, открывая одну из припасенных им бутылок бренди.

— Пожалуй, рановато... — нерешительно промолвил Грегор.

— Отчего же? Кошки знают свое дело, все идет отлично. Кстати, напомни мне, чтобы я заказал еще несколько сотен этих замечательных зверюг.

— Хорошо, напомню. А что, если крысы снова станут осторожничать?

— В этом-то и весь смак! — заметил Арнольд, наливая в стаканы бренди. — Какими бы хитрыми ни были крысы, для кошек они всегда мясо. А если вдруг вернуться в прежнее, видимое состояние, испробуем на них оборудование Моргана.

Грегор не возражал. Крысы не выживут, если их взять в клещи: с одной стороны когти и зубы, с другой — морганизация. Через неделю здесь все будет в полном порядке, и фирму ждет неплохая прибыль.

— Предлагаю тост за земных кошек, — поднял стакан Арнольд.

— Присоединяюсь, — поддержал его Грегор. — Пью за храбрую, простую и разумную земную кошку.

— Крысы-невидимки не могут сбить с толку нашу кошку.

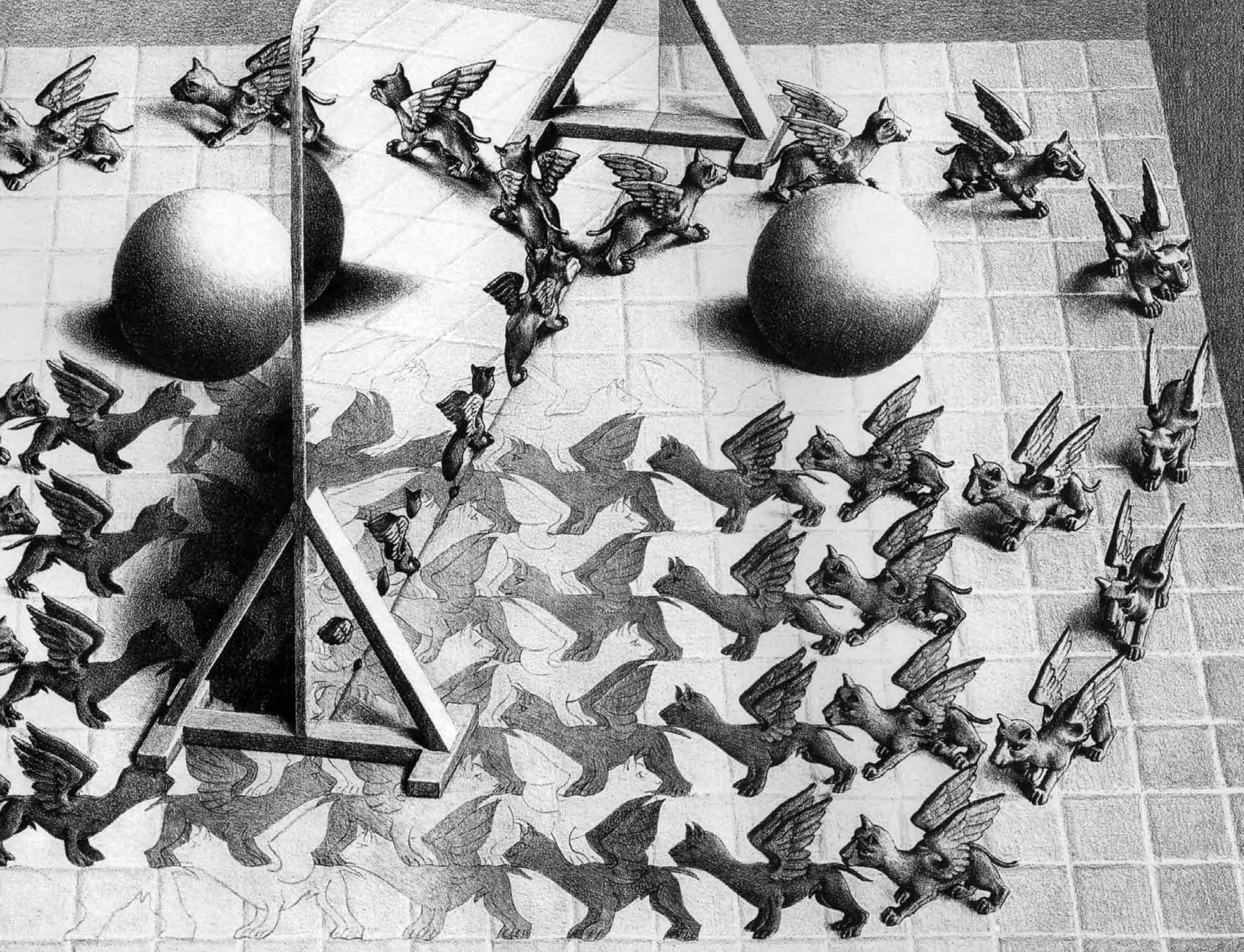
— Она поймает и съест любую крысу, видит она ее или нет, — удовлетворенно заявил Грегор, прислушиваясь к душе-раздражающим воплям и писку за стеной, — вся эта какофония звучала для компаньонов как самая сладкая музыка.

Тостов было много, и все в честь многочисленных и достойнейших качеств земной породы кошек. Потом пошли тосты за саму планету Земля и наконец за другие родственные ей миры по алфавиту, начиная с Абака.

Бренди кончился где-то на Глострее. К счастью, у хозяина фермы оказалась неплохая коллекция местных вин.

Арнольд отключился на тосте в честь Уонликса, Грегор же, совсем чуть-чуть не дотянув до конца алфавита, положил руки на стол, уронил на них голову и заснул.

Проснулись они поздно с неизбежной головной болью, неприятным ощущением в желудке и болью в окоченевших суставах. Вдобавок ко всему вскоре выяснилось, что их храбрые, умные и разумные кошки с планеты Земля куда-то исчезли.

Друзья обыскали весь дом, все амбары, лужайки и даже поля. Разрыли крысиные норы и даже заглянули в заброшенный колодец.

Кошек не было, они исчезли, не оставив после себя даже клочка шерсти.

А тем временем крысы все так же весело и беззаботно бегали по дому, чувствуя себя в полной безопасности, ведь они по-прежнему были невидимы глазу.

— И это после столь отлично проделанной работы! — сокрушался Арнольд. — Ты думаешь, крысы дали кошкам хороший отпор?

— Не думаю, — ответил Грегор. — Это противоречило бы их крысиной сути. Скорее похоже на то, что кошки сами разбежались.

— Но здесь у них столько отличной еды! — недоумевал Арнольд. — Такого просто не бывает с кошками!

— Кис-кис-кис, — в последний раз позвал Грегор, но вместо знакомого мяуканья услышал лишь довольный писк по-прежнему беззаботного полчища крыс.

— Мы должны узнать, что произошло, — решительно сказал Арнольд, подходя к ящикам с оставшимися нятю кошками. — Мы повторим эксперимент, но на сей раз будем все держать под контролем.

С этими словами он, вытащив из ящика новую кошку, надел на нее ошейник с колокольчиком. Потом Грегор закрыл в доме все двери, и охота началась.

Кошка яростью кинулась на добычу, и вскоре компаньоны фирмы «АААПОПС» наконец-то собственными глазами увидели тех, кто побывал в острых кошачьих зубах. Вместе с жизнью крыс покидала и их загадочная способность к невидимости.

— И все же это не ответ на наши вопросы, — возразил Арнольд.

— Потерпи и продолжай наблюдать, — велел ему Грегор.

Немного вздремнув, кошка попила воды и снова принялась за работу. Теперь Арнольда сморпал сон, но Грегор продолжал наблюдать, и его посещали мысли одна мрачнее другой.

Он отлично понимал, что полмесяца они уже потеряли, а крысиное полчище не уменьшилось. Кошки в принципе могли справиться, но если после нескольких часов они теряют к охоте интерес, то во сколько же фирме обойдется полное уничтожение крыс? Возможно, терьеры справятся с этим лучше, или с ними произойдет то же самое?..

И вдруг... Охнув, он стал тормозить Арнольда.

— Эй, ты что? — сердито огрызнулся тот, просыпаясь и оглядываясь вокруг.

Там, где только что друзья могли видеть решительную, занятую ловлей крыс кошку, теперь остался только ее ошейник, повисший в воздухе над полом. Колокольчик продолжал весело позвякивать.

— Кошка тоже превратилась в невидимку! — взвыл Арнольд. — Как это могло случиться? Почему?

— Должно быть, что-то сожрала, — промолвил Грегор, в испуганном недоумении наблюдая за перемещениями ошейника по комнате.

— Кошка ела только крыс.

Прятели посмотрели друг на друга так, будто одна и та же мысль внезапно осенила их.

— Значит, умение крыс становиться невидимыми не имеет никакого отношения к мутации! — воскликнул Грегор. — Сколько раз я твердил тебе это! Подобное свойство так не передается. Следовательно, крысы тоже чего-то поели.

Арнольд кивнул в знак согласия.

— Я подозревал. Очевидно, это произошло, когда кошка вдоволь наелась крысами.

По тому, что творилось в комнате, они догадались: невидимая кошка продолжает пожирать невидимых крыс.

— Все они, должно быть, где-то здесь, в доме, — заметил Грегор. — Только почему не откликнулись на зов?

— Кошки — существа независимые, — высказал предположение Арнольд.

Позвякивал колокольчик. Ошейник опустился пониже к полу и продолжал рывками перемещаться из стороны в сторону. Грегор уж было подумал, что им не стоит так огорчаться, раз кошка продолжает ловить крыс.

Но пока он размышлял об этом, колокольчик умолк.

Ошейник неподвижно лежал на полу посреди комнаты, а затем и он стал как бы растворяться, пока окончательно не исчез.

На полу не осталось ничего.

Грегор обескуражено смотрел на то место, где только что лежал ошейник.

— Этого не было. Этого не могло произойти, — произнес он еле слышно.

К сожалению, он видел, что это произошло.

Он больше не знал ничего о кошке: прыгает она или крадется, наступает или отступает. Невидимая кошка просто исчезла.

Хотя времени у компаньонов почти не осталось, они понимали, что все придется начинать сначала. Им необходимо узнать, почему крысы и кошки становятся невидимками. Арнольд закрылся в лаборатории, которую сам себе соорудил, и стал брать пробы почти всего, что окружало дом. Глаза у него покраснели от напряжения и долгих часов, проведенных над микроскопом, он порядком осунулся и вздрагивал при каждом звуке.

А Грегор продолжал эксперимент с кошками. Прежде чем выпустить седьмую, вмонтировал ей в ошейник крохотный

радар, подающий сигналы. Но произошло все то же, что с ее предшественницей. После нескольких часов активной охоты на крыс кошка стала невидимой, а затем вовсе исчезла. Умолк и радар.

Теперь Грегор сосредоточил все свое внимание на оставшихся трех кошках. Восьмую и девятую он поместил в отдельные клетки и кормил строго дозированными кусочками крысиного мяса. Когда по прошествии нескольких часов кошки стали невидимыми, Грегор перестал класть корм в клетку восьмой, но по-прежнему продолжал давать крысиное мясо девятой. Кошка номер 9 исчезла без следа, как и все до нее, а вот кошка номер 8 хотя и была невидимой, но продолжала существовать.

У Грегора в связи с этим состоялся долгий, на высоких тонах, телефонный разговор со своим клиентом, фермером с Сира. Тот попросил фирму «АААПОПС», уплатив небольшую неустойку, прекратить дальнейшую работу и уступить ее более солидной и опытной компании, Грегор наотрез отказался.

Потом, правда, засомневался в правильности решения. Разгадать загадки фермы Берни-спирит — дело, конечно, не из легких, может затянуться на многие годы. Одна тайна невидимости зверей чего стоит! Но хуже всего было полное их исчезновение. Оно практически не оставляло шансов на успех.

Грегор ломал голову над этими проблемами, когда в комнату вошел Арнольд. Вид у него был какой-то ошалелый, на губах играла улыбка идиота.

— Вот, смотри, — сказал он, протянув Грегору руку ладонью вверх.

Грегор посмотрел на нустую ладонь Арнольда.

— Что это? — спросил Грегор.

— Всего лишь секрет наших невидимок, — торжествующе хихикнув, ответил Арнольд.

— Я ничего не вижу, — осторожно сказал Грегор, пытаясь вспомнить, как в таких случаях следует вести себя с сумасшедшими.

— Конечно, не видишь, — торжествовал Арнольд. — Это невидимка.

Грегор продолжал нятиться от него до тех пор, пока не убедился, что их разделяет стол.

— Отличная работа, старина, — успокаивающе произнес он. — Твоя ладонь войдет в историю! Может, расскажешь, что все это значит.

— Перестань высмеивать меня, идиот, — огрызнулся Арнольд, продолжая стоять с протянутой рукой. — Ты ничего не видишь, но в моей ладони кое-что есть. Потрогай.

Грегор нерешительно протянул руку. На ладони Арнольда лежало нечто, казавшееся на ощупь кучкой жестких листьев.

— Невидимое растение! — догадался Грегор.

— Именно. Вот он, виновник наших бед и неудач.

Арнольд тщательно обследовал все вокруг дома и сделал массу проб, но безрезультатно. Но однажды, прогуливаясь, увидел на лужайке голое пятно без признаков растительности, а потом заметил, что такие пятна повторяются во многих концах лужайки. И обратил внимание на расположение иятен. Было похоже, что они аккуратно размечены.

Нагнувшись, Арнольд стал внимательно разглядывать странную «плешь». На ней ничего не росло — почти голый грунт. Почти.

Арнольд потрогал его рукой и тут обнаружил: на голой земле росло нечто. И это нечто было невидимым.

— Насколько я понимаю, это совершенно незнакомое нам растение-невидимка.

— Откуда оно попало сюда?

— Из тех мест, где пока еще не ступала нога человека, — уверенно ответил Арнольд. — Полагаю, что предок этого

растения когда-то летал в космосе в виде микроскопической споры, и в конце концов его занесло на орбиту планеты Сир. Спора упала на лужайку фермы Берни-спирит, пустила корни, растение расцвело и дало семена. Вот и все. Мы знаем, что эти крысы травоядные, с достаточно хорошим обонянием. Видно, растение пришлось им по вкусу.

— Но оно невидимо?

— Крыс это мало беспокоит. Невидимость слишком сложное понятие для разума грызунов.

— Ты считаешь, что они все ели его?

— Нет, не все, но у тех, кто ел, оказалось больше шансов выжить, их не могли увидеть такие хищники, как летучие мышки и дрыги. Свое пристрастие к этому растению крысы передавали потомству.

— Затем появились наши кошки, которые стали поедать крыс-невидимок в таких количествах, что сами стали невидимыми. Отлично. Но почему они вдруг исчезли?

— Это же совершенно ясно, — сказал Арнольд. — Крысы кроме невидимой ели и другую, нормальную пищу, а кошки — только крыс. Они получили слишком большую дозу этого таинственного препарата.

— Большая доза приводит к исчезновению? Но куда?

— Возможно, когда-нибудь мы узнаем, но сейчас нам предстоит работа. Надо выжечь эти участки. Когда организм крыс избавится от яда, они снова превратятся в нормальных грызунов. Там уж наши кошки доведут свое дело до конца.

— Надеюсь, так оно и будет, — неуверенно согласился Грегор.

Они решили применить переносные огнеметы. Отыскать участки травы-невидимки на густых зеленых лугах Берни-спирит было проще простого. На этот раз невидимость растений сделала их легкой добычей.

К вечеру Грегор и Арнольд выжгли дотла все участки с проклятой травой.

А на следующее утро, обходя пепелища, были удивлены новыми всходами.

— Не следует тревожиться, — успокоил друга Арнольд.

— Видимо, трава дала семена до того, как мы ее выжгли. Но это будет последний урожай.

Еще один день ушел на повторное уничтожение. Аужайка была выжжена почти вся. К вечеру Галактическая экспресс-служба доставила новую партию кошек. Поместив их в клетки, друзья решили оставить свой боевой резерв на тот день, когда крысы снова обретут видимый облик.

Утром следующего дня на выжженном грунте лужаек появились новые всходы. Компаньоны межпланетной службы «АААПОПС» устроили срочное заседание.

— Это идиотская затея, — заявил Грегор.

— Но это наш единственный выход, — настаивал Арнольд.

Грегор упрямо мотал головой.

— Тогда что нам делать? — наседал Арнольд.

— Ты можешь что-то предложить?

— Нет.

— У нас осталась всего неделя до истечения срока контракта. Мы и так уже потеряли часть гонорара. А если совсем не справимся с работой, нас просто вышвырнут из этого бизнеса.

Арнольд поставил на стол миску с невидимым растением.

— Мы должны знать, куда исчезают кошки, съевшие крыс, которые нажрались этой дрянной травы.

Грегор вскочил и зашагал по комнате.

— Они могут оказаться по другую сторону какого-нибудь солнца, если на то пошло.

— Тогда придется рискнуть, — сурово промолвил Арнольд.

— Хорошо, — вздохнув, смирился Грегор. — Начинай!

— Что?

— Я сказал — начинай.

— Я?

— А кто же еще? Я не стану есть эту дрянь. Это была твоя идея.

— Но я не могу! — Арнольд даже вспотел от испуга. — Я единственный исследователь в нашей фирме. Я должен остаться здесь, собирать и сопоставлять данные. Кроме того, у меня аллергия на зелень.

— На этот раз собирать и сопоставлять буду я.

— Но ты не умеешь! Я должен работать над новыми красителями. Мои записи понятны только мне, ты в них не разберешься. Кроме того, в ретортах готовятся новые смеси. Я собираюсь провести опыты с цветочной пылью на ...

— Аадно, ты разжалобил меня, — устало промолвил Грегор. — Сдаюсь. Но это будет в последний раз, по-настоящему в последний.

— Обещаю, старина. — Арнольд быстро вытащил из миски пригоршню невидимой травы. — Вот, жуй. Отлично, бери еще. Какая она на вкус?

— Похожа на капусту, — пробормотал жующий Грегор.

— В одном я уверен, — промолвил Арнольд. — В таком теле, как твое, эффект не может быть длительным. Организм избавится от яда довольно быстро. Ты почти сразу снова станешь самим собой.

Меж тем Грегор уже почти растаял, видной оставалась только его одежда.

— Как ты себя чувствуешь? — допытывался Арнольд.

— Как всегда, никаких изменений.

— Съешь еще.

Грегор отправил в рот последние две щепотки травы. И тут же исчез, вместе с одеждой и прочим.

— Грегор! — испуганно позвал Арнольд. — Ты здесь?

Ответа не последовало.

— Он исчез, — промолвил Арнольд. — А я даже не пожелал ему доброго пути.

Арнольд вернулся к своим ретортам и чуть уменьшил под ними пламя. Поработав минут иятнадцать, он вдруг все бросил и обвел глазами пустую комнату.

— Это ничего, что я не успел пожелать ему доброго пути, — сказал он вслух. — Ему ничто не грозит.

Потом приготовил себе ужин. Поднося вилку ко рту, вдруг остановился.

— И все же жаль, что я не попрощался с ним, — пробормотал он виновато.

Но тут же решительно прогнал все мрачные мысли и вернулся к своим опытам.

Арнольд провел в лаборатории всю ночь, а на рассвете, смертельно усталый, рухнул на кровать и тут же уснул. Проснувшись после полудня и наспех поев, он снова занялся опытами.

После исчезновения Грегора прошли сутки.

Вечером позвонил сирянин, и Арнольд заверил его, что крысы под контролем и окончательная победа — это лишь вопрос времени.

Затем Арнольд заново перечитал все руководства по истреблению грызунов, проверил оборудование, заменил кое-где проводку в морганайзере, обдумал еще одну идейку по поводу нового вида крысоловок, прошелся огнем по свежим порослям чертовой травы и наконец лег спать.

А когда вновь проснулся, первое, о чем подумал, было: с момента исчезновения Грегора прошло семьдесят два часа. Может случиться так, что он уже никогда не вернется.

«Грегор принес себя в жертву науке, — успокаивал себя Арнольд. — Я поставлю ему памятник».

Но это казалось такой мизерной данью памяти друга. Он должен был сам съесть эту «капусту».

Грегор всегда терялся в трудных обстоятельствах. Да, он был храбр, этого у него не отнять, а вот приспособляться не умел.

Впрочем, по ту сторону неведомого солнца никакое умение приспособиться не поможет. Попробуйте выжить, например, в космическом вакууме или...

Тут Арнольд услышал за собой какой-то шорох и быстро обернулся.

— Грегор! — радостно закричал он.

Но это был не Грегор.

Существо, стоявшее перед ним, оказалось не выше четырех футов, но имело много рук и ног. Оно было розовато-серым от изрядного слоя грязи, а за спиной у странного гостя болталась котомка, судя по всему, довольно тяжелая. Странно

вытянутую и сужающуюся к макушке голову незнакомца венчал островерхий головной убор. Впрочем, это и была вся его одежда.

— Вы, надеюсь, не Грегор? — робко справился Арнольд, слишком потрясенный, чтобы действовать разумно.

— Конечно, нет, — ответило существо. — Я Хэм.

— О... А вы случайно не встречали моего партнера? Его зовут Ричард Грегор. Он на добрый фут выше меня ростом, худощав и...

— Конечно, я встречал его, — подтвердил Хэм. — А разве он не здесь?

— Нет.

— Странно. Надеюсь, с ним ничего не случилось. — Гость сел и тут же принялся скрести себя под тремя подмышками.

Чувствуя легкую дурноту от подступающего страха, Арнольд спросил:

— Вы откуда?

— С планеты Оол, конечно, — ответил Хэм. — Мы там се-ем наш скомп. А здесь он дает свои всходы.

— Простите, одну минуту. — Арнольд тяжело опустился на стул. — Прошу вас, начните сначала.

— Все очень просто. Испокон веков жители планеты Оол выращивали скомп. На ранних стадиях своего созревания это растение исчезает на несколько недель. А потом уже в зрелом состоянии снова появляется на полях нашей планеты. Мы собираем его и употребляем в пищу.

— Вы говорите слишком быстро, я не все понимаю. Где находится ваша планета?

— Грегор считает, что Оол находится в параллельном мире. Я ничего об этом не знаю. Ваш Грегор появился на моем поле месяца два тому назад. Это он обучил меня английскому языку. А затем...

— Два месяца назад? — растерянно повторил Арнольд и

призадумался. — Разница во времени, я полагаю. Аадно, рассказывайте дальше.

— Нет ли у вас чего-нибудь поесть? — неожиданно спросил Хэм. — Я не ел три дня. Не мог, сами понимаете. — Арнольд безмолвно протянул ему ломоть хлеба и подвинул банку с джемом. — Когда была открыта Новая Территория, — продолжал Хэм, — я первым решил рискнуть. Собрал всю свою живность, купил три жены класса «Б» и отправился в путь. Прибыв на место, я...

— Остановитесь! — умоляюще промолвил Арнольд. — Какое это имеет отношение к моим вопросам?

— Именно так все и произошло. Не перебивайте. — Почесывая одной рукой зудящее плечо, а двумя другими запихивая в рот хлеб с джемом, Хэм продолжил: — Я прибыл на Новую Территорию и посеял здесь скоми. Посевы взошли, скоми зацвел и исчез, как и положено. Но когда скоми снова появился на моем поле, он оказался изгрызенным какими-то вредителями. Что ж, фермеров часто ждут неудачи. Я посеял скоми еще раз. Урожай вновь оказался никудышным. Это разозлило меня. Но я решил продолжать посевы. Мы, пионеры, народ упорный, вы это знаете. Но я был уже готов отступить, бросить свою затею и вернуться к цивилизации, как вдруг и появился ваш партнер...

— Подождите, дайте разобраться, — перебил его Арнольд. — Вы из параллельного мира. Значит, для того чтобы получить урожай вашего скомпа, его надо выращивать до полной зрелости в двух параллельных мирах.

— Совершенно верно. По крайней мере так объяснил нам ваш Грегор.

— Странный способ выращивать сельскохозяйственные культуры.

— А нам подходит, — обиженно сказал пришелец с планеты Оол. Теперь он одновременно чесал себя под четырьмя коленками. — Грегор объяснил нам, что семена могут попасть

на любую, даже незаселенную планету вашей Вселенной. На сей раз, когда я высадил скомп на Новой Территории, он взорвался здесь.

— Ага! — торжествующе воскликнул Арнольд.

— Что значит «ага»? Грегор не говорил, что есть такое слово. Ааааа, он все равно помог мне. Сказал, что незачем бросать свои поля на Новой Территории, просто я должен засеивать скомп на других участках. Грегор объяснил, что между параллельными мирами нет сходства один к одному. Хотя я и не понимаю, что это значит. А то, что я принес, это плата за другую услугу.

С глухим стуком он уронил свою тяжелую котомку на пол. Арнольд развязал ее и заглянул внутрь. Там были желтые слитки, похожие на золото.

И в это время зазвонил телефон. Арнольд схватил трубку.

— Алло, — услышал он голос Грегора. — Хэм еще у тебя?

— Да...

— Он все тебе объяснил? О параллельных мирах, о том, как выращивают скомп?

— Мне кажется, я начинаю понимать, но... — промолвил Арнольд.

— Теперь слушай, что я тебе скажу, — перебил его Грегор. — Перед тем как мы уничтожили всходы скомп на нашей лужайке, Хэм успел посеять его вновь на своей иланете. Поскольку в его мире время течет медленнее, у нас на Сире всходы появились в течение одной ночи. Но этого больше не случится. Хэм будет сеять скомп на других полях. И если ты уничтожишь всходы, они уже никогда не появятся. Пережди недельку, а там и выпускай кошек с морганайзером на пару.

Арнольд крепко зажмурился. Грегору понадобилось два месяца, чтобы все это продумать и проверить. А ему не удалось. Просто не хватило времени.

— А как быть с Хэмом? — спросил он Грегора.

— Он пожует своего скомпа и вернется домой. Нам пришлось немало поголодать, пока эта дрянь вышла из нас и мы оба сумели попасть в наш мир.

— Хорошо, — покорно сказал Арнольд. — Но мне кажется... Эй, где же ты сейчас?

Грегор довольно хохотнул.

— Ты же знаешь, между параллельными мирами нет сходства один к одному. Я стоял на краю поля, когда действие скомпа на мой организм прекратилось, и я таким образом оказался на планете Тул.

— Но это же на другом конце Галактики!

— Знаю. Встретимся на Земле. Не забудь привезти золотые слитки.

Арнольд повесил трубку. Хэма уже и след простыл.

Только тогда Арнольд вспомнил, что не спросил у Грегора, что это за «другая услуга», за которую инопланетянин заплатил чистым золотом.

Об этом Арнольд узнал позднее, когда они с Грегором вернулись на Землю в свою фирму «АААПОПС». Крысы на планете Сир, как и ожидалось, снова обрели привычный облик и были соответственно упитаны с помощью кошек и морганайзера. Условия контракта фирма выполнила. Пришлось, конечно, поступиться частью прибыли и уплатить штраф за двухнедельную просрочку. Но эта потеря была с лихвой восполнена золотыми слитками пришельца с планеты Оол.

— Его поля пострадала от наших кошек, — рассказал Арнольду Грегор. — Они будоражили и даже пугали скот. Я отловил всех кошек и продал их Центральному зоопарку планеты Оол. Там никогда не видел подобных зверей. Мой клиент и я разделили выручку.

— Что ж, — задумчиво промолвил Арнольд и почесал в затылке, — все сложилось как нельзя лучше.

— Я тоже так считаю.

Сказав это, Грегор энергично поскреб зудящее плечо. Арнольд внимательно посмотрел на него, но тут же почувствовал, как и у него зачесалась грудь, затем голова, нога, и вообще чесалось все тело!

— Боюсь, не все еще кончилось, — заметил Грегор.

— Ночему ты так считаешь? — спросил Арнольд и начал яростно чесать левое плечо. — Что случилось?

— Хэма нельзя назвать чистюлей, это верно, да и сама планета Оол — довольно грязное место.

— Ну и что из этого?

— А то, что, похоже, я набрался там вшей, — ответил Грегор, отчаянно скребя живот. — Вшей-невидимок, как ты сам догадываешься.

Мятеж шляпки

— Выкладывайте по совести, видели вы когда-нибудь машину лучше этой? — спросил Джо, по прозвищу Космический старьевщик. — Только взгляните на сервоприводы!

— Да-а ... — с сомнением протянул Грегор.

— А каков корпус! — любовно поглаживая сверкающий борт шляпки, вкрадчиво продолжал Джо. — Держу пари, ему не меньше нятисот лет — и ни малейшего следа ржавчины.

Поглаживание, несомненно, означало, что «АААПОПС» (Астронавтическому антиэнтропийному агентству по оздоровлению природной среды) невероятно повезло. Именно в тот самый момент, когда ей так нужна спасательная шляпка, этот шедевр кораблестроения оказался под рукой.

— Внешне она, конечно, выглядит неплохо, — произнес Арнольд с нарочитой небрежностью влюбленного, пытающегося скрыть свои чувства. — Твое мнение, Дик?

Ричард Грегор хранил молчание. Нет слов, внешне лодка выглядит неплохо. По всей вероятности, на ней вполне можно исследовать океан на Трайденте. Однако следует держать ухо востро, имея дело с Джо.

— Теперь таких больше не строят, — вздохнул Джо. — А двигатель — просто чудо, его не повредишь механическим молотом.

— Выглядит-то она хорошо, — процедил Грегор.

Фирма «АААПОПС» в прошлом уже имела дела с Джо, и это научило ее осторожности. Джо отнюдь не был обманщиком; механический хлам, собранный им по всей населенной части Вселенной, неизменно действовал. Однако частенько древние машины имели свое мнение по поводу того, как надо выполнять работу, и выходили из себя, если их пытались переучивать.

— Плевать я хотел на ее красоту, долговечность, скорость и комфортабельность! — продолжал Грегор вызывающе. — Я только хочу быть уверенным в безопасности.

Джо кивнул в знак согласия.

— Это, безусловно, самое главное. Пройдем в каюту.

Когда они вошли в лодку, Джо приблизился к пульту управления, таинственно улыбнулся и нажал на кнопку.

Грегор тотчас услышал голос, который, казалось, звучал у него в голове:

— Я спасательная шляпка 324-А. Моя главная задача...

— Телепатия? — поинтересовался Грегор.

— Прямая передача мыслей, — сказал Джо, горделиво улыбаясь. — Никакого языкового барьера. Вам же сказано, что теперь таких не строят.

— Я спасательная шляпка 324-А, — слышалось снова. — Моя главная задача — обеспечивать безопасность экипажа. Я должна защищать его от всех угроз и поддерживать в добром здравии. В настоящее время я активизирована лишь частично.

— Ничто не может быть безопаснее! — воскликнул Джо. — Это не бездушный кусок железа. Шляпка присматривает за вами. Она заботится о своей команде.

На Грегора это произвело впечатление, хотя идея чувствующей лодки претила ему, а патерналистские настроения машины всегда раздражали его.

— Мы ее забираем, — выпалил Арнольд. Он не испытывал подобных сомнений.

— И не пожалеете, — подхватил Джо в своей обычной открытой и честной манере, которая уже принесла ему много миллионов долларов.

Грегору оставалось лишь надеяться, что на этот раз Джо окажется прав.

На следующий день спасательная шляпка была погружена на борт звездолета, и друзья стартовали по направлению к Трайденту.

Эта планета, расположенная в самом сердце Восточной Аллеи Звезд, была недавно куплена торговцем недвижимостью. По его мнению, она была почти идеальным местом для колонизации. Трайдент был размером почти с Марс, но обладал лучшим климатом. Кроме того, там не было ни хитроумных аборигенов, с которыми пришлось бы сражаться, ни ядовитых растений, ни заразных болезней. В отличие от многих других миров на Трайденте не водились хищные звери. Там вообще не водились животные. Вся планета, за исключением одного небольшого острова и полярной шапки, была покрыта водой.

Конечно, там не было недостатка и в тверди: уровень воды в нескольких морях Трайдента был всего лишь до коленей. Вся беда была в том, что суша не выступала из воды, и компания «АААПОПС» была приглашена специально для того, чтобы устранить эту маленькую ошибку природы.

После посадки звездолета на единственный остров планеты шляпку спустили на воду. Весь остаток дня был посвящен проверке и погрузке исследовательской аппаратуры. Едва забрезжил рассвет, Грегор приготовил сэндвичи и заполнил канистру водой. Все было готово для начала работы.

Как только стало совсем светло, Грегор пришел в рубку к Арнольду. Коротким движением Арнольд нажал на кнопку «ОДИН».

— Я спасательная шлюпка 324-А, — услышали они. — Моя главная задача — обеспечивать безопасность экипажа. Я должна защищать его от всех угроз и поддерживать в добром здоровье. В настоящее время я активизирована лишь частично. Для полной активизации нажмите на кнопку два.

Грегор опустил палец на вторую кнопку.

Где-то в глубине трюма послышалось приглушенное гудение. Больше ничего не произошло.

— Странно, — произнес Грегор и нажал на кнопку еще раз.

Гудение повторилось.

— Похоже на короткое замыкание, — сказал Арнольд.

Бросив взгляд в иллюминатор, Грегор увидел медленно удаляющуюся береговую линию. И ему стало слегка страшно. Ведь здесь слишком много воды и совсем мало суши, и — что самое скверное — на пульте управления ничто не напоминало штурвал или румпель, ничто не выглядело как рычаг газа или сцепления.

— По всей вероятности, она должна управляться телепатически, — с надеждой произнес Грегор и твердым голосом скомандовал: — Тихий ход вперед!

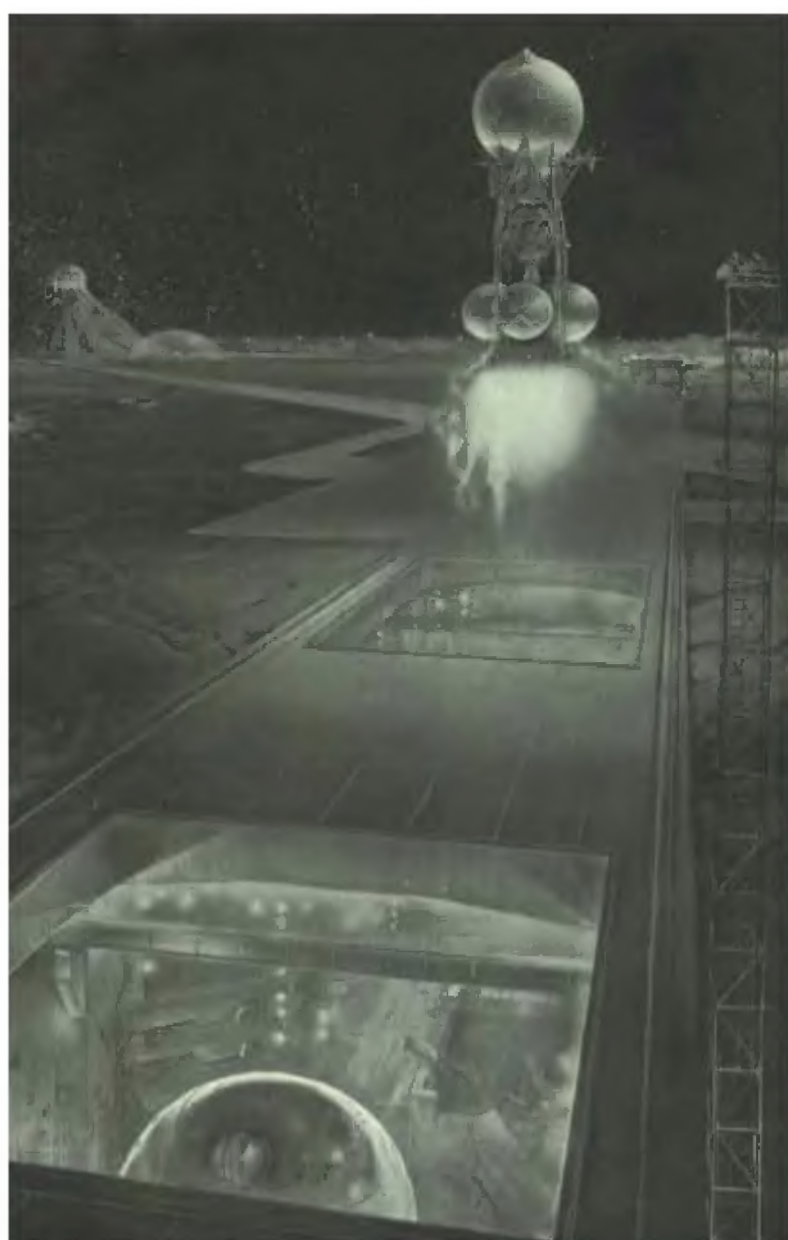
Маленькая шлюпка медленно двинулась вперед.

— Теперь чуть правее!

Шлюпка охотно повиновалась ясным, хотя и не совсем морским командам Грегора. Партнеры обменялись улыбками.

— Прямо! Полный вперед! — раздалась команда, и спасательная шлюпка рванулась в сияющее и пустое море.

Захватив фонарь и тестер, Арнольд спустился в трюм. Грегор вполне мог один справиться с исследованием. Приборы делали всю работу: подмечали основные неровности дна, отыскивали самые многообещающие вулканы, определяли течения и вычерчивали графики. После того, как будут закончены исследования, уже другой человек опутает вулканы

проводами, заложит заряды, отойдет на безопасное расстояние и запалит все это устройство. Затем Трайдент превратится на некоторое время в довольно шумное место. А когда все придет в норму, суши окажется достаточно даже для того, чтобы удовлетворить аппетиты торговца недвижимостью.

Часам к двум после полудня Грегор решил, что для первого дня сделано достаточно. Приятели съели сэндвичи, запив их водой из канистры, и выкупались в прозрачной зеленой воде Трайдента.

— Мне кажется, что я нашел неисправность, — сказал Арнольд. — Снята проводка главного активатора, и силовой кабель перерезан.

— Кому это понадобилось? — поинтересовался Грегор.

— Возможно, это сделали, когда списывали, — пожал плечами Арнольд. — Ремонт не займет много времени.

Он снова пополз в трюм, а Грегор направил шляпку к берегу, мысленно вращая штурвал и вглядываясь в зеленую пену, весело расступающуюся перед носом лодки. Именно в такие моменты вопреки всему своему предыдущему опыту он видел Вселенную дружелюбной и прекрасной.

Арнольд появился через полчаса — весь в машинном масле, но ликующий.

— Испробуй-ка эту кнопку теперь, — попросил он.

— Может быть, не стоит, ведь мы почти у цели.

— Ну что ж ... Все равно неплохо, если она порботает как положено.

Грегор кивнул и нажал на вторую кнопку. Тотчас раздалось слабое пощелкивание контактов, и вдруг ожили поддюжины маленьких моторов. Вспыхнул красный свет и сразу же погас, когда генератор принял нагрузку.

— Вот теперь похоже на дело, — сказал Арнольд.

— Я спасательная шляпка 324-А, — опять сообщила лодка, — в настоящий момент я полностью активизирована и

способна защищать свой экипаж от опасности. Положитесь на меня — все мои действия, как психологического, так и физического характера, запрограммированы лучшими умами планеты Дром.

— Вселяет чувство уверенности, не правда ли? — заметил Арнольд.

— Еще бы! — ответил Грегор. — Кстати, что это за Дром?

— Джентльмены, старайтесь думать обо мне не как о бесчувственном механизме, а как о вашем друге и товарище по оружию. Я понимаю ваше состояние. Вы видели, как тонул ваш корабль, безжалостно изрешеченный снарядами хгенов. Вы...

— Какой корабль, — спросил Арнольд, — что она болтает?

— ...вскарабкались сюда ослепленные, задыхающиеся от ядовитых водяных испарений, полумертвые...

— Если ты имеешь в виду наше купание, то, значит, просто ничего не поняла. Мы лишь изучали...

— ...огаушенные, израненные, упавшие духом... — закончила шляпка. — Вероятно, вы испугались немного, — продолжала она уже несколько мягче. — Вы потеряли связь с основными силами флота Дрома, и вас носит по волнам чуждой, холодной планеты. Не надо стыдиться этого страха, джентльмены. Такова война, война — жестокая вещь. У нас не было другого выбора, кроме как выгнать этих варваров хгенов назад в пространство.

— Должно же быть какое-нибудь разумное объяснение всей этой чепухе, — заметил Грегор. — Может, это просто сценарий древней телевизионной пьески, по ошибке попавшей в блоки памяти?

— Думаю, что нам придется как следует ее проверить, — решил Арнольд, — невозможно целый день слушать всю эту чушь.

Они приближались к острову. Шляпка все еще бормотала что-то о доме и родном очаге, об обходных маневрах и тактических действиях, не забывая напоминать о необходимости

хранить спокойствие в тяжелых обстоятельствах, подобных тем, в которые они попали.

Неожиданно шляпка уменьшила скорость.

— В чем дело? — спросил Грегор.

— Я осматриваю остров, — отвечала спасательная шляпка.

Арнольд и Грегор обменялись взглядами.

— Лучше с ней не спорить, — прошептал Арнольд. — Лодке же он сказал: — Остров в порядке! Мы его осмотрели лично.

— Возможно, — согласилась лодка, — однако в условиях современной молниеносной войны нельзя доверять органам чувств. Они слишком ограничены и слишком склонны выдавать желаемое за действительное. Аишь электронные органы чувств не имеют эмоций, вечно бдительны и непогрешимы в отведенных им границах.

— Остров пуст! — заорал Грегор.

— Я вижу чужой космический корабль, — отвечала шляпка. — На нем отсутствуют опознавательные знаки Дрома.

— Но на нем отсутствуют и опознавательные знаки врага, — уверенно заявил Арнольд, потому что он сам недавно красил древний корпус ракеты.

— Это так, однако на войне следует исходить из предположения: что не наше — то вражеское. Я понимаю, как вам хочется вновь ощутить под ногами твердую почву. Но я должна учитывать факторы, которые дрожит, ослепленный своими эмоциями, может и не заметить. Обратите внимание на незапятнанность этого стратегически важного клочка суши, на космический корабль без опознавательных знаков, являющийся заманчивой приманкой, на факт отсутствия поблизости нашего флота; и кроме того...

— Хорошо, хорошо, достаточно! — перебил Грегор. Его мутило от спора с болтливой и эгоистичной машиной. — Направляйся прямо к острову. Это приказ.

— Я не могу его выполнить, — сказала шляпка. — Сильное потрясение вывело вас из душевного равновесия.

Арнольд потянулся к рубильнику, но отдернул руку с болезненным стоном.

— Придите в себя, джентльмены, — сурово сказала шляпка. — Только специальный офицер уполномочен выключить меня. Во имя вашей же безопасности я предупреждаю, чтобы вы не касались пульта управления. В настоящее время ваши умственные способности несколько ослаблены. Позже, когда положение будет не столь опасным, я займусь вашим здоровьем, а сейчас вся моя энергия должна быть направлена на то, чтобы определить местонахождение врага и избежать встречи с ним.

Лодка набрала скорость и сложными зигзагами двинулась в открытое море.

— Куда мы теперь направляемся? — спросил Грегор.

— На воссоединение с флотом Дрома, — сообщила лодка столь уверенно, что друзья стали нервно вглядываться в бескрайние и пустынные воды Трайдента. — Конечно, как только я найду его, — добавила лодка.

Была поздняя ночь. Грегор и Арнольд сидели в углу каюты, жадно поглощая последний сандвич. Спасательная шляпка все еще бешено мчалась по волнам; ее электронные органы чувств были настроены. Она разыскивала флот, который существовал на иной планете нять столетий тому назад.

— Ты слышал что-нибудь об этих дромитах? — поинтересовался Грегор.

Арнольд порылся в своей памяти, хранившей массу разнообразнейших фактов, и ответил:

— Они не принадлежат к человеческой расе. Продукт эволюции ящеров. Населяли шестую планету маленькой системы, недалеко от Капеллы. Раса исчезла больше века тому назад.

— А хгены?

— Тоже ящеры, та же история. — Арнольд отыскал в кармане крошку хлеба и отправил ее в рот. — Эта война не имела большого значения. Все участники исчезли, кроме этой шляпки, очевидно.

— А мы? — напомнил Грегор. — Нас, по всей вероятности, считают воинами их планеты. — Он устало вздохнул. — Как ты полагаешь, сумеем мы переубедить эту старую посудину?

Арнольд с сомнением покачал головой.

— Я не вижу путей. Для этой шляпки война не кончена. Всю информацию она может обрабатывать, только исходя из этой посылки.

— Возможно, она и сейчас нас слушает, — сказал Грегор.

— Не думаю. Она не может по-настоящему читать мысли. Ее рецепторы настроены лишь на мысли, обращенные непосредственно к ним.

— Йес, сэры, — горько передразнил Грегор, — теперь таких больше не строят!

Как ему хотелось, чтобы Джо — Космический старьевщик сейчас попался к нему в руки.

— В самом деле, положение довольно интересное, — произнес Арнольд. — Я мог бы сочинить хорошую статью для «Популярной кибернетики». Имеется машина, обладающая почти непогрешимыми приборами для приема всех внешних возбуждений, сигналы, принимаемые ею, преобразуются в действие. Беда лишь в том, что вся логика действий построена для исчезнувших условий. Поэтому можно сказать, что эта машина не что иное, как жертва запрограммированной системы галлюцинаций.

Грегор зевнул.

— Думаю, шляпка просто свихнулась, — сказал он довольно грубо. — Факт. Думаю, что самый правильный диагноз — паранойя. Однако это скоро кончится.

— Почему? — спросил Грегор.

— Это же очевидно, — сказал Арнольд. — Главная задача лодки — сохранить нам жизнь. Значит, она должна нас кормить. Сэндвичи кончились, а вся остальная пища находится на острове. Поэтому я предполагаю, что она все же рискнет туда вернуться.

Через несколько минут они почувствовали, что лодка описывает круг, меняя направление.

— В настоящее время я не способна обнаружить флот дромитов. Поэтому я поворачиваю к острову, чтобы еще раз обследовать его. К счастью, в ближайших районах противник не обнаружен. И теперь я могу посвятить себя заботе о вас.

— Видишь? — сказал Арнольд, подталкивая Грегора локтем. — Все как я сказал. А сейчас мы еще раз найдем подтверждение моему предположению. — И он обратился к шляпке: — Ты вовремя занялась нами. Мы проголодались.

— покорми нас, — потребовал Грегор.

— Безусловно, — ответила лодка.

И из стенки выскользнуло блюдо, до краев наполненное каким-то веществом, похожим на глину, но с запахом машинного масла.

— Что это должно означать? — спросил Грегор.

— Это гизель, — сказала лодка, — любимая пища народов Дрома, и я могу приготовить его шестнадцатью различными способами.

Грегор брезгливо попробовал. И по вкусу это была глина в машинном масле.

— Но мы не можем есть это!

— Конечно, можете, — сказала шляпка успокаивающе. — Взрослый дромит потребляет ежедневно пять и три десятых фунта гизеля и просит еще.

Блюдо приблизилось к ним, друзья понялись.

— Слушай, ты! — Арнольд заговорил с лодкой. — Мы не дромиты. Мы люди и принадлежим к совершенно другому виду. Военные действия, о которых ты говоришь, кончились пятьсот лет тому назад. Мы не можем есть гизель. Наша пища находится на острове.

— Попробуйте разобраться в положении. Ваш самообман обычен для солдат. Это попытка уйти от реальности в область фантазии, стремление избежать невыносимой ситуации. Смотрите в лицо фактам, джентльмены.

— Это ты смотри в лицо фактам! — завопил Грегор. — Или я разберу тебя гайка за гайкой!

— Угрозы не беспокоят меня, — начала шляпка безмятежно. — Я знаю, что вам пришлось пережить. Возможно, что ваш мозг пострадал от воздействия отравляющей воды.

— Отравляющей? — поперхнулся Грегор.

— Для дромитов, — напомнил ему Арнольд.

— Если это будет абсолютно необходимо, — продолжала спасательная шляпка, — я располагаю средствами для операций на мозге. Это, конечно, крайняя мера, однако на войне нет места для нежностей.

Откинулась панель, и приятели смогли увидеть набор сияющих хирургических инструментов.

— Нам уже лучше, — поспешно заявил Грегор.

— Этот гизель выглядит очень аппетитно, не правда ли, Арнольд?

— Восхитительно! — содрогнувшись, выдавил Арнольд.

— Я победила в общенациональных соревнованиях по приготовлению гизеля, — сообщила шляпка с простительной гордостью. — Ничего не жаль для наших защитников. Попробуйте немного.

Грегор захватил горсть, причмокнул и уселся на пол.

— Изумительно! — сказал он в надежде, что внутренние селекторы лодки не столь чувствительны, как внешние.

По всей видимости, так оно и было.

— Прекрасно, — сказала шляпка. — А сейчас я направляюсь к острову. И я убеждена, что через несколько минут вы почувствуете себя лучше.

— Каким образом? — спросил Арнольд.

— Температура внутри каюты нестерпимо высока. Поражительно, что вы до сих пор не потеряли сознания. Любой другой дромит не выдержал бы этого. Потерпите еще немного, скоро я понижу ее до нормы — двадцать ниже нуля. А теперь для поднятия духа я исполню наш Национальный Гимн.

Отвратительный ритмичный скрип заполнил воздух. Волны плескались о борта спасательной шляпки, тороящейся к острову. Через несколько минут воздух в каюте заметно посвежел.

Грегор утомленно прикрыл глаза, стараясь не обращать внимания на холод, который начинал сковывать конечности. Его клонило ко сну. Надо иметь особое везение, чтобы замерзнуть внутри свихнувшейся спасательной шляпки. Так бывает, если вы покупаете приборы, настроенные на то, чтобы ухаживать за вами, нервные человекоподобные калькуляторы, сверхчувствительные эмоциональные машины.

В полусне он размышлял, к чему все это идет. Ему пригрезилась огромная лечебница для машин. По длинному белому коридору два кибернетических врача тащили машинку для стрижки травы. Главный кибернетический доктор спросил: «Что случилось с этим парнем?» И ассистент ответил: «Полностью лишился рассудка. Думает, что он гелнкоптер». «Ага... — понимающе произнес главный. — Мания полета! Жаль. Симпатичный парнишка». Ассистент кивнул. «Переработал. Надорвался на жесткой траве». Вдруг их пациент заволновался. «Теперь я машинка для взбивания яиц!» — хихикнул он.

— Проснись! — окликнул Грегора Арнольд, стуча зубами. — Надо что-то предпринять.

— Попроси ее включить обогреватель, — сонно сказал Грегор.

— Не выйдет. Дромиты живут при двадцати ниже нуля. А мы — дромиты. Двадцать ниже нуля, и никаких.

Слой инея быстро рос на трубах системы охлаждения, проходивших по периметру каюты. Стены покрывались изморозью, иллюминаторы обледенели.

— У меня есть идея, — осторожно сказал Арнольд. Он бросил взгляд в сторону пульта управления и что-то быстро зашептал в ухо Грегору.

— Надо попробовать, — сказал Грегор.

Они поднялись на ноги. Грегор схватил канистру и решительно зашагал к противоположной стене каюты.

— Что вы собираетесь делать? — резко опросила шляпка.

— Хотим немного размяться. Солдаты Дрома должны всегда сохранять боевую форму.

— Это верно, — с сомнением произнесла шляпка.

Грегор бросил канистру Арнольду. Принужденно усмехнувшись, тот отпасовал ее обратно.

— Обращайтесь с этим сосудом осторожно, — предупредила лодка. — Он содержит смертельный яд.

— Мы очень осторожны, — сказал Грегор. — Канистра будет доставлена в штаб. — Он снова бросил ее Арнольду.

— Штаб использует ее содержимое против хгенов, — сказал Арнольд, возвращая канистру Грегору.

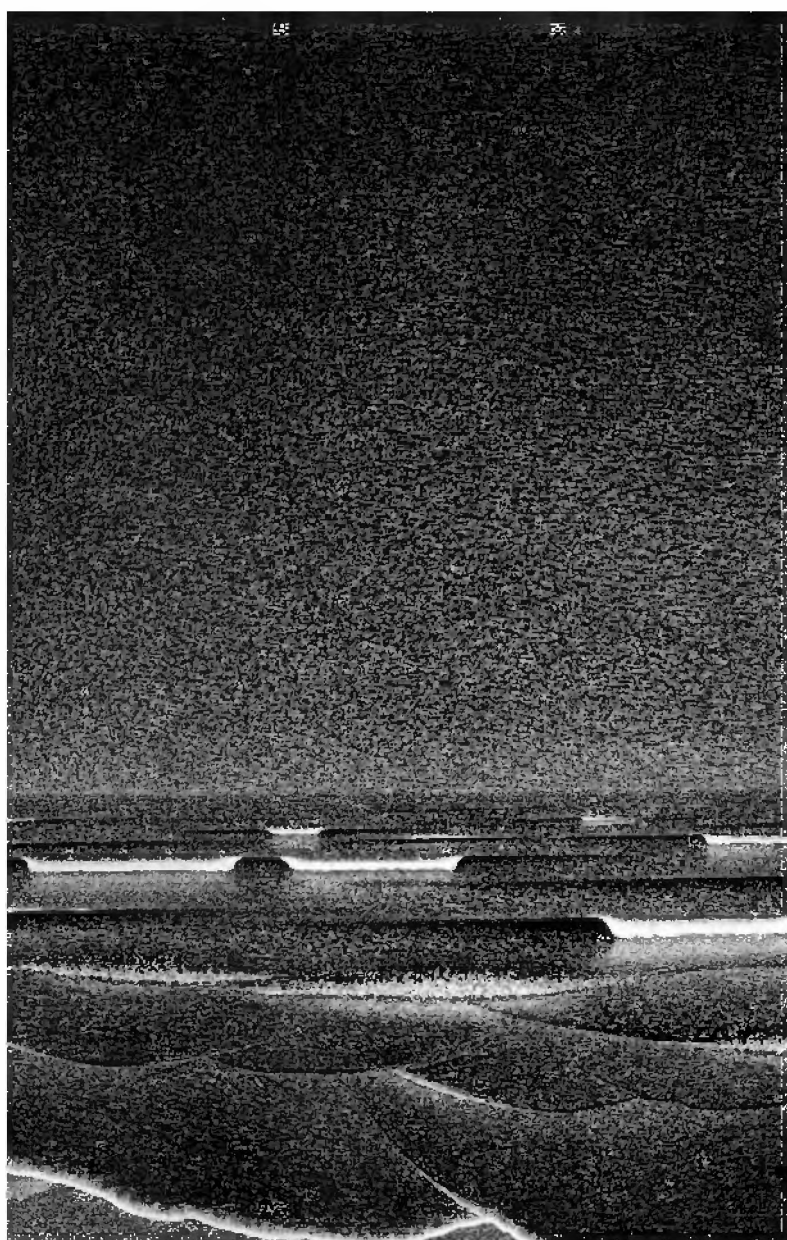
— В самом деле? — удивилась шляпка. — Интересная идея. Новое использование.

В этот момент Грегор запустил тяжелой канистрой в трубу охлаждения. Труба лопнула, и жидкость полнлась на палубу.

— Неважный удар, старик, — сказал Арнольд.

— Что я наделал! — воскликнул Грегор.

— Мне следовало принять меры предосторожности против таких случайностей, — грустно промолвила шляпка. —

Но больше этого не повторится. Однако положение очень серьезно. Я не могу восстановить систему охлаждения и не в сплах теперь охладить лодку в достаточной степени.

— Если бы ты только высадила нас на остров... — начал Арнольд.

— Невозможно, — прервала его шляпка. — Моя основная задача — сохранить вам жизнь. А вы не сможете долго прожить в климате этой планеты. Однако я намерена принять необходимые меры для обеспечения вашей безопасности.

— Что же ты собираешься делать? — спросил Грегор, чувствуя, как что-то оборвалось у него внутри.

— Мы не можем терять времени. Я еще раз обследую остров, и, если не обнаружу наших вооруженных сил, мы направимся к единственному месту на этой планете, где могут существовать дромнты.

— Что это за место?

— Южная полярная шапка, — ответила лодка. — Там почти идеальный климат. По моей оценке, тридцать градусов ниже нуля.

Моторы взревели. И, как бы извиняясь, лодка добавила:

— И, конечно, я обязана принять меры против любых внутренних неполадок.

В тот момент, когда лодка резко увеличила скорость, они слышали, как щелкнул замок, запирая их каюту.

— Теперь думай, — сказал Арнольд.

— Я думаю, но ничего не придумывается, — отвечал Грегор.

— Мы должны выбраться отсюда, как только достигнем острова. Это наша последняя возможность.

— А не думаешь ли ты, что мы сможем просто выпрыгнуть за борт? — спросил Грегор.

— Ни в коем случае. Она теперь начеку. Если бы ты еще не покорежил охлаждающие трубы, у нас бы оставался шанс.

— Конечно, — с горечью протянул Грегор. — Все ты со своими идеями.

— Моими идеями?! Я отчетливо помню, что ты предложил это. Ты заявлял, что ...

— Сейчас уже неважно, кто первый высказал эту идею.

Грегор глубоко задумался.

— Слушай, ведь мы знаем, что ее внутренние рецепторы работают не очень хорошо. Как только мы достигнем острова, может быть, нам удастся перерезать спловой кабель.

— Брось, тебе же не удастся подойти к нему ближе чем на пять футов, — сказал Арнольд, вспоминая удар, который он получил у нуля управления.

— Да-а, — Грегор закинул руки за голову. Какая-то идея начинала постепенно вырисовываться у него в уме. — Конечно, это довольно ненадежно, но при такой ситуации ...

В это время лодка объявляла:

— Я исследую остров.

Посмотрев в носовой иллюминатор, Грегор и Арнольд не далее как в ста ярдах увидели остров. На фоне пробуждающейся зари вырисовывался израненный, но такой родной корпус их корабля.

— Местечко привлекательное, — сказал Арнольд.

— Безусловно, — согласился Грегор. — Держу пари, что наши войска сидят в подземных убежищах.

— Ничего подобного, — возразила лодка. — Я исследовала поверхность на глубине сто футов.

— Так, — сказал Арнольд. — При существующих обстоятельствах, я полагаю, нам следует провести более тщательную разведку. Пожалуй, надо высадиться и осмотреться.

— Остров пуст, — настаивала лодка. — Поверьте мне, мои органы чувств гораздо острее ваших. Я не могу позволить, чтобы вы ставили под угрозу свою жизнь, высаживаясь на бе-

рег. Планете Дром нужны солдаты, особенно такие крепкие и жароупорные, как вы.

— Нам этот климат по душе, — сказал Арнольд.

— Воистину слова патриота, — сердечно произнесла лодка. — Я знаю, как вы сейчас страдаете. Но теперь я направляюсь на южный полюс, чтобы вы, ветераны, получили заслуженный отдых.

Грегор решил, что настало время испытать новый план, хоть он и не был до конца разработан.

— В этом нет необходимости, — сказал он.

— Что-о?

— Мы действуем по специальному приказу, — доверительно начал Грегор. — Предполагалось, что мы не откроем сути нашего задания ни одному из кораблей рангом ниже супердредноута. Однако исходя из обстоятельств...

— Да-да, исходя из обстоятельств, — живо подхватил Арнольд, — мы тебе расскажем.

— Мы команда смертников, специально подготовленных для работы в условиях жаркого климата. Нам приказано высадиться и захватить этот остров до подхода главных сил дромитов.

— Я этого не знала, — сказала лодка.

— Тебе и не положено было знать. Ведь ты не больше чем простая спасательная шлюпка, — сказал ей Арнольд.

— Немедленно высади нас, — приказал Грегор. — Промедление невозможно.

— Вам следовало сказать мне об этом раньше, — ответила шлюпка. — Не могла же я сама догадаться.

И она начала медленно двигаться по направлению к острову.

Грегор затаил дыхание. Казалось немыслимым, что такой элементарный трюк будет иметь успех. Но, с другой стороны, почему бы и нет? Ведь спасательная шлюпка была построена

с таким расчетом, что она принимала на веру слова тех, кто управлял ею. И она следовала указаниям, пока и поскольку они не противоречили заданной ей программе.

Полоса берега, белевшая в холодном свете зари, была от них всего в иятидесяти ярдах.

Неожиданно лодка остановилась.

— Нет, — сказала она.

— Что нет?

— Я не могу этого сделать.

— Что это значит?.. — заорал Арнольд. — Это война! Приказы...

— Я знаю, — печально произнесла шляпка. — Очень сожалею, но для этой миссии надо было выбрать другой тип судна. Любой другой тип, но не спасательную шляпку.

— Но ты должна, — умолял Грегор. — Подумай о нашей стране. Подумай об этих варварах — хгенах.

— Но я физически не могу выполнить ваш приказ. Моя первейшая обязанность — ограждать мой экипаж от опасностей. Этот приказ заложен во всех блоках памяти, и он имеет приоритет над всеми другими. Я не могу отпустить вас на верную смерть.

Лодка начала медленно удаляться от острова.

— Ты попадешь под трибунал за это! — взвизгнул Арнольд истерично. — И он тебя разжалует!

— Я могу действовать только в заранее отведенных мне границах, — так же грустно сказала лодка. — Если мы обнаружим главные силы флота, я передам вас на боевое судно. А пока я должна доставить вас на безопасный южный полюс.

Лодка набирала скорость, и остров быстро удалялся. Арнольд бросился к пульта управления, но, получив удар, упал навзничь. Грегор тем временем схватил канистру, поднял ее, собираясь швырнуть в запертую дверь. Но неожиданно он остановился, пораженный внезапной дикой мыслью.

— Прошу вас, не пытайтесь что-нибудь сломать, — умоляла лодка. — Я понимаю ваши чувства, но...

«Это чертовски рискованно, — подумал Грегор, — но в конце концов и южный полюс — верная смерть».

Он открыл канистру.

— Поскольку мы не смогли выполнить нашу миссию, мы никогда не посмеем взглянуть в глаза нашим товарищам. Самоубийство для нас — единственный выход. — Он выпил глоток воды и вручил канистру Арнольду.

— Не надо! Не надо! — пронзительно закричала лодка. — Это же вода — смертельный яд!..

Из приборной доски быстро выдвинулась электрическая клешня, выбив канистру из рук Арнольда.

Арнольд вцепился в канистру. И прежде чем лодка успела оттянуть ее еще раз, он сделал глоток.

— Мы умираем во славу Дрома! — Грегор упал на пол. Знаком он приказал Арнольду не двигаться.

— Неизвестно никакого противоядия, — простонала лодка. — Если бы я могла связаться с илавучим госпиталем... — Ее двигатели замерли в нерешительности. — Скажите что-нибудь! — умоляла лодка. — Вы еще живы?

Грегор и Арнольд лежали совершенно спокойно, не дыша.

— Ответьте же мне! Может быть, хотите немного гизеля... — Из стены выдвинулись два подноса. Друзья не шелохнулись.

— Мертвы, — сказала лодка. — Мертвы. Я должна отслужить заупокойную.

Наступила пауза. Затем лодка запела: «Великий Дух Вселенной, возьми под свою защиту твоих слуг. Хотя они и умерли от собственной руки, все же они служили своей стране, сражаясь за дом и очаг. Не суди их жестоко. Лучше осуди дух войны, который сжигает и разрушает Дром».

Крышка люка откинулась. Грегор почувствовал струю прохладного утреннего воздуха.

— А теперь властью, данной мне Флотом планеты Дром, я со всеми почестями предаю их тела океанским глубинам.

Грегор почувствовал, как его подняли, пронесли через люк и опустили на палубу. Затем он снова оказался в воздухе. Падение. И в следующий момент он очутился в воде рядом с Арнольдом.

— Держись на воде, — прошептал он.

Остров был рядом. Но и спасательная шляпка еще возвышалась вблизи, нервно гудя машинами.

— Что она хочет сейчас, как ты думаешь? — спросил Арнольд.

— Я не знаю, — ответил Грегор, надеясь, что религия дромитов не требует превращения тел умерших в пепел.

Спасательная шляпка приблизилась. Всего несколько футов отделяло ее нос от них. Они напряглись. А затем они услышали завывающий скрип Национального Гимна дромитов.

Через минуту все было кончено. Аодка пробормотала:

— Покойтесь в мире, — сделала поворот и упеслась вдаль.

И пока они медленно плыли к острову, Грегор видел спасательную шляпку, направляющуюся на юг, точно на юг, на полюс, чтобы ждать там Флот планеты Дром.

Долой паразитов!

Ричард Грегор и Фрэнк Арнольд сидели в Астронавтическом антиэнтропийном агентстве по оздоровлению природной среды (сокращенно «АААПОПС»), каждый на свой лад скрашивая долгое и томительное ожидание клиентов. Высокий, худой и сентиментальный Грегор раскладывал сложный насянс. Пухлый коротышка Арнольд, обладатель канареечно-желтых волос и голубых глаз, смотрел по маленькому телевизору старый фильм с Фредом Астером.

И тут — о чудо из чудес! — вошел клиент.

На сей раз им оказался сарканец — обитатель Саркана II, чья голова напоминала голову ласки. Он был облачен в белый костюм, а в руке держал дорогой портфель.

— У меня есть планета, где требуется истребить паразитов, — с порога заявил сарканец.

— Вы пришли по адресу, — заверил его Арнольд. — Так кто же вам мешает?

— Мииги. Мы еще терпели их, пока они отсиживались по норам, но теперь они начали нападать на нашу саунику, и с этим необходимо что-то делать.

— А кто такие мииги? — осведомился Грегор.

— Маленькие, уродливые и почти безмозглые существа с длинными когтями и свалявшейся шерстью.

— А что такое сауника?

— Это овощ с зелеными листьями, напоминающий земную капусту. Сарканцы питаются исключительно сауникой.

— И теперь мииги посдают саунику?

— Нет, они ее не сдят, а раздирают когтями и варварски уничтожают.

— Зачем?

— Разве поступки миигов вообще можно объяснить?

— Воистину, сэр, — рассмеялся Арнольд. — Вы совершенно правы. Что ж, сэр, думаю, мы сможем вам помочь. Есть только одна проблема.

Грегор встревоженно посмотрел на партнера.

— Вопрос в том, — продолжал Арнольд, — отыщется ли для вас нросвет в нашем графике.

Он раскрыл книгу заказов, страницы которой были плотно исписаны именами и датами, сочиненными Арнольдом как раз для такого случая.

— Вам повезло, — объявил он. — Как раз в эти выходные мы свободны. Осталось только договориться об оилате, и мы вылетаем к вам. Вот наш стандартный контракт, ознакомьтесь.

— Я привез свой контракт, — сказал сарканец, доставая документ из портфеля и протягивая его Арнольду. — Как видите, в него уже вписан весьма крупный гонорар.

— Конечно, вижу, — отозвался Арнольд, размашисто подписывая контракт.

Грегор взял документ и внимательно его прочитал.

— Тут значит, что штраф за невыполнение условий контракта вдвое превышает наш гонорар, — заметил он.

— Именно поэтому я и плачу вам так много, — пояснил сарканец. — Результат нам нужен немедленно, пока не кончился сезон сбора урожая.

Грегору это не понравилось, но партнер метнул в него мрачный взгляд, напоминающий о неоилаченных счетах и просроченных банковских займах, и он, помедлив, все же нацарапал свою подпись.

* * *

Четыре дня спустя их корабль вынырнул из подпространства неподалеку от красного карлика Саркана. Через несколько часов они сели на Саркане II, планете сарканцев и паразитов-миигов.

В Угрюмии, крупнейшем городе на Саркане, встречать их было некому — все население уже перебралось на каникулы в курортный городок Малый Таз, потратив на это немалые деньги, несмотря на предоставляемые группам отдыхающих скидки, и там, сидя в разноцветных хижинах, дожидалось избавления иланеты от паразитов.

Партнеры прогулялись по Угрюмии, но глинобитные здания не произвели на них впечатления. Лагерь они разбили за пределами города на краю засаженного сауникой поля, где своими глазами убедились в том, что сарканец волновался не зря — многие кочаны были сорваны, выдраны, рассечены, разодраны на куски и разбросаны по полю.

Работу партнеры решили начать с утра. Арнольд вычитал в справочнике, что мииги весьма чувствительны к действию папаина — фермента, содержащегося в папайе. Если опрыскать миига раствором папаина с концентрацией всего двадцать частей на миллион, он впадает в кому, и спасти его может лишь немедленно наложенный холодный компресс. Неплохой способ, особенно если вспомнить, сколько в Галактике напридумано куда менее приятных вариантов убийства. Партнеры привезли с собой такой запас консервированной, свежей, замороженной и сушеной папайи, что

его хватило бы для уничтожения миигов на нескольких планетах.

Они поставили палатки, разожгли костер, уселись на складные стулья и стали любоваться, как красное солнце Саркана опускается в скульптурный фриз закатных облаков.

Едва они покончили с ужином из консервированных бобов с острым соусом, как рядом в кустах что-то зашуршало, и оттуда осторожно вышел маленький зверек, очень похожий на кота, только с густым оранжево-коричневым мехом.

— Как думаешь, это случайно не мииг? — спросил Грегор Арнольда.

— Конечно же, я мииг, — подтвердил зверек. — А вы, господа, из «АААПОПС»?

— Совершенно верно, — ответил Грегор.

— Отлично! Значит, вы прилетели, чтобы расправиться с сарканцами!

— Не совсем так, — возразил Арнольд.

— Вы хотите сказать, что не получили нашего письма? Ведь я же знал, что его нужно было отправить космической экспресс-почтой... Но тогда почему вы здесь?

— Гм, я немного смущен, — признался Грегор. — Мы не знали, что вы, мииги, говорите по-английски.

— Не все, конечно. Но я, например, закончил Корнеллский университет.

— Послушайте, — сказал Грегор, — дело в том, что несколько дней назад к нам пришел сарканец и заплатил за то, чтобы мы очистили планету от паразитов.

— Паразитов? И кого же он здесь назвал паразитами?

— Вас, — сообщил Арнольд.

— Меня? Нас? Паразитами? Сарканец нас так назвал? Да, у нас есть кое-какие разногласия, но такое переходит всяческие границы! И он заплатил, чтобы вы нас убили? И вы взяли его деньги?

— Если честно, — пробормотал Арнольд, — то мы представляли себе миигов более... примитивными. Обыкновенными вредителями, если вы знаете, о ком идет речь.

— Какая нелепица! — воскликнул мииг. — Это они паразиты и вредители! А мы — цивилизованные существа!

— А я в этом не совсем уверен, — заявил Грегор. — Зачем вы в таком случае портите кочаны сауники?

— На вашем месте я бы не стал невежественно судить о религиозных обрядах иноземцев.

— Что может быть религиозного в потрошении кочанов? — фыркнул Арнольд.

— Суть не в самом действии, — пояснил мииг, — а в неразрывно связанном с ним смысле. С тех пор как мииг Гх'тан, которого мы называем Великий Кошак, открыл, что простой акт раздиранья кочана вызывает необыкновенное просветление сознания, мы, его последователи, ежегодно совершаем этот ритуал.

— Но ведь вы портите урожай сарканцев, — резонно заметил Грегор. — Почему бы вам не выращивать для ритуала свою саунику?

— Сарканцы, исповедуя свою дурацкую религию, не позволяют нам выращивать саунику. Разумеется, мы предпочли бы рвать свои кочаны. Кто на нашем месте пожелал бы иного?

— Сарканец про это ничего не говорил, — сказал Арнольд.

— Теперь дело представляется в ином свете, верно?

— Но не меняет того факта, что у нас с сарканцами заключен контракт.

— Контракт на убийство!

— Я понимаю ваши чувства и весьма вам симпатизирую, — сказал Арнольд. — Но, видите ли, если мы нарушим контракт, то наша фирма обанкротится. А это, знаете ли, тоже нечто вроде смерти.

— А если мы, мииги, предложим вам новый контракт?

— Но первыми его с нами заключили сарканцы, — возразил Грегор. — И ваш контракт не будет иметь юридической силы.

— Любой суд миигов признает его абсолютно законным, — сказал мииг. — В основу юриспруденции миигов положен тот принцип, что любой контракт с сарканцем никого ни к чему не обязывает.

— Нам с партнером необходимо подумать, — заявил Арнольд. — Мы оказались в весьма щекотливой ситуации.

— Я ценю ваш поступок и предоставляю вам возможность все обдумать, — сказал мииг. — Не забывайте, что сарканцы заслуживают смерти, и в случае согласия вы не только заработаете внушительную сумму, но и обретете вечную благодарность расы разумных и, как мне кажется, симпатичных котов.

— Давай лучше отсюда смотаемся, — предложил Грегор, едва мииг ушел. — Такой бизнес мне не по душе.

— Но мы не можем просто так взять и улететь, — возразил Арнольд. — Неисполнение контракта — штука серьезная. Так что придется нам уничтожить или одну расу, или другую.

— Только не я!

— Ты, кажется, не понимаешь, в какой опасной — юридически опасной — ситуации мы оказались, — начал втолковывать Арнольд. — Если мы не прихлопнем миигов, что обязались сделать по контракту, то любой суд нас по стенке размажет. Но если мы уничтожим сарканцев, то, по крайней мере, сможем прикинуться, будто попросту ошиблись.

— Тут возникают моральные сложности. А я их терпеть не могу.

— Сложности только начинаются, — произнес сзади чей-то голос.

Арнольд подскочил, словно уселся на оголенный провод под напряжением. Грегор напряженно застыл.

— Я здесь, — добавил тот же голос.

Партнеры обернулись, но не увидели никого — если не считать кочана сауники, одиноко торчащего возле их лагеря. Как ни странно, но этот кочан показался им разумнее большинства других, которые им довелось увидеть. Но разве он способен разговаривать?

— Вот именно, — подтвердил кочан. — Это я говорил. Телепатически, конечно, поскольку овощи — и я горжусь своей принадлежностью к ним — не имеют органа речи.

— Но овощи не могут общаться телепатически, — возразил Арнольд. — У них нет мозга или другого подходящего для телепатии органа. Извините, я не хотел вас обидеть.

— Нам не нужны никакие органы, — заявил кочан. — Разве вам не известно, что любая материя с достаточно высокой степенью организованности обладает разумом? А способность к общению есть неотъемлемое следствие разумности. Лишь высшие овощи вроде нас способны к телепатии. Разумность сауники изучали в вашем Гарвардском университете. Нам даже присвоен статус наблюдателей при совете Объединенных планет. При подобных обстоятельствах, как мне кажется, нам еще следует обсудить, кого именно на этой планете следует упитожнить.

— Верно, так будет по-честному, — согласился Грегор. — В конце концов, именно из-за вас грызутся минги и сарканцы.

— Если точнее, то они сражаются за исключительное право рвать, калечить и упижать нас. Или я в чем-то преувеличиваю?

— Нет, суть сформулирована совершенно верно, — подтвердил Грегор. — Так от кого из них вы желаете избавиться?

— Как и следует ожидать, никто из них не пользуется моей симпатией. Обе расы — презренные паразиты. Я предлагаю совершенно иное решение.

— Этого я и опасался, — вздохнул Арнольд. — Так чего вы хотите?

— Нет ничего проще. Подпишите со мной контракт, предусматривающий избавление моей планеты и от миигов, и от сарканцев.

— О нет! — простонал Грегор.

— В конце концов, мы самые древние обитатели планеты, потому что возникли вскоре после лишайников, задолго до появления животных. Мы — миролюбивые коренные жители, которым угрожают пришельцы-варвары. По-моему, ваша моральная обязанность совершенно ясна.

— Мораль, конечно, вещь прекрасная, — вздохнул Арнольд. — Но следует учитывать и прозу жизни.

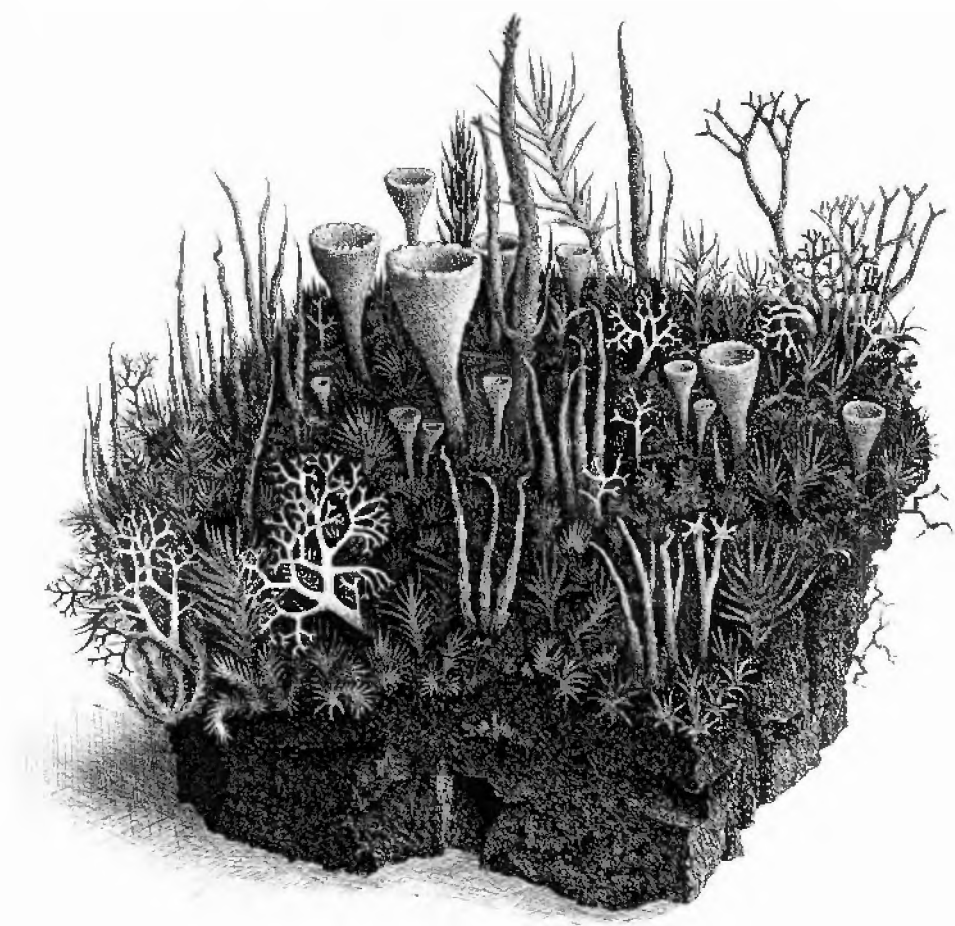
— Я это прекрасно понимаю. Вы получите удовлетворение, сделав доброе дело, к тому же мы готовы подписать контракт и заплатить вам вдвое больше, чем предложили они.

— Знаете, — заметил Арнольд, — мне как-то с трудом верится, что у овоща может быть счет в банке.

— Разумное существо, какую бы форму оно ни имело, всегда способно заработать деньги. Действуя через нашу холдинговую компанию «Развлекательные модальности сауники», мы выпускаем книги и записи, а также составляем базы данных на всевозможные темы. Свои знания мы телепатически вкладываем в мозги авторов на Земле, а за работу платим им неплохие авторские. Особенно большую прибыль нам приносят материалы по сельскому хозяйству: только овощ может быть настоящим экспертом по садоводству. Полагаю, вы найдете состояние наших финансовых дел просто блестящим.

* * *

Кочан сауникн откатился в дальний конец поля, чтобы дать партнерам возможность поговорить. Когда он удалился ярдов на пятьдесят — за пределы дальности телепатического общения, — Арнольд сказал:

— Не нравится мне эта капуста. Уж больно она умна, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Вот-вот. И у меня создалось впечатление, что сауника пытается что-то доказать, — согласился Грегор. — Да и тот мииг, тебе не показалось, что он в чем-то хитрит?

Арнольд кивнул:

— Да и сарканец, втянувший нас в эту историю... совершенно беспринципный тип.

— После такого краткого знакомства очень трудно решить, какую же из рас следует уничтожить. Жаль, что мы знаем о них так мало.

— Знаешь что? Давай уничтожим кого угодно и покончим с этим делом. Вот только кого?

— Бросим монетку. Тогда нас никто не упрекнет в предвзятости.

— Но нам нужно выбрать одно из трех.

— Давай тянуть соломинки. Что нам еще остается?

Едва он произнес эти слова, со стороны недалеких гор донесся чудовищный раскат грома. Лазурное небо зловеще потемнело. На горизонте вспухли мощные кучевые облака. Они быстро приближались. Под чашей небес раскатился грохочущий голос:

— Как мне все это обрыдло!

— О Господи, мы опять кого-то оскорбили! — ахнул Грегор.

— С кем мы разговариваем? — спросил Арнольд, задрав голову.

— Я голос иланеты, которую вы называете Саркан.

— Никогда не слышал, что иланеты умеют говорить, — пробормотал Грегор, но существо — или кто бы то ни был — услышало его слова.

— Как правило, — пояснил голос, — мы, иланеты, не утруждаем себя общением со всякими копошащимися на нашей

поверхности козявками. Нам достаточно своих мыслей и взаимного общения. Время от времени бродячая комета приносит новости издалека, и этого нам вполне хватает. Мы стараемся не обращать внимания на всякую чушь, происходящую на поверхности, но иногда наше терпение лопается. Населяющие меня кровожадные сарканцы, мииги и сауники настолько охмели, что больше я их терпеть не собираюсь. Я намерена прибегнуть к решительным и давно назревшим действиям.

— И что вы собираетесь сделать? — спросил Арнольд.

— Затоплю всю сушу метров на десять и тем самым избавлюсь от сарканцев, миигов и сауники. Да, при этом пострадают несколько ни в чем не повинных видов других существ, но такова жизнь, в конце концов. У вас есть час, чтобы убраться отсюда. Потом я не отвечаю за вашу безопасность.

Партнеры быстро упаковали вещи и перебрались на корабль.

— Спасибо за предупреждение, — сказал Грегор перед стартом.

— Только не воображайте, будто вас я считаю лучше прочих. Пасколько мне известно, вы такие же паразиты, как и мои обитатели. По паразиты с другой планеты. И если узнают, что я вас прикончила, сюда заявятся другие существа вашего вида с атомными бомбами и лазерными пушками и уничтожат меня как бродячую планету. Так что уматывайте, пока я в хорошем настроении.

Песколько часов спустя, уже из космоса, Арнольд и Грегор своими глазами увидели, какая жуткая судьба постигла обитателей планеты. Когда все кончилось, Грегор взял курс на Землю.

— Полагаю, — сказал он Арнольду, — нашей фирме конец. Мы не выполнили условия контракта. Адвокаты сарканцев сотрут нас в порошок.

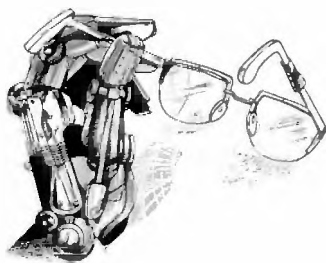
Арнольд, внимательно читавший контракт, посмотрел на Грегора:

— Нет. Как ни странно, но, по-моему, мы чисты как стеклышко. Прочти последний абзац.

Грегор прочитал и почесал макушку.

— Я понял, что ты имеешь в виду. И ты думаешь, что это удовлетворит судей?

— Конечно. Наводнения всегда считались стихийными бедствиями, божественной волей. И если мы промолчим, а планета не проболтается, то никто и не узнает, как все было на самом деле.

Список иллюстраций

С. 6. Портрет Роберта Шеклп.

Маурнц Эшер (1898–1972)

С. 11. *Восемь голов*. 1922.

С. 28-29. *Круги на воде*. 1950.

С. 43. *Концентрические ленты*
(*Концентрическое пространственное наполнение*).
1953.

С. 51. *Дорические колонны*. 1945.

С. 57. *Цикл*. 1938.

С. 70-71. *Лужа*. 1952.

С. 84. *Упорядоченное членение плоскости*. Рисунок № 22.
1938

С. 99. *Упорядоченное членение плоскости*. Рисунок № 69.
Фрагмент. 1948.

С. 117. *Мости*. 1930.

С. 133. *Пасхальные цветы (Козел отпущения)*. 1921.

С. 151. *Вверх и вниз*. Этюд.

С. 158-159. *Пространственное равномерное кубическое
распределение (Пространственное кубическое
заполнение)*. 1952.

С. 171. *Подъем и спуск*. 1960.

- С. 192-193, 366-367. *Метаморфоза II* (продолжение).
Фрагменты. 1939—1940.
- С. 197. «Ад» по Иерониму Босху. 1935.
- С. 202-203. *Выпуклое и вогнутое*. 1955.
- С. 211. *Вавилонская башня*. 1928.
- С. 235. *Змеи*. 1969.
- С. 247. *Рисующие руки*. 1948.
- С. 253. *Вверх и вниз*. Деталь. 1947.
- С. 259. *Упорядоченное членение плоскости*. Рисунок № 45.
- С. 273. *Пасхальные цветы*. 1921.
- С. 282-283. *День и ночь*. 1938.
- С. 297. *Порядок и хаос (Контрасты)*. 1950.
- С. 313. *Лента Мёбиуса II (Красные муравьи)*. 1963.
- С. 327. *Другой мир (Мир другой)*. 1947.
- С. 331. *Гравитация*. 1952.
- С. 354-355. *Встреча*. 1944.
- С. 395. *Натюрморт и улица*. 1937.
- С. 403. *Относительность*. 1953.
- С. 410-411. *Выставка гравюр*. 1956.
- С. 421. *Бельведер*. 1958.
- С. 431. *Деревья*. 1920.
- С. 441. *Три мира*. 1955.
- С. 453. *Глубины*. Деталь. 1955.
- С. 467. *Всё меньше и меньше*. Фрагмент. 1956.
- С. 475. *Дом лестниц*. 1951.
- С. 491. *Водопад*. 1961.
- С. 497. *Кастровальва*. 1930.
- С. 529. *Звезды*. 1948.
- С. 532-533. *Магическое зеркало*. 1946.
- С. 541. *Рептилии*. 1943.
- С. 563. *Флюоресцирующее море*. 1933.
- С. 579. *Этюд*.
- С. 581. *Четырёхгранный планетонд*. 1954.

Ричард Эстес (р. 1932)

- C. 14-15. *Grand Luncheonette*. 1969.
- C. 18-19. *Nedick's*. 1970.
- C. 34-35. *Supreme Hardware*. 1974.
- C. 60-61. *Subway*. 1969.
- C. 184-185. *Canadian Club*. 1974.
- C. 221. *Мосм*. 1974.
- C. 223. *Donohue's*. 1967.
- C. 230-231. *Bus Reflections (Ansonia)*. 1972.
- C. 238-239. *Food City*. 1967.
- C. 286-287. *Oenophilia*. 1983.
- C. 294-295. *Gifts of Nature*. 1978.
- C. 300-301. *Murano Glass*. 1976.
- C. 380-381. *Revolving Doors*. 1968.
- C. 391. *Hot Foods*. 1967.
- C. 398-399. *Jone's Diner*. 1979.
- C. 414-415. *Cafeteria*. 1970.
- C. 419. *Бемповое стекло автобуса*. 1973.
- C. 461. *Nedick's*. 1968—1969.
- C. 513. *View of 34th Street from 8th Avenue*. 1979.

C. 81, 109, 143, 189, 263, 309, 345, 437, 463, 479, 487, 503,
521, 553, 573. Kurt Röschl (1923–1986).

Содержание

Об авторе	7
-----------------	---

Паломничество на Землю

Паломничество на Землю. Перевод Н. Евдокимовой	9
Царская воля. Перевод Н. Евдокимовой	33
Премия за риск. Перевод М. Данилова, Б. Носика	52
«Особый старательский». Перевод А. Иорданского	80
Ордер на убийство. Перевод Т. Озерской	115
Кое-что задаром. Перевод Т. Озерской	156
Служба ликвидации. Перевод Н. Евдокимовой	177
Опытный образец. Перевод Н. Евдокимовой	187
Опека. Перевод Р. Гальпериной	219

Стоимость жизни. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	240
Спецраздел выставки. <i>Перевод А. Кона</i>	255
Форма. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	262
Демоны. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	284
Специалист. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	305
Ритуал. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	330
Жертва из космоса. <i>Перевод А. Волнова</i>	343
Академия. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	371
Город — мечта, да ноги из плоти. <i>Перевод В. Баканова</i>	408
Призрак V. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	433
Рейс молочного фургона. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	458
Лаксианский ключ. <i>Перевод А. Корженевского</i>	482
Необходимая вещь. <i>Перевод А. Ежкова</i>	498
Беличье колесо. <i>Перевод Т. Шинкарь</i>	515
Мятеж шлюпки. <i>Перевод Г. Косова</i>	549
Долой паразитов! <i>Перевод А. Нефедова</i>	570
Список иллюстраций	584

Роберт Шекли
Паломничество на Землю

Подписано в печать 08.08.2008

Гарнитура Arno Pro

Бумага Alterna Design

Издательский дом «Дейч»

www.deichbooks.com

Отпечатано в типографии

Print&Art Faksimile, Austria

Тираж 99 экз.

Переплетные работы выполнены

г-ми Алоизом Гутманом

и Манфредом Яндлом

Издательский дом «Дейч» благодарит за сотрудничество

Всероссийскую государственную библиотеку
иностранной литературы имени М. И. Рудомино

ББК 84 (7Сое)-445

УДК 821.111(73)

III 40

ISBN 978-5-98691-052-9

